

БРЕНДОН САНДЕРСОН

РИРМАТИСТ

**БРЕНДОН
САНДЕРСОН**

РИФМАТИСТ

Annotation

Больше всего на свете Джоэл мечтает стать рифматистом. Почему?

Да потому, что рифматисты обладают способностью оживлять двухмерные фигуры, начертанные мелом. А еще потому, что рифматисты – последняя надежда человечества в борьбе против диких меллингов, которые того и гляди прорвут оборону и уничтожат все живое. Однако не всем мечтам суждено сбыться. Сыну меловых дел мастера стать рифматистом не удалось. И теперь Джоэл может лишь с тоской наблюдать за студентами академии Армедиуса, изо дня в день практикующими магическое искусство, ради которого он готов на все. Но загадочные, внезапные исчезновения студентов дают Джоэлу шанс проявить себя, и вдруг его жизнь коренным образом меняется...

Впервые на русском!

- [Брендон Сандерсон](#)

-

- [Пролог](#)

- [Часть первая](#)

-

- [Глава 01](#)

- [Глава 02](#)

- [Глава 03](#)

- [Глава 04](#)

- [Глава 05](#)

- [Глава 06](#)

- [Часть вторая](#)

-

- [Глава 07](#)

- [Глава 08](#)

- [Глава 09](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Благодарности](#)
-

Брендон Сандерсон

Рифматист

*Посвящается Джоэлу Сандерсону, чей
энтузиазм неиссякаем*

Brandon Sanderson

THE RITHMATIST

Copyright © 2013 by Dragonsteel Entertainment, LLC

Map and interior illustrations by Ben McSweeney

All rights reserved

Published by permission of the author and his literary agents,
JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor Korzhenevskiy of
Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© А. В. Третьяков, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-
Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

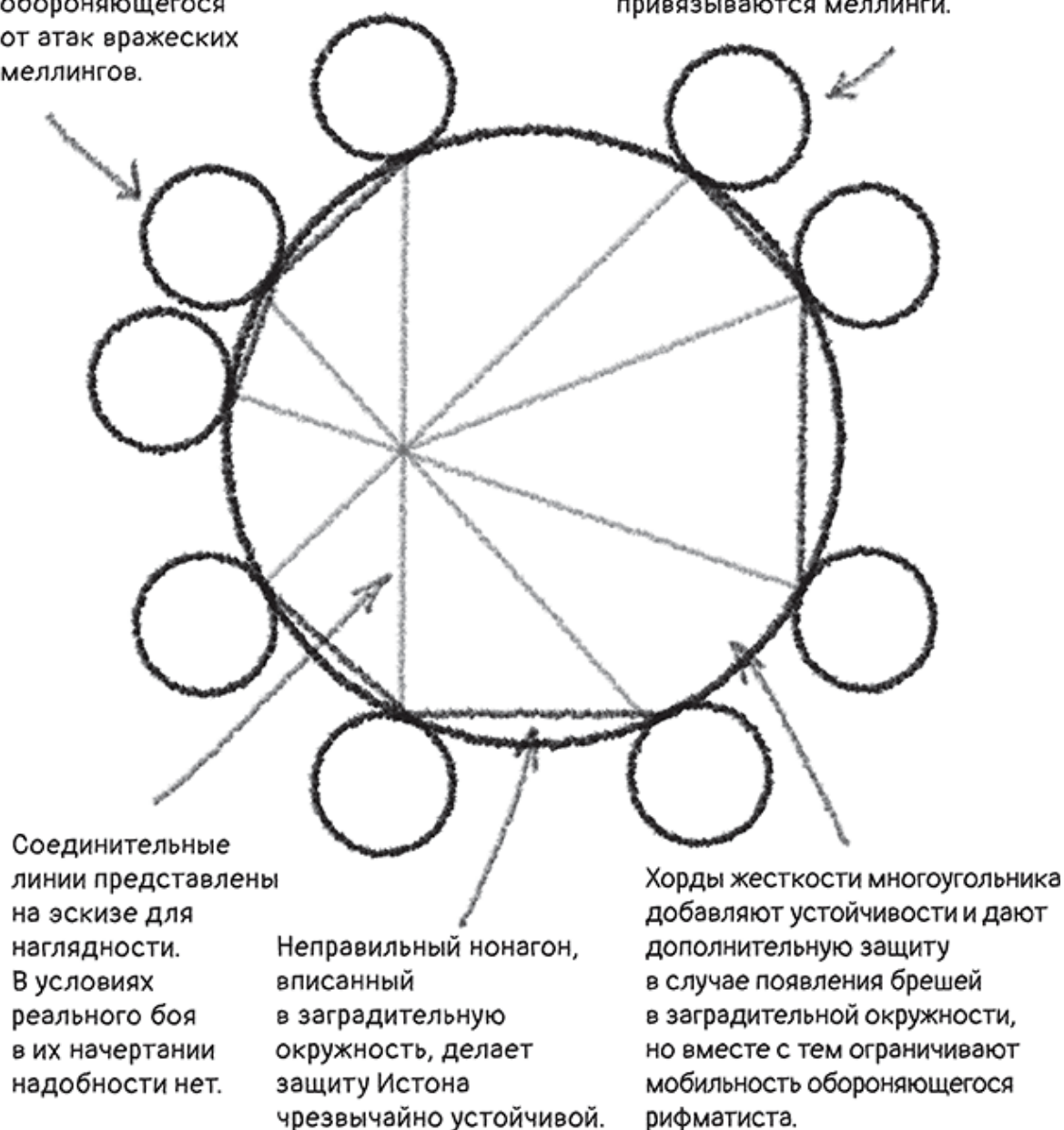

БАЗОВАЯ ЗАЩИТА ИСТОНА

Защиту Исто́на применяют, когда возникает необходимость противостоять нескольким противникам одновременно. Эта защита весьма сложна в построении, поскольку требует безупречного начертания девятиточечной заградительной окружности со вписанным в нее нонагоном без трех хорд жесткости или линий запрета.

Девять малых окружностей на точках привязки призваны защитить обороняющегося от атак вражеских меллингов.

В некоторых разновидностях защиты Исто́на к малым окружностям для защиты привязываются меллинги.

Пролог

Лили стрелой пролетела коридор и на бегу отбросила погасшую лампу. На фреске и дорогом ковре в лунном свете сверкнули масляные капли.

В тиши пустого дома раздавалось лишь ее судорожное дыхание. Кричать она отчаялась. Все равно никто не услышит.

Город, казалось, вымер.

Лили ворвалась в гостиную и застыла в нерешительности. В углу, в призрачном свете панорамных окон, отмеряли время напольные часы. На горизонте рисовались очертания высотных зданий: между строениями в десять и более этажей виднелись перекрестья монорельсовых путей. Джеймстаун! Город, где она прожила все свои шестнадцать лет.

«Я умру», – подумала Лили.

К ужасу примешалось чувство безысходности. Лили отодвинула с центра комнаты кресло-качалку, спешно скатала ковер и обнажила деревянный пол. Сунув руку в мешочек, привязанный к петельке на поясе юбки, она извлекла длинный белоснежный мелок.

Лили припала на колени и уставилась на половицы, пытаясь сосредоточиться и прояснить сознание.

Дрожащей рукой она уперла мелок в пол и принялась чертить окружность. Фигура вышла неровной. От столь небрежной заградительной линии профессора Фитча точно хватил бы удар. В отчаянии Лили не то усмехнулась, не то всхлипнула.

Пот капал со лба, оставляя темные пятна на древесине. Пока Лили вычерчивала линии запрета, призванные стабилизировать заградительную окружающую среду, тремор не отпускал ее ни на секунду. Защита Мэтсона... Так, что я упустила?.. В точках привязки, образованных пересечением дуг окружности с линией запрета, Лили добавила два круга поменьше – для линий созидания...

Кто-то скребется.

Лили вскинулась и посмотрела на парадную дверь в конце зала. За дымчатой фрамугой скользнула тень.

Дверное полотно задребезжало.

– Мастер, помоги... – услышала Лили свой шепот. – Пожалуйста... Пожалуйста, помоги!..

На мгновение все стихло, а затем дверь распахнулась.

Крик застрял в горле. В лунном свете, опираясь на трость, стоял незнакомец в котелке и коротком плаще с капюшоном.

Лица странника Лили не видела, однако было что-то зловещее в его затененном силуэте и абрисе слегка склоненной набок головы. Ей удалось разглядеть лишь серебрящийся в лунном свете кончик носа, острый подбородок да вззирающие из чернильной бездны глаза.

На пол, стены и потолок коридора, корчась от ярости, хлынули белые, будто фосфоресцирующие, фигуры.

Все как одна плоские, точно лист бумаги. Все как одна начертанные мелом.

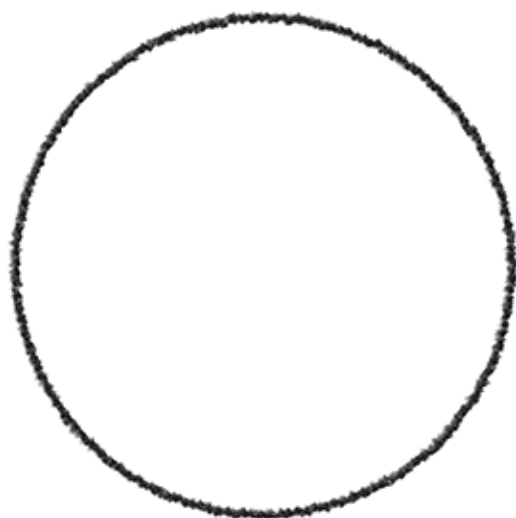
Однако фигуры не повторяли линий друг друга. Подрагивая всем своим рисованным естеством, сотни крохотных тварей наострили клыки, когти и бесшумно устремились в гостиную.

Обретя наконец голос, Лили закричала.

Часть первая

ЧЕТЫРЕ РИФМАТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ

Линия заградительной
окружности

Линия запрета

Линия созидания

Линия силы

Глава 01

– Скучная?.. – замерев на месте, требовательно вопрошал Джоэл. – Ты считаешь дуэль Крю и Чой тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года скучной?!

– Даже не знаю, что тебе и ответить, – пожал плечами Майкл, остановившись и оглянувшись на Джоэла. – Меняхватило лишь на пару страниц.

– Наверное, тебя просто подвело воображение! – Джоэл поравнялся с другом.

Он приобнял Майкла и повел рукой, точно желая стереть раскинувшиеся перед ними зеленые лужайки академии Армедиуса и нарисовать панораму дуэльной арены.

– Ты только представь! – воскликнул Джоэл. – Схватка за первое место в крупнейшем рифматическом турнире «Дуэлянт»! В финал вышли Пол Крю и Адель Чой. Последняя осталась в игре вопреки всем ожиданиям. А ведь все ее соратники выбыли из состязания в первые же минуты!

Несколько студентов, сновавших между учебными корпусами, остановились на дорожке и заслушались.

– Ну и чего такого-то? – зевая, спросил Майкл.

– Чего такого-то?.. Майкл, это же финал «Дуэлянта»! Нет, ты все-таки представь себе, пожалуйста! Все до единого зрители затаив дыхание ожидали, как же они начнут дуэль! А каково было Адель! Как она, наверное, нервничала! Такая ответственность! Ведь никогда прежде ее команда не доходила до финала «Дуэлянта»! И вот теперь ей

выпала честь сразиться с самым искусным рифматистом поколения! Команда Крю специально окружила своего капитана претендентами послабей, чтобы до финала тот добрался полным сил. Они сделали все возможное, чтобы его заградительный круг не пострадал. В общем, это была схватка чемпиона и темной лошадки.

– Скучота! – воскликнул Майкл. – Ну что за интерес ползать по земле и рисовать круги?

– Ты безнадежен, – отозвался Джоэл. – Мы учимся в одной академии с рифматистами! Их тренируют у нас под носом! Разве тебе не любопытно?.. Хоть самую капельку?

– У них и без нас предостаточно поклонников, – сердито парировал Майкл. – Джоэл, они живут в своем обособленном мирке, и меня это полностью устраивает. Я вообще за то, чтобы здесь и духу их не было!..

Ветерок взъерошил его светлые волосы. Вокруг зеленели холмы и высились кирпичные корпуса академии Армедиуса. Невдалеке, тихонько исполняя свой долг, равнял траву заводной краб.

– Ты бы сразу переменял мнение, если бы вник! Сейчас я тебе расскажу, что к чему у рифматистов, – не унимался Джоэл, доставая мелок. – Вот встань-ка сюда и гляди в оба.

Он поставил друга посреди дорожки, встал на колени и очертил его окружностью.

– В общем, ты – Пол. А это заградительный круг. Ты проиграешь, если в нем пробьют брешь. – Джоэл отошел на несколько шагов по бетонной дорожке, вновь встал на колени и обрисовал мелом себя. – А вот это круг Адель. Команда Крю почти его пробила. И не в одном, а сразу в четырех местах! Когда настало время финальной дуэли, она бросилась перечерчивать защиту Мэтсона... Ладно, все эти технические подробности ни к чему!.. Тебе надо лишь знать, что к финалу круг Адель стал очень уязвим. Пол со своей нетронутой защитой доминировал на арене – одним словом, находился в выигрышном положении.

– Как скажешь... – отозвался Майкл и улыбнулся проходящей мимо Еве Винтерс с учебниками у груди.

– Как только началась дуэль, Пол принялся бомбардировать заградительный круг Адель линиями силы, – рассказывал Джоэл. –

Она тут же смекнула, что перечертить защиту Мэтсона и укрепить свои позиции попросту не успеет.

– Бомбардировать чем?.. Какими линиями?

– Линиями силы, – повторил Джоэл. – Дуэлянты используют их для атаки, понимаешь? Пытаются пробить ими брешь в защите друг друга.

– А я думал, что они рисуют мелом этих... существ?..

– Без них битвы тоже не обходятся. Рифматисты называют их меллингами. Но турнир «Дуэлянт» тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года прославился отнюдь не меллингами. Линии силы Адель – вот что до сих пор будоражит умы поклонников дуэлей. Даже двадцать лет спустя! Все ожидали, что Адель постарается затянуть состязание, покажет себя во всей красе... – Джоэл приложил мелок к дорожке за пределами круга и прошептал: – Но она не оправдала их ожиданий. Потому что кое-что заметила: за спиной соперника оказалась затертая секция! Достать Пола можно было только рикошетом от трех линий запрета, оставшихся после выбывших претендентов. Выстрел, как ты понимаешь, совершенно немыслимый! Попытка, обреченная на провал... И тем не менее она попыталась. Пока меллинги Пола прогрызались через ее защиту, она нарисовала линию силы и... выстрелила!

Захваченный собственным рассказом, Джоэл дорисовал перед собой линию силы, театрально взмахнул рукой и с удивлением обнаружил, что послушать его собралось не менее тридцати студентов. Затаив дыхание они ждали, что линии вот-вот оживут, однако ничего не происходило. Да и не могло, ведь Джоэл не был рифматистом, а все его чертежи представляли собой не более чем художества. Все это знали, и Джоэл – лучше прочих. По иронии судьбы после многообещающего театрального жеста чары истории вмиг рассеялись, и все направились дальше по своим делам. Джоэл же остался стоять на коленях посреди своего заградительного круга.

– Дай угадаю, – опять зевнул Майкл. – Выстрел удался?

– Ага... – отозвался Джоэл и вдруг почувствовал себя ужасно глупо; он оторвал мелок от бетона и поднялся на ноги. – Удался... Адель выиграла турнир, хотя ее команда не имела никаких шансов на успех. Эта была... просто блистательная победа!.. По крайней мере, так гласят источники.

– Бьюсь об заклад, ты бы все на свете отдал, только бы увидеть этот выстрел, – сказал Майкл, покидая нарисованный Джоэлом круг. – Готов поклясться самим Мастером: если бы тебе представилась возможность перенестись во времени, ты непременно бы истратил ее, чтобы увидеть турнир рифматистов!

– Конечно! Скорее всего, я так и поступил бы... А что еще прикажешь мне делать с такой возможностью?

– Ах, ну да, – отозвался Майкл. – Зачем силиться предотвратить заказное убийство? Или пытаться выяснить, что же на самом деле произошло на Небраске? Или пробовать разбогатеть, на худой конец! Ведь лучше смотреть на дуэли рифматистов!..

– Наверное, ты прав, – отозвался Джоэл.

Он спрятал мелок и отпрыгнул в сторону, когда мимо просвистел футбольный мяч. Следом, помахав друзьям, пробежал Джефс Дэринг.

Джоэл и Майкл вновь зашагали по бетонной дорожке кампуса. Корпуса академии сплошь были увиты виноградными лозами. Позади строений зеленели изумительные пологие холмы, увенчанные цветущими деревьями. Туда и сюда, спеша с урока на урок, сновали студенты в одежде самого различного фасона. Поздняя весна радовала поистине теплыми деньками, и многие юноши уже ходили в рубашках и закатывали рукава. Одним только рифматистам надлежало носить форму, благодаря чему их легко было отыскать взглядом среди толпы. Трое из них как раз шли навстречу Джоэлу и Майклу, пробираясь между расступавшимися перед ними студентами. Негласное правило давать дорогу рифматистам превратилось в привычку, и многие даже не обращали на них внимания.

– Слушай, Джоэл, – заговорил Майкл. – А ты не думал, что твое увлечение... как бы это сказать... зашло слишком далеко? Тебе не кажется, что ты уделяешь рифматистам чересчур много времени?

– Просто мне эта тема интересна, – отвечал Джоэл.

– Да... Так-то оно так... Но все это немного странно, учитывая, что...

Юноша фразу не закончил, однако Джоэл намек понял. Рифматистом он не был, и стать оным ему не грозило. Свой шанс он упустил. Но почему он не может увлекаться их деятельностью?

Майкл прищурился на проходящих мимо рифматистов в серо-белой униформе и вкрадчиво сказал:

– Понимаешь, есть «мы», а есть «они»... Чем бы они ни занимались, лучше оставь их в покое.

– Мне кажется, они тебе не по нутру, потому что ты им завидуешь. Ведь они могут такое, чего тебе никогда не освоить, – сказал Джоэл.

Этимися словами Джоэл обратил на себя пристальный взгляд Майкла. Вероятно, он задел друга за живое. Майкл был сыном рыцаря-сенатора – привилегированное сословие как-никак... Такие, как он, не привыкли находиться в тени других.

– Как бы там ни было, – произнес Майкл, отводя взгляд и пробираясь по запруженной студентами дорожке, – одним из них тебе стать не светит. К чему же тратить время на пустые разговоры? Джоэл, это бесполезное занятие! Завязывай! Хватит уже о них думать!

«Впрочем, как не светит и стать одним из вас», – мысленно прибавил Джоэл.

Чисто технически, в академии Джоэлу было не место. Обучение в Армедиусе стоило чудовищных денег. Принимали сюда только отпрысков родовитых или богатых семейств либо рифматистов. Ни к тем, ни к другим, ни к третьим Джоэл не имел абсолютно никакого отношения.

Когда они подошли к перекрестку, Майкл помедлил и сказал:

– Ну, мне пора... Урок истории.

– Ага, – отозвался Джоэл. – А у меня сейчас окно.

– Снова пойдешь разносить почту в надежде попасть на лекцию к рифматистам?

Джоэл зарделся: Майкл угадал.

– Летние каникулы на носу, – сказал он. – Поедешь домой?

– Ага! – просветлел Майкл. – Отец разрешил пригласить погостить несколько друзей. Порыбачим, поныряем... Девочкам в сарафанчиках поулыбаемся на пляже... Мм!..

– Звучит заманчиво, – отозвался Джоэл, изо всех сил стараясь сохранить невозмутимость и не выдать своих тайных надежд. – От такого приключения никто не откажется!

Майкл каждое лето возил своих друзей погостить к себе, но Джоэлу так ни разу и не посчастливилось получить приглашение на этот праздник жизни.

Быть может, на этот раз? По окончании этого учебного года?... А чем черт не шутит? Разве они не проводили с Майклом все время после школы? Разве Джоэл не помогал Майклу с математикой, когда тому требовалось объяснить то или иное правило? В последнее время они отлично ладили...

– Слушай, Джоэл... – Майкл переминался с ноги на ногу. – В общем, я чего хочу сказать... С тобой классно зависать здесь... В кампусе, понимаешь? Но у меня дома так не получится – там совершенно другой мир. Я буду все время с семьей. Отец нагородил уже столько планов!

– Да, конечно, я понимаю, – отозвался Джоэл.

Майкл улыбнулся, напряженные черты лица разгладились – его душевных треволнений как не бывало. Истинный сын политика!

– Я в тебе не сомневался! – сказал он и хлопнул друга по плечу. – Ну, бывай!

Джоэл посмотрел, как Майкл потрусил прочь. Столкнувшись с Мэри Айзенхорн, он тут же начал флиртовать. Отец девушки владел огромным заводом по производству пружин. Стоя на перекрестке, Джоэл успел опознать с десятков отпрысков элитных семейств. Вот Адам Ли – напрямую связан с императором Чосона. Вот Джеоф Гамильтон – родословная насчитывает аж трех президентов. Вот Уэнда Смит – родители владеют доброй половиной хозяйств по разведению крупного рогатого скота в Джорджиабаме.

А вот Джоэл... Сын меловых дел мастера и уборщицы. Что ж, похоже, он опять проведет все лето вместе с Дэвисом в кампусе. Джоэл вздохнул и направился в канцелярию Армедиуса.

* * *

Двадцать минут спустя Джоэл уже спешил обратно через кампус, чтобы успеть за время перерыва разнести корреспонденцию. Почти все студенты разошлись по аудиториям, и дорожки пустовали.

Получив в приемной на доставку всего три письма, Джоэл приободрился, и его подавленность разом улетучилась. С корреспонденцией он справился быстро, осталось еще свободное время, а это означало, что...

Джоэл сжал четвертое послание в кармане. Эту записку, никому не сказавшись, он составил сам... И сам себе поручил отнести! Благодаря его собственной расторопности времени высвободилось достаточно, чтобы добежать до одного из лекционных корпусов рифматистов – зала защитных искусств.

Защищаться студентов учил профессор Фитч, и послание Джоэла предназначалось именно ему. Писал он его не без треволнений. Приближаясь к лекционному залу, Джоэл с каждой секундой все больше переживал и теребил в кармане бумажку.

«Вряд ли мне еще представится такая возможность... – думал он, стараясь успокоить расшалившиеся нервы. – С другой стороны, Фитч спокойный, вежливый человек, и для беспокойства нет повода».

Джоэл взбежал на высокое крыльцо серого кирпичного здания, увитого диким виноградом, скользнул за дубовую дверь и оказался на галерке лекционного зала. Помещение представляло собой небольшой амфитеатр с рядами обитых плюшем сидений, откуда как на ладони виднелась кафедра лектора. На побеленных стенах тут и там висели схемы защитных окружностей.

Когда Джоэл вошел в аудиторию, несколько студентов оглянулось, однако Фитч и ухом не повел. На посыльных из канцелярии он редко обращал внимание. Обычно Фитч говорил без умолку и только в самом конце лекции примечал среди студентов чужака. Джоэл ничуть не возражал, ему это было только на руку. Недолго думая, он уселся на ступеньки и стал с жадностью внимать. Как оказалось, он попал на лекцию, посвященную защите Истона.

– ...Вот почему эта защита – лучшее, что можно придумать, когда вы подвергаетесь агрессивному натиску сразу с нескольких флангов, – вещал Фитч с кафедры, обратив длинную красную указку на большой круг, нарисованный на полу.

Аудитория походила на арену с рядами восходящих по кругу зрительских рядов, благодаря чему каждый студент мог разглядеть вычерченные внизу рифматические схемы.

Фитч провел указкой по линиям запрета, закрепленным на окружности точками привязки.

– Отличительной чертой защиты Истона является немалое число окружностей меньших размеров, расположенных в точках привязки. Под немалым я подразумеваю число девять. Нарисовать девять

окружностей в условиях скоротечного боя задача отнюдь не тривиальная, однако, если вам это удастся, ваши труды не пропадут втуне. Эти девять окружностей сослужат вам хорошую службу и откроют широкие возможности для защиты. Как вы и сами видите, линии запрета образуют неправильный нонагон. Они призваны стабилизировать вашу заградительную окружность. Однако чем меньше этих линий, тем больше у вас пространства для маневра. Кроме того, если вы придерживаетесь мнения, что лучшая защита – это нападение, то всегда можете использовать точки привязки для создания армии меллингов.

«А как же линии силы? – гадал Джоэл. – Как противостоять линиям силы?»

Он счел за благо не привлекать внимания. Фитч, чего доброго, еще спросит про записку, и тогда у Джоэла не останется предлога посидеть до конца лекции. Джоэл слушал да помалкивал. Вряд ли в канцелярии в ближайшее время его хватятся.

Джоэл весь подался вперед, желая услышать от кого-нибудь из студентов мучивший его в ту минуту вопрос, однако про линии силы никто даже и не подумал заикнуться. Юные рифматисты и рифматистки сидели развалясь на своих местах и не проявляли никакого интереса. Все были одеты в одинаковые серые джемперы, белые слаксы или юбки, призванные скрыть вездесущую меловую пыль.

Профессор же носил плотный бордовый сюртук до пят с прямыми накрахмаленными манжетами. Фитч застегивал его под самый подбородок, однако из-под воротника виднелись белые лацканы костюма. Сюртук был скроен на военный лад: четкие линии, погоны на плечах – не хватало только знаков отличия. Однако бордовый цвет уже сам по себе был знаком – такой сюртук мог носить лишь признанный профессор рифматики.

– Именно поэтому защита Кеблина в большинстве случаев уступает защите Истона, – улыбнулся Фитч, поворачиваясь к аудитории.

Профессор был в годах, о чем свидетельствовали седина на висках и тщедушное телосложение. Спасал старика только сюртук, придававший ему чрезвычайно солидный вид.

«Понимаете ли вы, как вам повезло?..» – мысленно спрашивал Джоэл, оглядывая бездельничающих студентов.

Юношам и девушкам в аудитории, как и самому Джоэлу, было по пятнадцать лет. Некоторым уже стукнуло шестнадцать. Несмотря на возраст и столь благородное призвание, вели они себя как дети. Ну, или в лучшем случае – как подростки.

Дисциплина на занятиях профессора Фитча хромала. Многие этим пользовались и на лекцию не обращали совершенно никакого внимания: либо перешептывались, либо, полулежа на своих плюшевых креслах, созерцали потолок. Несколько человек рядом с Джоэлом и вовсе спали. Он поймал себя на мысли, что не знает ни одного из собравшихся здесь студентов по имени. Джоэл не раз пытался завязать разговор, однако все его попытки они пресекали на корню.

Убедившись, что вопросов у аудитории нет, Фитч опустил на колени, прижал мелок к нарисованному кругу и закрыл глаза. Несколько секунд спустя белая пыль взвихрилась и развеялась.

– Что ж... – сказал он, отрывая мелок от пола. – Если вопросов нет, давайте обсудим защиту Истона и способы ее преодоления. Наиболее внимательные из вас наверняка заметили, что я ни словом не упомянул линии силы. Сделал я это нарочно, ибо говорить о них лучше с точки зрения нападающего. Если бы мы...

Дверь лекционного зала с грохотом распахнулась – брови профессора взлетели вверх. Не выпуская мелка из пальцев, Фитч поднялся на ноги и обернулся.

Всполошив своим внезапным появлением сонных студентов, в аудиторию решительно вошел высокий мужчина. Ладно скроенный

серый сюртук, застегнутый до самого подбородка, свободно ниспадал к ногам и выдавал в незнакомце профессора рифматики невысокого ранга. Этого молодого человека с белоснежной шевелюрой и энергической походкой Джоэл видел впервые.

– Чем обязан?.. – спросил Фитч.

Незнакомец спустился на кафедру, обошел профессора, повернулся к нему лицом, преклонил колено, выхватил и упер в пол красный мелок.

Студенты зашептались.

– Что случилось?.. – заволновался Фитч. – Неужто я опять заговорился и не услышал боя часов? Прошу меня простить, если занял ваше лекционное время!

– Отнюдь, профессор, – отозвался незнакомец, поднимая взгляд (лицо мужчины излучало самодовольство, хотя Джоэлу могло лишь показаться). – Я вызываю вас на дуэль.

Как громом пораженный, Фитч не вдруг пришел в себя.

– Я... Вот те на... – заламывая руки, он нервно облизал губы. – А как... Я не уверен, как... то есть, что мне нужно делать. Я...

– Приготовьтесь чертить, профессор, – скомандовал незнакомец.

Похлопав глазами, Фитч нерешительно опустился на колени и дрожащей рукой прижал мелок к полу.

– Это Эндрю Нализар, – шепнула девочка невдалеке от Джоэла. – Сюртук профессора он заслужил всего три года назад в академии Мэйнфорда. Говорят, последние два года он зарабатывал на жизнь боями на Небраске!

– Красавец!.. – отозвалась подружка, вращая между пальцев мелок.

Тем временем мужчины внизу бросились чертить. Взволнованный Джоэл весь подался вперед. Никогда прежде ему не доводилось видеть настоящей дуэли между профессорами рифматики! Схватка, похоже, обещала быть не менее зрелищной, чем сражения на турнирах «Дуэлянта»!

Первым делом Фитч очертил себя заградительной окружностью. По правилам поединков заканчивался, когда одному из оппонентов удавалось пробить в круге брешь. Профессор принялся отрисовывать девять кружков – по одному на каждой точке привязки своей

окружности. Почему он выбрал защиту Истона, оставалось только гадать. Вероятно, потому, что только дочитал о ней лекцию.

Не самый разумный выбор для дуэли. Это было понятно и Джоэлу, который почувствовал даже легкое разочарование. Возможно, поединок окажется не таким уж зрелищным. Защиту Фитч начертил идеально, однако выглядела она чересчур перегруженной элементами. И немудрено, ведь защиту Истона предполагалось использовать, когда враг наступал со всех сторон.

Пока Фитч выводил линии запрета, Нализар набросал видоизмененную быструю защиту Баллинтайна с базовым усилением и перешел в агрессивное наступление меллингами.

Меллингов рифматисты рисовали при помощи линий созидания. Редкая атака на дуэли обходилась без их участия, и сейчас меллинги появлялись из-под мелка Нализара с невероятной скоростью и легкостью. Его меллинги выглядели как маленькие драконы. Как и положено драконам, у них имелись крылья и длинная змеящаяся шея. Стоило Нализару оторвать мелок от пола, как первый меллинг ожил и полетел на Фитча.

В воздух этот дракон о двух измерениях не взмыл. Что, впрочем, было вполне ожидаемо, поскольку меллинги являли собой лишь совокупность линий. Битвы рифматистов разворачивались на полу — это были сражения на рисованных мелом линиях.

Между тем руки Фитча ходили ходуном. Невидящим взором профессор нервно поглядывал то на свой круг, то на круг Нализара. Когда из-под мелка Фитча появился вдруг неровный малый круг, Джоэл вздрогнул. Непростительная ошибка для столь солидного специалиста. Этот набросок был лишь жалким подобием того чертежа, на котором Фитч несколькими минутами ранее объяснял студентам защиту Истона. Пробить брешь в таких неровных дугах проще простого. Помедлив, Фитч с сомнением оглядел свое неудавшееся творение, и на лице его отразилось смутение.

«Соберитесь, профессор! — сжал кулаки Джоэл. — Вы ведь способны на гораздо большее!»

Когда второй дракон Нализара полетел на Фитча, тот опомнился, собрался с мыслями, и мелок снова застучал по полу. Студенты в аудитории притихли. Даже те, кто еще недавно дремал, теперь подались вперед, чтобы лучше видеть происходящее.

Фитч породил в ответ линию силы. Только мелок оторвался от пола, как длинная волнистая линия выстрелила и поразила одного из меллингов Нализара. Взрыв взметнул вихрь меловой пыли, и дракона ополовинило. Извиваясь, летучий змей закружился и полетел в противоположном направлении.

В аудитории раздавались лишь стук мелков да быстрое захлебывающееся дыхание Фитча. Дуэльные страсти разгорались не на шутку. Джоэл от волнения закусил губу. Профессор возводил защиту гораздо более крепкую, нежели Нализар, однако он слишком торопился и оставлял много уязвимых мест. Между тем его соперник, не обремененный защитными элементами, агрессивно наступал. Фитч, хоть и старался изо всех сил, за оппонентом поспевал с трудом. Не покладая рук он чертил линии силы, чтобы отстреливаться от устремлявшихся на него меллингов. Однако сколько бы он их ни истреблял, на смену тут же появлялись новые – в еще большем количестве.

Нализар был хорош. Один из лучших рифматистов, кого Джоэлу доводилось видеть. И хотя напряжение нарастало, движения Нализара оставались плавными и размеренными. Он рисовал меллингов одного за другим, совершенно не беспокоясь о тех, кого Фитч обращал в пыль. При всем уважении к профессору, Джоэл попросту не мог не восхититься техникой Нализара.

«Похоже, руку он так набил на Небраске... – подумал Джоэл, припоминая слова студентки. – Не иначе как в сражениях с дикими меллингами. Под таким давлением хочешь не хочешь, а будешь быстро рисовать!»

Невозмутимый Нализар между тем создал несколько пауков и отправил их по периметру, принуждая Фитча приглядывать еще и за флангами, а затем начал бомбардировать его линиями силы. Змеясь и вибрируя, линии устремлялись через пол и взрывались клубами меловой пыли, когда находили цель.

Наконец-то и Фитчу удалось нарисовать меллинга. Из-под мелка профессора на свет появился тщательно прорисованный рыцарь. Фитч тотчас же привязал его к малому кругу. Джоэл поразился, как профессору за столь малое время удалось сотворить такое чудо. Рыцарь и в самом деле вышел на славу: невероятной детализации доспех и двуручный меч – ни дать ни взять шедевр! Против такого

защитника у наспех состряпанных драконов Нализара не было ни единого шанса.

Создав рыцаря, Фитч выиграл время и перешел в наступление. Он принялся чертить одну за другой линии силы и заставил соперника перейти в оборону. Нализару ничего не оставалось, как начать рисовать в ответ меллингов-защитников. Эти бесформенные существа рождались, чтобы тут же умереть. Они бросались на линии силы и жертвовали собой, ограждая защитный круг своего хозяина от повреждений.

Взад и вперед по полу летали красные и белые волнистые линии; метались, уничтожая друг друга и поднимая посреди аудитории настоящую меловую бурю, армии меллингов. Существа обращались в пыль, линии силы врезались в линии запрета и вырывали куски из заградительных окружностей. Оба рифматиста яростно чертили и рисовали, ни на секунду не останавливаясь.

Завороженный Джоэл поднялся и невольно шагнул на ступеньку вниз. Разглядев искаженное гримасой лицо Фитча, он замер на месте. Профессор был в ужасе.

Оба рифматиста продолжали чертить, однако Джоэл в один миг потерял к схватке всякий интерес. Перед взором стояла перекошенная физиономия Фитча. Градом катившийся по лицу пот, тревога в глазах профессора, исступленно-судорожные движения его рук рассказали Джоэлу о многом.

Вся тяжесть осознания происходящего обрушилась на Джоэла. Эта дуэль была не тренировки или забавы ради... Отнюдь! Фитч отстаивал свою честь, свое право занимать должность старшего

профессора. Нализар пытался оспорить авторитет Фитча. И если ему удастся...

Одна из красных линий силы врезалась в заградительную дугу Фитча и едва не пробила в ней брешь. В мгновение ока все до единого меллинги Нализара устремились к поврежденному сектору круга.

Ошеломленный Фитч замер всего на секунду, однако стоила она ему дорого. В следующий миг он бросился исправлять ситуацию, но время было упущено: всех меллингов Нализара он остановить не мог. Прорвав оборону рыцаря, один из драконов Нализара принялся яростно терзать поврежденную дугу, все сильнее деформируя защиту профессора.

Фитч стал второпях рисовать второго рыцаря, когда дракон вдруг прорвал границу его заградительного круга.

– Нет!.. – вскричал Джоэл, невольно делая еще один шаг вниз.

Нализар ухмыльнулся, оторвал мелок от пола, выпрямился и сдул меловую пыль с ладоней. Между тем Фитч никак не мог остановиться.

– Профессор!.. – окликнул его Нализар. – Профессор!

Фитч замер и только тогда заметил меллинга, продирающегося через заградительную линию. Дракон не оставлял попыток разгрызть брешь, чтобы добраться до центра окружности. Будь это настоящая битва, меллинг, ворвавшись в круг, непременно напал бы и на рифматиста, однако на дуэли бой заканчивался, как только в защите появлялась брешь.

– Ох!.. – воскликнул Фитч, опуская руки. – Вот дела!.. Вижу...

Ошалевший профессор обернулся, окинул взглядом полную студентов аудиторию и сказал:

– Ну что ж... тогда мне пора.

Старик принялся собирать книги и конспекты. Джоэл, ослабев, опустился на каменные ступени. В руке он по-прежнему сжимал свое письмо.

– Профессор, – произнес Нализар, – а сюртук?

Фитч растерянно оглядел себя и воскликнул:

– Ах да!.. Разумеется...

Он расстегнул длинный бордовый сюртук, сбросил его с плеч и остался в рубашке, жилетке и брюках белого цвета, разом потеряв свой солидный вид. Профессор помедлил, держа сюртук, а затем положил его на лекторский стол, подхватил книги и покинул аудиторию. Дверь закрылась за ним с тихим щелчком.

Потрясенный Джоэл остался сидеть на ступенях. Несколько студентов робко зааплодировали. Остальные с широко раскрытыми глазами смотрели на кафедру. Было очевидно, что большинство не знает, как и реагировать.

– Итак! – отрывисто сказал Нализар. – Последние дни этого семестра занятия у вас буду вести я. Летний факультатив, запланированный Фитчем, также буду вести я. До меня дошли слухи о вопиющей неуспеваемости среди студентов Армедиуса и вашей группы в частности. Зарубите себе на носу – разгильдяйства я не допущу! Эй, ты! Там, на ступеньках!

Джоэл поднял взгляд.

– Что ты там делаешь? – требовательно спросил Нализар. – Где твоя униформа?..

– Сэр, я не рифматист, – отозвался Джоэл, поднимаясь на ноги. – Я с общеобразовательного потока.

– Что, прости? Тогда что ты делаешь в моем классе, черт возьми?

«В твоём классе?.. Это класс Фитча! Или, по крайней мере, был его класс...»

– Ну так что? – не унимался Нализар.

– Сэр, я с посланием для профессора Фитча, – отвечал Джоэл.

– Так давай его сюда! – скомандовал Нализар.

– Лично в руки профессору Фитчу. – Джоэл сунул записку в карман. – Учебного процесса это не касается.

– Тогда до свидания! – отмахнулся Нализар и принялся рассеивать меллингов.

Красная пыль, оседая на пол, выглядела точно кровь.

Попятившись, Джоэл развернулся, взбежал по ступеням и выскочил за дверь. По лужайке сновали студенты, многие были в облачении рифматистов – серый верх, белый низ. Один человек среди них выделялся. Джоэл стремглав спустился по лестнице, пересек идеально подстриженный газон и нагнал профессора. Ссутулившись над стопкой книг и конспектов, Фитч ковылял прочь.

– Профессор?..

Пожилой мужчина вздрогнул и обернулся. Для своих лет Джоэл был роста весьма выдающегося, и профессору пришлось смотреть на него снизу вверх.

– А?.. Что случилось?

– Вы в порядке?

– Поди ж!.. Кого я вижу? Никак сын меловых дел мастера? Как дела, парень? И почему ты не на занятиях?

– У меня перерыв, – сказал Джоэл, забирая у Фитча пару книг, дабы облегчить ношу. – Профессор, с вами точно все в порядке? То, что произошло в аудитории...

– Ты все видел? – понурился Фитч.

– Разве вы не можете поправить свои дела? – спросил Джоэл. – Нельзя вот так взять и отдать этому выскочке студентов! Может, стоит переговорить с ректором Йорком?

– Нет-нет, что ты! – воскликнул Фитч. – Это будет попросту неприлично. Право бросить вызов – высокочтимая традиция. Так сказать, один из столпов, на которых зиждется культура рифматистов.

Джоэл вздохнул, опустил взгляд и вдруг вспомнил о записке в кармане. В послании он просил Фитча взять его на летний факультатив, чтобы попробовать свои силы в рифматике. Научиться всему, на что ему только достанет способностей.

Однако теперь, когда Фитча вынудили освободить должность главного профессора, Джоэл оказался в полнейшей растерянности. Как быть? И что делать с запиской? Более того, он даже не знал, может ли профессор вообще брать под покровительство студентов-нерифматистов. На ум пришла мысль, от которой ему стало совестно.

А вдруг, если Фитч не сможет преподавать, у него появится время для таких, как он?

Джоэл было вытянул из кармана послание, чтобы вручить профессору, когда заметил на лице того горечь поражения, и в последнюю секунду передумал.

«Сейчас явно не лучшее время для подобных просьб...» – подумал Джоэл.

– Я должен был предвидеть! – сокрушался Фитч. – Этот Нализар!.. Я ведь еще на прошлой неделе, когда мы только рассматривали его кандидатуру на должность младшего профессора, подумал, что этот юноша непомерно честолюбив! В Армедиусе десятилетиями не было дуэлей! И вот те на!..

– И что вы теперь будете делать? – спросил Джоэл.

– Ну-у... – протянул Фитч, шагая по дорожке под сенью красного раскидистого дуба. – По традиции я должен занять место Нализара, а его наняли, чтобы подтянуть отстающих. Полагаю, теперь эта забота ляжет на мои плечи. Буду думать, что все, что ни делается, – все к лучшему! Кто знает, быть может, оказавшись подальше от аудитории, я наконец обрету душевный покой!

Помедлив, Фитч оглянулся на лекционный зал рифматистов. Здание имело форму параллелепипеда, но выглядело притом весьма эстетично. Вероятно, благодаря фасаду, овитому виноградными лозами и украшенному ромбовидным орнаментом из серого кирпича.

– Да... – наконец сказал Фитч. – Вполне может статься, что читать лекций в этом зале мне больше не доведется!

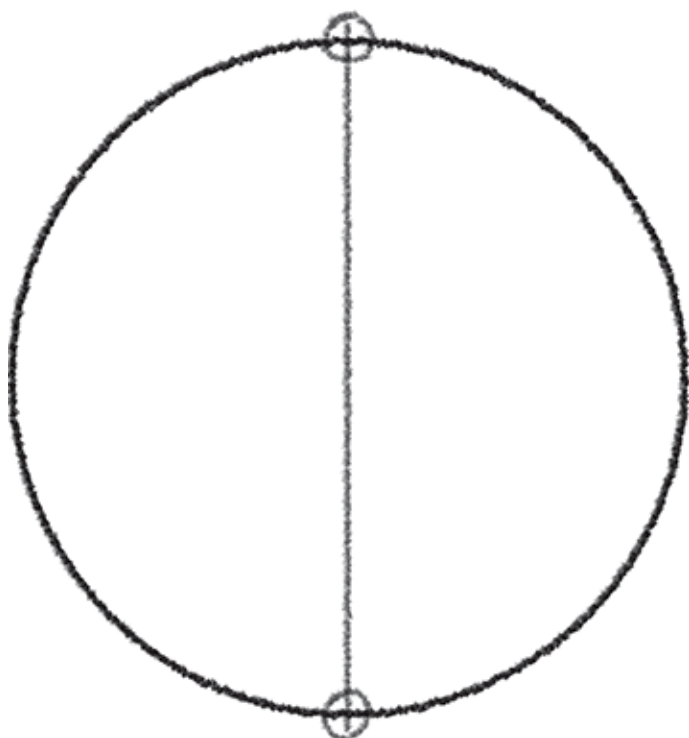
Он не сдержался и всхлипнул.

– Прошу меня извинить! – Профессор вжал голову в плечи и поспешил уйти прочь.

Джоэл вскинул руку, чтобы остановить Фитча, но решил, что лучше не стоит. Под мышкой осталась пара книг профессора. Помедлив, Джоэл вздохнул и взял курс на канцелярию кампуса.

– Да уж!.. – тихонько воскликнул он, шагая по лужайке и вновь возвращаясь мыслями к измятому посланию в кармане брюк. – Беда!

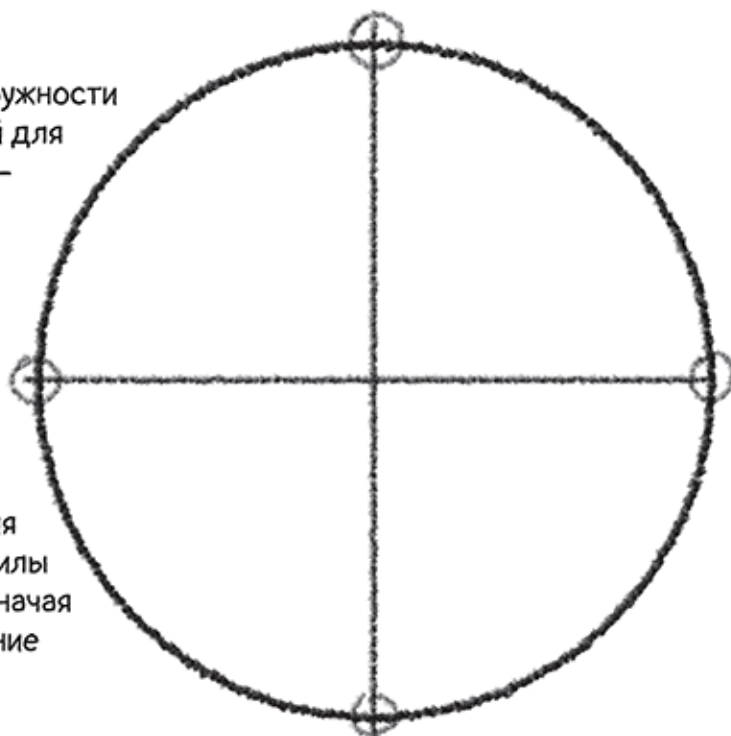
ДВУХТОЧЕЧНАЯ И ЧЕТЫРЕХТОЧЕЧНАЯ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОКРУЖНОСТИ

В заградительную окружность можно вписывать линии запрета. Они придают ей устойчивость. Линии запрета обычно фиксируются точками привязки.

Любая заградительная окружность может иметь две, четыре, шесть и девять точек привязки в зависимости от их расположения на линии окружности.

Начертание двухточечной окружности является простейшей задачей для рифматиста. Точки привязки — это противоположные друг другу точки, которые возникают при пересечении линии окружности и линии запрета. На практике ни точки, ни вспомогательные линии не чертятся. Вместо них рифматисты используют точки привязки для начертания касательных запрета, линий силы и созидания, тем самым обозначая для себя их месторасположение на линии окружности.

Глава 02

Канцелярия кампуса располагалась в небольшой долине, разделявшей студенческий городок на две части – рифматическую и общеобразовательную. Канцелярия, как и почти все здания кампуса академии Армедиуса, была выстроена из кирпича – правда, не серого, а красного. Высотой всего в один этаж, строение могло похвастать множеством окон, чего так не доставало учебным классам. Джоэл все время гадал, отчего это клеркам можно любоваться просторами, а студентам – нет? Складывалось ощущение, будто администрация не желает, чтобы студенты взглядывали на свободу, пускай даже одним глазком.

– ...по слухам, он собирается бросить вызов всем, кому только можно, – услышал Джоэл, переступая порог канцелярии.

Говорила конторщица Флоренс. Вместо того чтобы сидеть за своим дубовым столом, она сидела на нем и болтала с коллегой, Экстоном. Этот упитанный молодой человек, как и всегда, был одет по последней моде: брюки, жилетка, бабочка и подтяжки. Шляпа-котелок висела на гвоздике у стола. Флоренс же щеголяла в желтом весеннем сарафане.

– Вызов?.. – не поднимая взгляда и продолжая царапать пером, переспросил Экстон (Джоэл не знал второго человека, кто мог бы писать и одновременно поддерживать беседу). – Давненько я не слышал ничего подобного!

– О чем и речь! – поддакнула Флоренс.

Девушка была еще совсем юной. В свои двадцать с небольшим выскочить замуж она еще не успела. Некоторые профессора-ортодоксы немало возмутились, когда ректор Йорк вдруг нанял женщину в клерки, однако подобное теперь случалось сплошь и рядом. В ответ консерваторам все чаще звучала фраза: «Добро пожаловать в двадцатый век! Либо меняешься ты, либо меняют тебя». Йорк же заявил, что если рифматисткам дозволяется сражаться за Небраску и сам монарх доверяет женщине составлять свои публичные речи, то почему бы и ему, ректору академии, не нанять в конторские служащие девушку?

– Когда война на Небраске только разгоралась, вызовы друг другу бросали все кому не лень, – произнес Экстон, все так же скрипя пером. – Каждый выскочка, едва заполучив сюртук рифматиста, мечтал скорее возвыситься над остальными. Смутное было времечко!

– Гм... – отозвалась Флоренс. – А ведь он не только амбициозен, но еще и очень красив.

– Кто?..

– Профессор Нализар, кто ж еще?!.. – воскликнула Флоренс. – Я была этим утром в кабинете у ректора Йорка, когда он пришел сообщить о дуэли. Так и заявил с порога: «Ректор, считаю нужным уведомить вас, что совсем скоро займу должность штатного профессора рифматики».

– И что ему на это ответил Йорк? – усмехнулся Экстон.

– Скажу так: он был явно не в восторге. Попытался отговорить Нализара, но тому хоть кол на голове теши!

– Представляю себе картину! – отозвался Экстон.

– Разве тебе не интересно, кому он собирается бросить вызов? – спросила Флоренс и подмигнула Джоэлу, которого только заметила.

– Пожалуй, придется полюбопытствовать, ведь иначе ты не дашь мне спокойно поработать, – откликнулся Экстон.

– Нализар собирается бросить вызов профессор Фитчу, – сказала Флоренс.

Перо Экстона замерло. Наконец он оторвал взгляд от своих трудов и переспросил:

– Фитчу?..

Флоренс кивнула.

– Ну что ж... удачи! – усмехнулся Экстон. – Фитч лучший рифматист в академии. Он разорвет этого выскочку в клочья быстрее, чем осядет меловая пыль.

– Нет, уже не разорвет, – сообщил Джоэл. – Фитч проиграл.

В комнате повисла тишина.

– Что ты сказал?.. – переспросила Флоренс. – Откуда тебе знать?

– Я видел схватку собственными глазами, – сказал Джоэл, подходя к конторской стойке.

В глубине приемной виднелась дверь в кабинет ректора академии.

– Молодой человек, – Экстон качнул пером в сторону Джоэла, – я точно помню, что посылал вас с поручением в корпус гуманитарных наук.

– Это поручение я выполнил, – отрапортовал Джоэл. – И все остальные тоже. А в аудиторию Фитча заскочил на обратном пути.

– На обратном пути? Так ведь лекционный зал Фитча находится на противоположной стороне кампуса! Совсем не по пути!..

– Ой, Экстон, все! – перебила его Флоренс. – Ну, увлечен парень рифматистами, что с того? Тут чуть ли не весь студенческий городок сходит по ним с ума!

Она улыбнулась Джоэлу. Временами казалось, будто Флоренс вступает за него с одной только лишь целью – досадить Экстону. Она знала, как подобные разговоры раздражают коллегу, и не упускала ни единой возможности его поддеть.

– Полагаю, я не могу винить человека за то, что он тянется к знаниям и потому пытается прокрасться в аудиторию... – проворчал Экстон, вновь взглядывая в конторскую книгу. – Грех жаловаться, когда у меня полно хлопот с бездельниками, не желающими посещать занятия вовсе! Однако, если хотите знать мое мнение... Я скажу, что увлечение этими треклятыми рифматистами, парень, до добра тебя не доведет!

– Не будь таким занудой! – отмахнулась Флоренс. – Джоэл вроде сказал, что Фитч уже проиграл дуэль?

Тот кивнул.

– И что это означает для профессора?

– Они поменяются местами с Нализаром, – пояснил Экстон. – Фитч станет младшим профессором и потеряет свой бессрочный контракт с академией. Он сможет вызвать Нализара на поединок

только через год. Кроме того, в течение этого года никто другой не бросит вызов ни тому ни другому.

– Вот беда! – воскликнула Флоренс. – И почему мир так несправедлив?! Я думала, эта дуэль для престижа. Только чтобы потешить самолюбие...

Экстон ничего не ответил, продолжая корпеть над конторской книгой.

– Что ж... – сказала Флоренс. – Каким бы этот мистер Нализар красавчиком ни слыл, я все больше в нем разочаровываюсь. А Фитч такой душка и так любит свой предмет!

– Переживет, – ответил Экстон. – В конце концов, взащей его отсюда никто не гонит. Джоэл, если я правильно понял, ты торчал в аудитории Фитча до самого конца и видел дуэль целиком?

Джоэл неопределенно пожал плечами.

– И как она прошла? – спросил Экстон. – Достойно Фитч постоял за себя?

– Да, он был хорош, – кивнул Джоэл. – Существ он рисовал на загляденье! Фитч просто... Похоже, у него нет опыта в настоящих дуэлях.

– Ну что за варварство!.. – возмутилась Флоренс. – Они же академики, а не гладиаторы!

Экстон выдержал паузу, а затем прямо посмотрел на Флоренс поверх очков.

– Дорогая Флоренс, – заговорил он. – Помяни мое слово, нас ждет еще не одна подобная дуэль. Возможно, благодаря сегодняшним событиям заносчивые рифматисты вспомнят о своем долге. Если Небраск падет...

– Ой, все! Хватит с меня страшилок, Экстон!.. – воскликнула Флоренс. – Все эти байки придумали политики, чтобы мы не расслаблялись.

– О да... – закатил глаза Экстон. – По-моему, ты говорила, что у тебя куча работы?

– У меня перерыв, дорогуша! – парировала Флоренс.

– Мне кажется, или ты специально устраиваешь свои перерывы именно тогда, когда мне надо закончить важное дело?

– Полагаю, ты просто не умеешь рассчитывать время, – сказала Флоренс, подхватила со стола деревянный контейнер и извлекла оттуда

сэндвич с ветчиной и кимчи.

Джоэл глянул на часы в углу – до следующего занятия оставалось пятнадцать минут. Слишком мало, чтобы его отправили выполнять еще одно поручение.

– Что-то я переживаю за профессора Фитча, – сказал Джоэл.

Он не отводил взгляда от циферблата и затейливого механизма напольных часов, которые венчала заводная сова. Время от времени она моргала, а с приближением нового часа начинала скрести когтями, а затем ухала под бой курантов.

– Перестань! Ты сгущаешь краски. Все у него будет тип-топ, – заверил Экстон. – Думаю, ректор Йорк его в беде не оставит. Отрядит профессору пару студентов, чтобы тот мог наконец вздохнуть свободнее. Фитч и сам, наверное, не прочь удалиться от всей этой суеты и взять отпуск.

«Не прочь?.. – подумал Джоэл. – Да бедняга раздавлен!»

– Фитч гений, – сказал он вслух. – Никто в академии не способен преподавать защиту на таком уровне! У Фитча комплексный подход!

– Подход настоящего ученого, – констатировал Экстон. – Быть может, даже ученого-фанатика! Нализар, вероятно, лучше впишется в роль профессора рифматики. Я слышал, что от некоторых лекций Фитча... у студентов малость ум за разум заходит.

– Нет, Фитча никому не заменить, – возразил Джоэл. – Он умеет доходчиво объяснять и при этом не почитает студентов за дураков, чем грешат, например, Говардс или Сильверсмит.

– Сдается мне, я слишком мало тебя нагружаю! – усмехнулся Экстон. – Хочешь снова навлечь на меня проблемы с профессорами рифматики?

На это Джоэл промолчал. Профессора ясно дали понять, что не желают, чтобы посторонние присутствовал на их лекциях и мешали занятиям. Фитч с его попустительским отношением к дисциплине был единственным, кто негласно позволял Джоэлу слушать лекции. Кто знает, быть может, такая возможность ему больше никогда не представится! От одной этой мысли у Джоэла все внутри сжималось.

Однако слова Экстона зажгли в его душе надежду. Если под начало Фитча и в самом деле отдадут нескольких студентов, отчего бы Джоэлу не стать одним из них?

– Джоэл, дорогуша, – ополовинив сэндвич, сказала Флоренс. – Утром я говорила с твоей мамой. Она просила поторопить тебя с подачей документов на летний факультатив. Ты уже выбрал что-нибудь?

Джоэл поморщился. Как сын меловых дел мастера он имел кое-какие преимущества проживания при кампусе. Самым значительным из них было бесплатное обучение. Правда, это право он получил только после смерти отца.

Имелись, однако, и кое-какие недостатки. Многие служащие, такие как Экстон и Флоренс, также состояли при академии на полном пансионе. Согласно трудовому договору, конторские служащие могли рассчитывать на комнату и питание. Джоэла они знали с пеленок, а он по мере взросления был вынужден созерцать их лица изо дня в день. Все это означало, что они не только хорошо знали его мать, но и были с ней дружны.

– Я в процессе, – сказал Джоэл, думая о послании к Фитчу.

– Последний день семестра не за горами, дорогуша, – заметила Флоренс. – Так ведь можно и вовсе пролететь с факультативом! Кроме того, на этот раз ты можешь выбрать что-то на свой вкус, а не просиживать штаны в классе с отстающими. Разве не здорово?

– Конечно, здорово...

На летние каникулы большинство студентов разъезжались по домам. Те, кто оставался в кампусе, посещали один из факультативов, занимавший первую половину дня. В случае если успеваемость оставляла желать лучшего, факультатив выбирать не приходилось: нерадивых учеников направляли в класс коррекции. Рифматистам в этом плане повезло больше: хотя при академии они жили круглый год, их факультатив, по крайней мере, оставался всегда неизменным. Летом они все так же занимались рифматикой.

– Хоть какие-нибудь мыслишки имеются? – не унималась Флоренс.

– Имеются...

– Дорогуша, факультативы не резиновые! А желающих пруд пруди! – воскликнула Флоренс. – В спортивно-физкультурном классе осталось несколько мест... Хочешь, запишу тебя?

Все три месяца стоять на поле и смотреть, как вокруг мечутся студенты, пиная друг в друга мяч? Притворяться, будто игра ему

интересна? Нет, футбол рифматике и в подметки не годится!

– Нет, спасибо.

– Что же тогда?..

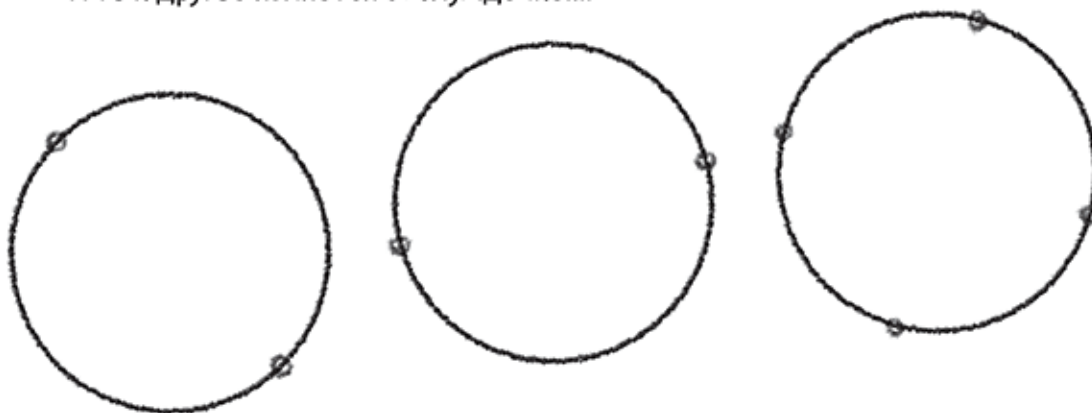
«Математика не так уж скучна... Литература как будто не обещает сильных мучений... – размышлял Джоэл. – Однако ни одна дисциплина не сравнится с обучением у Фитча!»

– Я определяюсь сегодня вечером, – пообещал Джоэл, взглядывая на часы. – Пора идти на занятие.

Положив пару томиков Фитча поверх своих учебников, он забрал стопку книг из угла и покинул здание канцелярии прежде, чем Флоренс принялась бы давить на него с новой силой.

ТОЧКИ ПРИВЯЗКИ, ОКРУЖНОСТИ И ПРОЧИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Многие ошибочно полагают, будто окружность необходимо ориентировать одной из точек привязки на север или по направлению к противнику. И то и другое является заблуждением.

Еще раз обратите внимание: рифматист не должен помечать точки привязки на линии окружности. На эскизах они представлены для вящей наглядности.

Касательные к окружности и прочие рифматические линии следует чертить лишь в точках привязки, иначе будет страдать общая целостность оборонительного круга. Допуская подобные ошибки, неопытные рифматисты подвергают себя дополнительному риску, поскольку заградительная линия в таких местах особенно уязвима.

Неверная привязка
малой окружности
к заградительному кругу.

Верная привязка
малой окружности
к заградительному
кругу.

Глава 03

История в тот день пролетела незаметно: повторяли материал к экзамену, который должен был состояться на следующий день. Сразу после занятия Джоэл отправился на урок математики – последний в этом году. Текущий семестр был посвящен геометрии.

К математике Джоэл испытывал смешанные чувства. К геометрии, например, он проявлял живейший интерес. Иначе и быть не могло, ведь эта наука лежала в основе рифматики. Восхищала его и история геометрии: от Евклида и древних греков до монарха Грегори и зарождения рифматики.

Однако помимо геометрии на математике было много рутины – бесконечные задачи, от которых хотелось только зевать.

– Сегодня мы повторим формулы площади фигур, – объявил профессор Лейтон классу.

Отлично! Те самые формулы, которые он запомнил наизусть едва ли не прежде, чем выучился ходить. Джоэл прикрыл глаза и застонал. Сколько раз можно повторять одно и то же?

Однако профессор Лейтон не позволил студентам бездельничать, даже несмотря на то, что почти вся семестровая программа была пройдена, а экзамен сдан. В последнюю неделю перед летними каникулами он заставил их вспомнить все, что они изучили за год, притом спуску не давал никому.

Нет, честно, кто в здравом уме будет повторять материал уже после экзамена?..

– Но занятие мы начнем с конических сечений! – сказал Лейтон.

Профессор был крупным и полноватым. Джоэлу всегда казалось, что ему должно быть физкультурным тренером, а не профессором математики. А какие он толкал воодушевляющие речи!

– Припоминаете самое замечательное свойство этой фигуры? – Лейтон показал на доску, где был начерчен конус. – Сколько фигур можно получить, просто разрезая конус в заданных точках! Смотрите! Если секущая плоскость проходит параллельно основанию, мы имеем круг. Рассечем его под углом и получим эллипс. Ну разве не потрясающе?

Студенты по-прежнему безучастно взирали на профессора.

– Я вас спрашиваю, разве это не потрясающе?..

– Да, профессор Лейтон, – нерешительно откликнулся нестройный хор голосов.

Дело в том, что профессор считал потрясающим все, что касалось математики. При этом он кипел прямо-таки безграничным энтузиазмом. Его бы энергию да в нужное русло! Неужто профессора ничуть не привлекали дуэли рифматистов?

Сгорбившись над партами, студенты терпеливо дожидались звонка. Среди присутствующих Джоэл заметил и рифматистов: кое-где виднелись их серые джемперы, белые слаксы и юбки. Пока Лейтон распространялся у доски, как еще можно рассечь конус плоскостью, Джоэл, откинувшись на спинку стула, тайком наблюдал за «пыльниками» – так некоторые называли рифматистов за глаза.

Занятия в академии длились по два часа. Первый час рифматисты проводили в собственном кампусе, а ко второму подтягивались в аудитории к студентам, обучающимся по общеобразовательным программам.

Джоэл им искренне сочувствовал. Как преуспеть в рифматике, когда тебя донимают еще и общеобразовательными предметами? С другой стороны, предъявлять к рифматистам более высокие требования, чем к остальным, было вполне логично. В конце концов, на эту роль их избирает сам Мастер.

«Им здесь совсем не место...» – вдруг осенило Джоэла.

Однако рифматисты были здесь. Поскольку им приходилось заниматься в одном классе, Джоэл даже знал, как их зовут. Правда, этим его познания исчерпывались. Хотя было еще кое-что... и притом важное! Рифматисты обучались вместе с ними элементарной

математике, а ведь рифматика требовала знаний основ геометрии, тригонометрии и высшей арифметики. И этим дисциплинам на занятиях по рифматике уделялось очень большое внимание. Стало быть, раз пыльники оказались на занятии у профессора Лейтона, значит в их математическом фундаменте есть брешь? Следовательно, они отстают в понимании основ геометрии! Но... Разве могут рифматисты не знать таких простых вещей, как формулы площади геометрических фигур?

Всего на занятии присутствовало трое рифматистов. Джон и Люк, по обыкновению, сидели за одной партой в дальнем углу класса. По их лицам читалось, что они предпочли бы оказаться где угодно, только не на математике с кучкой нерифматистов. Какое выражение хранило лицо Мелоди, сказать наверняка было невозможно из-за копны рыжих кудряшек. Занятия напролет она сидела, низко склонившись над блокнотом, и выводила какие-то каракули.

«Может, удастся уговорить одного из них стать моим наставником по рифматике? – задался вопросом Джоэл. – Например, в обмен на помощь с математикой?»

– А теперь давайте-ка повторим формулу площади треугольника! – объявил Лейтон. – Сколько же нового вы узнали за этот год! Ваша жизнь изменилась раз и навсегда!

Эх, если бы только ему разрешили посещать высшие курсы академии! Но увы! Эти курсы предназначались только для рифматистов. Простым студентам обучение там было заказано.

Вследствие этих размышлений и родилось в голове Джоэла послание к Фитчу, которое он до сих пор носил в кармане брюк. Джоэл украдкой перечитал записку, пока профессор Лейтон выводил на грифельной доске формулы. Если бы только меловые линии оживали, как на занятиях рифматистов! Но ни одна из формул не дрогнула. Да и с чего бы вдруг? Лейтон не был рифматистом. Для него, для Джоэла и для большинства остальных студентов доска была лишь доской, а мел – инструментом для письма.

– Ого! – воскликнул Лейтон, оглядывая свой список формул. – Я говорил, какие они потрясающие?..

Кто-то из студентов застонал. Лейтон, улыбаясь самому себе, повернулся к классу:

– Полагаю, этот звук означает, что вам не до математики. Похоже, все ваши мысли наперед заняты летним факультативом. Что ж, осуждать вас я не вправе, однако на сегодня вы принадлежите мне! Поэтому достаю тетради! Хочу проверить, как вы справились со вчерашним домашним заданием.

Джоэл удивленно захлопал глазами и ощутил укол тревоги. Домашнее задание? Мать спрашивала, подготовился ли он к уроку... Он обещал, что подготовится, а сам... отложил задание в долгий ящик! Убедил себя, что сделает его в перерыве перед уроком истории. И конечно же, об обещании забыл... потому что отправился на лекцию к Фитчу.

«Нет, только не это!...»

Между тем Лейтон плыл через классную комнату, заглядывая в тетради и не пропуская ни одного студента. Джоэл медленно вытащил тетрадь и открыл страницу с нетронутым домашним заданием. Десять задач – нерешенных, проигнорированных...

А вот и Лейтон...

– Опять двадцать пять! – поравнявшись с партой, вздохнул профессор.

Джоэл потупил взор.

– Останешься после уроков, – сказал Лейтон и двинулся дальше.

Джоэл обмяк на стуле. Еще два дня... Надо пережить пару дней, и он перейдет в следующий класс. Он ведь и в самом деле собирался сделать домашнее задание... Он просто... Просто позабыл!

Впрочем, все это не играло никакой роли. Если чему Лейтон и придает значение, так это тестам, а Джоэл в этом году получил высший балл на всех тестах без исключения. Одно невыполненное задание никоим образом не должно повлиять на итоговую оценку.

– Итак, у нас остается еще целых десять минут, – вновь вставая перед классом, объявил Лейтон. – Чему бы нам с вами их посвятить? Что ж, давайте применим формулы на практике!

На этот раз в классе застонало сразу несколько студентов.

– Или... – задумчиво произнес Лейтон. – Раз уж мой урок у вас сегодня последний, да и летние каникулы не за горами... Полагаю, я могу отпустить вас пораньше?

Студенты, большую часть занятия смотревшие в потолок, вдруг встрепенулись.

– Ладно, ступайте! – махнул рукой Лейтон.

Ученики испарились в мгновение ока, а Джоэл остался сидеть на своем месте. Он мучительно соображал и никак не мог придумать себе оправдание. Через узкое окно Джоэл видел, как студенты прогуливаются по зеленым лужайкам кампуса. У большинства занятия уже закончились, тесты были сданы – учебный год близился к завершению. Джоэлу же оставалось сдать только зачет по истории. К тесту он готовился, поэтому трудностей возникнуть не должно.

Джоэл взял тетрадь, встал из-за парты и подошел к столу профессора.

– Джоэл, Джоэл... – мрачно сказал Лейтон. – Ну и что прикажешь с тобой делать?

– Простить и отпустить?

Лейтон не ответил.

– Профессор... – заговорил Джоэл. – Признаю, я не самый прилежный студент, когда дело касается домашних заданий...

– По моим подсчетам, Джоэл... – перебил его Лейтон. – Ты выполнил девять домашних работ. Девять из сорока!..

«Девять? – удивился Джоэл. – А мне казалось, гораздо больше...»

Он задумался, стараясь припомнить и мысленно обозреть свое обучение в этом семестре. Математика всегда давалась ему легче остальных дисциплин. На ее счет он никогда особенно не переживал.

– Ну-у... – протянул Джоэл. – Вероятно, я был чуточку ленив...

– Всего лишь «чуточку»?.. – переспросил Лейтон.

– А как же оценки за мои тесты? – быстро спросил Джоэл. – У меня все сдано на отлично.

– Во-первых, обучение – это не только тесты, – сказал Лейтон. – Быть студентом академии Армедиуса очень престижно, и получить ее диплом – большое достижение. Этот документ подтверждает, что выпускник умеет учиться и блюсти дисциплину. Я ведь не просто математике вас учу! Я учу вас жизни! Как же я могу перевести студента на следующий год, если он не способен выполнять то, что от него требуется?

Вновь Лейтон завел свою волынку! Джоэл слышал эту нотацию не впервые. Почти все профессора искренне полагали, будто именно их предмету суждено сыграть ключевую роль в жизни их подопечного. Все

они, конечно, заблуждались. Все, за исключением, разумеется, профессоров рифматики.

– Мне очень жаль, – сказал Джоэл. – Я... Мне нет оправдания, вы правы. Я и вправду лентяй. Но будет несправедливо, если вы вдруг откажетесь от своих слов. В начале семестра вы ясно дали всем понять, что перейти на следующий год обучения возможно, лишь набрав достаточно баллов за итоговый тест. Результаты моего теста показывают, что у меня хватает баллов для зачета!

Лейтон сцепил перед собой пальцы в замок.

– Джоэл, знаешь ли ты, что думает преподаватель о студенте, который никогда не выполняет домашних заданий, но каким-то чудом получает отличные оценки на тестах?

– Думает, что он отъявленный лентяй? – смешавшись, спросил Джоэл.

– Можно интерпретировать и так, – сказал Лейтон, доставая несколько листов из стопки на столе.

– Это как раз моя экзаменационная работа, – заметил Джоэл, признав свой почерк.

– Верно, – отозвался Лейтон и положил ее на стол рядом с тестом другого студента.

Тот справился хорошо, однако до Джоэла ему было далеко.

– Видишь разницу между двумя работами?

Джоэл пожал плечами. Разница была очевидна. Свой тест он выполнил аккуратно и точно. Под условием каждой задачи красовался верный ответ. Тест второго студента являл собой хаос. На листе живого места не было от бесконечных пометок, промежуточных расчетов и закорючек.

– Джоэл, я всегда очень подозрительно отношусь к тем студентам, кто не пишет промежуточных расчетов, – строго заметил Лейтон. – Вот уже которую неделю я наблюдаю за тобой, но никак не могу взять в толк, как тебе удастся решать задачи... не решая их! Я бы давно выдвинул официальные обвинения, однако у меня до сих пор нет никаких доказательств.

Потрясенный Джоэл почувствовал, как у него медленно отвисает нижняя челюсть.

– Неужели вы думаете, что я жульничаю?..

Лейтон принялся что-то писать на листке бумаги.

– Я этого не говорил. Повторюсь, у меня нет доказательств, а в академии Армедиуса голословно обвинять не принято. Однако в моей власти, Джоэл, порекомендовать твою кандидатуру на летний факультатив для отстающих по геометрии.

Надежды Джоэла выбрать факультатив на лето рушились на глазах. Вместо них вырисовывалась отнюдь не радужная перспектива все летние деньки провести за изучением основ геометрии. Опять площадь конуса! И треугольника! И треклятый радиус круга!

– Нет! – взвыл Джоэл. – Вы не можете так поступить со мной!

– Еще как могу. Понятия не имею, где ты берешь ответы или кто тебе помогает, но одно я знаю точно: этим летом мы проведем много времени за изучением геометрии. Очень много! Только ты и я, Джоэл. И в конце летнего факультатива, так или иначе, геометрию ты у меня будешь знать!

– Да знаю я геометрию! – вспыхнул Джоэл. – Слушайте, давайте я прямо при вас сделаю домашку? Здесь и сейчас, лады? У нас как раз осталось несколько минут до конца занятия! А затем я сделаю еще одну работу! Этого вам будет достаточно, чтобы не записывать меня в дураки?..

Он схватил ручку со стола Лейтона и спешно перелистал тетрадь.

– Джоэл... – терпеливо произнес профессор.

«Так, первая задача, – прочитал Джоэл. – Найдите площадь сечений геометрической фигуры».

Конус был разделен на три части. Под картинкой Джоэл обнаружил необходимые для решения длины и размерности. Сделав в уме необходимые расчеты, он записал ответ.

– Джоэл, это тебе не поможет... – сказал Лейтон, положив руку ему на плечо, но вдруг осекся, когда увидел решение уже второй задачи.

Джоэл черкнул итоговое число. Расчеты были самые что ни на есть простые. В третьем задании из куба вырезали цилиндр. Требовалось вычислить площадь поверхности образовавшейся фигуры. Эта задачка тоже оказалась Джоэлу по плечу, и он быстро вписал ответ.

– Где ты взял ответы? Кто тебе подсказал? – спросил Лейтон.

Между тем Джоэл справился уже и с четвертой, и с пятой задачками.

– Почему ты просто не списал? Зачем тебе запоминать ответы? – не унимался Лейтон. – Положить столько трудов, чтобы смухлевать на

экзамене, и проколоться на невыполненном домашнем задании?

– Я не мухлевал, – отозвался Джоэл, записывая очередной ответ. – Зачем мне жульничать?

– Джоэл, все эти задачи требуют по меньшей мере пяти минут на раздумья каждая! – Лейтон сложил руки на груди. – Неужели ты думаешь, будто я поверю, что ты решаешь их в уме?

– Ну это же элементарно, – пожал плечами Джоэл.

Лейтон усмехнулся, подошел к доске, быстро начертил конус и начал записывать вводные. Джоэл воспользовался паузой, чтобы разобраться еще с тремя задачками, а затем взглянул на доску.

– Двести один сантиметр и один миллиметр, – сказал он прежде, чем Лейтон закончил писать, затем вновь опустил взгляд на тетрадь и принялся читать условие последнего задания. – Профессор, вам надо попрактиковаться в эскизах. Пропорции цилиндра, с помощи которого вы пытаетесь построить конус, искажены.

– Что, прости? – переспросил Лейтон.

Джоэл присоединился к профессору у доски.

– По вашему замыслу образующая конуса равна двенадцати сантиметрам?

Лейтон кивнул.

– Значит, если мы желаем получить пропорциональную фигуру... – Джоэл привстал на цыпочки и перерисовал конус. – Радиус основания конуса должен быть вот таким! Именно такая длина позволяет наиболее точно отразить пропорцию, кратную четырем сантиметрам.

Лейтон на миг замер, вглядываясь в исправленный эскиз. Затем достал линейку, сделал замеры и побледнел.

– Ты на глаз определил, что мой эскиз непропорционален? Мой радиус меньше твоего всего на пару сантиметров!

Джоэл пожал плечами.

– А ну-ка, начерти мне линию, равную одной трети образующей конуса, – скомандовал Лейтон.

Джоэл повиновался.

– Точно!.. – сделав замер, воскликнул профессор. – До миллиметра! Предположим, эта линия радиус. Начертить окружность сможешь?

Джоэл вновь взялся за мелок и нарисовал на доске широкий круг. Лейтон вооружился ниткой, сделал обмер и присвистнул.

– Джоэл, твоя окружность идеальна!.. Эта дуга!.. Точно циркулем чертил! Почему ты не идешь в рифматисты?..

Джоэл отвел взгляд и спрятал руки в карманы брюк.

– С этим я на восемь лет опоздал, – сказал он.

– Да, что-то я об этом не подумал... – Лейтон, поколебавшись, взглянул на Джоэла. – Хочешь сказать, все это время ты сидел здесь и знал учебную программу наперед?

Джоэл пожал плечами.

– Так ты, наверное, чуть со скуки не помер!..

Студент вновь пожал плечами.

– Поверить не могу, – выдохнул Лейтон. – Слушай, а как насчет тригонометрии в качестве летнего факультатива?

– Тригонометрию я знаю, – сказал Джоэл.

– Ох... Тогда алгебры?

– И ее знаю, – отозвался Джоэл.

Лейтон потер подбородок.

– Слушайте, можно мне просто зачет по геометрии? – спросил Джоэл. – Летний факультатив я уже себе наметил, но, если мой план вдруг сорвется, я весь ваш. Займемся с вами математическим анализом или еще чем...

– Ну и ну!.. – квохтал Лейтон, разглядывая эскизы на грифельной доске. – Очень досадно, что ты не попал к рифматистам!

«Да неужели?..» – мысленно воскликнул Джоэл.

– Тебя всему этому научил отец? – спросил профессор. – Как я понял, он был математиком-любителем?

– Вроде того, – ответил Джоэл.

Лейтон устроился в академию всего несколько месяцев назад и лично отца Джоэла не знал.

– Ладно. – Профессор всплеснул руками. – Зачет твой. Все равно я не представляю, как целых три месяца учить тебя тому, что ты и так знаешь!

Джоэл испустил вздох облегчения.

– Только постарайся впредь выполнять домашние задания.

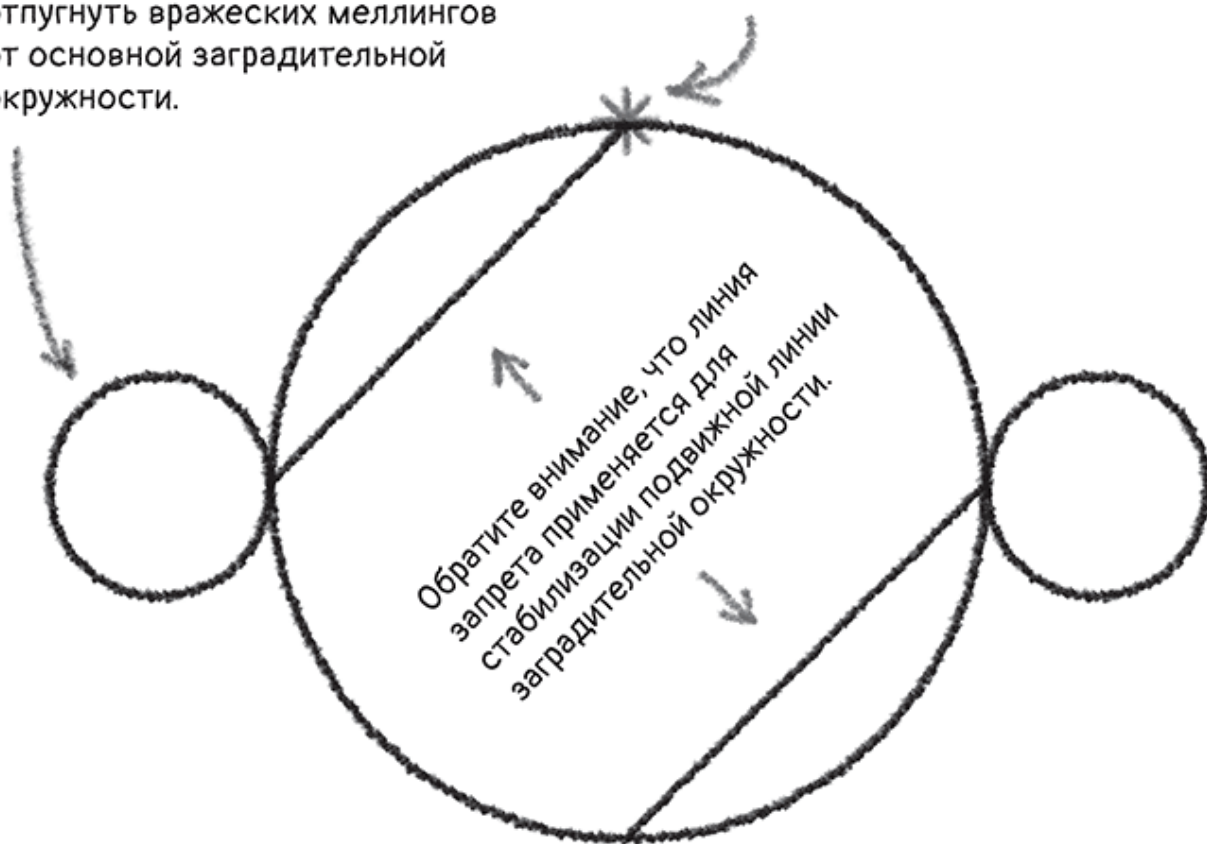
Джоэл с жаром покивал и ринулся к своей парте за учебниками. Поверх стопки по-прежнему лежали две книги профессора Фитча.

Что ж, быть может, этот день еще не совсем потерян!

ЗАЩИТА БАЛЛИНТАЙНА

Две внешние малые заградительные окружности призваны помочь рифматисту в обороне флангов, а также отпугнуть вражеских меллингов от основной заградительной окружности.

Астериском обычно помечается место привязки охранных меллингов или меллингов-защитников.

Быстрая и простая в начертании защита Баллантайна — распространенная защита, основанная на четырехточечной окружности.

Защита характеризуется простейшими стабилизирующими линиями запрета и достаточным минимумом оборонительных средств в критически важных точках.

Данная защита пользуется популярностью у рифматистов, предпочитающих скоротечные дуэли.

Глава 04

Выйдя из аудитории профессора Лейтона, Джоэл заметил девочку. Откинувшись на кирпичную стену здания, она сидела на лужайке и что-то рассеянно рисовала в блокноте. Девочка в сером джемпере и белой юбке встряхнула рыжими кудрями и воззрилась на Джоэла. Это была Мелоди. Та самая рифматистка, что посещала занятия Лейтона.

– О! Так он уже с тобой разделался? – спросила она.

Джоэл кивнул.

– Тебе повезло! Цел и невредим, как я погляжу, – сказала Мелоди. – Будем считать это хорошим знаком. Ни укусов, ни переломов...

– Ты меня ждешь?

– Вот дурачок! Нет, конечно! – отозвалась она. – Этот профессор Надоеда просил меня зайти, когда он покончит с тобой. Вероятно, чтобы сообщить, что я завалила экзамен. В очередной раз.

Джоэл заглянул в блокнот. Он наблюдал за Мелоди весь семестр и представлял, что девочка тренируется чертить сложные защиты. Однако Джоэл не увидел на страницах ни линий запрета, ни заградительных дуг, ни даже окружностей! Вместо этого его взору предстали замок и единороги.

– Единороги? – удивился Джоэл.

– Да! И что? – огрызнулась Мелоди и захлопнула блокнот. – Единорог – благородное и величественное животное!

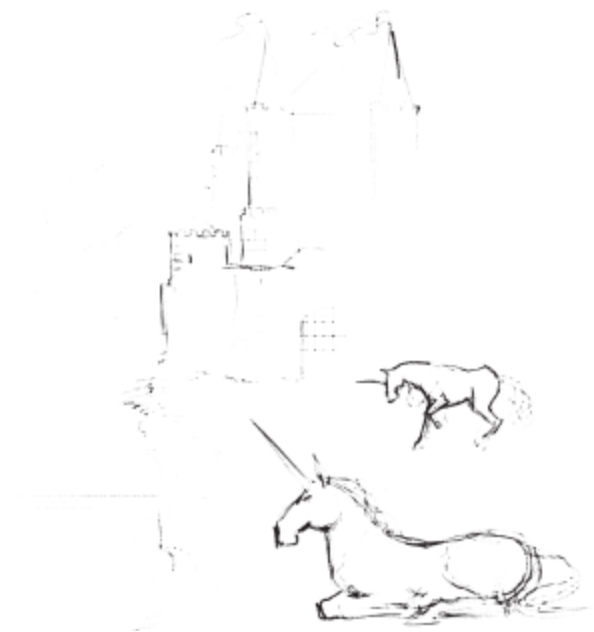
– И вымышленное.

– Что с того? – вновь раздраженно воскликнула девочка, поднимаясь на ноги.

– А то, что ты рифматистка, а время тратишь на такую ерунду! Спрашивается – зачем? Лучше бы тренировалась линии чертить!

– Рифматисты то! Рифматисты се!.. – воскликнула Мелоди и тряхнула кудрями. – Защищай королевство! Отгоняй меллингов! Почему все непременно должно быть связано с рифматикой? Неужели девочка, пускай и рифматистка, не может иногда подумать о чем-нибудь другом?..

Удивленный вспышкой гнева, Джоэл даже попятился. Что ответить, он не нашелся. Рифматисты редко общались с обычными студентами. В первые годы обучения Джоэл не раз пытался завязать беседу, но его неизменно игнорировали.

И вот теперь рифматистка с ним говорит. Правда, Джоэл никак не ожидал, что Мелоди окажется такой... такой раздражительной!

– И вообще!.. – воскликнула Мелоди. – Почему именно я должна все это разгребать? Кто-нибудь спрашивал, хочу ли этого я?

– Тебя выбрал Мастер, – сказал Джоэл. – Тебе повезло. Он выбирает одного из тысячи.

– Ему определенно стоит провести переаттестацию сотрудников отдела качества! – отозвалась Мелоди, драматично вздохнула, отвернулась и направилась в аудиторию профессора Лейтона.

Джоэл проводил ее взглядом, затем покачал головой и пошел через кампус. Мимо него на станцию пружинного монорельса

спешили студенты. Занятия на сегодня закончились, и все желали поскорее вернуться домой. Однако для Джоэла родным домом был кампус.

На площадке для отдыха он заметил несколько знакомых, которые что-то оживленно обсуждали. Через несколько мгновений Джоэл обнаружил, что ноги сами принесли его туда.

– Я считаю, это нечестно! – выдернул его из раздумий чей-то голос.

Говорил Чарлингтон. Сложив руки на груди, он вещал не терпящим возражений тоном:

– Профессор Харрис был просто в бешенстве, когда она не явилась на экзамен, но ректор от него лишь отмахнулся!

– Так она ведь рифматистка, – сказала Роуз. – С чего бы ей прогуливать экзамен? Даже если завалит, все равно ничего не будет!

– Может, просто хотела, чтобы у нее лето началось раньше, чем у остальных? – пожал плечами Чарлингтон.

Джоэл, до этого слушавший беседу вполуха, вдруг насторожился. Речь шла о рифматистке! Он придвинулся к Дэвису, который, по обыкновению, обнимал Роуз за плечи, и поинтересовался:

– Что-то произошло?

– Лили Уайтинг, рифматистка, так и не появилась сегодня на экзамене по истории у Харриса, – ответил Дэвис. – Чак хотел сдать экзамен досрочно, чтобы отправиться с родными в Европу, но ему отказали. Вот он и кипит.

– Я категорически против особенного отношения к рифматистам!..

– Ну, экзамен-то, наверное, ей все равно придется сдавать, – сказал Джоэл. – Я бы не стал ей завидовать. Жизнь у рифматистов не сахар: день начинается раньше, перерывов между занятиями нет. Да и все летние каникулы они торчат в кампусе...

Чарлингтон нахмурился.

– Поверь, Чарли, – уверял Джоэл. – Если обстоятельства сложились так, что ей пришлось срочно отбыть, уверяю тебя, она не на пляже сейчас лежит. Этой Лили отнюдь не до веселья! Может, она вообще на Небраске!

– Может, и так, – отозвался Чарли и смягчился. – Да, вероятно, ты прав...

Он замолк и пошевелил губами, словно что-то припоминая.

– Джоэл, – подсказал тот.

– Да, Джоэл. Я помню. Что ж, вероятно, ты прав, Джоэл. Я даже и не знаю... Но видел бы ты, как расстроился профессор Харрис! Думаю, все это очень странно...

На площадку подошли еще несколько студентов, и Чарлингтон увязался за ними на станцию монорельса. Краем уха Джоэл услышал, как тот принялся рассказывать ту же историю.

– Поверить не могу! – тихонько произнес Джоэл, глядя вслед Чарлингтону.

– Чему? – спросил Дэвис. – Ты про рифматистку?

– Я про Чарлингтона! Мы вместе ходим на занятия вот уже три года, и каждый раз, когда нам случается говорить, он не может вспомнить мое имя!

– Ну и ну... – сказал Дэвис.

– Нашел из-за чего переживать! Чарлингтон замечает только тех, у кого есть... – Роуз показала на свою грудь.

Джоэл перевел взгляд на Дэвиса:

– Ты уже выбрал летний факультатив?

– Ну... В общем, пока нет...

Дэвис, сын профессора, жил в университетском городке, как и Джоэл. В общем-то, среди их сверстников больше и не было студентов, чьи родители работали в академии.

Что касается остальных детей персонала Армедиуса, те в большинстве своем посещали муниципальные школы поблизости. Только дети профессоров имели право учиться в академии. Ну и Джоэл... Потому что его отец и ректор академии были хорошими друзьями, пока восемь лет тому назад с отцом не произошел несчастный случай.

– Меня тут посетила кое-какая шальная идея насчет моего факультатива...

Джоэл умолк, вдруг осознав, что Дэвис не слушает, а смотрит на здание администрации. Он обернулся и увидел у парадного входа студентов.

– Что происходит?

Дэвис пожал плечами.

– Это Питертон там? Почему он не уехал? Ведь монорельс в Джорджиабаму уходит в три пятнадцать... – сказал Джоэл, наблюдая за долговязым старшеклассником, который тщетно пытался заглянуть в окна администрации. – Да, это точно Питертон!

Дверь распахнулась, и на пороге возник незнакомец. Джоэл немало изумился, когда увидел его темно-синее военного фасона пальто с золотыми пуговицами и идеально отглаженные форменные брюки. Такую униформу носили только федеральные инспекторы. Мужчина водрузил на голову полицейский шлем и устремился прочь.

– Федеральный инспектор? – удивился Джоэл. – Очень странно...

– Ничего странного, – отозвалась Роуз. – Я постоянно наблюдаю, как по кампусу шныряют полицейские.

– Инспектор – совершенно другая история, – возразил Джоэл. – Под юрисдикцией федерального бюро находятся все шестьдесят островов. Вероятно, у него серьезные основания здесь быть.

В дверях появился ректор Йорк. Вид у него был самый что ни на есть озабоченный. За спиной маячили Экстон и Флоренс.

– Собственно, о чем это мы? – спросил Дэвис. – Ах да! Летний факультатив!

– Да, именно... – отозвался Джоэл.

– Я... – Дэвис замялся. – Джоэл, эти летние каникулы мы проведем порознь. Так уж получилось, что я буду занят.

– Получилось?... Это как?

Дэвис глубоко вздохнул и сказал:

– Мы с Роуз едем на лето к Майклу. В летний домик его отца. Тот, что на севере...

– Ты?... – поразился Джоэл. – Но... ты ведь не один из них... Ты ведь...

«Ты ведь, как я...» – мысленно договорил Джоэл.

– Майкл однажды станет важной шишкой, – сказал Дэвис. – Он знает, что отец готовит меня к поступлению на юридический факультет. Майкл, как я понял, тоже хочет туда поступать, и с этим ему, вероятно, понадобится помощь. А в один прекрасный день, когда ему в штат потребуются толковые и надежные юристы... Ты же понимаешь, что он пойдет по стопам отца и станет рыцарем-сенатором?

– Это... Что ж, это замечательная возможность, – заметил Джоэл.

– Просто фантастическая! – подтвердил Дэвис извиняющимся тоном. – Джоэл, мне очень жаль! Не хочется бросать тебя тут одного на все лето, но... я просто вынужден так поступить. Такой шанс упускать нельзя. Это реальная возможность преуспеть в будущем.

– Да-да, конечно.

– Может, тебе стоит спросить его...

– Да я уже намекал.

– Вот незадача... – поморщился Дэвис.

– Да, он меня отшил и глазом не моргнул, – пожал плечами Джоэл, стараясь изобразить на лице безразличие, которого, конечно же, не испытывал и в помине.

– Слушай, Майкл так-то классный парень, – сказал Дэвис. – А тебе вообще грех жаловаться! Относятся к тебе здесь очень хорошо! Живешь в тепличных условиях! Никто не задирает...

Все это была правда. Никто и никогда его не притеснял и не задирали. Студенты академии Армедиуса были выше этого. Тратить свое драгоценное время, чтобы преследовать кого-то? Вот еще! Того, кто им был не по душе, просто переставали замечать. В академии существовало с десяток протополитических общин, но Джоэл ни к одной из них не принадлежал – даже к самой непопулярной.

Члены всех этих студенческих союзов общались с ним предельно вежливо. Вместе они могли что-то обсудить и посмеяться, но не более того. Близко они Джоэла к себе не подпускали. Все это выглядело так, будто ему делают одолжение.

Джоэл с радостью бы променял такое отношение на старую добрую травлю. По крайней мере, какое-никакое, но внимание! Хоть кто-то да вспоминал бы о нем!

– Ладно, мне пора, – сказал Дэвис. – Извини, если что.

Джоэл кивнул на прощание. Дэвис и Роуз побежали к группе студентов, толпившихся вокруг Майкла на станции монорельса.

Без Дэвиса он на лето осиротеет. Одноклассники один за другим покидали кампус на каникулы.

Джоэл крепче стиснул книги профессора Фитча. Поначалу он не собирался оставлять их у себя, но раз уж они попали к нему в руки... В общем, он решил, что такой возможностью грех не воспользоваться. Кроме того, обыкновенным студентам труды по рифматике в библиотеке получить было невозможно.

С этими мыслями Джоэл отправился на поиски укромного местечка, чтобы спокойно почитать и поразмыслить.

* * *

Прошло уже несколько часов, а Джоэл все сидел под сенью раскидистого дуба и читал. Оторвавшись от книги, он запрокинул голову и всмотрелся в голубые осколки неба в густой листве.

Первая книга, к сожалению, оказалась безделицей. В ней описывались четыре основные линии рифматики. Джоэл не раз видел, как Фитч выдавал ее отстающим студентам для самостоятельного изучения.

Вторую книгу Джоэл, на свое счастье, нашел более содержательной. Изданная не так давно, она освещала множество проблем современной рифматики. В одной из самых интересных глав рассматривалась заградительная окружность, о которой Джоэл прежде и слыхом не слыхивал. Мнения рифматистов насчет применимости этой защиты расходились, и глава была посвящена детальному разбору противоположных точек зрения. Несмотря на множество непонятных уравнений, Джоэл уловил нить и в общих чертах понял, что к чему. Материал был настолько увлекательным, что юноша потерял счет времени.

Чем дольше он читал, тем больше задумывался об отце. Он хорошо помнил, как тот без усталости работал допоздна, чтобы довести до совершенства очередную меловую формулу. И хорошо помнил, хоть и был тогда совсем юным, как отец дрожащим от волнения голосом рассказывал о самых захватывающих дуэлях в истории рифматики.

Вот уже восемь лет Джоэла неотступно преследовала горечь утраты. Избавиться от этой душевной раны было невозможно, однако она зарубцевалась, и боль притупилась. Рана затянулась шрамом: точно так со временем покрывается дерном и все глубже вращается в землю одинокий камень в поле.

Смеркалось. Небо потемнело, и читать стало практически невозможно. Бурлящая в кампусе жизнь стихала. Лишь в некоторых лекционных корпусах все еще горел свет. На верхних этажах многих из них располагались кабинеты профессоров и комнаты для их семей.

Джоэл поднялся на ноги и увидел зрителя. Старик Джозеф шел вдоль лужайки и заводил фонари. Пружинные механизмы начинали жужжать, и кругом разливался свет.

За размышлениями о запутанной истории с защитой Мияби и нетрадиционным использованием заградительных линий Блада Джоэл собрал книги. Жалобно заурчал в напоминание о себе желудок.

К своей радости, на ужин Джоэл поспел. Профессора, обслуживающий персонал с детьми и даже рифматисты – все ели вместе. Обыкновенные студенты на ужин не оставались и уезжали после занятий домой. Ужинали и ночевали в кампусе только дети лекторов да услуги вроде Джоэла. Многие рифматисты также предпочитали жить при академии – в общежитии. Их родной дом обычно находился слишком далеко, чтобы ездить к семье каждый день, да и учеба занимала много времени. В общем и целом получалось, что половина рифматистов обреталась в кампусе, половина каждый день прибывала в Армедиус на монорельсе.

В столовой царил хаос. Из распахнутых дверей доносились шум и гвалт голосов. В левой части зала трапезничали семьи профессоров. Супруги увлеченно болтали и смеялись. Их дети ели тут же, но за отдельными столиками. В правой же части зала за большими деревянными столами ужинал обслуживающий персонал. Ну а в дальнем конце помещения за кирпичной перегородкой, из-за которой торчал лишь край длинного стола, сидели студенты-рифматисты.

Центр зала занимала пара длинных столов, сервированных блюдами дня. Официанты подавали еду только профессорам. Члены их семей и служба были предоставлены сами себе. Когда Джоэл вошел, собравшиеся уже сидели на скамьях, ели и переговаривались. Сонм голосов наполнял столовую низким гулом. Гремела посуда, носились кухонные работники, зал полнился соперничавшими друг с другом ароматами.

Джоэл проложил себе путь вдоль длинного стола для услуги к своему обычному месту – напротив поджидавшей его матери. Увидев ее, Джоэл облегченно выдохнул. Работы случалось так много, что порой она даже не успевала поесть, не говоря уже о том, чтобы переодеться к ужину и привести себя в порядок. Мать практически не вылезала из своего коричневого рабочего платья и почти никогда не распускала забранные в пучок волосы. Сегодня она ела неохотно,

предпочитая разговаривать с миссис Корнелиус, еще одной уборщицей.

Джоэл оставил учебники и поспешил отойти за едой, пока мать не начала докучать расспросами. Взяв тарелку, он положил себе риса и жареных сосисок.

«Дни германской еды! – мысленно воскликнул Джоэл. – Поваров, похоже, вновь укусила экзотическая муха. Что ж, по крайней мере, с чосонской стряпней покончено!»

На вкус Джоэла, блюда чосонской кухни были слишком острыми. Взяв кувшин с пряным яблочным соком, он вернулся на свое место. Как он и опасался, мать поджидала его с вопросами наготове.

– Флоренс сказала, что ты обещал сегодня вечером определиться с летним факультативом...

– Я в процессе!

– Джоэл! Я надеюсь, ты не забросил идею записаться на факультатив? Ты ведь не хочешь и это лето проторчать в коррекционном классе?

– Конечно же нет, – заверил Джоэл. – Обещаю, никаких коррекционных классов. Профессор Лейтон сказал, что зачет у меня в кармане.

– Некоторые дети стараются не просто получить зачет, а стать лучшими в классе, – заметила мать, насаживая кусок сардельки на вилку.

Джоэл пожал плечами.

– Эх, если бы только у меня было время помогать тебе с уроками... – вздохнула она.

После ужина ей предстояла уборка почти на всю ночь. К работе мать приступала только после полудня: большинство аудиторий были заняты с самого раннего утра. Под глазами темнели круги, ставшие уже неизменной частью ее образа. Как же все-таки много она работает!

– Что с алхимией? – продолжала она допрос. – Зачет получишь?

– Научные дисциплины мой конек, – отозвался Джоэл. – Профессор Лэнгор уже раздал аттестационные листы. Последние дни будем работать в лаборатории. Лэнгор сказал, что оценки ставить не собирается. В общем, зачет будет.

– Литература?

– Сегодня сдал на проверку сочинение.

Джоэл выполнил задание вовремя только потому, что профессор Зобел слишком увлеклась чтением какого-то цикла романов и позволила им писать сочинение прямо во время занятий. Длилась вся эта история аж две недели! Профессора тоже люди, и некоторые, прямо как студенты, к концу года не могут удержаться от соблазна немного побездельничать.

– А история? – не унималась мать.

– Завтра экзамен.

Она вскинула брови.

– Мам, экзамен по истории рифматики! – закатил глаза Джоэл. – Уж с этим я справлюсь!

Ответы, она, похоже, нашла удовлетворительными, и Джоэл наконец смог приступить к ужину.

– Слышал про профессора Фитча и ту ужасную дуэль? – спросила мать.

Джоэл кивнул с набитым ртом.

– Бедолага, – сказала мать. – Ты знал, что он двадцать лет работал над собой, чтобы занять должность старшего профессора? Столько трудов, чтобы все в мгновение потерять! Теперь ему снова придется заниматься с неучами!

– Мам, а ты слышала что-нибудь про федерального инспектора? – спросил Джоэл, прежде чем приняться за следующий кусок. – Чего он забыл в кампусе?

Мать рассеянно кивнула:

– Подозревают, что из академии прошлым вечером сбежала рифматистка. Отправилась навестить родных да так и не вернулась в кампус.

– Лили Уайтинг? – спросил Джоэл.

– Вроде она.

– Чарлингтон говорит, будто родители увезли ее в семейное путешествие.

– Эту историю администрация выдумала для отвода глаз, – отвечала мать. – Но разве удержишь в секрете побег рифматиста? Все понять не могу, чего они бегут? Как будто им плохо живется! Работать почти не нужно... Вот неблагодарная братия!

– Думаю, девочку скоро разыщут, – поспешно сказал Джоэл, пока мать не принялась развивать тему.

– Джоэл, выбирай летний факультатив! Да поскорее! А то ведь точно загремишь в разнорабочие!

Студенты, лишенные возможности выбрать факультатив или просто не успевшие этого сделать, оказывались в бригадах по благоустройству территории Армедиуса. Ректор Йорк выступил с этой инициативой, чтобы научить обеспеченных студентов, коих в академии было большинство, уважать труд простых рабочих. Чем, собственно, вызвал немалое раздражение родителей.

– А что плохого в трудовой практике? – спросил Джоэл. – Папа был рабочим. Кто знает, может, и мне когда-нибудь пригодится этот опыт. Вдруг мне тоже суждено стать работягой?

– Джоэл, милый...

– Нет, ну а что?.. – не унимался Джоэл. – Разве плохо зарабатывать на жизнь честным трудом? Ты ведь работаешь уборщицей!

– Академия Армедиуса – одно из самых престижных учебных заведений! Тебе посчастливилось здесь учиться – вот и учись! Надо благодарить судьбу, а ты что делаешь?..

Джоэл пожал плечами.

– Ты систематически не выполняешь домашнее задание, вот что ты делаешь! – воскликнула мать, потирая лоб. – Профессора говорят, что ты способный, но слишком уж распущенный. Ты хоть понимаешь, что некоторые все бы отдали, лишь бы оказаться на твоём месте?

– Конечно, понимаю, – отозвался Джоэл. – Мам, тебе не о чем волноваться. Я непременно попаду на летний факультатив. Профессор Лейтон сказал, что, если не найду, чем себя занять, смогу изучать математику у него.

– В классе для отстающих? – с подозрением спросила мать.

– Нет-нет, – торопливо ответил Джоэл. – На курсе по высшей математике.

«Если бы только меня допустили к тому, что мне действительно нравится! – подумал Джоэл, пронзая вилкой еду. – Вот тогда все были бы счастливы!»

Эти мысли напомнили Джоэлу о потрепанной бумажке, которая по-прежнему лежала в кармане брюк. Профессор Фитч знал его

отца. Можно сказать, они были даже в какой-то мере друзьями.

Узнав, что Дэвис бросает его этим летом, Джоэл преисполнился решимости во что бы то ни стало попасть на летний факультатив к Фитчу.

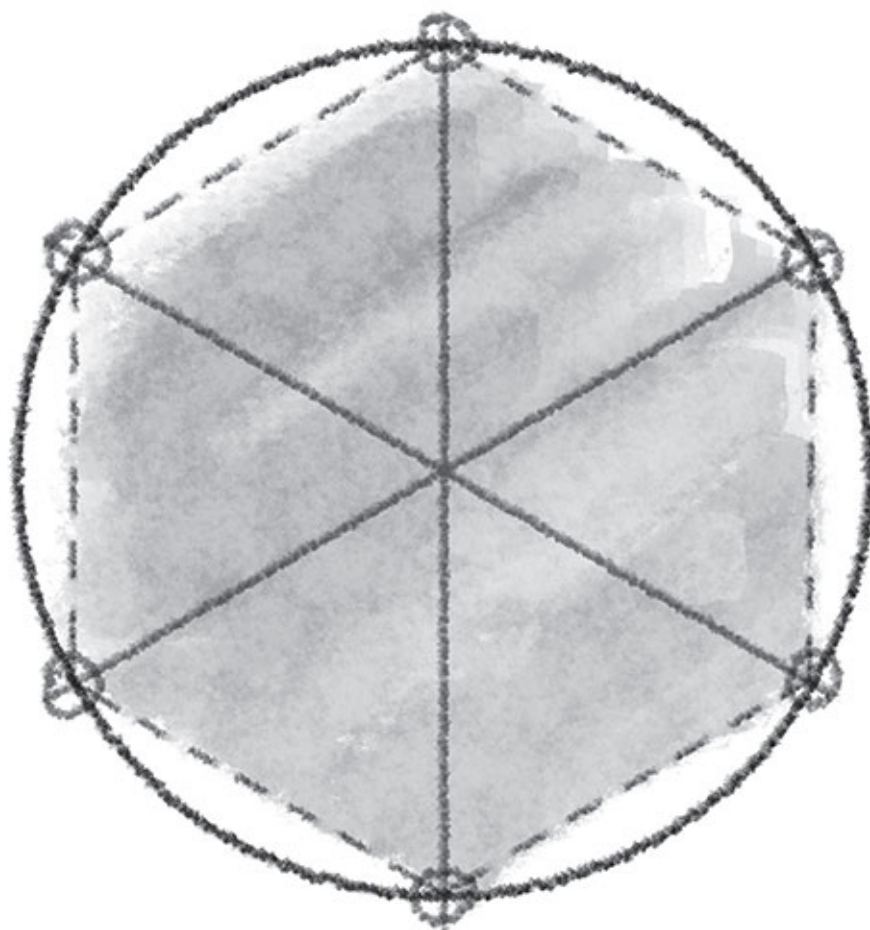
Задумчиво поковыряв в тарелке, Джоэл резко встал.

– Ты куда собрался?.. – спросила мать.

– Я на пару минут! Только книжки верну!.. – пояснил Джоэл, подмахивая со стола книги Фитча.

ШЕСТИТОЧЕЧНАЯ ОКРУЖНОСТЬ

Используется продвинутыми студентами-рифматистами вместо двух- и четырехточечных заградительных окружностей. Эта защита более универсальна и позволяет выстроить лучшую оборону.

Для начертания шеститочечной окружности необходимо изобразить базовую заградительную окружность. Затем рифматист должен представить себе вершины (точки привязки) шестиугольника, который будет вписан в окружность. Разумеется, ни о каких вспомогательных линиях и начертании шестиугольника внутри окружности не может быть и речи. Рифматисту нужно проделать эту работу в уме — перед мысленным взором. Именно такой навык должен выпестовать в себе каждый уважающий себя рифматист.

Глава 05

Профессора с супругами сидели вдоль стола в соответствии со своим рангом. Во главе ужина ректор Йорк. Его отличали исполинский рост и вислые коричневатые усы. Этот дюжий, косая сажень в плечах, мужчина был настолько высок, что, даже сидя за столом, взирал на своих коллег сверху вниз.

Преподаватели общеобразовательных дисциплин и рифматики за ужином были на равных и сидели вперемешку. Джоэл подозревал, что подобное равноправие не случайно: ректор академии не был рифматистом. Чуть далее, за группой штатных преподавателей, размещался состав адъюнкт-профессоров из шести человек. Их уважали, к их мнению прислушивались, однако постоянного трудоустройства они пока не заслужили. Адъюнкт-профессоров рифматики отличали сюртуки синего цвета. Еще дальше располагался младший профессорский состав. Рифматисты этого ранга носили зеленые сюртуки. А за ними, в конце стола, сидели рифматисты в сером. То были преподаватели, наставлявшие студентов во внеурочное время. Фитч, который волей судьбы оказался в рядах последних, примостился у дальнего угла. Он выглядел на двадцать, а то и тридцать лет старше своих новых коллег. Налizar же в отвоеванном у Фитча бордовом сюртуке восседал неподалеку от ректора Йорка. Не успев толком приблизиться к столу рифматистов, Джоэл уже ясно различал среди общего гомона крикливый голос сегодняшнего героя.

— ...безусловно, это заставит некоторых личностей сесть и крепко задуматься! По крайней мере, я на это очень надеюсь! — вещал

Нализар. – Воины вы или нет, в конце концов? Скажите-ка, когда в последний раз вы чертили заградительные круги на Небраске? Десять?.. Пятнадцать лет назад? То-то и оно, господа! А я всего несколько месяцев назад, как оттуда! Сражался на передовой! Слишком многие академики позабыли, для чего мы тренируем будущие поколения рифматистов. И для тех, кто забыл, я напоминаю! Для обороны!.. В нашем деле нет места школярству! Подобный подход к обучению рифматике ставит под угрозу будущее всех шестидесяти островов!

– Нализар, вы ясно дали понять, какой позиции придерживаетесь, – заметил профессор Габершток. – Однако давайте не будем и дальше раскачивать лодку!

Нализар смерил оппонента взглядом, и Джоэлу почудилось, будто тот едва сдерживает презрительную усмешку.

– Академии Армедиуса нужно избавиться от балласта! Мы здесь собрались, чтобы возвращать бойцов, а не ученых!

Фитч опустил взгляд и сосредоточился на еде. Однако кусок в горло, похоже, не шел. Джоэл замер в нерешительности. Как бы к нему подступиться?

– Теория важна, – тихо произнес Фитч.

– Простите? – переспросил Нализар, выглядывая профессора в конце стола. – Вы что-то сказали?..

– Нализар! – оборвал его ректор Йорк. – Вы попираете границы приличия. Дуэлью вы уже обозначали свою точку зрения красноречивее всяких слов. Вряд ли оскорбления упрочат ваше положение.

Молодой профессор вспыхнул, и Джоэл заметил мелькнувший в его глазах гнев.

– Ректор Йорк, все в порядке, – отрывая взгляд от тарелки, заверил Фитч. – Я хотел бы, чтобы молодой человек высказался.

– Фитч, вы же сами прекрасно понимаете, что Нализар как преподаватель с вами рядом не стоит! – воскликнул ректор, пущевгоня Нализара в краску. – Да и как инструктор тоже! Ох и не нравятся мне все эти ваши рифматические правила и обычаи!

– Мы должны их чтить, – отозвался Фитч.

– Ректор, при всем моем почтении, я не согласен с последней частью вашего высказывания! – вклинился Нализар. – Не спорю,

профессор Фитч может быть хорошим человеком и преподавателем, но какой он инструктор?.. Когда в последний раз хоть один из его студентов побеждал на турнире «Дуэлянт»?

Вопрос повис в воздухе. Насколько Джоэл знал, студенты Фитча ни разу не побеждали на турнире.

– Нализар, я учу защищаться, – сказал Фитч. – То есть... учил до недавнего времени. Как бы там ни было, без умения хорошо обороняться нечего и носу казать на Небраск! Защита жизненно необходима, пускай она и не гарантирует успеха на дуэли!

– Фитч, все это ваше хваленое обучение яйца выеденного не стоит, – парировал Нализар. – Своими теориями вы только мозги детям пудрите. Забиваете им голову защитами, какие им век не пригодятся!

Фитч невольно сжал вилку и нож. Джоэл поначалу испугался, но потом рассудил, что вряд ли это был гнев. На профессора совсем не похоже. Скорее всего, Фитч просто перенервничал. Очевидно, это противостояние уже стояло у него костью в горле.

– Я учу... то есть я учил своих студентов не просто защиты чертить, – сказал Фитч, не желая встречаться с Нализаром взглядом. – Прежде всего я учил их понимать, что и зачем они делают. Готовил к тому дню, когда придется постоять за себя и свою жизнь. А все эти ваши состязания за награду – полнейшая бессмыслица!

– Бессмыслица? – переспросил Нализар. – Турниры, по-вашему, бессмыслица? Профессор, вы пытаетесь оправдать собственную безответственность. Но не переживайте, я научу ваших студентов побеждать.

– Я... ведь... – начал заикаться Фитч. – Я...

– Ну и ну!.. – воскликнул Нализар, отмахиваясь. – Боюсь, что бессмыслица – это наш с вами разговор! Кого я обманываю? Разве можно что-то втемашить в голову старику? Скажите-ка, сколько вы прослужили на передовой Небраска?

– Всего несколько недель, – признался Фитч. – Большую часть времени я провел в комитете по планированию обороны на Денвере.

– А чем вы занимались в университете? – спросил Нализар. – Теорию наступательного боя изучали? Или углубленный курс линий силы? Или это был столь важный, как вы утверждаете, курс защиты для студентов?

Фитч немного помолчал.

– Нет, – наконец сказал он. – В университете я изучал становление рифматики как науки и отношение к ней американского общества на начальных этапах.

– Все понятно! Историк! – заключил Нализар, обращаясь к остальным профессорам. – У нас тут, господа, историк, который вздумал учить рифматистов защищаться! Теперь, я надеюсь, все понимают, почему у студентов академии Армедиуса дела из рук вон плохи?

За столом воцарилась тишина. Даже ректор задумался. Преподаватели вернулись к еде, а Нализар вдруг посмотрел на Джоэла.

На миг того обуял панический страх. Испытывать терпение Нализара не хотелось. Джоэл и без того привлек к своей персоне излишнее внимание, когда тайком прокрался в аудиторию. Интересно, Нализар запомнил его? Однако взгляд равнодушно скользнул по его лицу. Все-таки порой даже хорошо, когда тебя не замечают!

– Это кто там у нас стоит? – прищурился профессор Габершток. – Ба!.. Так это сын меловых дел мастера!

– Кто-кто? – переспросил Нализар, снова взглядывая на Джоэла.

– Ты скоро познакомишься с ним, Нализар, – отозвался Габершток. – Мы уже замаялись выдворять этого паренька из аудиторий! Но сколько его ни гоняй, он всегда находит способ прошмыгнуть! Нет-нет да и подслушает лекцию!

– Это никуда не годится! – воскликнул Нализар, укоризненно качая головой. – Чтобы обыкновенные студенты отвлекали рифматистов от учебы? Да где это слыхано! Вот от такой расхлябанности все наши проблемы и проистекают!

– Нализар, не надо стричь всех под одну гребенку! Я, например, этого паренька в аудиторию не пускаю, – возразил Габершток. – Хотя некоторые...

– Малой, а ну-ка ступай отсюда подобру-поздорову! – Нализар махнул на Джоэла. – Если еще раз попадешься кому-нибудь из нас на глаза, я тебя...

– Нализар! – оборвал его Фитч. – Этот молодой человек здесь по моей просьбе. Мне нужно с ним переговорить.

Нализар сверкнул глазами на Фитча, однако ничего не сказал. Не было у него такого права – подрывать авторитет коллеги-профессора в глазах студента. Не моргнув и глазом, Нализар демонстративно

отвернулся и пустился в рассуждения о положении дел на Небраске, в которых он, несомненно, считал себя экспертом.

– Почему он позволяет себе так разговаривать с вами, профессор? – тихонько спросил Джоэл, подсаживаясь к Фитчу.

– Может, Налizar и дал маху... С другой стороны, он ведь победил меня! Думаю, в какой-то мере это дает ему право диктовать свои правила...

– Бой был нечестный, – сказал Джоэл. – Если бы вы только могли подготовиться!

– Да, я давно не практиковался, – согласился Фитч, а затем вздохнул. – По правде говоря, парень, в дуэлях я никогда и не блистал. Начертить идеальную заградительную линию перед аудиторией – раз плюнуть. А вот повторить то же самое на дуэли – увы и ах! Я едва могу изобразить дугу, не говоря уже о целой окружности. Видел бы ты меня на сегодняшней дуэли! Дрожал как осиновый лист!..

– Я же был в аудитории и все видел, – сказал Джоэл.

– Видел?.. – воскликнул Фитч. – Ах да! Теперь припоминаю!

– Как по мне, так ваша защита Истона получилась весьма искусной.

– Нет-нет, ерунда, – отозвался Фитч. – Я сделал неправильный выбор. Эта защита не годится для схватки один на один. Налizar, без сомнения, на дуэлях собаку съел. Как боец я ему и в подметки не гожусь! С Небраска он вернулся героем. Годы провел там, сражаясь против Башни... Честно признаться, за всю свою жизнь я провел очень мало боев – даже когда жил на Небраске. Слишком уж я нервничаю... Мелок едва из рук не выпрыгивает!

Джоэл примолк.

– Да-да, звучит ужасно!.. – воскликнул Фитч. – Но, быть может, оно и к лучшему. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы по моей вине студенты вышли из академии плохо подготовленными. А если один из моих выпускников и в самом деле погибнет, потому что я что-то упускаю на своих занятиях? Разве смогу я жить с этой мыслью? Признаться, раньше я об этом даже не задумывался...

Как реагировать на излияния профессора, Джоэл не знал. Да и что он, собственно, мог ответить?

– Профессор, я принес ваши книги, – сменил Джоэл тему. – Вы так поспешно ушли, что мы оба совершенно о них забыли.

– Значит, у тебя действительно был ко мне разговор! – просветлел Фитч. – Вот так совпадение! Страшно захотелось урезонить Нализара, вот я и ляпнул, что ты ко мне по делу пришел. Что ж, спасибо!

Фитч принял книги из рук Джоэла, положил их на стол и вновь ковырнул вилок в тарелке.

– Профессор, – собравшись с духом, заговорил Джоэл. – Есть еще кое-что, о чем я бы хотел побеседовать с вами.

– М-да?.. И о чем же?

Джоэл вытащил листок бумаги, расправил его на столе и придвинул к Фитчу. Сконфузившись, профессор поводил глазами и наконец спросил:

– Это запрос на летний факультатив?

– Да, я бы хотел стать слушателем на вашем углубленном курсе защиты по рифматике! – кивнул Джоэл.

– Но, сынок... Ты же не рифматист. Тебе ничего это не даст, понимаешь?

– Что вы! Будет очень познавательно! – отозвался Джоэл. – Я бы хотел стать ученым... Разумеется, ученым в области рифматики!

– А ты амбициозен! Особенно если учитывать, что ты никогда не сможешь оживить ни одной линии.

– Но ведь существуют музыкальные критики, которые не умеют играть на инструментах, – возразил Джоэл. – А историки? Они ведь не влияют на ход истории, хоть и занимаются ею. Почему только рифматистам можно изучать рифматику?

Фитч некоторое время всматривался в листок, а затем улыбнулся.

– Аргумент до некоторой степени обоснованный... Но, к сожалению, лекций я больше не читаю, поэтому и слушателем моим у тебя стать не получится.

– Да, но вы ведь будете репетиторствовать, а я мог бы присутствовать на ваших занятиях. Как вы на это смотрите?

– Боюсь, так не выйдет, – покачал головой Фитч. – Младший профессорский состав не волен выбирать, что и кому преподавать. Я должен курировать студентов, которых мне назначил ректор, а он свой выбор уже сделал. Мне очень жаль.

– Что ж... – Джоэл потупил взгляд. – А что если какой-нибудь профессор вдруг согласится взять одного из ваших студентов под свое крыло? На тот же самый углубленный курс рифматической защиты?

– Слушай, парень. – Фитч ласково положил руку на плечо Джоэла. – На первый взгляд, жизнь рифматиста полна опасностей и приключений, однако даже профессор Нализар со своими рассказами про Небраск излишне драматизирует. В действительности все обстоит немножко иначе. Рифматисты в основном занимаются изучением линий, углов и чисел. С Башней же по факту воюет лишь горстка. Промокшие, продрогшие, они либо царапают мелом на земле линии, либо сидят неделями под дождем без дела.

– Знаю-знаю, – поспешно сказал Джоэл. – Но, профессор! В рифматике меня как раз привлекает теория!

– Все так говорят, – отозвался Фитч.

– Все?..

– Думаешь, ты первый юноша, мечтающий попасть в класс к рифматистам? – улыбнулся Фитч. – От вас отбою нет!

– В самом деле? – спросил Джоэл с упавшим сердцем.

Фитч кивнул.

– Одна половина желающих влиться в наши ряды свято верит, что на лекциях по рифматике происходит что-то таинственное и захватывающее. Другая половина полагает, будто рифматистом может стать каждый – дескать, ученье и труд все перетрут.

– Так, может... в этом есть доля истины? Может, все-таки найдется способ? – спросил Джоэл. – Ведь до обряда посвящения все «пыльники» тоже были обыкновенными людьми. Даже вы! Почему же тогда остальным заказан путь в рифматисты?

– Это не так устроено, парень, – сказал Фитч. – Мастер отбирает рифматистов очень тщательно. Обряд посвящения можно пройти только до определенного возраста. Если момент упущен, то увы... Ты автоматически зачисляешься в обыватели. За последние двести лет не было такого человека, кого посвятили бы в рифматисты после срока, условленного обрядом.

Джоэл вновь потупил взгляд.

– Не расстраивайся, – ободрил Фитч. – Спасибо, что вернул мне книги. Клянусь, я трижды обыскал свой кабинет!

Джоэл кивнул и собрался было уйти, как вдруг кое-что вспомнил и произнес:

– Он, кстати, не прав.

– Кто?..

– Яллард. Автор той книги. – Джоэл указал на второй томик под рукой у Фитча. – Он утверждает, будто защиту Блада должно исключить из официальных дуэлей и турниров. Но Яллард недальновиден. Четыре скомбинированных эллипсоида, быть может, ничего общего с традиционными заградительными окружностями и не имеют, однако нельзя отрицать, что это очень действенная защита. Если же исключить ее из соревнований, потому что ее слишком трудно прорвать, все о ней вскоре забудут. Новоиспеченный рифматист, оказавшись в бою, лишится возможности спасти свою жизнь, потому что даже подозревать не будет о существовании защиты Блада!

– Смотрю, ты не зря ходил на мои лекции! – вскинул брови Фитч. Джоэл кивнул.

– Похоже, весь в отца. Тот тоже интересовался рифматикой. – Профессор в нерешительности помедлил, а затем склонился над ухом Джоэла. – Ты хочешь того, что запрещено традициями. Однако всегда есть те, кто готов традиции нарушать. Открываются современные университеты. Новоиспеченные профессора, молодые и амбициозные, готовы учить рифматике всех желающих. Подрастешь и поступишь в такой университет! Конечно, рифматиста из тебя не сделают, однако мечта твоя исполнится. Ты будешь изучать рифматику!

Джоэл поколебался. Предложение звучало заманчиво. По крайней мере, это был план! Он уже смирился, что рифматистом ему не стать. Однако если он поступит в один из этих университетов...

– Думаю, мне там понравится! – закончил он мысль вслух. – Но разве меня возьмут, если я прежде не учился у профессора рифматики?

– Может, возьмут, – сказал Фитч и в задумчивости легонько постучал столовым ножом по краю тарелки. – А может, и нет! Если бы я только мог стать твоим наставником...

Фитч посмотрел на сидевших во главе стола Нализара и профессоров, а затем опустил взгляд на еду.

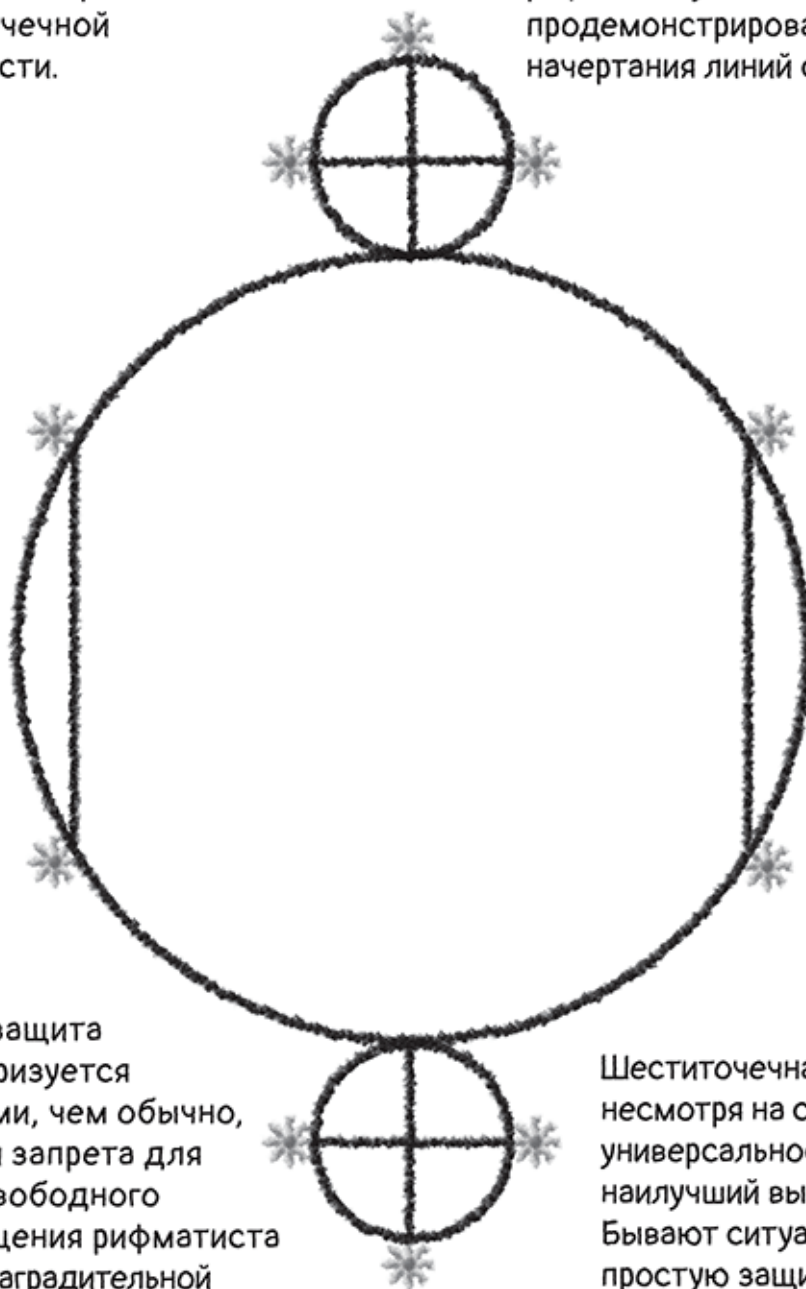
– Нет... Нет, сынок. Тут я тебе не помощник. Слишком уж все это из ряда вон! Тут из-за меня и так, смотри, какая буча поднялась! Мне очень жаль, сынок. Очень жаль!

Джоэл получил от ворот поворот. Он встал, спрятал руки в карманы брюк и пошел прочь.

ЗАЩИТА МЭТСОНА

Защита Мэтсона — превосходный пример рифматической конструкции, использующей все преимущества защиты, построенной на основе шеститочечной окружности.

Вдобавок защита Мэтсона имеет большее количество точек привязки для меллингов, позволяя рифматисту во всей красе продемонстрировать свои навыки начертания линий созидания.

Данная защита характеризуется меньшими, чем обычно, хордами запрета для более свободного перемещения рифматиста внутри заградительной окружности.

Шеститочечная окружность, несмотря на свою универсальность, не всегда наилучший выбор рифматиста. Бывают ситуации, когда простую защиту использовать предпочтительнее.

Глава 06

Ночи Джоэл ненавидел.

С наступлением темноты нужно было ложиться спать, а это означало, что впереди еще одна бессонная ночь. И хотя за день он уставал донельзя, уснуть все равно не получалось.

Они с матерью ютились в комнате семейного общежития. У них имелась кладовка, которая по совместительству служила им раздевальной. На этаже в конце коридора располагалась общая умывальная. Комната была крохотной: четыре кирпичные стены, узкое оконце да кровать. Когда у матери случался отпуск, Джоэл спал на полу. Во все остальное время кровать принадлежала ему. Под утро он приводил постель в порядок, чтобы мать могла отдохнуть после ночной смены.

Когда-то они жили в просторном помещении, которое примыкало к меловой мастерской отца в подвале общежития. После несчастного случая мать попросила у ректора разрешения переехать в другую комнату. Джоэл на мать не обижался. Слишком уж много воспоминаний связывало их с этой мастерской.

Джоэл лежал уставившись в потолок. Иногда он выходил по ночам на лужайку, чтобы почитать в свете уличного фонаря, однако это всегда грозило неприятностями. Мать была почти уверена, что плохая успеваемость напрямую связана с его ночными вылазками.

Тусклого света фонарей хватало, чтобы разглядеть начерченные на потолке комнаты линии. Защита Истона была одной из сложнейших заградительных окружностей ортодоксальной рифматики. Джоэл

внимательно осмотрел дуги, линии запрета, составляющие неполный нонагон, а затем и малые круги на точках привязки.

Набросок, как Джоэл сам себе признавался, был неуклюжим. Еще два года назад своей работой он гордился, ныне же недостатки резали глаз. Малые круги были нечеткими, а девять точек привязки находились отнюдь не там, где должно. Если бы рифматист начертил такую защиту на дуэли, то дугу прорвали бы за считанные секунды. Джоэлу и по сей день частенько не удавалось вписать нонагон в заградительную окружность, не прибегая к помощи эскизов из учебника. Достаточно было ошибиться лишь в одной точке привязки, чтобы поставить под угрозу целостность защиты Истона.

Целостность... Целостностью тут и не пахло! Рифматисты чертили, а он по-прежнему рисовал. Мазня мелом на штукатурке, не имеющая никакой силы. Джоэл зажмурился и стиснул зубы. Иногда он ненавидел рифматику. Все в этой науке было завязано на конфликте, борьбе. И почему она не могла служить каким-нибудь благим целям?

Джоэл повернулся на бок. Неужели Майкл прав? Неужели он и в самом деле чересчур увлекся рифматикой? Все как один твердили ему об этом: друзья, мать, и вот теперь еще профессор Фитч!

И все же... ничто другое так его не увлекало. Казалось, лишь в этом он был силен. Разве сможет он без рифматики быть самим собой? Без всяких экивоков ему дали понять, что никакое образование не позволит ему стать одним из привилегированных студентов. Тогда как жить дальше? Покорно изучать общеобразовательные дисциплины, как того все от него ожидают? Быть прилежным мальчиком и после академии устроиться клерком? Но для чего? Чтобы шагнуть по социальной лестнице на одну ступень выше, чем его родители? Чтобы не тянуть лямку простого рабочего?

Или все-таки рискнуть? Упрямо преследовать мечту и стремиться попасть в университет? Попробовать стать ученым, экспертом в рифматике? Фитч вселил в него надежду и тут же разбил ее вдребезги!

При этом воспоминании Джоэл едва не вскипел, но тут же себя осадил. Профессор ни в чем не виноват! Фитч был бы и рад взять его в ученики, и даже на секунду допустил такую мысль, однако слишком уж его потрясла дуэль, чтобы осмелиться обратиться к ректору с просьбой такого характера.

«Что ж, ничего не поделаешь! Все лето Фитч будет обучать студентов, которых назначил ему ректор Йорк... – подумал Джоэл, и тут у него в голове зародился план – глупый и отчаянный. – Нужно завалить экзамен по истории!»

При этой мысли Джоэл улыбнулся.

* * *

– Вновь напоминаю вам, как важен этот экзамен, – сказал профессор Ким.

Историк был одним из немногих иностранцев в составе преподавателей. Его родители перебрались на Соединенные Острова, когда он был еще ребенком. И хотя говорил он без акцента, угадать его истинное происхождение не составляло труда. Цвет кожи и разрез глаз выдавали в нем азиата.

Когда преподавателем истории назначили иммигранта, поднялся нешуточный переполох. Родители студентов взволновались, сомневаясь в компетентности профессора. А вдруг он вздумает преподавать историю с чосонской точки зрения? Такая реакция Джоэла немало удивила: зачем профессору, пускай и иммигранту, искажать правду, которую весь мир давным-давно принял? Чосонский народ завоевал Европу, и вряд ли кто в здравом уме этот непреложный факт возьмется оспаривать.

– Экзамен – пятьдесят процентов вашей итоговой оценки, – говорил профессор Ким, продвигаясь между рядами парт и раздавая бланки с тестами. – На все про все у вас два часа. Времени более чем достаточно, поэтому не торопитесь.

Профессор Ким носил костюм и галстук-бабочку. В отличие от своих соотечественников, выпускников университетов Франции и Испании, он понимал, что среди американских профессоров, предпочитавших деловой стиль, ему лучше не выделяться. Именно поэтому традиционного чосонского наряда в своем гардеробе он избегал.

Джоэл вписал свое имя сверху бланка и прочитал три вопроса, на которые требовалось дать развернутый ответ.

«Проанализируйте события и укажите возможные причины открытия рифматики».

«Расскажите, какие последствия имело изгнание монарха из Британнии».

«Подробно опишите ранний этап борьбы с дикими меллингами и их последующее заточение в Башню Небраска».

Ответы на все эти вопросы Джоэл знал. Причем знал досконально. Как Грегори Третьего свергали с престола чосонские вторженцы, он представлял себе едва ли не лучше самого короля. Именно Соединенные Острова Америки, несмотря на исторически сложившиеся напряженные отношения с Британнией, предоставили Грегори убежище. Лишившись политической власти, бывший монарх быстро переобулся и стал религиозным лидером. А когда на западе появились дикие меллинги и принялись угрожать всему живому на островах, бывший король Британнии открыл рифматику и стал первым в мире рифматистом. Примечательно, что к тому времени монарх уже был стариком.

Джоэл, упустивший свой шанс, прекрасно сознавал, что ждать повторения подобной истории слишком самонадеянно, и все же... Раз это случалось прежде, почему бы не случиться вновь? Вдруг он тоже сможет стать рифматистом?

Джоэл принялся строчить ответы на вопросы. Неправильные ответы, вызывавшие у него внутреннее отторжение. От этого теста на пятьдесят процентов зависела его итоговая оценка. Если он его завалит, все лето будет вынужден заниматься с наставником.

«Мать меня точно убьет!» – подумал Джоэл, расправляясь с последним вопросом шуткой про кимчи, которая своей характерной вонью якобы заставила диких меллингов искать спасения в Башне.

Не прошло и нескольких минут после начала экзамена, как Джоэл встал из-за парты, подошел к кафедре и сдал бланк с итоговым тестом.

Работу профессор Ким принял не без колебаний. Пробежав глазами три незатейливых ответа, он нахмурился.

– Мне кажется, тебе следует еще немножко подумать.

– Нет, – отозвался Джоэл. – Я хорошо подумал.

– Джоэл, что с тобой? Ты вообще слушал, когда я говорил, насколько этот тест важен?

– Разумеется, я слушал вас, профессор.

Ким вновь уставился на бланк.

– Полагаю, тебе стоит обсудить это с ректором, – сказал он и нацарапал записку в канцелярию.

«То, что доктор прописал!» – подумал Джоэл, принимая из рук профессора послание.

* * *

Добравшись до здания администрации, Джоэл прошел в приемную, где застал Флоренс за работой. На этот раз девушка и в самом деле усердно трудилась. В помещении царила тишина, только перья скрипели по бумаге.

Когда Джоэл переступил порог, Экстон – сегодня в бабочке и подтяжках голубого цвета – поднял взгляд и в удивлении уставился на своего посыльного.

– Джоэл? Неужели уже пять пар пролетели? – Он глянул на часы в углу, поправил очки и прибавил: – Не похоже...

– Профессор Ким отправил меня к ректору, – доложил Джоэл, протягивая записку.

– Вот те на!.. – воскликнула Флоренс. – И что ты натворил на этот раз?

Сев на один из стульев у стены, Джоэл скрылся от пристального взгляда Экстона за дубовой конторской стойкой.

– Джоэл! – скрестила руки Флоренс. – Признавайся, в чем дело?

– Я не подготовился к экзамену.

– Но твоя мама говорила, у тебя все под контролем!

На это Джоэл ничего не ответил. Его охватило нервное возбуждение. Сердце норовило выпрыгнуть из груди. Он до сих пор не мог поверить в содеянное. Да, иногда он забывал выполнить домашнее задание или подготовиться к занятию... Однако он никогда не делал этого нарочно. Намеренно испортить себе оценку? Да ни в жизнь!.. Тем не менее на протяжении четырех лет обучения в академии Джоэл из года в год умудрялся какой-нибудь экзамен да завалить. А порой и не один! Обычно за такие «подвиги» студентов Армедиуса гнали взашей.

– Что ж, какова бы ни была причина, придется обождать, – сказала Флоренс, взглядывая на записку. – Ректор сейчас...

Дверь в приемную с грохотом распахнулась, и на пороге возник Нализар в бордовом, почти до пят, сюртуке.

– Профессор Нализар? – спросил Экстон, вставая. – Что угодно?

Уложенная по последней моде светлая шевелюра и ее хозяин величественно вплыли в приемную. Похоже, Нализар побрезговал сюртуком Фитча: одеяния его выглядели совершенно новыми, идеально подогнанными по фигуре. От возмущения Джоэл чуть не зашипел на него. Выходит, Нализар намеренно унизил Фитча, заставив того снять сюртук на глазах у всей аудитории, тогда как у самого был давным-давно заготовлен новый сюртучишко!

– До меня дошел слух, что ваши студенты разносят послания посреди занятий и отнимают у рифматистов драгоценное время, отведенное на тренировки!

От этих слов Флоренс аж побледнела. Экстон же, напротив, как будто и не смутился.

– Послания бывают срочными, профессор. Такие разрешается доставлять прямо среди занятий. Или мы должны предложить профессорам рифматики самим каждую перемену приходить и справляться, нет ли чего срочного?

– Не юродствуйте, юноша! – махнул на него рукой Нализар; на его пальцах алела меловая пыль. – Я прекрасно понимаю, что заминки на занятиях неизбежны. Однако меня беспокоит нечто иное... Неприкосновенность кампуса рифматистов! Нельзя допускать, чтобы по их аудиториям разгуливали студенты, не имеющие к оным совершенно никакого отношения!

– И что же вы предлагаете? – невозмутимо поинтересовался Экстон. – Отправлять послания с рифматистами? Однажды я имел неосторожность попросить рифматиста себе в помощники... Как думаете, что мне ответили?.. Что их время «слишком ценно».

– Мисс Манс, попрошу войти! – рявкнул Нализар.

В комнату вошла кудрявая девочка. Ее рыжие волосы резко выделялись на фоне серого джемпера и белой юбки. Это была та самая Мелоди, которая посещала вместе с Джоэлом занятия по математике у Лейтона.

– Мисс Манс демонстрирует просто вопиющую некомпетентность в вопросах, касающихся базовой рифматики, – произнес Нализар. – Подобное невежество ставит под угрозу не только ее жизнь, но и жизнь тех, кто будет сражаться с ней плечом к плечу против диких меллингов. Было решено, что ее должно так или иначе наказать. Каждый день после летнего факультатива Мелоди будет являться в канцелярию и помогать с поручениями для рифматистов.

Мелоди тихонько вздохнула.

– Полагаю, такое решение вас устроит? – спросил Нализар.

Экстон помедлил, а затем кивнул. Однако Джоэлу сохранить спокойствие не удалось.

– Вы ведь выдумали все это из-за меня! – вспыхнул он.

Нализар обратил внимание на Джоэла и нахмурился:

– А ты у нас кто?..

– Я смотрю, вы прямо-таки расстарались, чтобы выставить меня из своей аудитории раз и навсегда! – едва не рычал Джоэл.

Нализар смерил его взглядом и задумался.

«Меллинг меня побери! – подумал Джоэл. – Да ведь он даже не узнает меня! Он вообще замечает кого-нибудь дальше своего носа?..»

– Наглый мальчонка, – равнодушно произнес Нализар. – Я вынужден принять меры. Ничто не должно отвлекать рифматистов от занятий. С этой минуты и впредь будет так!

И он прошествовал к выходу.

Мелоди села на один из стульев у двери, открыла блокнот и принялась рисовать.

– Поверить не могу, что он пошел на это! – воскликнул Джоэл, опускаясь на свое место.

– Не думаю, что Нализару есть хоть какое-то до тебя дело, – отозвалась Мелоди, не отрываясь от рисования. – Просто любит, когда у него все под контролем. Поступил он так для вящего самоутверждения – ни больше ни меньше.

– Да он просто издевается! – прорычал Джоэл.

– Нет, полагаю, он мыслит как солдат, – отвечала Мелоди. – Нализар считает, что между простыми смертными и рифматистами должна быть граница. А границу, как известно, нужно охранять. Он говорит, что нам нужно вести себя осторожнее, когда мы находимся в обществе. Дескать, если не будем сдержанны, то вокруг нас вырастет

армия подхалимов, которая впоследствии помешает нам исполнять святой долг рифматиста...

– Мелоди, дорогая моя, – оборвала ее Флоренс. – Это несусветная чушь!

– О?.. – похлопав глазами, удивленно воззрилась Мелоди на Флоренс.

– погоди, – перебил Джоэл. – А почему ты не вернулась в аудиторию с Нализаром?

– Ну... – Мелоди скорчила гримасу. – В общем, он меня выгнал...

– Выгнал? – переспросил Джоэл. – Выгнал из аудитории? Что ты такого натворила?

– Мои круги ранили его душу, – сказала Мелоди и для большего эффекта прищелкнула пальцами. – И чего все помешались на этих несчастных кругах? Какая разница, кривой круг или ровный?!

– Ровная заградительная дуга играет жизненно важную роль для структурной целостности всего защитного круга, – пояснил Джоэл. – Если дуга окружности далека от идеала, то поражение лишь дело времени. Как только меллинг доберется до твоих укреплений, ты пропала! Каждый уважающий себя рифматист в первую очередь должен научиться чертить ровные окружности. Это основа основ!

– Да ты и впрямь мела наглотался! – воскликнула Мелоди. – Вещаешь, аки твой зануда профессор! Неудивительно, что остальные студенты называют тебя странным!

Джоэл покраснел. Похоже, даже рифматисты считали, что он чересчур увлекается рифматикой.

Дверь в дальнем конце приемной открылась, и раздался голос ректора:

– Флоренс? Кто там следующий?

Джоэл поднялся и встретился взглядом с ректором-исполином, который руководил их академией.

– Джоэл?.. – удивился Йорк и нахмурился; казалось, его усы еще больше поникли.

Флоренс пересекла приемную и вручила ректору записку от профессора Кима. Йорк пробежал ее глазами и тяжело вздохнул. Громкий, рокочущий звук эхом отразился от стен.

– Что ж, проходи...

Джоэл обошел конторскую стойку и направился за Йорком. Флоренс сочувственно покачала головой.

Кабинет был отделан светло-ореховыми панелями, под ногами лежал зеленый, точно трава, ковер. На стенах висели всевозможные дипломы, грамоты и благодарности. Посреди помещения стоял огромный, под стать ректору, стол. Йорк опустил на свое место и жестом велел Джоэлу присаживаться напротив.

Устроившись перед величественным столом и его устрашающим хозяином, тот совершенно смешался. В этом кабинете он бывал трижды: в первый, во второй и в третий годы обучения. И каждый раз по одной и той же причине – неуспеваемость по одному из предметов. За спиной слышались мягкие шаги по ковру. Флоренс вручила Йорку какую-то папку и удалилась, притворив за собой дверь. В кабинете не было ни одного окна. Освещали комнату тихонько вращающиеся заводные светильники – по паре на каждой стене.

Йорк погрузился в изучение материалов папки, оставив Джоэла обливаться потом в звенящей от напряжения тишине. В кабинете раздавались лишь шелест бумаги, пощелкивание светильников да тиканье часов. Время тянулось, точно патока, и с каждой минутой Джоэла все больше одолевали сомнения. А что, если план провалится?

– Джоэл, – наконец обратился к нему ректор Йорк неожиданно снисходительным тоном. – Надеюсь, ты понимаешь, насколько тебе повезло оказаться среди студентов академии?

– Разумеется, сэр.

– Детям служащих обучаться здесь не дозволяется, – вещал ректор. – Тебе же я разрешил из уважения к твоему отцу. Я сделал ему одолжение...

– Понимаю, сэр.

– Любому другому студенту я бы давно указал на дверь. Ты прекрасно знаешь, что мне никто не указ, и я исключил уже не одного и не двух отпрысков рыцарей-сенаторов. Не пощадил я и внучатого племянника нашего монарха... А вот с тобой все цацкаюсь! Не задумывался почему?

– Потому что преподаватели говорят, что у меня светлая голова?

– Не угадал. Скорее, наоборот. Твой интеллект – повод тебя исключить. Как по мне, прилежный ученик с плохими данными

академии гораздо нужнее, нежели одаренный, но безответственный. Нет ничего хуже, чем разбазаривать дарованный природой потенциал!

– Ректор, я пытаюсь. Правда, я...

Йорк вскинул руку, останавливая излияния Джоэла.

– Кажется, однажды я это уже слышал... Ах да! Конечно, слышал!

В прошлом году!

– Вы правы, сэр.

Несколько мгновений Йорк сидел в задумчивости, а затем достал лист бумаги. Бланк сплошь пестрел оттисками гербовых печатей. Это не было похоже на служебную записку об оказании помощи неуспевающему студенту. Отнюдь! Это был приказ об отчислении!

Джоэла охватил панический ужас.

– Твои родители. Вот единственная причина, по которой ты проучился здесь так долго. Однако свой кредит доверия ты исчерпал. Притом уже давно.

– Сэр... Теперь я все понял! Отныне я...

Ректор вновь вскинул руку, не желая ничего больше слышать. Джоэл подавил в себе раздражение. Что же делать? Йорк не дает и слова вставить! Прошлой ночью, когда он лежал в темноте, план казался смелым и хитроумным. Однако сейчас он сидел на бочке с порохом, которая была готова взорваться в любую секунду.

Йорк взялся за перо.

– Я провалил тест намеренно! – воскликнул Джоэл.

Ректор поднял взгляд.

– Я нарочно написал неверные ответы!

– С какой стати тебе это делать?

– Чтобы остаться на лето с репетитором по истории.

– Джоэл, ты мог просто попросить профессора Кима взять тебя на летний курс, – заметил Йорк.

– Но профессор Ким для летнего факультатива избрал тему «Европейская культура в период чосонского ига!» – сказал Джоэл. – Я специально завалил историю рифматики, чтобы летом заниматься именно рифматикой.

– Хорошо, тогда что помешало тебе подойти к другому преподавателю? – строго спросил Йорк. – Ты повел себя неприемлемо! Саботировать собственную итоговую оценку! Едва ли тебе есть оправдание!

– Я обращался к другому профессору, – возразил Джоэл. – Но Фитч сказал, что обыкновенным студентам воспрещается учиться у преподавателей рифматики.

– Уверен, профессор Ким что-нибудь придумал бы для тебя. Составил бы индивидуальную программу, например... Постой, ты сказал, что разговаривал с Фитчем?

– Да.

– Так ведь он рифматист!

– В этом-то вся суть, сэр, – закивал Джоэл, теряясь в догадках, как объяснить ректору свой непростой план. – Дело в том, что тест я завалил не для того, чтобы заниматься историей, а для того, чтобы изучать рифматические линии. Мне кажется, если я попаду к Фитчу на летний курс истории рифматики, то смогу упрощить его объяснить мне и основы боевой рифматики – защиту и нападение.

Джоэл нервно сглотнул, ожидая насмешки, коей его обычно награждали, когда он заговаривал о рифматике, но ректор отнесся к его желанию с пониманием.

– Ах вот оно что... – сказал Йорк. – Нам, взрослым, эту подростковую логику понять сложно, однако если на секундочку задуматься, то все как будто встает на свои места. Сынок, почему же ты сразу не обратился ко мне?

Джоэл удивленно похлопал глазами:

– Полагаю, такой шаг с моей стороны показался бы всем слишком самонадеянным. Стали бы показывать на меня пальцем, дескать, лезет, куда не надо, вопросы задает...

– Профессор Фитч любит вопросы, – заверил Йорк. – Особенно от студентов. Он один из немногих оставшихся в академии преподавателей старой закалки.

– И тем не менее учить меня он отказался.

– Таковы уж традиции, – отозвался Йорк.

Он отложил приказ об отчислении, вытащил другой бланк, пробежал его глазами и замер в нерешительности.

– Сэр? – с новой надеждой в голосе окликнул его Джоэл.

Йорк отложил бланк.

– И все-таки нет! – наконец произнес он. – Фитч сделал все верно. Джоэл, есть правила, и нарушать их нельзя. Обыкновенным студентам обучаться рифматике не дозволяется.

Джоэл зажмурился.

– Однако! – продолжал мысль Йорк. – Я поручил Фитчу один очень важный проект, и ему непременно понадобится помощь. На твое счастье, назначить научным ассистентом я могу кого угодно, и нет такого правила, которое запретило бы мне это сделать.

При этих словах ректора глаза Джоэла широко распахнулись. Между тем Йорк вытянул еще один бланк.

– Конечно, все это при условии, что научный ассистент не будет донимать своего наставника, ведь я уже назначил Фитчу студента, и мне не хотелось бы перегружать профессора работой.

– Обещаю, я не буду его донимать! – с жаром воскликнул Джоэл.

– Подозреваю, узнав о твоём назначении, Нализар не на шутку рассердится. А если учитывать все его попытки к сегрегации студентов, для него это станет настоящей трагедией!

Йорк улыбнулся, и сердце Джоэла затрепетало от радости.

– Правда, есть одно «но»... Я не могу назначить тебя научным ассистентом, пока ты не заслужишь право выбирать летний факультатив. – Ректор взглянул на часы. – По моим подсчетам, у тебя есть еще сорок пять минут, чтобы вернуться на занятие к профессору Киму. Как думаешь, успеешь за это время переправить свой итоговый тест?

– Легко! – воскликнул Джоэл.

– Ну что ж... – Йорк похлопал ладонью по бланку на столе. – Назначение будет дожидаться тебя здесь. Если до конца дня появишься в моем кабинете с удовлетворительной оценкой за экзамен по истории, сможешь величать себя научным ассистентом профессора Фитча!

Не прошло и пары секунд, как Джоэл выскочил за дверь и помчался через лужайку на экзамен к профессору Киму. Запыхавшийся, он ворвался в аудиторию – от его внезапного появления все вздрогнули. Студенты по-прежнему корпели над итоговым тестом.

Экзаменационный бланк Джоэла все еще лежал на столе у профессора Кима.

– Ректор убедил меня попытаться еще раз! – выпалил Джоэл. – Можно мне новый бланк?

– Ты все это выдумал, чтобы раздобыть ответы? – спросил Ким и сомкнул кончики пальцев.

– Сэр!.. Клянусь, что это не так! – горячо возразил Джоэл. – В канцелярии подтвердят! Все это время я дожидался ректора и даже не думал заглядывать в учебники!

– Что ж, это очень хорошо, – сказал Ким, взглядывая на часы. – Но закончить тебе придется вместе со всеми.

Не успел профессор достать и вручить Джоэлу новый бланк, как тот уже схватил чернильницу, перо и помчался на свое место. Джоэл яростно скрипел пером до самого боя часов, возвещавшего окончание занятия. Воззрившись на последний вопрос, на который не успел толком ответить, Джоэл глубоко вздохнул и присоединился к студентам, по очереди сдающим работы на кафедру. Дождавшись, пока все уйдут, он вручил профессору свой тест. Ким побежал глазами ответы Джоэла и удивленно вскинул брови.

– Похоже, к ректору на ковер тебя следовало отправить еще несколько месяцев назад. Знал бы я заранее, что будет такой результат!

– А не могли бы вы прямо сейчас проверить мою работу? – спросил Джоэл. – Мне нужно знать, сдал я или нет.

Ким глянул на часы, достал перо, обмакнул его в чернильницу и принялся читать. Джоэл терпеливо ждал. Сердце гулко билось, пока профессор снимал балл то тут, то там.

Наконец Ким подвел внизу бланка итог.

– Я сдал? – спросил Джоэл.

– Да, – ответил Ким. – Но скажи, пожалуйста, почему ты не ответил так с первого раза? Мы ведь оба знаем, что в этом вопросе ты подкован хорошо.

– Думаю, мне просто не хватило мотивации, – сказал Джоэл. – Сэр, вы не могли бы написать ректору записку, что я справился?

– Отчего бы и нет! А как ты смотришь на то, чтобы углубиться этим летом в курс истории?

– Может быть, в следующем году, – воспрянув духом, отвечал Джоэл. – Но за предложение благодарю!

Вернувшись вскоре в канцелярию, Джоэл обнаружил, что заполненный бланк уже дожидается его в приемной. Согласно документу, на все время летних каникул Джоэл поступал в распоряжение профессора Фитча в качестве научного ассистента. Тут же была приложена и записка от ректора:

В следующий раз, когда вздумаешь разводить самодеятельность, попробуй сначала обратиться ко мне. Я считаю неправильным стремление рифматистов окончательно обособиться от остальных студентов в кампусе.

Теперь насчет профессора Фитча. Мне очень любопытно, как он будет справляться со своим новым проектом. Инспектор Хардинг настаивал, чтобы для решения этой проблемы я привлек лучшего рифматиста академии. Очень жаль, конечно, что с Фитчем приключилась такая неурядица, однако выходка Нализара оказалась нам на руку. Благодаря этому не слишком удачному стечению обстоятельств у профессора высвободилась уйма времени.

Если не возражаешь, я попрошу тебя держать меня в курсе дела. Время от времени буду запрашивать отчет о проделанной работе. Так что – ухо остро!

Ректор Йорк

Часть вторая

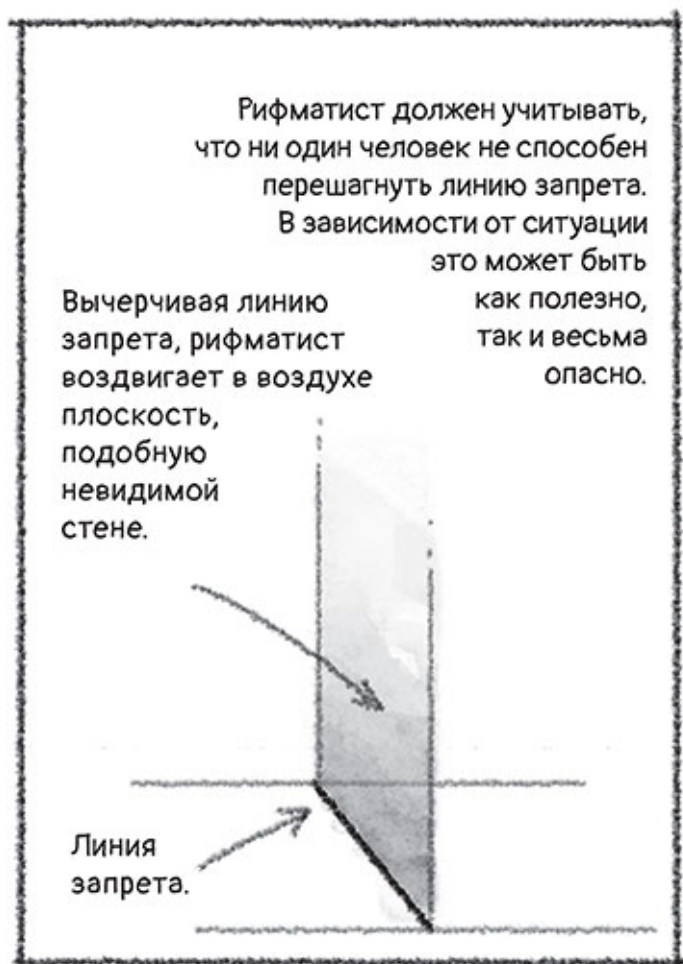

ЛИНИИ ЗАПРЕТА

Для каждого рифматиста важно отдавать себе отчет, где и зачем он чертит линию запрета, поскольку начертанную линию запрета невозможно преодолеть даже самому начертателю.

На этом эскизе линия запрета закрывает тыл рифматиста и предохраняет заградительную окружность от преждевременного разрушения.

Рифматист должен учитывать, что ни один человек не способен перешагнуть линию запрета.

В зависимости от ситуации это может быть

Вычерчивая линию запрета, рифматист воздвигает в воздухе плоскость, подобную невидимой стене.

как полезно, так и весьма опасно.

Вычерчивая линию запрета, рифматист должен помнить, что он не сможет протянуть за нее руку, чтобы нарисовать меллинга или выстрелить линией силы. Кроме того, рифматист может оказаться в ловушке, поскольку распыление линии силы занимает четыре секунды.

Глава 07

На следующее утро Джоэл спозаранку покинул общежитие и направился в кампус рифматистов. Глубоко вдыхая, он наслаждался ароматами цветущих деревьев и свежескошенной травы. Кампус насчитывал четыре корпуса старинной кирпичной кладки. Каждый именовался в честь одной из четырех рифматических линий. Кабинеты профессоров располагались в верхних этажах.

Джоэл отворил дверь корпуса защитных искусств и прошел на тесную лестничную клетку. Поднявшись на третий этаж, он оказался перед массивной дверью из свилеватой древесины. Выглядела она очень древней, что, впрочем, вполне вписывалось в общий антураж кампуса рифматистов.

Юноша в нерешительности помялся на месте. Никогда прежде ему не доводилось бывать в кабинете профессора рифматики. Профессор, конечно, слыл человеком благодушным, однако кто его знает, как он отреагирует на то, что Джоэл прыгнул через его голову и обратился к ректору Йорку напрямую?

Выяснить это можно было только одним способом. Джоэл постучал в дверь. Минуло несколько мгновений – ни звука. Он занес руку, чтобы постучаться вновь, как вдруг дверь распахнулась и его взгляду предстал профессор в расстегнутом сером сюртуке, белой жилетке и брюках.

– Да?... Чем обязан? – спросил Фитч. – А, это снова ты, парень! Ну, рассказывай, что на этот раз привело тебя ко мне?

Джоэл неуверенно протянул профессору бланк, заполненный ректором Йорком.

– Гм... Что это? – Фитч взял листок. – Научный ассистент? Ты?

Джоэл кивнул.

– Ха!.. – воскликнул Фитч. – Гениально! И как я сам не додумался?! Ну-ну!.. Не стой на пороге, проходи, сынок!

Джоэл облегченно выдохнул, позволяя Фитчу увлечь себя в кабинет, который напоминал скорее коридор, чем комнату. Шириной всего в несколько шагов, этот туннель из громоздящихся вдоль стен книг уводил куда-то в необозримую даль. Несколько узеньких окон справа сочились дневным светом, освещая бедлам из мебели и всяческих безделушек, грудami лежащих вдоль стен. Под потолком, щелкая пружинным механизмом, сияли два небольших светильника.

– И как я мог сомневаться, что ректор Йорк все устроит? – сетовал Фитч, лавируя между стопками книг. – Блестящий управленец! Одним небесам известно, как он умудряется держать в узде эту толпу бесноватых, чье эго родилось вперед них самих. Все смешалось! И сыновья рыцарей-сенаторов, и рифматисты, и хваленые герои Небраска... Ой-ой-ой!..

Джоэл последовал за профессором. Точно балкон, комната тянулась вдоль наружной стены здания, поворачивала и бежала под прямым углом в северном направлении, пока не упиралась в глухую стену, у которой стояла небольшая, аккуратно заправленная кровать. Убранство постели Фитча – тщательно разложенное стеганое покрывало и заткнутые простыни – резко выделялось на фоне всеобщего беспорядка, царящего в сумраке этого кирпичного туннеля.

Притулившись в углу, Джоэл наблюдал, как Фитч откапывает из-под завалов бержерку и стул плюшевого гарнитура. Кабинет был затхлый. В воздухе стоял запах старых книг, пожелтевшего пергамента и отсыревшего кирпича. И хотя снаружи уже веяло летним теплом, в обиталище Фитча все ежилось от прохлады.

Джоэл поймал себя на невольной улыбке: кабинет профессора оказался именно таким, каким он его себе и представлял. На стене слева висело множество рифматических эскизов, начерченных, судя по всему, в незапамятные времена. Некоторые из них были в рамке под стеклом, и все без исключения сопровождались подробными комментариями. Повсюду высились пирамиды книг, на фундаменте

которых уже возрастали стопки других научных трудов. Тут и там взгляд натыкался на полузарытые в хламе экзотические безделушки: на флейту, по всей видимости, откуда-то с востока; на керамическую чашу, украшенную цветной глазурью; на несколько египетских картин...

А рифматические линии... Они были везде и всюду: изображены на картинах, отпечатаны на форзацах книг, выцарапаны на половицах, вплетены в палас и даже нарисованы на потолке.

— Я ведь и сам обращался ректору с просьбой отрядить мне помощника, — сказал Фитч, копошась в завалах. — Но просить в ассистенты студента-нерифматиста? Нет, так попирать традиции я бы никогда не осмелился. Хотя никаких запретов, насколько мне известно, не существует, и... Эй, парень?

— А?... — отозвался Джоэл, взглядывая на пожилого профессора.

— Убранство моего кабинета привело тебя в замешательство? — спросил Фитч. — Прошу прощения, бардак тут и в самом деле невероятный. Я все время напоминаю себе прибраться, но так как никого, кроме меня — ну и теперь вот тебя, — тут не бывает, то и наводить красоту, собственно, ни к чему.

— Нет, что вы! Ваш кабинет просто идеальный! Я... — В этот миг Джоэл подумал, что не сумеет передать свои мысли словами. — В общем, у меня такое ощущение, будто я оказался дома!

Фитч улыбнулся, оправил длинный сюртук и уселся в бержерку.

— Ну что ж! Тогда мне следует тебя чем-нибудь озадачить! Дай-ка поразмыслить...

Он осекся: до их ушей донеслось слабое эхо нерешительного стука в дверь. Фитч вскинулся на ноги.

– Это еще кого принесло? Ах да!.. Совсем забыл! У меня же еще один студент есть!

– Еще один?.. – переспросил Джоэл, поворачивая следом за угол и пробираясь через завалы коридора.

– Ну да, – отозвался Фитч. – Йорк препоручил мне заняться ее индивидуальным обучением. По моему предмету... То есть теперь уже по предмету Нализара... В общем, по курсу рифматики, которая у нее хромает на оба колена!

– А это случайно не... – начал было Джоэл, но смолк, когда Фитч отворил дверь.

Ну конечно! Кто бы сомневался! На пороге стояла Мелоди собственной персоной – рыжая, кудрявая и в белой юбке. Серый джемпер она променяла на блузку с коротким рукавом. На этот раз девочка показалась Джоэлу даже симпатичной – по крайней мере, ее глаза.

– А вот и я! – объявила во весь голос Мелоди. – Ну что, приступим к порке?

Симпатичная и сумасшедшая. К сожалению.

– К порке? – переспросил Фитч. – Дорогая, ты себя хорошо чувствуешь?

– Профессор, это я так пытаюсь сказать, что смирилась со своей судьбой, – объяснила Мелоди, перешагивая порог.

– Ах вот оно что! Ну и славно! – поманив Мелоди, профессор развернулся и направился мимо Джоэла вглубь кабинета.

Пока Фитч тщился отыскать что-то среди груды книг, Мелоди приблизилась к Джоэлу.

– Скажи-ка... только честно! – шепнула она. – Ты меня преследуешь?

– Что?.. – вздрогнул Джоэл.

– Начнем с того, что математикой ты занимаешься у того же профессора, что и я!

– Студентов распределяет администрация академии!

– Кроме этого! – Мелоди точно не слышала его возмущенного возгласа. – Ты устроился на ту же подработку в канцелярии, на которую, к моему великому сожалению, теперь вынуждена ходить и я.

– Я подрабатываю там с начала семестра!

– А затем ты выследил меня и настиг в кабинете Фитча! Довольно подозрительно, не находишь?

– Да больно мне надо тебя преследовать! Я пришел к профессору гораздо раньше!

– Ну-ну! Очень удобно! – горячилась Мелоди. – Короче, не вздумай шастать под моим окном по ночам! Иначе сброшу тебе что-нибудь тяжелое на голову и всю академию на уши подниму!

– Ага!.. – воскликнул Фитч, вытаскивая большой альбом для эскизов.

Профессор перевел взгляд на стену и задумчиво потер подбородок. Поразмыслив, он ткнул пальцем в один из чертежей, который изображал упрощенную защиту Мэтсона, и снял его со стены.

Отодвинув ногами книги и освободив место на полу, Фитч обратился к Мелоди:

– Итак, юная леди! Вероятно, вы уже сочли себя безнадежной? Однако это не так! Ни за что не поверю в эту чушь! Вам нужно лишь повторить основы практической рифматики.

Фитч сгрузил эскиз защиты Мэтсона на пол, вырвал лист из большого альбома и положил его поверх чертежа.

– Копирование? – вздохнула Мелоди.

– Именно оно!

– Мы же этим в седьмом классе занимались!

– Так вот поэтому, моя дорогая, твой курс и называется «Индивидуальный коррекционный»! Сделаешь десять копий этого чертежа, а там, глядишь, уже и домой пора будет. Не забудь про диаметры и точки привязки!

Мелоди снова вздохнула.

«Похоже, вздыхает она часто», – подумал Джоэл.

Как будто подслушав мысли, девочка метнула в него взгляд, полный немого укора. Она точно обвиняла Джоэла, что тот стал невольным свидетелем ее унижения. Джоэлу ее вздохи были совершенно непонятны. Провести день, тренируясь рисовать рифматическую защиту, ему казалось более чем увлекательным времяпрепровождением.

– Ну, Мелоди... Приступай! – скомандовал Фитч, поднимаясь на ноги. – Для тебя, Джоэл, тоже найдется работенка.

Профессор зашагал по коридору, а Джоэл, улыбаясь в предвкушении, засеменил следом. Ректор Йорк говорил, что идея проекта, который он поручил Фитчу, принадлежала федеральному инспектору. А это означало, что дело чрезвычайной важности. Большую часть прошлой ночи Джоэл провел в постели без сна,

размышляя о том, чем же таким озадачили Фитча. Наверняка чем-нибудь связанным с рифматикой, линиями и...

– ...переписными книгами, – сказал Фитч, хватая стопку томов в кожаном переплете и передавая их Джоэлу.

– Что, простите?

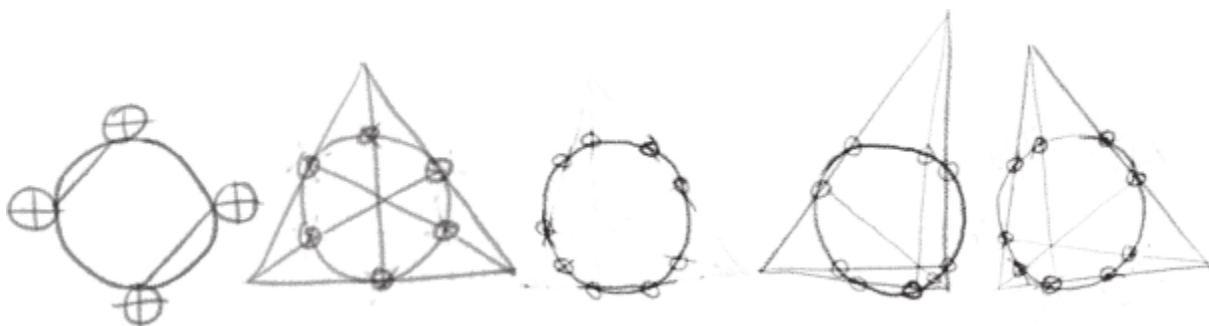
– Ты будешь заниматься переписными книгами, – повторил Фитч. – Твоя задача – просмотреть эти подшивки и найти все некрологи рифматистов за последние двадцать лет. После этого я попрошу тебя сверить список усопших со списком выпускников академии. Эти перечни, если что, у меня вот здесь. Каждого скончавшегося рифматиста Армедиуса, найденного в них, будешь вычеркивать.

– Звучит так, будто в один присест и не управишься... – нахмурился юноша.

– В точку, Джоэл! – воскликнул Фитч. – Иначе зачем бы мне понадобился научный ассистент?

Джоэл пролистал одну из переписных книг. От корки до корки эти тома полнились некрологами со всех шестидесяти островов.

– На самом деле, сынок, тут все проще, чем кажется на первый взгляд, – подбодрил его Фитч. – Рифматисты в книгах отмечены звездочкой. Кроме того, в каждом из некрологов указывается, к какой из восьми рифматических школ он был приписан. От тебя требуется лишь внимательно пролистать эти книги и найти всех почивших рифматистов Армедиуса, а затем вычеркнуть их из этого списка. Отдельное внимание удели студентам нашей академии. Я хочу, чтобы их некрологи ты читал с особым тщанием. Записывай в заметки все, что может показаться тебе... странным.

– Странным? – переспросил Джоэл.

– Да-да. Загадочная смерть, убийство или что-нибудь в этом роде. Каждый год из Армедиуса выпускаются порядка двадцати рифматистов. А теперь подсчитай, сколько специалистов академия подготовила за восемьдесят лет... Тысяча шестьсот, вот сколько! Мне нужны имена погибших и обстоятельства их смерти. – Профессор потер подбородок и прибавил: – Мне пришло в голову, что в академии могут быть соответствующие записи... Однако, когда мы с Экстоном сунулись проверять архив, оказалось, что строгого учета умерших выпускников администрация Армедиуса не ведет. Упущение, за которое нам – то есть тебе – теперь придется расплачиваться.

При виде беспорядочной груды переписных книг Джоэл даже присел на стул. Искоса на него глянув, Мелоди улыбнулась самой себе и вновь обратилась к своему заданию.

«Во что я только ввязался?..» – спросил себя Джоэл.

* * *

– Моя жизнь – сущая трагедия! – воскликнула Мелоди.

Оторвав взгляд от стопки книг с именами покойников, Джоэл воззрился на девочку. Та сидела на полу невдалеке и вот уже который час копировала защиту Мэтсона. Без слез на ее художества смотреть было невозможно.

Профессор Фитч, не обращая внимания на Мелоди, работал за столом в углу.

– Ну почему? – вопрошала она. – Почему из всех островитян именно меня взяли в рифматисты? Где идеальная окружность и где я? Я даже скопировать ее по-человечески не могу!

– Вообще-то... – захлопывая книгу, произнес Джоэл. – Без специальных приспособлений начертить идеальную окружность не под силу ни одному человеку. Именно это и делает рифматические дуэли такими интересными.

– Вот дотошный, – гневно сверкнула на него глазами Мелоди.

– Смотри, – сказал Джоэл, опускаясь на пол и доставая листок бумаги.

Он взял перо, обмакнул его в чернильницу и нарисовал от руки окружность. Мелоди склонилась над рисунком, присмотрелась.

– Неплохо вышло, – нехотя похвалила она.

Джоэл покачал головой и огляделся. Страницы одного из пыльных томов были заложены веревочкой. Вытащив закладку, Джоэл прижал пальцем ее конец к центру рисунка и вращением проверил радиус окружности по всей длине.

– Видишь, – сказал он. – Ошибся на целых полмиллиметра.

– Целых полмиллиметра! Подумать только! – воскликнула Мелоди. – Кому какое дело, на сколько миллиметров ты ошибся? Нет, ты точно больной!

– Исход схватки может решить малейшая неточность, – пояснил Джоэл. – Если бы мы с тобой сражались на дуэли и ты заметила бы в моей дуге изъян, у тебя были бы все шансы победить. Эти полмиллиметра стали бы моим слабым местом. Конечно, нарисовать безупречный заградительный круг невозможно, но побеждает тот, кто приблизился к идеалу.

– А не проще разрешить нам использовать какое-нибудь приспособление? Например, ту же веревочку?

– Нельзя всегда полагаться на циркуль. К тому же чертить при помощи инструмента дольше, чем от руки. Пускай моя окружность несовершенна, однако близка к идеалу, а значит, найти изъяны в ней будет непросто. Особенно если учитывать, что соперник обычно очерчивает себя заградительным кругом в пяти, а то и десяти футах. Лучше сразу учиться рисовать ровные окружности от руки. – Джоэл

уселся обратно на стул. – В долгосрочной перспективе это умение обязательно пригодится. В рифматике, наверное, нет навыка важнее этого.

– Откуда ты все это знаешь? – воззрилась на него Мелоди.

– Мне эта тема очень интересна, вот и все.

– А не хочешь за меня покопировать? – подалась вперед Мелоди.

– Что?..

– Не прикидывайся дурачком! Закончи за меня эту тягомотину! Я полистаю твои книжки, а ты порисуешь свои любимые круги! Баш на баш!

– Профессор Фитч сидит практически у тебя за спиной, – кивнул на наставника Джоэл. – И вероятно, он слышал все твои слова до единого.

– Конечно, слышал, – отозвался Фитч, записывая что-то в блокнот.

– Ой!.. – поморщилась Мелоди.

– Странная ты... – заметил Джоэл.

Девочка отстранилась, скрестила и спрятала ноги под юбкой, а затем с трагизмом вздохнула.

– Еще неизвестно, каким бы ты был странным, если бы тебе пришлось владеть жалкое существование презренного раба рифматики.

– Какая ж ты раба?! – воскликнул Джоэл. – Ты избранная! И должна гордиться этим!

– Гордиться?... Чем? Тем, что вынуждена пахать с тех пор, как мне стукнуло восемь? Тем, что должна дни напролет учиться чертить эти дурацкие круги? И все потому, что однажды от этой способности будет зависеть моя жизнь? А то и всех Соединенных Островов? Я должна гордиться тем, что у меня нет права на свободу, на волеизъявление и самоопределение? Гордиться тем, что в конце концов меня сошлют на Небраск, чтобы сражаться? Бесчеловечно отнимать у меня еще и право хоть изредка да сетовать на судьбу!

– А может, ты просто избалованна?

Глаза ее широко распахнулись. Она даже зашипела. Мелоди схватила эскиз с листом для копирования, вскочила на ноги и протопала за угол, по пути нечаянно опрокинув стопку книг.

– Джоэл, не отвлекайся от работы, пожалуйста, – сказал Фитч, не отрываясь от своих трудов. – Больше дела, меньше слов! Особенно таких, какие распаляют и мешают работать другим студентам.

– Простите, – отозвался Джоэл, принимаясь за очередную переписную книгу.

Фитч оказался прав. Несмотря на самые мрачные ожидания, работа спорилась. Однако менее скучной она от этого не становилась. И самое главное, в чем ее смысл? Неужели это «особое» поручение было не более чем предлогом, чтобы обновить архивные записи Армедиуса? А может, ректор пожелал разыскать бывших выпускников, чтобы принудить их пожертвовать академии деньги или еще что-нибудь?

После всего, через что пришлось пройти, чтобы заполучить Фитча в наставники, Джоэлу непременно хотелось поучаствовать в чем-нибудь действительно интересном. Нет, он отнюдь не ожидал чего-то грандиозного... Но переписные книги?..

За работой Джоэл раз за разом ловил себя на мыслях о Небраске. Задание Фитча каким-то образом было связано с недавним визитом федерального инспектора... Неужели он помогает расследовать исчезновение Лили Уайтинг?

Может, девочка сбежала на Небраск? Такие, как Мелоди, понятное дело, туда не поехали бы ни за какие коврижки. Однако Джоэлу подобная поездка казалась чертовски захватывающим приключением. Темный остров, полнящийся жуткими и опасными меллингами,

которые рвутся через заградительные линии рифматистов, чтобы захватить все Соединенные Острова Америки.

На острове Небраск рифматисты занимались тем, что поддерживали огромный меловой круг размером с город. Его границы охраняли патрули и походные пограничные лагеря рифматистов, сдерживающих атаки меллингов изнутри. Меловые твари бросались на линии, стараясь прогрызть брешь и вырваться наружу. И время от времени меллингам это удавалось, и тогда рифматистам приходилось давать бой.

Меллинги... Дикие твари, убивающие людей. Никто не знал, кто их создал. Воображение Джоэла живо рисовало огромный меловой круг, очерчивающий остров по залитой бетоном земле. Он слышал, что более всего рифматисты боялись штормов. И хотя навесы, расставленные по периметру, надежно защищали заградительный круг от дождя, вода между пологами все равно сочилась или проливалась внутрь круга, что было еще хуже, поскольку так внутренняя меловая граница размывалась и в обороне возникали бреши.

Напольные часы в углу медленно отмеряли минуты до полудня — часа, когда заканчивались летние факультативные занятия. Джоэл все корпел над переписными книгами, пытаясь сосредоточиться, тогда как мысли о меллингах и рифматических окружностях ни на миг его не отпускали.

Наконец Джоэл расправился с последней переписной книгой и потерял глаза. Стрелки часов показывали без четверти двенадцать. Джоэл встал размять ноги и направился к профессору.

Заслышав шаги, Фитч моментально захлопнул блокнот с записями. Джоэл увидел на страницах какие-то зарисовки, но и только.

Рифматические эскизы? Прорванный заградительный круг?

– Ты что-то хотел, Джоэл? – спросил Фитч.

– Так ведь уже пора.

– Ах, неужели? Гм!.. И в самом деле! Как там поручение? Далеко продвинулся в исследованиях?

«И он называет это исследованием? – подумал Джоэл. – Не слишком ли громкое слово для такой задачи?»

– Я нашел и вычеркнул из вашего списка около тридцати имен.

– Неужто?.. Превосходно! Что ж, завтра продолжишь.

– Профессор... Не хочу показаться грубым, но... было бы здорово узнать, для чего я вам помогаю? Зачем я продираюсь через все эти переписные книги и имена?

– Гм... Боюсь, мне нельзя этого разглашать, – сказал Фитч.

– Это ведь как-то связано с визитом федерального инспектора в академию? – поинтересовался Джоэл, склонив голову набок.

– Я... я и в самом деле не волен...

– Ректор мне уже все рассказал.

– Правда?.. – почесал голову Фитч. – Что ж, полагаю, тогда можно и посвятить тебя... Хотя все выкладывать, конечно же, я не буду. Кстати говоря... Скажи-ка, не зацепился ли ты глазом за что-нибудь подозрительное?

– По правде говоря, все это малость жутковато, – пожал плечами Джоэл. – Листаешь, перелистываешь бесконечные списки покойников... Подозрительным может показаться любой некролог. Подробностей практически нет. Но большинство умерло либо от старости, либо от болезни.

– А несчастные случаи? – спросил Фитч.

– Есть парочка. Я пометил их, как вы и просили.

– О! Вот это хорошо! Сегодня же вечером ознакомлюсь с результатами твоих изысканий. Превосходная работа, сынок!

Джоэл от досады стиснул зубы. Зачем?.. Что же они такое ищут? Связано ли это со сбежавшей девочкой? Или он выдает желаемое за действительное?

– Что ж, полагаю, тебе не терпится бежать? – сказал Фитч. – Мелоди, ты тоже можешь сегодня уйти пораньше.

Дважды упрашивать не пришлось. Не успели они и глазом моргнуть, как девочка оказалась у выхода. Джоэл несколько мгновений

помялся. Стоит ли дальше давить на профессора? Однако требовательно заурчавший желудок решил все за него.

Преисполнившись решимости придумать, как вынудить Фитча показать блокнот, Джоэл отправился обедать.

ЗАЩИТА САМШЕНА

Защита Самшена является быстрой защитой на основе четырехточечной окружности и длинной линии запрета на вершине, призванной оградить оборонительную конструкцию от вражеских атак. Данную защиту выбирают рифматисты, предпочитающие вести боевые действия с флангов.

Глава 08

По пути в столовую Джоэл пересек опустевшую лужайку. Кампус день ото дня становился все безлюдней. Студенты отбывали на каникулы. Не отставал от них и рабочий персонал – на летние месяцы оставались единицы. Даже некоторые профессора покидали свои кафедры, чтобы поучаствовать в исследованиях или симпозиумах во Франции или чосонской Британии.

Тем не менее столовая оставалась самым людным местом в кампусе. Не желая стоять в очереди, Джоэл обогнул здание и прошел с черного хода напрямик на кухню. Конечно, простым студентам вход сюда воспрещался, однако Джоэл простым студентом не был. Обязанности по организации обеда сегодня возложили на плечи Хекстильды. Необъятная женщина кивнула Джоэлу в знак приветствия.

– Джоэл, мальчик мой! – сказала она с характерным шотландским акцентом. – Наслаждаешься первым летним деньком?

– Да как сказать! Провел полдня в заточении – в подzemелье профессора! Заставил меня читать переписные книги академии, можете себе представить?

– Ха!.. – воскликнула Хекстильда. – Кстати, не могу не поделиться новостями! Меня так и распирает!

Джоэл вопросительно вскинул брови.

– Мой сынуля выбил для всего нашего семейства визу путешественника! Чтобы мы смогли побывать на родине! Отбываем в следующем месяце!

– Хекстильда! Это же фантастика!

– С тех пор как моего прапрадеда Мактевиша изгнали из Шотландии, ни один наш предок по родной земле не ступал! И вот теперь мы наконец-то едем в любимые сердцем края! Ох уж эти грязные азиаты! Заставляют нас, шотландцев, испрашивать у них разрешения посетить собственную родину!

Прячась среди нагорий, шотландцы дольше всех сопротивлялись чосонскому нашествию, пока однажды все-таки не сдались и не были изгнаны из родного края. Убедить шотландца, что отвоеванная у него земля более ему не принадлежит, было задачей невозможной.

– Хекстильда, так ведь это надо отпраздновать! – воскликнул Джоэл. – Как насчет сделать мне сэндвич? Чтобы я не мариновался в очереди?

Хекстильда смирив его взглядом, но промолчала. Не прошло и пяти минут, как она соорудила ему свой фирменный многослойный сэндвич с копченым морским окунем. Покинув кухню, Джоэл направился через кампус, дорогой смакуя солоноватое угощение.

В университетском городке происходит что-то из ряда вон. Ректор Йорк ведет себя странно. Настораживает и излишняя подозрительность Фитча. Что он скрывает в своем блокноте? Все это очень и очень чудно. Надо втереться к ним в доверие... Вот только как?

Фитч предупреждал, что настоящая жизнь рифматиста лишена всякой романтики. Однако наверняка есть способ сделать ее не такой скучной! Вероятно, следует взять ситуацию в свои руки. Провести расследование и выяснить, чем же занимается Фитч.

Джоэл на миг задумался, опустил взгляд на остатки сэндвича, и его вдруг осенило. Он развернулся и рванулся к столовой.

Через несколько минут Джоэл покинул кухню с двумя бумажными пакетами, в которых покоилось по сэндвичу. Взяв направление на администрацию кампуса, он потрусил через зеленую лужайку.

– Джоэл? – подняли головы Флоренс и Экстон, когда он вошел в приемную.

– Не ожидала тебя сегодня увидеть! – сказала Флоренс. – Ты, случайно, не забыл, что на дворе первый день лета?

– Так я и не работать пришел! Просто захотел поздороваться. Лето ведь не отменяет правил приличия. Да и как я мог забыть о Флоренс!

Та расцвела. Сегодня на ней был сарафан зеленого цвета; выющиеся светлые волосы забраны в пучок.

– Какая забота! Экстон, кстати, тоже тебе рад! Хоть развеется немного! А то он что-то заработался, а признаться самому себе в этом, похоже, боится!

– Ну-ну! – отозвался Экстон, продолжая строчить что-то в журнале. – Я на седьмом небе от счастья! Теперь вы вдвоем сможете отвлекать меня от двухсотстраничного семестрового отчета об успеваемости, который мне надо сдать до конца недели. Только об этом и мечтал!..

– Не обращай на него внимания, деточка, – отмахнулась Флоренс. – Он так пытается сказать, что тоже рад тебя видеть.

– Должен признаться, что это не просто визит вежливости, – сказал Джоэл и поставил бумажные пакеты с сэндвичами на конторскую стойку. – Когда я заглянул к Хекстильде на кухню, она решила, что вы двое проголодались, и передала вам обед.

– Как мило с ее стороны! – воскликнула Флоренс, поднимаясь.

Даже Экстон пробубнил что-то одобрителное, когда Флоренс вручила ему пакет. Они тут же принялись за еду. Джоэл, чтобы не выглядеть белой вороной, извлек остатки своего сэндвича и тоже стал неспешно доедать.

– Ну и как прошли первые четыре часа летнего рабочего дня? – спросил Джоэл, облачиваясь о стойку. – Может, произошло что-нибудь захватывающее?

– Ничего особенного, – отозвалась Флоренс. – Как уже сказал Экстон, работы по горло. Впрочем, так всегда в начале лета.

– Скучно, наверное? – поддакнул Джоэл.

На это Экстон, поглощая сэндвич, только усмехнулся:

– Что ж, и в самом деле... Не каждый же день должно что-то происходить! Только вчера тут околачивался федеральный инспектор!

– Твоя правда, – отозвалась Флоренс. – Но этому я даже рада. Хоть какое-то развлечение. Ох и шумиха вокруг него поднялась!

– А из-за чего весь сыр-бор разгорелся, не знаете? – спросил Джоэл, откусывая от сэндвича.

– Может, и знаем... – сказала Флоренс, понижая голос. – Конечно, я не слышала, о чем шел разговор за дверью кабинета ректора...

– Флоренс! – предостерег ее Экстон.

– Ой, да хватит! – воскликнула Флоренс. – Ешь свой сэндвич! Джоэл, наверное, ты уже слышал про исчезнувшую несколько дней назад рифматистку? Лили Уайтинг.

Джоэл кивнул.

– Бедняжка, – сказала Флоренс. – Судя по оценкам, она была отличницей...

– Ты заглядывала в ее личное дело? – спросил Экстон.

– Разумеется, я заглядывала! – возмутилась Флоренс. – Что бы там ни говорили, вряд ли девочка сбежала. Сдается мне, в газетах врут. Она получала хорошие оценки, всем вокруг нравилась и ладила с родителями... Зачем ей сбежать?

– Так куда же она запропастилась? – спросил Джоэл.

– Ее убили, – тихо произнесла Флоренс.

Джоэл умолк. Убили? Что ж, по крайней мере, это объясняло визит федерального инспектора. Как странно прозвучала мысль об убийстве вслух! Азарт Джоэла поутих. Все-таки речь шла о человеке, а не о какой-нибудь трудноразрешимой задачке.

– Убили... – повторил Джоэл.

– При чем убил рифматист! – прибавила Флоренс.

От этих слов внутри у Джоэла похолодело.

– Ну все! Хватит досужих домыслов! – Экстон погрозил пальцем.

– Это не домыслы! – парировала Флоренс. – Я слышала достаточно, прежде чем дверь в кабинет Йорка затворилась. Этот инспектор считает, что в убийстве замешан рифматист. А в академию он приехал за экспертным мнением. И...

Флоренс осеклась, когда хлопнула дверь в приемную.

– Записка Габерштоку доставлена, – раздался девичий голос. – Но я...

Джоэл застонал.

– Опять ты!.. – возопила Мелоди, тыча пальцем в юношу. – Что и требовалось доказать! Я же говорила, ты преследуешь меня!

– Да я просто...

– Не хочу я больше слышать никаких оправданий! – кричала Мелоди. – Теперь-то ты не отвертишься! Факты налицо!

– Мелоди! – осадила ее Флоренс. – Ты ведешь себя как ребенок! Джоэл наш друг. Он волен приходить сюда, когда пожелает.

Рыжеволосая рифматистка надулась. Джоэл решил держать рот на замке, дабы не накалять обстановку. К тому же вряд ли Флоренс поведала бы ему еще что-нибудь. Он кивнул на прощание и двинулся к выходу.

«Убита рифматистом? – перешагнув порог, вновь задался вопросом Джоэл. – Откуда у них такие подробности?»

Быть может, Лили умерла на дуэли? Разве могло что-то пойти не так? Маловероятно! Ведь студентам не раскрывали начертание символов, делавших меллингов смертельно опасными. Меловые существа, нарисованные линиями созидания, способны нанести вред лишь себе подобным. Чтобы превратить меллинга в орудие убийства, нужно воспользоваться особым символом, который называется «символом раздиранья». Его начертание рифматистам открывали только на последнем году обучения, когда отправляли на Небраск – поддерживать целостность заградительного круга Башни. Однако все это не исключало того, что студент мог открыть символ самостоятельно. И раз в убийстве действительно замешан рифматист, неудивительно, почему к расследованию привлекли профессора Фитча.

У него под носом происходит что-то серьезное! Джоэл намеревался непременно выяснить, что к чему, однако для начала ему нужно было составить план. И чем скорее, тем лучше!

А что, если взять и расправиться с переписными книгами в наикратчайший срок? Показав своим трудолюбием серьезный настрой, он заслужит доверие, и тогда профессор выдаст ему другое поручение. Кто знает, может, именно оно прольет свет на происходящее?

На том и порешив, Джоэл направился к Фитчу, чтобы попросить несколько переписных книг для сверхурочной работы. По правде говоря, планы на вечер у него были несколько иные. Он намеревался почитать один прелюбопытный роман, действие которого происходило в первые годы правления династии Корэо, когда чосонский народ сумел заручиться поддержкой монголов... Однако этот исторический опус мог и подождать.

Впереди у него дела поважнее!

ЗАЩИТА ОСБОРНА

Малые заградительные окружности не касаются заградительной линии эллипса. Это потому, что у эллипса всего две точки привязки — вверху и внизу. Во избежание ослабления оборонительной конструкции малые круги не стоит присовокуплять к линии эллипса.

Малые заградительные окружности чертятся опционально, когда нужно укрепить оборонительную конструкцию.

В связи с тем, что данная защита предполагает наличие всего одной точки привязки для меллингов, рекомендуется использовать линию созидания с умом и рисовать охранный меллинг настолько детально, насколько это возможно.

«Якорем» защиты Осборна, служит линия, расположенная в нижней точке привязки эллипса. При ее отсутствии конструкция с легкостью может быть выбита из-под ног рифматиста при помощи линий силы. И это главный недостаток, из-за которого многие рифматисты прибегают к такой защите только в крайних случаях.

Защита Осборна — единственная рифматическая защита, построенная на основе эллиптической заградительной линии. Выбирая данную защиту, рифматист должен помнить про малый запас прочности эллипса с флангов.

Благодаря своей эллиптической форме защита Осборна обладает большим запасом прочности в своей вершине и подходит рифматистам, привыкшим к стремительным боям.

Глава 09

К концу недели Джоэл узнал о себе кое-что важное. И ощущение это укоренилось в нем настолько глубоко, что в его истинности сомневаться не приходилось: Мастер точно не хотел, чтобы Джоэл стал конторским служащим.

Как же он устал от всех этих дат! Переписными книгами он был сыт по горло! Примечания, перекрестные ссылки и звездочки напротив имен рифматистов надоели ему до чертиков!

И тем не менее он сидел на полу в кабинете Фитча и упорно штудировать страницу за страницей. Джоэлу казалось, что переписные книги высосали его мозг без остатка. Губы его пересохли и слиплись, а пальцы жили теперь своей собственной жизнью. Было что-то завораживающее в этой машинальной работе: Джоэл не находил в себе сил остановиться, пока не довершит начатое.

А работа его в самом деле близилась к концу. После недели усердных трудов Джоэл одолел добрую половину переписных книг. Каждый день он брал несколько томов домой и корпел над ними до темноты. А если сон не шел, возвращался к перечням и просматривал их в свете ламп еще несколько часов кряду.

«Скоро, совсем скоро я закончу! – подбадривал себя Джоэл, отмечая еще одну смерть от несчастного случая. – Если только не сойду с ума!»

В другом конце кабинета шуршала бумагой Мелоди. Каждый день Фитч выдавал ей новую защиту. Копировала она все лучше, однако до совершенства было еще далеко.

За ужином Мелоди непременно сидела одна, в сторонке от остальных рифматистов. Пока все оживленно болтали, она ела в полной тишине. Из этого Джоэл заключил, что раздражала она не только его.

Последнюю неделю Фитч провел, погрузившись в старые заплесневелые труды. Пару раз Джоэл украдкой заглядывал в них и дважды убеждался, что теоретические тексты по высшей рифматике ему пока не по зубам.

Прогнав эти мысли прочь, Джоэл вернулся к работе, вычеркнул еще одно имя, взялся за очередную книгу, и вдруг кое-что привлекло его внимание...

Это был последний список выпускников академии Армедиуса, отсортированный по году выпуска. Джоэл, как и просил Фитч, скрупулезно вычеркивал почивших. Но одна из фамилий, оставшаяся нетронутой, показалась Джоэлу как будто бы знакомой... Экстон Л. Пратт. Ну конечно! Экстон! Конторский служащий!

За все время их знакомства Экстон ни словом не обмолвился, что он выпускник академии. Сколько Джоэл себя помнил, Экстон занимал должность старшего клерка в администрации кампуса. Всегда фатоватый, в костюме с бабочкой, выписанном с Калифорнийского архипелага, Экстон казался Джоэлу величиной постоянной и неизменной.

– Ну все!.. Хорош! – внезапно воскликнула Мелоди. – Я, Мелоди Манс, официально заявляю, что с меня хватит!

Джоэл вздохнул. Темпераментные вспышки этой юной леди повторялись на удивление часто. Похоже, тишина ее угнетала. Сохранять спокойствие долее часа она попросту не могла. Затянувшееся молчание Мелоди непременно нарушала каким-нибудь трагическим возгласом.

– Гм?.. В чем дело? – отрываясь от книги, откликнулся профессор Фитч.

– Я говорю, с меня хватит! – повторила Мелоди и скрестила руки. – Не думаю, что смогу скопировать еще хоть одну линию... Мои пальцы отказываются это делать! Еще чуть-чуть, и они отвалятся!

Джоэл встал и потянулся.

– Мне просто не дано! – сетовала Мелоди. – По-моему, я так плоха в рифматике, что все уже давным-давно должны были сдать и оставить меня в покое!

– Поверь мне, дорогая, все отнюдь не так плохо, как тебе кажется, – заметил Фитч, откладывая книгу. – За годы преподавания я только дважды сталкивался с отстранением студентов от занятий рифматикой. И то лишь потому, что их сочли опасными для общества.

– Я очень опасна! – заявила Мелоди. – Вы же слышали, что обо мне говорил профессор Нализар?

– Профессор Нализар о многом рассуждает с видом эксперта, однако это не означает, что он и в самом деле эксперт, – сказал Фитч. – Быть может, в дуэлях он и силен, но вот душу студента видеть ему не дано. Ты, моя дорогая, далеко не безнадежна! Взгляни, как ты продвинулась в черчении всего за неделю!

– Ага!.. – отозвалась Мелоди. – В следующий раз, когда вам понадобится впечатлить группу четырехлеток, может смело посылать за мной.

– Прогресс и правда налицо, – подтвердил Джоэл.

Конечно, эскизы Мелоди были далеки от идеала, но ее техника определенно улучшилась. Похоже, Фитч не даром занимал должность старшего профессора рифматики!

– Слышишь, дорогая, что говорит Джоэл? – сказал Фитч, вновь пододвигая к себе книгу. – Поэтому прекращай жаловаться и возвращайся к работе.

– Я думала, наставник должен наставлять, – ответила Мелоди. – А вы лишь книжки за своим столом читаете! Мне кажется, вы просто отсиживаетесь! Отлыниваете от обязанностей!

Фитч удивленно захлопал глазами.

– Копирование заградительных окружностей – традиционный и проверенный временем метод обучения студента базовым техникам рифматики.

– И тем не менее!.. – воскликнула Мелоди. – Осточертели мне эти круги! Неужели нет других упражнений?

– Что ж, полагаю, в твоих словах есть доля истины. Семь дней подряд копировать заградительные окружности может и впрямь показаться занятием малость утомительным. Гм... Вероятно, нам всем и вправду стоит передохнуть? Джоэл, будь добр, подсоби-ка!

Джоэл помог Фитчу передвинуть несколько книжных стопок, и образовался островок расчищенного пространства шести футов в поперечнике.

– Итак! – воскликнул Фитч, усаживаясь на пол. – Чтобы стать успешным рифматистом, недостаточно уметь чертить линии. Конечно, этот навык очень важен, это основа основ! Однако!.. Сообразительность гораздо важнее. Тот, кто на дуэли быстро думает, ничуть не хуже того, кто бойко чертит. Да и какой толк от скорости, если чертишь как попало?

– Тут не поспоришь, – пожала плечами Мелоди.

– Вот и славно! – Фитч извлек кусочек мела из сюртука. – А теперь скажи, помнишь ли ты пять типов заградительных окружностей, над которыми тебе пришлось работать всю неделю?

– Такое не забывается! – отозвалась Мелоди. – Защиты Мэтсона, Осборна, Баллинтайна, Самшена и Эскриджа.

– Все эти заградительные окружности – базовая защита рифматиста, – сказал Фитч. – У каждой из них есть сильные и слабые стороны. Овладев базовой защитой, мы можем теперь говорить о том, что у рифматистов именуется реактивным упреждением.

– Реактивное упреждение?.. – переспросил Джоэл и тут же проклял себя за длинный язык.

Вдруг Фитчу не понравится, что он сует свой нос куда не следует? Сейчас как вспылит да как отправит его дальше заниматься переписными книгами! Однако Фитч на него даже не взглянул.

– Именно так! Рифматисты помоложе называют такое сопротивление оттяжкой, но я это словцо не люблю. Давайте представим себе рифматическую дуэль.

С этими словами профессор принялся чертить на полу тренировочную окружность диаметром в две ладони. Фитч работал без нажима, самым кончиком мелка, и линии у него выходили тонкие.

– Так... Уже представили, что вы на дуэли? Теперь вы должны определиться, как вступить в бой. Начать рифматический поединок можно одним из трех способов. Первый из них – сразу выбрать защиту. Лучше всего, если она будет коррелировать с избранной вами стратегией. Для затяжной дуэли понадобится мощная защита, а для быстрой и агрессивной – облегченная. Однако торопиться не стоит. По крайней мере, не всегда. Прежде чем начать чертить, дайте сопернику шанс проявить себя и выстраивайте защиту согласно теории реактивного упреждения, которую я только что упомянул. Позвольте сопернику взять инициативу в свои руки. Пусть он раскроет карты!

Воспользовавшись этим преимуществом, вы возведете достойную защиту и далее сможете успешно противостоять любым атакам оппонента. Например, ваш соперник бросился чертить защиту Мэтсона. Что вы предпримете?

Фитч изобразил перед собой небольшую окружность. Сверху и снизу в точках привязки нарисовал круги поменьше, затем добавил меллингов. Только он оторвал мелок, как существо ожило, начало извиваться и ползать из стороны в сторону перед северной точкой малого круга. Профессор дорисовал ошейник и посадил меловую змею на крохотную привязь в точке привязки.

– Ну? – спросил Фитч. – Какую защиту лучше всего использовать против меня?

– Без понятия! – отозвалась Мелоди.

– Баллинтайна? – предположил Джоэл.

– Так-так!.. И почему же именно ее? – спросил Фитч.

– Потому что защита Мэтсона обязывает моего оппонента рисовать большое количество меллингов. Защита Баллинтайна – базовая заградительная окружность. Чертится быстро и имеет вверху достаточно пространства, чтобы атаковать соперника линиями силы прежде, чем тот успеет достроить защиту Мэтсона.

– Превосходно! – похвалил Фитч. – Именно поэтому... гм... я и проиграл Нализару на дуэли. Вряд ли Нализар использовал против меня тактику реактивного упреждения... Он просто начал плодить меллингов и посылать их в бой. Быстрая защита – обычный для него выбор. Кроме того, он знал, что я, всего вероятнее, отдам предпочтение защите более сложной. В общем, Нализар с самого начала поединка предвидел исход.

Фитч помедлил, а затем приложил мелок к маленькому защитному кругу. Не прошло и нескольких секунд, как тот развеялся в пыль. Такой трюк был под силу каждому рифматисту, однако распылять можно было только собственные творения. С художествами соперника такой фокус уже не получался. Нужно было просто прижать мелок к линиям, после чего те исчезали в облачке меловой пыли, как по мановению волшебной палочки.

– Однако не стоит обманываться! Агрессивная манера ведения боя не гарантирует вам превосходства над теми, кто избрал для обороны сложную заградительную окружность. И хотя сложная защита

придумана, чтобы отбиваться сразу от нескольких соперников, опытный дуэлянт с успехом воспользуется ею и против того, кто избрал своей стратегией быстрое нападение.

– То есть вы хотите сказать, что совершенно без разницы, какую защиту я выберу? – спросила Мелоди.

– Я такого не говорил!.. – воскликнул Фитч. – Хотя, если вдуматься, выходит, именно так я и сказал. Это я все к тому, что, какую бы защиту вы ни выбрали, стратегия превыше всего! Вы должны разбираться в защитах для того, чтобы успешнее применять ту или иную стратегию. А еще для того, чтобы понимать, где у соперника уязвимые места. Ну-ка, а что вы скажете на это?

Фитч вывел на полу эллипс, отчертил несколько линий запрета для защиты флангов, а на вершине нарисовал меллинга.

– Это защита Осборна, – ответил Джоэл.

– Очень хорошо, – похвалил Фитч. – Хотя догадаться было не так уж трудно! Ведь существует всего одна базовая защита, в основе которой лежит эллипс. И какой же защитой стоит воспользоваться, чтобы оказать достойное сопротивление Осборну?

Джоэл на миг задумался. Эллипс, в отличие окружности, крепок лишь сверху и снизу, тогда как боковые дуги...

– В ответ я бы тоже начертил защиту Осборна и померился бы со своим оппонентом мастерством.

– Так-так!.. Неплохо! – воскликнул Фитч. – А ты, Мелоди, что думаешь? Ты бы тоже прибегла к защите Осборна?

Мелоди открыла было рот, чтобы заявить, что ей нет никакого дела до глупых дуэлей, но затем смешалась и вдруг огорошила их ответом.

– Нет, конечно! – выпалила она и склонила свою рыжекудрую голову. – Воспользуйся я «оттяжкой», я бы никогда не стала применять точно такую же защиту, как у оппонента. Зачем давать ему преимущество? Чтобы затем всю оставшуюся дуэль нагонять?

– Ага!.. – возликовал Фитч. – Прямо в точку!

Джоэл покраснел. И кто только его за язык тянул! Надо было прежде подумать!

– Хорошо, Мелоди, – сказал профессор. – Если не защита Осборна, то какая?

– Хм... Защита Самшена?

Джоэл согласно кивнул. Быстрая защита Самшена с открытыми флангами идеально подходила для решения этой задачи. Самшен пользовался популярностью у приверженцев скоропалительных дуэлей и боевых меллингов, которых в данной ситуации весьма кстати можно было натравить на уязвимые боковые дуги эллипса Осборна.

Пока Фитч распылял рисунок, Мелоди улучила момент и торжествующе ухмыльнулась Джоэлу.

«Ах вот как!..» – мысленно воскликнул Джоэл.

– Профессор, а можете изобразить еще что-нибудь?

– Гм... А ты разве не должен штудировать переписные книги?

– Пожалуйста, дайте шанс отыгаться перед Мелоди! – взмолился Джоэл.

– Что ж, хорошо! Тогда хватайтесь за мелки!

Джоэл помялся. Мелка с собой у него, как назло, не оказалось.

– Слушай, Мелоди... А не могла бы ты одолжить мне кусочек? – робко шепнул Джоэл.

Мелоди закатила глаза, но мелком поделилась.

Студенты встали на колени бок о бок. Фитч принялся чертить. Джоэл внимательно наблюдал, пытаясь угадать, какую же защиту профессор задумал на этот раз.

«Так, это окружность, значит точно не Осборн...»

Изобразив фигуру, Фитч нарисовал сверху малый защитный круг и перечеркнул его крест-накрест линиями запрета.

«Самшен?... – подумал Джоэл. – Он чертит защиту Самшена!»

Особенностью защиты Самшена была линия запрета, проходящая по касательной к передней дуге окружности. Эта линия надежно защищала дугу, однако вместе с тем не позволяла рифматисту чертить что-либо за ее пределами, а значит, и защищать этот сектор от атак в дальнейшем. Рифматисту, избравшему защиту Самшена, оставалось только плодить меллингов на боковых дугах и посылать их в бой в надежде, что защита соперника рухнет прежде, чем его собственная.

«Мне нужно изо всех сил вдарить ровно по центру заградительного круга Фитча. Прорвать оборону в том месте, которое он считает самым укрепленным. В том самом, которое он не сможет защитить при всем желании», – размышлял Джоэл.

На ум пришел Баллинтайн, однако чертить он принялся защиту совершенно иную. Идти проторенной дорожкой не хотелось. Он припал

к грубым половицам и принялся яростно черкать мелком, выстраивая вокруг своей окружности геометрическую фигуру с девятью точками привязки. Эта была очень сильная защита, позволявшая порождать большое количество меллингов для атак с разных флангов. До поры до времени Джоэл решил не ограничивать себя линиями запрета. Вместо этого он стал рисовать линии силы, чтобы как можно скорее атаковать фронтальную дугу Фитча.

– Так, ладненько! – Фитч поднялся с колен. – Давайте-ка посмотрим, что тут у нас! Гм!..

Джоэл перевел взгляд на творение Мелоди – защиту Баллинтайна. И надо признаться, для своего уровня – весьма искусно! Да, линии были неровные, окружность – слегка перекошена, однако все составляющие защиты Баллинтайна находились именно там, где следовало.

– То, что надо!.. И в самом деле очень хорошо, моя дорогая! Быть может, глазомер тебя и подводит, но мыслишь ты как настоящая рифматистка... – Заметив что-то, профессор Фитч умолк, а затем наклонился, чтобы получше рассмотреть работу Мелоди. – Вот так так... Вы только посмотрите на этих меллингов! Ну и ну!

Джоэл тоже склонился над окружностью. Обычно рифматисты использовали меллингов самых что ни на есть распространенных – змеев, пауков, иногда драконов. Фитч был не из их числа. Своих меллингов он предпочитал вырисовывать как можно более тщательно, и в этом был свой резон, ведь очевидно, что существа, сотворенные с любовью, гораздо сильнее наспех накаляканых. К его стыду, Джоэлу так и не довелось тщательно изучить раздел рифматики, посвященный меллингам.

Своего единственного меллинга – а защита Баллинтайна имела лишь одну точку привязки для меловых существ – Мелоди нарисовала невероятно искусно. Несмотря на малые размеры, количеством деталей

ее рисунок поражал воображение. Миниатюрный медведь имел безупречные пропорции, а светотень умно играла среди штришков шерстяных волокон. Медведь ходил из стороны в сторону по рожице, высившейся перед заградительным кругом. Мелового зверя Мелоди посадила на крохотную цепь. Каждое звено она изобразила с особой рачительностью; один конец цепи петлей набросила на заднюю лапу, а другой соединила с точкой привязки.

– Ух ты!.. – вырвалось у Джоэла.

– Вот это я понимаю! – воскликнул Фитч. – И защита в данном случае подобрана совершенно верно. Хотя здесь сработала бы любая сложная защита, предполагающая оборону от большого количества меллингов.

Фитч взглянул на круг Джоэла.

– Ага! Защита с девятью точками! Любите щегольнуть познаниями, молодой человек?

Джоэл смущенно пожал плечами.

– Гм... – хмыкнул Фитч. – Должен признать, вышло очень недурственно, Джоэл! Третья точка, конечно, на несколько градусов отклонилась, однако все остальные в пределах допустимой нормы. Это защита Хилла?

– Ага, только малость доработанная.

– Смотрю, ты отказался от линий запрета?

– Вы начертили защиту Самшена, – пояснил Джоэл. – Это значит, что ставку вы сделали отнюдь не на линии силы... Если только вы не мастер их отражать! Но я решил рискнуть и выстроить свою защиту на допущении, что экспертом в отражении линий вы все-таки не

являетесь. Основываясь на этом, я и отказался от линий запрета. А вместе с ними – и от стабилизации. К чему лишние движения, когда атака линиями силы маловероятна? Вряд ли вы сможете настолько хитро отразить мою линию силы, что она вытолкнет у меня из-под ног мой же собственный защитный круг.

– Здорово рассуждаете, молодой человек! – сказал Фитч. – А что, если я разгадаю твой план заранее, распылю свою линию запрета и внезапно атакую тебя в лоб?

– Нет, внезапной атаки у вас не получится. Так или иначе, вам понадобится время, чтобы подготовиться, – возразил Джоэл. – За те несколько секунд, что вы распыляете линию запрета, я вполне успею стабилизировать свою защиту Хилла.

– Если только не проморгаешь мои приготовления, – заметил Фитч.

– Будьте покойны, – отозвался Джоэл. – Уж такого я не проморгаю!

– Что ж... Охотно верю! Как бы там ни было, ты меня впечатлил! Думаю, вы оба с большой долей вероятности повергли бы меня в пыль!

В это Джоэлу верилось с трудом. Слишком уж хорошо Фитч чертил! Профессор победил бы их, даже одолей его тремор, как на дуэли с Нализаром. Джоэлу в голову закралась мысль, что Фитч восхищается их работой не искренне, а чтобы подбодрить.

И, судя по реакции Мелоди, профессор не прогадал. Глаза девочки прямо-таки загорелись, она жаждала чертить.

– А давайте еще что-нибудь нарисуем? – воскликнула Мелоди.

– Что ж, попробуем... – отозвался Фитч и распылил защиту.

То же сделала и Мелоди.

Джоэл опустил взгляд на свой чертеж и смущенно протянул:

– Э-э... А тряпки у вас не найдется?

Фитч сначала удивленно воззрился на Джоэла, а потом опомнился.

– Ах, ну да! Гм... Сейчас посмотрим!

Спустя минут пять усердных поисков тряпка нашлась посреди научных завалов. Профессор вручил ее Джоэлу, и тот принялся тереть, однако желаемого результата так и не добился. Линии только размазались по половицам. Древесина – не лучшая поверхность для рисования мелом.

Джоэл тер все сильнее, наперед зная, что ничего не выйдет. Он ощутил, как заливается краской стыда.

– Джоэл... Тебе, наверное, лучше рисовать вот на этом! – откопав грифельную дощечку, сказал Фитч.

Джоэл скептически оглядел свою размазанную по полу защиту. Меловая клякса лишний раз доказывала, кто он есть на самом деле. И спорить с этим было бесполезно. Как бы он ни пытался, как бы усердно ни старался учиться, путь в рифматисты ему был заказан. Он никогда не сможет оживить свои меловые линии или распылить их силой мысли.

– Наверное, мне лучше вернуться к переписным книгам, – сказал Джоэл, поднимаясь на ноги.

– О, нет, нет! Потренируйся с нами. – Фитч потрянул перед собой дощечкой и протянул ее Джоэлу. – Ты уже на славу потрудился над этими книгами, а мисс Манс не повредит с кем-нибудь посоревноваться.

У Джоэла перехватило дыхание. Впервые кто-то из рифматистов принял его в свой круг! Он улыбнулся и взял дощечку.

– Превосходно! – воскликнул Фитч.

Очевидно, преподавать ему нравилось больше, чем проводить исследования.

За следующие несколько часов они разобрали с десятков защит и контрзащит. Фитч чертил все более и более сложные окружности, побуждая Джоэла и Мелоди шевелить мозгами и пытаться придумать несколько способов прорвать ту или иную защиту. Профессор удовлетворялся, когда его подопечные предлагали два или три маневра для успешной атаки. Дуэлей они не устраивали. Казалось, Фитч их сторонится и даже побаивается.

Вместо этого он чертил, объяснял и наставлял. Они обсуждали, какую защиту лучше избрать против множества соперников, а также говорили об особенностях ведения боя на открытой местности. Ведь на полях сражений Небраска стоит только зазеваться, и сразу попадешь в окружение! Фитч поучал, что каждый уважающий себя рифматист должен уметь вести бой сразу на нескольких фронтах. Этими рассуждениями профессор подвел их к вопросу о грамотном распределении сил во время боя. Далее Фитч, для наглядности сопровождая свою лекцию иллюстрациями, рассмотрел с ними и некоторые другие вопросы из области фундаментальной теории рифматики.

Воодушевленный Джоэл с головой бросился за профессором в рифматический омут. Конечно, все это совершенно не походило на настоящую лекцию, на которой Джоэл мечтал побывать, однако сейчас он был рад тому, что может чертить с ними на равных. И радости его не было предела.

Стоит ли говорить, что это было значительно интереснее охоты за рифматическими покойниками! Но все хорошее рано или поздно кончается.

– Ну, полагаю, на сегодня хватит! – глянув на часы, объявил Фитч.

– Как это хватит?.. – капризно воскликнула Мелоди, пересчитывая свои заградительные окружности, начерченные за время их спонтанного занятия. – Нет, не хватит! Он же ведет!

Джоэл самодовольно ухмыльнулся. Если его подсчеты были верны, Фитч одобрил его контрзащиту порядка семи раз, тогда как соперница удостоилась похвалы лишь трижды. Джоэл подозревал, что Мелоди не хуже его понимает, насколько безнадежно отстала.

– Ведет в счете? – переспросил Фитч. – Но, дорогая моя, мы ведь не соревнуемся...

– Да, Мелоди, – подхватил Джоэл. – Соревнование – это состязание более или менее равных соперников... А с тобой состязаться пока не в чем! Я бы даже сказал, совершенно не в чем!

Мелоди вздрогнула, как от пощечины. Вдруг осознав, насколько грубо прозвучали его слова, Джоэл смешался.

Вместо того чтобы огрызнуться, Мелоди схватила свой блокнот и сказала:

– Профессор, я лучше пойду... Попрактикуюсь с эскизами самостоятельно.

– Конечно, дорогая, – отозвался Фитч и бросил на Джоэла укоризненный взгляд. – Это ты просто замечательно придумала! Джоэл, мне нужно отнести книги в библиотеку. Поможешь?

Пожав плечами, Джоэл взялся за стопку, на которую указал Фитч, и последовал за ним на лестницу. Насупившаяся Мелоди осталась в кабинете.

Спустившись, они вышли на зеленую лужайку кампуса под яркое полуденное солнце. Поморгав с непривычки, Джоэл подивился, как же быстро пролетело время в кабинете профессора!

– Джоэл, надо признать, в рифматическом начертании ты весьма искусен – заметил Фитч. – Скажу больше, с таким натренированным студентом работать мне еще не доводилось! Чертишь, точно рифматист с тридцатилетним стажем!

– Увы, моя девятиточечная защита оставляет желать лучшего... – заметил Джоэл.

– Многим девятиточечная защита даже не снилась! – воскликнул Фитч. – Учитывая тот факт, что ты не рифматист, твои способности поражают воображение. Но еще я вынужден признать, что ты черствый сердцем задира.

– Задира?... – воскликнул Джоэл.

– Опасен не тот, кто юность напролет шпыняет других, – Фитч многозначительно поднял палец кверху. – Такой человек впоследствии бросает свои безрассудства, поскольку жизнь зачастую его разворачивает и он становится слишком ленив. Наоборот, воистину опасен тот, кого всю юность притесняли... Получив хоть толику власти, он непременно постарается переплюнуть всех самых деспотичных военных диктаторов, каких только видывал этот свет. Джоэл, я очень переживаю, что подобное может произойти и с тобой.

– Профессор, у меня и в мыслях не было выставить Мелоди в дурном свете, – потупил взгляд Джоэл. – Я просто чертил, будто в последний раз!

– Нет ничего плохого в стремлении быть лучшим, сынок, – строго сказал Фитч. – Не надо стыдиться своего таланта. Здесь у меня к тебе претензий нет. Я недоволен твоим последним замечанием в адрес Мелоди... Своими способностями можно и нужно гордиться, однако унижать других лишь потому, что ты в чем-то преуспел, недостойно. Ты меня сильно разочаровал.

– Я... – Джоэл не знал, что и ответить. – Мне очень жаль...

– Думаю, извиняться тебе надо не передо мной. Джоэл, ты еще юн. У тебя есть время поразмыслить, кем ты хочешь стать в будущем. Не позволяй зависти, злобе или обиде сделать за тебя выбор. Наверное, сейчас я излишне строг к тебе... Просто пообещай, что подумаешь над моими словами.

– Обещаю.

И они продолжили свой путь через студенческий городок. Джоэл нес книги и чувствовал себя негодяем до кончиков ногтей.

– Профессор, вы и в самом деле думаете, что из нее может получиться отличная рифматистка?

– Из Мелоди? – спросил Фитч. – Неуверенность в себе – единственная ее помеха на пути к триумфу. Я заглядывал в ее личное дело. Учитывая то, что я там увидел, поразительно, как она вообще еще держится на плаву. Думаю, если как следует позаниматься с ней основами рифматики...

– Ба! Профессор Фитч! – раздался чей-то голос.

Удивленный Фитч обернулся на зов. Джоэл, до этого мгновения ничего вокруг не замечавший, разглядел на вершине холма большую группу студентов, которые толпились на бетонном островке спортивной площадки. Среди них высился мужчина в бордовом сюртуке рифматиста. Скрестив руки, он взирал на Фитча и Джоэла сверху вниз.

– Профессор Нализар? Какими судьбами? – поинтересовался Фитч. – Насколько мне известно, у вас сейчас лекция в аудитории.

– Сегодня у нас занятие на природе, – ответил Нализар и обвел рукой студентов, стоявших на коленях и усердно работавших мелкими по бетону. – Единственный способ набраться опыта – практиковаться. А единственный способ победить – сражаться. Хватит уже с этих студентов пыльных аудиторий и тухлых лекций!

«Единственный способ выпендриться – вылезти на спортивную площадку», – подумал Джоэл, примечая среди играющих в футбол студентов и профессоров живейший интерес к персоне Нализара.

– Гм... – произнес Фитч. – Да, интересный подход. Что ж, хорошего дня.

– Профессор, вы уверены, что не желаете подняться и присоединиться к нам? – окликнул его Нализар. – Быть может, устроим стычку? Вы и я? Покажем детишкам, что такое настоящая дуэль? Конечно, я позволяю им попытаться счастья против меня, однако они едва ли смогут оказать сопротивление.

– Гм... Не думаю... – побледнел Фитч.

– Да ладно вам, профессор! – не унимался Нализар. – Учитывая, что в прошлый раз вы показали себя отнюдь не с лучшей стороны, вы должны просто жаждать реванша!

– Давайте, профессор! – шепнул Джоэл. – Вы можете его одолеть. Я видел, как вы сильны в начертании. Нализар вам и в подметки не годится!

– Профессор, благодарю покорно. – Фитч положил руку на плечо Джоэла, увлекая его за собой (ладонь профессора ощутимо дрожала).

Джоэл нехотя, но позволил Фитчу себя увести. Нализар что-то рявкнул студентам, и позади раздался смех.

– Почему? – недоумевал Джоэл, шагая рядом. – Ну почему вы не приняли вызов?

– Джоэл, в этом нет никакого смысла, – отозвался Фитч. – Принять вызов сейчас и проиграть означает лишний раз подвергнуть себя унижению. А победой я лишь наживу себе в лице Нализара врага. По правилам попытаться вернуть должность старшего профессора я смогу только через год.

– Какой же он все-таки лицемер, – фыркнул Джоэл. – Сначала поднимал такую шумиху из-за посторонних на лекциях, а затем устроил занятие на глазах у всего кампуса!

– Студентам Нализара предстоит сражаться на турнире. На них будут смотреть сотни глаз, – сказал Фитч. – Полагаю, задумка состоит в том, чтобы приучить их работать на публике. Однако я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Как бы там ни было, сражаться с ним я лишний раз не собираюсь. Поступить в этой ситуации иначе – не по-джентльменски.

– Нализар не заслуживает джентльменского отношения! – Джоэл сжал кулаки. – Вам следовало устроить повторную дуэль, и достоинство тут ни при чем. Терять вам все равно теперь нечего. Сейчас все полагают, будто Нализар лучше вас. Однако, победив его, вы заявите, что это вовсе не так!

Фитч на некоторое время умолк.

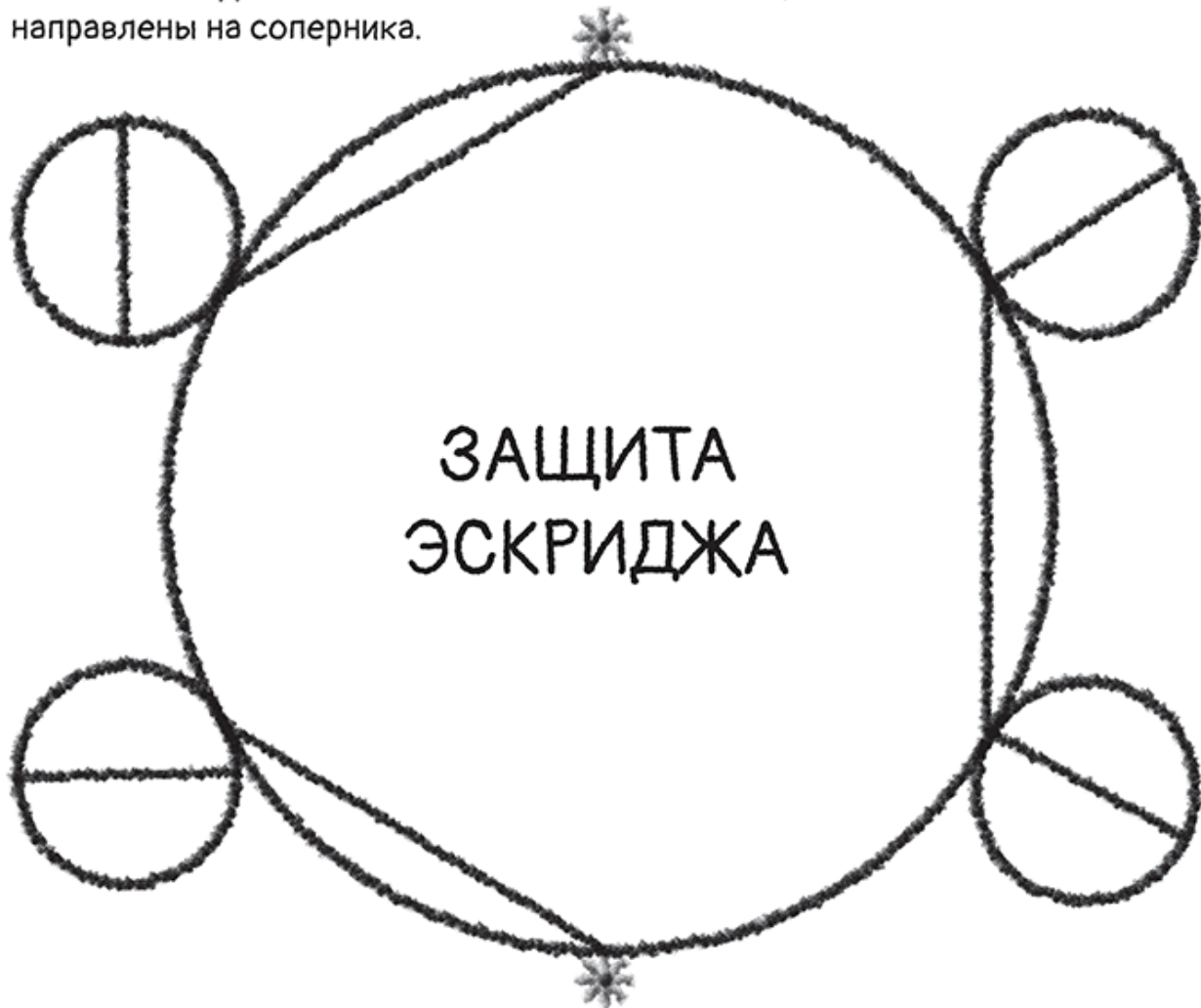
– Даже и не знаю, Джоэл. В дуэлях я... чего уж греха таить, не силен. Он победил меня. Победил заслуженно... Нет, нет, мне не следует с ним больше сражаться, и точка. Хватит с меня и одной дуэли.

Они пошли дальше к библиотеке, и от Джоэла не укрылось, что профессор продолжает едва заметно дрожать.

Три стабилизирующие хорды запрета делают защиту Эскриджа практически незаблемой.

Следует помнить, что линии запрета в малых заградительных окружностях обязательно должны быть направлены на соперника.

Вместе с тем эти хорды запрета отчасти сковывают рифматиста в бою.

Защита Эскриджа — одна из наиболее сложных оборонительных конструкций, что преподаются студентам-рифматистам. В общем и целом это защита с большим запасом прочности. Конструкция позволяет обороняться против нескольких противников одновременно и вместе с тем оставляет достаточно пространства для маневра.

Глава 10

«Готово!» — захлопывая последнюю переписную книгу, с удовлетворением воскликнул Джоэл.

Он перелистал стопку бумаг — результат своих двухнедельных трудов. В самом первом перечне, где значились студенты, закончившие академию восемьдесят лет тому назад, не было ни одной не вычеркнутой фамилии. Все до единого скончались. Не избежали смерти и те, кто выпустился из стен Армедиуса в следующие семь-восемь лет. Смертей становилось меньше с каждым списком, вплоть до прошлого года, когда в результате несчастного случая погиб один из защитников Небраска.

Дополнительно к отчету Джоэл составил особый список рифматистов — пропавших без вести. И хотя все они исчезли сравнительно давно — за исключением Лили Уайтинг, — Джоэл рассудил, что перечень может заинтересовать Фитча.

Он дотянулся до светильника рядом с библиотечным столом и повернул ключ — завод пружинного механизма ослаб, и свет погас. К своему удивлению, от проделанной работы Джоэл испытал чувство огромного удовлетворения.

Сунув пачку листов под мышку и подхватив переписные книги, Джоэл направился к выходу. Этим вечером он задержался дольше обычного и на ужин, вероятно, уже не успевал. Слишком уж он был близок к завершению своих мытарств, чтобы бросить работу недоделанной.

Библиотека представляла собой лабиринт из невысоких стеллажей. В большинстве они не превышали полутора метров в высоту. По периметру в свете мерцающих заводных ламп в альковах, точно отшельники, трудились студенты и профессора. Однако время их уже было на исходе, библиотека готовилась закрыть свои двери. Хотя бы того или нет, библиотекарь миссис Торрент слушать не станет – выставит за порог, и вся недолга.

Миновав конторку миссис Торрент, через несколько мгновений Джоэл очутился посреди зеленеющих лужаек кампуса. Уже смеркалось, тем не менее он вознамерился попытать счастья и выпросить у поваров столовой чего-нибудь съестного, однако уже в следующий миг осознал, что совершенно не голоден. Все, чего он желал, так это поделиться с кем-нибудь результатами своих многодневных изысканий.

Десяти еще не было, поэтому Джоэл подумал, что ничего страшного не произойдет, если он заглянет в кампус рифматистов. Вряд ли профессор Фитч позволяет себе ложиться в такую рань! Наверняка он будет рад узнать, что его ассистент наконец-то перелопатил все переписные книги.

Не придумав ни одного довода против, Джоэл быстро шел через лужайку от одного островка света к другому. Заводные фонари пощелкивали шестернями и сияли спиралями. На одном из таких островков около общежития рифматистов он заметил знакомый силуэт – Мелоди. Как и всегда, она сидела, уткнувшись носом в свой блокнот.

– Привет, Мелоди! – окликнул ее Джоэл, однако девочка и не подумала оторвать взгляд от своих зарисовок.

Джоэл вздохнул. Девочка оказалась злопамятной. Он уже трижды извинялся за свой длинный язык, но все без толку – она по-прежнему с ним не разговаривала. Ну и ладно! И почему это должно его беспокоить?

Оставив ее наедине с собой, Джоэл припустил пружинистой походкой к залу защитных искусств. Он взлетел по лестнице и энергично постучал в дверь профессора.

Не прошло и нескольких мгновений, как Фитч отворил. Джоэл не прогадал: профессор даже не думал готовиться ко сну. Тогда как многие в это время облачались в пижамы, Фитч рассекал по кабинету в белом костюме и рифматическом сюртуке до пят. Выглядел он

изможденным: волосы взлохмачены, взгляд блуждает. Впрочем, для профессора это было скорее нормой, чем отклонением.

– Гм... Чего изволите?.. – спросил Фитч. – А, это ты Джоэл! Что случилось, сынок?

– Я закончил! – воскликнул Джоэл, протягивая стопку листов и переписных книг. – Проштудировал все от корки до корки, профессор!

– Вот как... – монотонно отозвался Фитч. – Что ж, просто замечательно... Просто замечательно. Ты на славу поработал.

Профессор в задумчивости побрел вглубь кабинета, забыв своего ассистента на пороге.

Руки Джоэла, сжимавшие пачку листов, опустились. И это все?.. Ради чего, спрашивается, он вечерами напролет пахал две недели? Сидел до поздней ночи, вместо того чтобы смотреть сны!

Фитч добрался до стола в углу своего г-образного кабинета, а Джоэл между тем перешагнул порог и притворил дверь.

– Профессор, я сделал все в точности, как вы и просили! Проверил все фамилии! Смотрите, даже составил список пропавших без вести!

– Вижу-вижу... Спасибо, Джоэл, – отозвался Фитч, усаживаясь за стол. – Можешь оставить списки вот тут...

Джоэла постигло жгучее разочарование. Он положил стопку листов, и внутри у него вдруг похолодело от ужаса. Неужели это была работа ради работы?.. Неужели профессор Фитч и ректор Йорк сфабриковали легенду с научным ассистентом только для того, чтобы уберечь Джоэла от неприятностей? Неужели все его труды с этой самой минуты будут преданы забвению? Станут собирать пыль, как и тонны прочей макулатуры, которой завален кабинет профессора?

Джоэл попытался отогнать мрачные мысли и взглянул на сгорбившегося за столом профессора. Фитч сидел, опершись щекой о левую ладонь и постукивая пером в правой руке по листу бумаги.

– Профессор? – окликнул Джоэл. – Вы в порядке?

– Да-да, – отозвался тот устало. – Я просто... должен был разобраться со всем этим раньше!

– Разобраться с чем? – спросил Джоэл, пробираясь через завалы к профессору.

Фитч не отвечал. Похоже, все его внимание занимали бумаги на столе. Джоэл решил изменить тактику.

– Профессор?

– Гм?..

– Раз с первым заданием я закончил, быть может, у вас найдется, чем еще занять мое время? Как насчет чего-нибудь, связанного с вашим проектом?

– Ах, ну разумеется, – отозвался Фитч. – Справился ты с этим исследованием выше всяких похвал. И очень быстро. Я не ожидал. Полагаю, задание тебе пришлось по душе?

– Я бы так не сказал... – признался Джоэл.

– Будет здорово, если ты добудешь сведения обо всех рифматистах, уволенных со службы на Небраске. Я имею в виду тех, что теперь живут на нашем острове. Как думаешь, справишься?

– Добыть сведения?.. – нахмурился Джоэл. – Профессор, но... Как, по-вашему, я должен это сделать?

– Гм... Наверное, тебе следует сравнить списки выпускников всех академий с переписной книгой за последний год...

– Вы так шутите? – спросил Джоэл.

Он уже достаточно потрудился с этими переписными книгами, чтобы прекрасно сознавать, что именно ему предлагает Фитч. Новое исследование займет по меньшей мере несколько месяцев!

– Нет-нет, все это очень важно... – рассеянно бормотал Фитч.

– Профессор... Что-то случилось?

Фитч поднял взгляд и воззрился на Джоэла, будто совершенно забыл, что он в кабинете не один.

– Разве ты не слышал, сынок?

– Слышал что?..

– Прошлой ночью исчез еще один студент академии, – сказал Фитч. – Сегодня днем полиция объявила его в розыск.

– Так я весь день пропадал в библиотеке. – Джоэл встал подле профессора. – Еще один рифматист?

– Да, – подтвердил Фитч. – Герман Лайбл. Мой бывший ученик.

– Мне жаль, – отозвался Джоэл, заметив сокрушенный взгляд профессора. – Следствие по-прежнему считает, что за исчезновениями стоит рифматист?

– Откуда тебе известно? – взглянул на него Фитч.

– Ну... Это же очевидно. Ректор мне рассказал, что федеральный инспектор поручил вам серьезное дело. Кроме того, вы только что

просили меня установить местонахождение всех рифматистов Небраска, проживающих на нашем острове... Нетрудно догадаться!

Фитч охнул и опустил взгляд на бумаги на столе.

– Значит, теперь ты понимаешь, как я виноват.

– Виноваты? Но в чем?..

– Виноват! – воскликнул Фитч. – Мне поручили раскрыть эту загадку, а я что?.. Так до сих пор и не сдвинулся с мертвой точки! Я просто бесполезен... Если бы мне только удалось найти решение раньше! Быть может, бедняжка Герман не пропал бы вовсе! А теперь?.. Одному Мастеру известно, что с ним!..

– Профессор, вы не должны корить себя, – сказал Джоэл. – Это не ваша вина!

– Нет, моя. Меня назначили ответственным, а я не оправдал доверия... – вздохнул профессор. – Возможно, Йорку следовало поручить это задание Нализару.

– Профессор! – воскликнул Джоэл. – Нализар, быть может, и победил вас на дуэли, но это не значит, что он лучше во всем! Сколько ему? Наверняка двадцати пяти еще нет! А вы всю свою жизнь посвятили рифматике! Тут и разговаривать не о чем! Вы настоящий ученый, а этот выскочка вам и в подметки не годится!

– Даже не знаю, что и сказать... – произнес Фитч.

Джоэл перевел взор на бумаги профессора. Несколько листов были сплошь испещрены эскизами, заметками и чернильными кляксами.

– Что это? – спросил Джоэл, указывая на один из эскизов с упрощенной защитой Мэтсона.

Вернее, тем, что от нее осталось. Подробно выполненная зарисовка изобиловала брешами в заградительной окружности. Складывалось ощущение, будто ее разрывали когтями.

«Вероятно, меллинги», – подумал Джоэл.

Линии – те, что уцелели, – были сплошь изъедены и искромсаны.

– Так, ничего. – Фитч накрыл листы рукой.

– А вдруг я сумею помочь?

– Сынок, ты только что уверял меня, что профессор Нализар слишком неопытен в свои двадцать четыре года. А тебе всего шестнадцать!

Джоэл оторопел, а затем поморщился и кивнул.

– Да, понимаю. Я ведь не рифматист... О чем со мной говорить!

– Сынок, прекращай, – сказал Фитч. – У меня и в мыслях не было тебя обижать, но... все дело в том, что ректор Йорк велел мне не болтать. Администрация академии не хочет наводить панику. Если честно, мы до сих пор не можем понять, похитили этих ребят или же они просто решили дать деру...

– Но для себя вы уже все решили, профессор? – прочитав в глазах наставника сомнение, спросил Джоэл.

– Да, – признал Фитч. – В обоих случаях были найдены следы крови. Правда, не то чтобы много... Тел не обнаружили, что дает определенную надежду. Но в одном сомневаться не приходится: ребяташек ранили и похитили.

По спине Джоэла пробежал холодок. Он привстал на колени рядом со столом Фитча и с жаром заговорил:

– Послушайте, профессор! Ректор назначил меня вашим научным ассистентом, значит наверняка хотел, чтобы я расследовал это дело вместе с вами! Кроме того, я умею держать язык за зубами.

– Сынок, дело не только в этом. Я не хочу подвергать тебя опасности.

– Что бы тут ни происходило, касается это, похоже, исключительно рифматистов, – сказал Джоэл. – Получается, ректор Йорк неспроста подослал меня к вам! Я многое знаю о рифматике. Да, я не могу оживлять меловые линии, но ведь в данном случае это большой плюс для меня – я в безопасности!

Фитч с мгновение посидел в раздумьях, а затем убрал с эскизов руки.

– Что ж, в твоих словах есть зерно истины. Ректор Йорк лично назначил тебя моим научным ассистентом. И, если честно, мне и в самом деле нужно поделиться с кем-то соображениями. Я уже все глаза проглядел с этими эскизами!

Джоэл подскочил на ноги и с нетерпением склонился над чертежами.

– Эти эскизы были сделаны на месте похищения Лили Уайтинг, – сказал Фитч. – Меня преследует навязчивая мысль, что полицейские, делавшие зарисовки, что-то упустили. Все-таки не дело, когда хитроумные чертежи рифматистов перерисовывают люди, в рифматике совершенно не сведущие!

– По-моему, это остатки защиты Мэтсона, – предположил Джоэл.

– Верно. В тот вечер Лили вместе с родителями была на званом ужине, однако праздник она покинула раньше – около десяти часов. Когда несколько часов спустя родители Лили вернулись домой, то обнаружили взломанную парадную дверь и изрисованный мелом пол гостиной. Девочки нигде не нашли: ни в доме, ни в академии.

– Линии сплошь истерзаны меллингами, – сказал Джоэл, вглядываясь в эскиз. – Похоже, их было много...

– Бедное дитя, – тихо произнес Фитч. – В заградительном круге обнаружили кровь. Кем бы ни был преступник, символ раздиранья ему знаком не понаслышке. Впрочем, как и Небраск.

– Но ведь следы крови еще не означают, что девочка погибла? – спросил Джоэл.

– Нам остается только надеяться на лучшее.

– Что вы собираетесь делать?

– Нужно понять, кто за всем этим стоит, – сказал Фитч. – Или, по крайней мере, снабдить инспектора подробными сведениями о преступнике.

– И как это возможно с одним эскизом? – спросил Джоэл.

– Ну, есть еще несколько. – Фитч вытянул пару листов бумаги.

Глазам Джоэла предстали очень подробные зарисовки. Место преступления было запечатлено с той же скрупулезностью, с какой студенты художественной академии обычно рисуют фруктовые натюрморты. Первое изображение хранило зарисовку деревянного пола, а второе – участок кирпичной стены. На обеих картинках белели необычные линии.

– А что это за линии такие? – спросил Джоэл.

– Сам теряюсь в догадках. Первую линию нашли на полу в холле, а вторую – на стене дома снаружи.

– Это не рифматические линии, – сказал Джоэл.

Первая была изломанной и зазубренной, точно очертания горного хребта, а вторая закручивалась внутрь четырьмя спиралями. Эти нарисованные как будто бы детской рукой завитки показались Джоэлу до странности знакомыми.

– Именно, – отозвался Фитч. – Не пойму, зачем кому-то взбрело в голову чертить эти бесполезные линии? Только чтобы сбить нас с толку? Запутать? Или я все-таки что-то да упускаю?

– Предполагается, что эту заградительную окружность начертила Лили? – спросил Джоэл, показывая на зарисовку защиты Мэтсона на деревянном полу.

– Да. Рядом с окружностью был обнаружен отброшенный кусочек мела. Такие мелки производят только в Армедиусе. Особый состав. Кроме того, манера начертания защиты Мэтсона – точно такая, какой учу я на своих лекциях. Видишь ли, каждый профессор по-своему преподает рифматическую защиту. Мне одного взгляда хватило, чтобы понять, что этот заградительный круг, несомненно, начерчен Лили. Она была одной из лучших моих учениц... Очень смышленная!

– Этот круг... Сколько же меллингов его атаковало, профессор? – спросил Джоэл, разглядывая изъеденную защиту Мэтсона. – Судя по рисунку, просто тьма-тьмуца! И как только они не мешали друг другу? Похоже, кто бы на нее ни напал, стратегией он не утруждался.

– Да, похоже на то, – согласился Фитч. – Либо его стратегия изначально заключалась в том, чтобы задавить бедняжку Лили меллингами...

– Так-то оно так, – сказал Джоэл. – Но вы же сами на прошлой неделе чертили для нас с Мелоди схемы и рассказывали, что против защиты Мэтсона использовать линии созидания бесполезно. Вы говорили, что атаковать нужно линиями силы, однако на этом рисунке я не примечаю ни одного взрыва от линии силы. На заградительном круге Лили виднеются лишь следы от клыков и когтей меллингов.

– У тебя зоркий глаз рифматиста, Джоэл, – похвалил Фитч. – От меня это тоже не укрылось, но какой из этого мы можем сделать вывод?

– Вряд ли нападавший нарисовал такое количество меллингов за столь короткий срок, – рассуждал Джоэл. – Чтобы прорвать защиту Мэтсона, требуются детально прорисованные сильные меллинги. У обороняющегося всегда преимущество: точки привязки дают охранным меллингам дополнительную живучесть и силу. Учитывая все это, я считаю, что атаковавшему было просто некогда рисовать меллингов столь детально. Ведь он должен был закончить с меллингами прежде, чем Лили дорисует защиту Мэтсона...

– И это означает...

– ...что меллинги были нарисованы заранее! – осенило Джоэла. – Вот почему на месте схватки не нашли заградительной окружности

нападавшего! Зачем выстраивать оборону, если знаешь, что жертва даже защиту начертить толком не успеет? Похоже, меллинги дожидались своего часа за линиями запрета. А когда Лили оказалась в пределах их досягаемости, злодей спустил их с цепи.

– Именно!.. – воскликнул Фитч. – Именно об этом я и подумал, когда увидел эскизы!

– Но разве это возможно? – засомневался Джоэл. – Меллингами не так-то просто управлять. Рифматист должен отдавать точные и простые команды, наподобие: «Двигайся прямо, пока не упруешься в стену, а затем поверни направо». Или «двигайся прямо и атакуй первого попавшегося вражеского меллинга». Как нападавший вообще умудрился привести с собой армию меллингов? Да еще прорваться через дверь и направить эти полчища на Лили?

– Ума не приложу, – ответил Фитч. – Могу предположить, что это как-то связано с теми двумя необычными линиями. Последние две недели я штудировал тексты по рифматике в поисках зацепок. Вполне возможно, что эта ломаная – всего лишь небрежно нарисованная линия силы... Однако надо заметить: если линия вычерчена неверно, она сразу теряет все рифматические свойства и становится не более чем невинным меловым рисунком на асфальте или стене. А что касается второй... Вероятно, это заградительная линия или ее подобие. На самом деле с мелом подчас творятся странные дела, и, почему так происходит, – остается только догадываться...

– Все это сплошная несуразица, – сказал Джоэл, пододвигая табурет и усаживаясь рядом. – Если бы меллингов можно было приручить, разве стали бы рифматисты возиться со всеми этими защитами? Наплевав на заградительные круги, они бы просто разгуливали с коробочками, набитыми уже готовыми к бою меллингами!

– Все это действительно очень странно, – согласился Фитч. – Если только кто-то не сделал в рифматике важного открытия... Может, мы чего-то не понимаем? Может, над меллингами можно получить больший контроль, чем нам известно? Все это очень похоже...

– На что?

Фитч с несколько мгновений помолчал.

– На диких меллингов.

Джоэл помертвел.

– Так ведь они в окружении на острове Небраск? – сказал он. – В сотнях километров отсюда.

– Да-да, разумеется... Глупое допущение. Дикае меллинги растерзали бы девочку, оставив изглоданный труп. Нашему злодею попросту нечего было бы похищать! Я...

Профессора прервал стук в дверь.

– Кто это в такое время? – задался вопросом Фитч.

Он прошел к двери и впустил на порог высокого незнакомца. Под мышкой незваный гость держал синий полицейский шлем, а из-за плеча у него торчал длинный узкий ствол винтовки.

– Инспектор Хардинг! – воскликнул Фитч.

– Профессор, – приветствовал его Хардинг. – Я к вам прямиком со второго места преступления. Позвольте пройти?

– Ну разумеется! Ох! Уж только не обессудьте за беспорядок!

– Н-да... – протянул Хардинг. – Не в обиду будет сказано, но такого бардака я не видал даже на поле боя! Инспекторский смотр вам ни в жизнь не пройти!

– Что тут скажешь... Хорошо, что мы не на поле боя! – Фитч притворил за инспектором дверь.

– У меня очень важная информация для вас, профессор, – гаркнул Хардинг (похоже, инспектор был из тех, кто привык говорить повелительным тоном). – На вас в этом деле я возлагаю большие надежды, солдат! На карту поставлены жизни!

– Что ж, я в вашем полном распоряжении, – сказал Фитч. – Однако я не представляю, чем могу быть полезен... Я пытался изо всех сил, но так до сих пор и не добился успеха. Быть может, вы возлагаете свои надежды не на того?

– Но-но, профессор! Не скромничайте! – одернул Хардинг, тяжелой поступью шагая вглубь кабинета. – Йорк отзывался о вас в наивысшей степени положительно. Нет лучше похвалы, чем похвала командира! Ну а теперь, думаю, нам нужно...

Инспектор увидал Джоэла и умолк.

– Позвольте, а это что за молодой человек?

– Мой научный ассистент, – пояснил Фитч. – Он помогает мне разобраться в этом непростом деле.

– А допуск к секретной информации у него есть? – спросил Хардинг.

– Паренек что надо, инспектор, – заверил Фитч. – Заслуживает доверия.

Хардинг смерил Джоэла взглядом.

– Инспектор, мне одному с этой задачей мне не справиться, – добавил Фитч. – Как раз хотел спросить вашего дозволения... Может, допустим парня к делу? Я имею в виду, в официальном порядке?

– Как тебя зовут, сынок?

– Джоэл.

– Я смотрю, ты не рифматист.

– Нет, сэр, к сожалению, не рифматист.

– Никогда не сожалею о том, кто ты есть, сынок, – сказал Хардинг. – Я вот тоже не рифматист и горжусь этим. Это не раз спасало мне жизнь на поле боя! Эти твари с острова Небраск в первую очередь бросаются на пыльников. На таких, как мы с тобой, они обычно не обращают внимания. А зря! Ведерко ядерной кислоты стирает их с лица земли не хуже линий силы.

– Сэр, – расплывшись в улыбке, обратился Джоэл к инспектору. – Прошу прощения за любопытство, но вы офицер полиции или солдат?

Хардинг осмотрел свой синий полицейский мундир с золочеными пуговицами.

– Сынок, я пятнадцать лет прослужил военным полицейским на восточном фронте Небраска. А недавно меня комиссовали сюда, в гражданский департамент. Я... Мне все здесь пока немного чуждо. Но со временем, думаю, обвыкнусь. – С этими словами он вновь повернулся к Фитчу. – Кажется, надежный малый. Если вы за него ручаетесь, то я не возражаю. А теперь к делу. Что вам удалось разузнать?

– К сожалению, за пару дней с нашей последней встречи я не продвинулся ни на йоту, – ответил Фитч, возвращаясь к столу. – Я по-прежнему считаю, что мы имеем дело с рифматистом – причем талантливым и могущественным. Я как раз просил Джоэла сделать выборку из переписных книг. Список рифматистов, проживающих на острове, нам очень пригодится.

– Здравая мысль, – отозвался Хардинг. – Но тут я вас опередил. Все уже подготовлено. Как только окажусь в полицейском участке, вышлю вам результаты своих изысканий.

Джоэл облегченно выдохнул.

– Кстати говоря, по моей просьбе Джоэл проштудировал архивные переписные книги и выписал всех рифматистов, кто исчез или погиб при необычных обстоятельствах, – сказал Фитч. – Кто знает, быть может, удастся найти зацепку в прошлом?

– Великолепно, профессор! – похвалил Хардинг. – Но что с эскизами? Мои люди хорошо разбираются в цифрах, но не в рифматике, будь она неладна! Она стопорит нам все расследование!

– Мы работаем над ними, – заверил Фитч.

– Профессор, я в вас не сомневался! – Хардинг хлопнул Фитча по плечу, затем достал свернутые трубочкой листы бумаги из-за пояса и развернул их на столе. – Вот зарисовка схемы второго места происшествия. Дайте знать, если обнаружите что-нибудь интересное.

– Да-да! Разумеется!

Хардинг наклонился к профессору и произнес:

– Думаю, детки еще живы. Профессор, каждая секунда сейчас – на вес золота. Мерзавец, который за всем этим стоит, просто измывается над нами. Я прямо это чувствую!

– О чем вы?

– Первая девчушка, – сказал Хардинг, поправляя винтовку на плече, – живет всего в трех домах от федерального полицейского участка! Сразу после ее исчезновения я объявил усиление, и что вы думаете? Паренька из того же квартала похитили прямо из-под носа у патруля, который возглавлял я лично! Нет, это не просто похищение! Подонки дают понять, что не боятся нас. Дескать, плевать он хотел, что мы рядом.

– Вот так так!.. – растерянно сказал Фитч.

– Но ничего! Я найду его! – заверил Хардинг. – Кем бы он ни был и где бы ни прятался, я его из-под земли достану! Похищать детей удумал! Только не в мою смену! Профессор, я очень рассчитываю на вашу помощь. Вы мой поводырь в этом деле! Только направьте меня, и я обязательно сыщу этого мерзавца!

– Сделаю все возможное и невозможное, сэр.

– Превосходно! Трудитесь не покладая рук. Доброй ночи, господа! Скоро свидимся! – Хардинг отрывисто кивнул Джоэлу и ушел.

Джоэл дождался, пока за инспектором закроется дверь, а затем с жаром обратился к Фитчу:

– Профессор, умоляю, дайте взглянуть, что принес инспектор! Вдруг мы сумеем разгадать эту тайну?

– Джоэл, сынок, – осадил его Фитч. – Не забывай, пожалуйста, что речь идет о человеческой жизни – причем довольно-таки юной. Это не просто головоломка!

Джоэл со всей серьезностью покивал.

– Кроме того, мне по-прежнему кажется, что втягивать тебя в это дело – не самая хорошая идея, – прибавил профессор. – Прежде, вероятно, мне следовало бы переговорить с твоей матерью...

Фитч нехотя развернул бумаги Хардинга. Верхний листок оказался полицейским отчетом.

Жертва: предположительно Герман Лайбл, сын Маргариты и Лиланда Лайблов. Возраст: шестнадцать лет. Студент академии Армедиуса. Рифматист.

Происшествие: Лайбл подвергся нападению в своей спальне, после чего был похищен из родового имения, куда он, согласно школьному протоколу, прибыл на выходные. Спальня родителей расположена в трех комнатах по коридору. Расстояние небольшое, но Маргарита и Лиланд ничего не слышали. Прислуга также не заметила в ту ночь ничего подозрительного.

Место происшествия: кровь на полу. Странные (рифматические?) рисунки мелом на полу спальни и на стене за окном.

Преступник: неизвестен. Вероятно, рифматист. Свидетелей нет.

Мотив: неизвестен.

Профессор Фитч перевернул страницу отчета. Заголовок второго листа гласил: «Меловые рисунки, обнаруженные на месте исчезновения Германа Лайбла. Пятна крови отмечены крестиками».

На месте происшествия по центру комнаты был круг, заключенный в несколько квадратов. По их углам зияли бреши, а линии периметра были изъедены точно так же, как и заградительная окружность недавно похищенной Лили Уайтинг. На полу вокруг защиты Германа Лайбла виднелись рваные меловые штришки.

«Похоже, останки уничтоженных меллингов, – подумал Джоэл. – Хотя утверждать наверняка было бы опрометчиво...»

– Гм... – промычал профессор Фитч. – Он решил себя запереть...

– Похоже на то... – кивнул Джоэл. – Увидев полчища меллингов, очертил себя линиями запрета.

«Бездарное решение, – подумал он. – Ни одной дуэли с такой тактикой не выиграешь».

Линии запрета создавали невидимый барьер и преграждали путь не только меллингам, но и любым другим физическим объектам. Рифматист, заблокировавший себя внутри квадрата из линий запрета, не мог чертить, а значит, не мог и защищаться.

«Заточив себя в квадрат запрета, Герман подписал себе смертный приговор...»

– Не стоило ему этого делать, – заметил Джоэл.

– Возможно, – отозвался Фитч. – Но что, если меллингов напало столько, что отбиваться было бесполезно? Линии запрета – единственное верное решение в такой ситуации. Квадрат запрета значительно крепче заградительного круга. Похоже, Герман пытался выиграть время.

– Да, вот только у квадрата есть углы, и они весьма уязвимы, – подметил Джоэл.

Он прекрасно знал, что линии запрета могли быть только прямыми. А прямые, как известно, не имеют точек привязки. Именно этим-то вражеские меллинги и воспользовались – разорвали защиту Лайбла по углам.

«Вероятно, Фитч прав, – подумал Джоэл. – Меллинги двигаются быстро, и убегать от них – идея отнюдь не лучшая. Единственный выход – это забаррикадироваться линиями запрета, а затем вопить в надежде, что кто-то услышит и придет на помощь, в то время как беспорядочный рой меловых тварей будет прогрызать и раздирать меловые линии одну за другой...»

– Вы заметили эти рваные штрихи на полу? – спросил Джоэл, поевившись.

Фитч пригляделся:

– Гм... И в самом деле!

– Выглядят, точно останки уничтоженных меллингов, – заметил Джоэл.

– Вполне может быть, – прищурился Фитч. – Судя по всему, тут произошел меловой взрыв! А полицейские сочли эти меловые штрихи недостойными внимания и зарисовали абы как!

– Вот бы нам самим взглянуть на место преступления... – сказал Джоэл.

– Согласен... Но, боюсь, уже слишком поздно. Чтобы осмотреть место преступления, полиции пришлось затереть мел и залить кислотой линии запрета. Сдается мне, они перевернули там все вверх дном, а это значит... – Тут профессор умолк.

«Это значит, что мы не сможем толком осмотреть место преступления, пока злодей не нападет снова. При условии, конечно же, что полиция не станет уничтожать улики и дождется нашего появления», – подумал Джоэл.

Все это означало, что третьей жертвы не избежать. Разумеется, это было недопустимо. Ничего не оставалось, кроме как работать с тем, что имелось у них на руках.

– Взгляни-ка сюда, – сказал Фитч, рассматривая третью, заключительную, страницу отчета.

Джоэл различил спираль, подобную той, что они уже наблюдали в отчете с места исчезновения Лили. Эскиз назывался «Необычный меловой знак, найденный на стене в комнате жертвы».

– Опять этот странный символ, – произнес Фитч. – И зачем только преступник его рисует? Ведь он не имеет никакого отношения к рифматике...

– Профессор, где-то я уже видел подобное. – Джоэл взял отчет и поднес его к свету, чтобы получше рассмотреть. – Точно вам говорю, видел!

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – возразил Фитч. – Рисунок-то самый что ни на есть простецкий. Ты мог встретить его где угодно. На ковре... или на настенной мозаике. В нем есть что-то от кельтской культуры, не находишь? Может, это подпись убийцы?.. То есть, гм... похитителя?

– Такое чувство, будто я его где-то уже встречал... И он совершенно точно имел отношение к рифматике! – покачал головой Джоэл. – Может, рисунок попадался мне в каком-то рифматическом тексте?

– Если и так, мне подобный рисунок в книгах не попадался ни разу, – отозвался Фитч. – Этот символ точно не рифматический.

– Разве нам известно о рифматике все? Вдруг это одна из тех линий, которую рифматистам еще предстоит открыть? – спросил Джоэл. – Я хочу сказать, что рифматику открыли всего несколько столетий назад, а прежде никто и помыслить не мог, что такое возможно.

– Это я допускаю, – согласился Фитч. – Некоторые ученые не оставляют попыток совершить открытия в рифматике.

– А почему бы вам самому не попытаться начертить этот символ? Может, это нам что-нибудь даст?

– Что ж, почему бы и нет? Думаю, вреда не будет. – Фитч достал из сюртука мелок, расчистил стол, а затем вдруг заколебался.

«Вреда не будет... – задумался Джоэл. – Если символ связан с похищениями, данное утверждение может оказаться в корне неверным. Они накликают себе на голову беду... А то и не одну!»

Джоэл живо вообразил, как Фитч, скопировав символ, провоцирует нападение полчищ меллингов или призывает в кабинет их хозяина. Один из светильников померк, и Джоэл поспешил его завести.

– Надо будет как-нибудь проверить этот светильник, – сказал Фитч. – Мне кажется, пока я буду рисовать, тебе лучше побыть снаружи.

– До сих пор эта напасть настигала только рифматистов, – покачал головой Джоэл. – Думаю, мне лучше остаться и присмотреть за вами. Вдруг чего случится, и вам понадобится помощь?

Фитч мгновение посидел в нерешительности, а затем вздохнул и перерисовал символ на крышку стола.

Ничего не произошло.

Джоэл затаил дыхание. Шли минуты, но все оставалось прежним. Нервничая, он подошел к столу и вгляделся в эскиз.

– Вы все правильно нарисовали?

– Гм... Думаю, да. – Фитч поднял перед собой зарисовку из отчета. – Конечно, если в доме Германа полицейские сняли точную копию...

Профессор дотронулся мелком до символа, пытаясь его распылить, однако рифматический трюк не удался.

– У этого знака нет рифматических свойств, иначе я смог бы его распылить. – Профессор помолчал, а затем задумчиво склонил голову. – Я... И как я теперь стол буду оттирать? М-да... Неувязочка вышла.

– Одной попытки мало, – сказал Джоэл. – Давайте попробуем нарисовать его по-другому?

– Что ж, пожалуй, именно этим мне и следует заняться, – сказал Фитч. – А ты ступай домой и ложись спать. Мать, наверное, тебя уже потеряла!

– Мама работает, – возразил Джоэл.

– Значит, тебе надо отдохнуть. Наверняка ведь притомился за день.

– Я страдаю бессонницей.

– Тогда пойди и попытайся уснуть! – воскликнул Фитч. – Нельзя тебе оставаться у меня в кабинете до утра! Уже поздно... Ступай!

Джоэл вздохнул:

– Вы же потом расскажете о своих открытиях?

– Да-да! – отмахнулся Фитч.

Джоэл вздохнул еще раз. На этот раз громче.

– Что ты все вздыхаешь? У Мелоди научился?.. – возмутился Фитч. – Ступай, кому говорю!

«Мелоди?.. – задумался Джоэл, направляясь к выходу. – Нашел с кем сравнить! Ну уж нет, только не она!»

– Послушай, Джоэл... – окликнул Фитч.

– Да?

– Возвращайся в общежитие не напрямик, а по бетонным дорожкам... Ступай в свете фонарей, ладно?

Джоэл кивнул и затворил за собой дверь.

Меловые рисунки, обнаруженные на месте исчезновения Лили Уайтинг

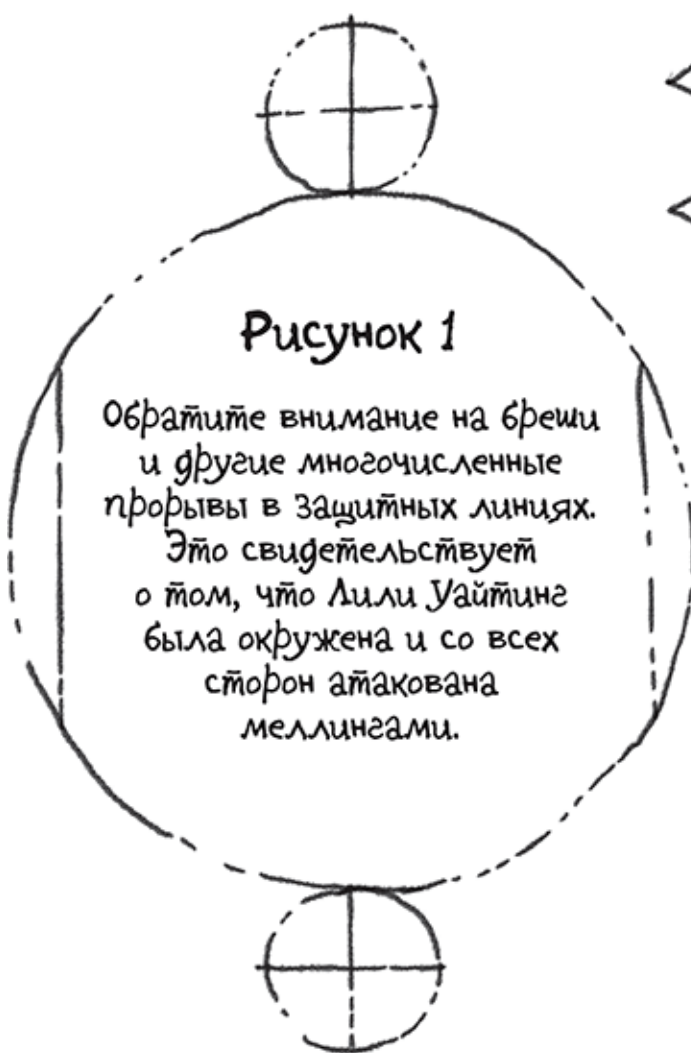

Рисунок 1

Обратите внимание на брешь
и другие многочисленные
прорывы в защитных линиях.
Это свидетельствует
о том, что Лили Уайтинг
была окружена и со всех
сторон атакована
меллингами.

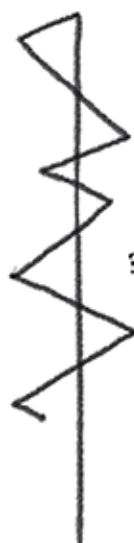

Рисунок 2

Неизвестная линия,
сочетающая в себе
элементы линии силы
и линии запрета.

Рисунок 3

Странная замкнутая линия
с четырьмя спиралями,
обнаруженная на внешней стороне
стены дома Лили Уайтинг.

Глава 11

На следующее утро Джоэл поднялся рано и сразу отправился к профессору. Пересекая росистую лужайку, он слышал гул голосов. Джоэл обогнул холм и увидел, что у здания администрации толпятся люди.

Но не студенты – их родители.

Нахмурившись, Джоэл подошел и встал позади собравшихся. Он огляделся и увидал в сторонке Экстона, который выделялся на фоне остальных красной жилеткой и черным котелком в тон брюкам.

На прочих была красивая, добротная одежда по последней моде, но выглядели они все как один. Женщины в ярких однотонных платьях, а мужчины – в темных жилетках и брюках. Стояла уже по-настоящему летняя жара, и надевать этим утром пальто не было необходимости, хотя расстаться со шляпами многие джентльмены так и не решились.

Родители перешептывались и потрясали кулаками в сторону ректора Йорка, стоявшего в дверях здания администрации.

– Что тут происходит? – шепотом спросил Джоэл у Экстона.

– Родители... – Администратор постучал тросточкой по бетонированной дорожке. – Бич любого учебного заведения.

– Заверяю вас, что в Армедиусе вашим детям ничего не угрожает! – объявил ректор. – Академия по-прежнему самое безопасное место для будущих рифматистов!

– Тогда как вы объясните исчезновение Лили и Германа? – выкрикнули из толпы, и та одобрительно загудела.

– Прошу, сохраняйте спокойствие! – призвал ректор Йорк. – Мы еще не знаем, что произошло на самом деле. Пожалуйста, не делайте поспешных выводов!

– Ректор Йорк, – обратилась к нему женщина с узким лицом и до того острым носом, что, вздумай она резко обернуться назад, точно высадила бы кому-нибудь глаз. – То есть вы отрицаете, что студентам угрожает опасность?

– Этого я не отрицаю, – отвечал Йорк. – Я сказал, что студенты в университетском городке в безопасности. Еще ни один из моих подопечных, находясь на территории кампуса, не пострадал. Заметьте, происшествия были зафиксированы за стенами академии...

– Хватит! Я своего забираю! – выкрикнул мужчина. – Увезу сына на другой остров! И никто меня не остановит!

– Почему студентам общеобразовательного курса дозволено уезжать из академии на летние каникулы, а рифматистам – нет? – вопрошал другой. – Чем они хуже?..

– Студентам-рифматистам нужны постоянные тренировки! – пояснил Йорк. – И вы прекрасно это знаете! Мы не можем позволить себе действовать импульсивно. Тем самым мы поставим под угрозу их будущее. Как, по-вашему, они будут защищать себя на Небраске?

Недовольные примолкли, однако мнения, похоже, не изменили. Джоэл услышал, как один из отцов зароптал, обращаясь к соседу:

– Да ему плевать! Йорк не рифматист. Ему и дела нет, умрут наши дети тут или на Небраске!

Джоэл приметил и несколько строго одетых мужчин с непроницаемыми лицами. Жилетки и треугольные шляпы их были нейтрального тона – такого, чтобы не привлекать лишнего внимания. В отличие от остальных, они ни на что не жаловались и держались поодаль.

Между тем Йорку наконец удалось уговорить родителей разойтись. Когда толпа стала рассеиваться, бесстрастные мужчины снялись с места и устремились к ректору.

– Кто это? – спросил Джоэл.

– Частная охрана, – шепнул Экстон в ответ. – Тех, что слева, нанял Дидрих Кэллоуэй, рыцарь-сенатор Восточной Каролины. У него здесь учится сын, рифматист. Про остальных не скажу, но подозреваю, что их

наняли очень влиятельные люди, чьи дети-рифматисты тоже учатся в Армедиусе.

Йорк определенно выглядел озадаченным.

– Этих убеждать бесполезно, правильно я понимаю? – спросил Джоэл. – Ректору придется позволить им забрать отпрысков этих очень важных персон?

– Похоже на то, – отозвался Экстон. – Ректор Йорк, конечно, важная шишка, но начини он бодаться с рыцарем-сенатором, схватка, боюсь, закончится не в его пользу.

С холма неподалеку за происходящим наблюдала группка студентов-рифматистов. Джоэл гадал, отчего на их лицах столь кислые мины. Переживают, что их тоже похитят? Или их обескуражило появление родителей на территории академии? Вероятно и то и другое в равной степени.

– Ваша взяла, – негромко ответил ректор Йорк людям в деловых костюмах. – Вижу, выбора у меня нет. Но передайте рыцарю-сенатору, что это решение я не одобряю.

– А кто-нибудь послал за инспектором Хардингом? – повернулся Джоэл к Экстону.

– Сомневаюсь, – отозвался тот. – Я еще даже в приемной не был! Пришел на работу, а тут уже такая толпа, что не протолкнуться!

– Предлагаю все-таки отправить Хардингу весточку, – сказал Джоэл. – Вероятно, ему захочется узнать, как родители отреагировали на второе исчезновение.

– Хорошо, – кивнул Экстон, разглядывая представителей рыцаря-сенатора с откровенной враждебностью. – Да, это хорошая идея. Правда, вряд ли его появление разрядит обстановку в кампусе. Если раньше студенты и не помышляли чего-то бояться, то теперь точно с ума посходят из-за этого переполоха!

Джоэл направился в кабинет Фитча и по пути нагнал Джеймса Ховелла, которого теперь на занятия неизменно сопровождали родители. Ссутулившись и потупив взор, смущенный Джеймс ковылял следом за отцом и матерью.

«Что ж, может, не так уж и плохо, что мать постоянно пропадает на работе!» – подумал Джоэл.

На стук Джоэла профессор открыл не сразу. Прошло несколько минут, прежде чем Фитч появился в дверном проеме. Глаза его

спросонья слезились, был он в синем халате.

– А, это ты, Джоэл! – воскликнул Фитч. – Который час?..

Похоже, Фитч изучал странные рифматические линии до самого утра. От мысли, что он поднял профессора с постели, Джоэлу стало совестно.

– Простите, что разбудил, но мне не терпелось узнать, удалось ли вам разведать что-нибудь новенькое?.. Я имею в виду рисунки с места преступления.

– Нет. К сожалению, нет, – зевнул Фитч. – Но ты не подумай, это не потому, что я не пытался! Все как раз наоборот! Я откопал зарисовку с места исчезновения Лили и попытался найти между символами различия. В итоге я породил около сотни их вариаций, но все тщетно. Сынок, мне жаль, но этот знак... Думаю, он не имеет к рифматике никакого отношения.

– Где-то я его уже видел, – отозвался Джоэл. – Точно вам говорю, профессор! Может, есть смысл пойти в библиотеку и пролистать все книги, что я читал в последнее время?

– Да-да, – зевая, отозвался Фитч. – Звучит как... стоящая идея.

Джоэл кивнул на прощание и направился в библиотеку, оставив профессора досматривать сны. Пересекая лужайку по пути к центральной площади, он заметил востроносую женщину, которую ранее видел в толпе недовольных родителей у здания администрации. Застыв посреди зеленого газона и уперев руки в бока, она беспомощно озиралась. Похоже, потерялась.

– Эй, парень! – окликнула женщина. – Я плохо тут ориентируюсь. Не подскажешь, где найти профессора Фитча?

– Третий кабинет, вверх по боковой лестнице, – показал Джоэл на здание у себя за спиной. – А что вам от него нужно?

– Мой сын говорил о нем, – ответила женщина. – Хочу немного порасспросить его о том о сем... Спасибо!

Джоэл добрался до библиотеки и распахнул дверь, впуская внутрь свежий утренний воздух. Даже в самые теплые летние деньки в читальном зале царили затхлость и прохлада. Вероятно, виной тому было малое количество окон: солнечный свет для книг вреден, потому зал освещался множеством заводных светильников.

Юноша прошествовал мимо стеллажей к уже знакомой секции, содержащей как художественную, так и научную литературу для всех

поклонников рифматики. Он прочитал отсюда многое – почти все, к чему у него был доступ. Если он где и видел подобный символ, то определенно в одной из этих книг.

Джоэл открыл томик, который читал несколько недель тому назад. Содержание припомнить с ходу не удалось, однако спустя пару минут он содрогнулся от осознания, что это тот самый жуткий роман о приключениях рифматистов на Небраске. Взгляд Джоэла невольно замер на строках из главы, где описывалась гибель человека, заживо съеденного дикими меллингами. Двухмерные твари, забравшись мужчине под штанины, скользнули вверх по коже и обглодали плоть до самых костей.

И хотя Джоэл прекрасно сознавал, что история от начала до конца вымышленная и чрезмерно преувеличенная, ему все равно было не по себе. Он очень хотел работать с профессором Фитчем... Но что, если придется встретиться лицом к лицу с армией диких меллингов? Ведь он даже не сможет себя защитить! Меловых тварей не остановят его ничемные линии запрета. Они накинута, растерзают его в клочья, и выглядеть он будет не лучше, чем персонаж этого приключенческого романа!

В конце концов Джоэл убедил себя, что это именно то, чего он желает. Если он собирается стать ученым-рифматистом, надо привыкать к жизни, полной опасностей. Коль уж это и есть его истинная цель, следует смириться с мыслью, что в ответственную минуту он не сможет себя защитить. Джоэл стряхнул с себя воображаемых меллингов, ползающих вверх и вниз по телу, и отложил роман в сторону. Иллюстраций в книге не было.

Джоэл переметнулся к стеллажу с научно-популярной литературой, набрал стопку книг с уже знакомыми корешками и направился к читательскому столу в другом конце зала.

Потратив битый час на поиски символа, Джоэл почувствовал себя еще более обескураженным, чем до того, как перешагнул порог библиотеки. Он застонал, откинулся на спинку стула и потянулся. Вдруг он все-таки гоняется за призрачными мечтами? Зачем так истово пытается помочь Фитчу расследовать это дело? Быть может, он просто боится признаться себе в том, что у них с рифматикой разные дорожки?

Джоэлу вдруг пришла на ум мысль, что воспоминание об этом странном символе коренится гораздо глубже, чем он предполагал.

Символ действительно был ему знаком, но впервые он увидел его когда-то давно... Давным-давно! На память Джоэл никогда не жаловался, особенно когда дело касалось рифматики, но сейчас она его определенно подводила. Собрав книги в стопку, он вернулся к стеллажу, поставил их на место и вдруг увидал плывущий через библиотечный зал новехонький бордовый сюртук рифматиста.

«Профессор Нализар!.. – обомлел Джоэл. – Очень надеюсь, настанет день, когда какой-нибудь молодой и талантливый рифматист вызовет вас на дуэль и отомстит за профессора Фитча! Он...»

В этот миг Джоэла осенило, что первое исчезновение случилось как раз перед самым появлением Нализара в академии.

«Это просто совпадение, – попытался успокоить себя Джоэл. – Не надо пороть горячку и спешить с выводами».

И все же... разве Нализар не говорил, что на поле боя опасности поджидают на каждом шагу? Он убежден, что профессора и студенты в Армедиусе слабы и беспомощны. Мог ли он зайти настолько далеко, чтобы показать всем, в какой они опасности? Поставить их на край пропасти, дабы принудить учиться и тренироваться усерднее?

«Но похищать подростков? – подумал Джоэл. – Нет, это явно перебор!..»

Так или иначе, узнать, какими же книгами интересуется Нализар, было крайне любопытно. Джоэл проследил взглядом за бордовым сюртуком – профессор прошел в то крыло библиотеки, куда допускались исключительно рифматисты.

Джоэл устремился следом, однако только он занес ногу, чтобы переступить порог рифматического отделения, как за спиной раздался голос миссис Торрент.

– Джоэл! – окликнула его библиотекарь из-за своего стола. – Ты и сам прекрасно знаешь, что тебе туда вход воспрещен!

Вздрогнув, Джоэл замер на месте. Он надеялся проскочить незаметно, однако все библиотекари, похоже, обладали шестым чувством, обострившимся, когда студенты принимались заниматься не тем, чем положено.

– Да я просто увидал профессора Нализара, – сказал Джоэл. – Мне нужно кое-что ему сказать...

– Вход в крыло рифматистов без сопровождения запрещен! – Миссис Торрент, даже не потрудившись взглянуть на него, продолжала

штамповать книги. – Для всех без исключения!

Джоэл от досады скрипнул зубами.

«Без сопровождения? – вдруг задумался он. – А может, Фитч меня выручит?»

Он выскочил из библиотеки, но вдруг осадил себя. Фитч наверняка еще не умылся и не оделся... А то и вовсе вернулся в постель досыпать. К тому времени, как он приведет профессора в библиотеку, Нализар, скорее всего, уже уйдет. Кроме того, он подозревал, что Фитч не оценит его идею шпионить за Нализаром. Может статься, профессор даже испугается очередной встречи с Нализаром. Нужен кто-то по-настоящему бедовый...

«Завтрак еще в самом разгаре, – подумал Джоэл, взглянув на часы. – Хорошо, что столовая рядом... Поверить не могу, что делаю это!»

И он устремился к выходу.

* * *

Мелоди он обнаружил на обычном месте. Как всегда, никто из рифматистов сидеть с ней рядом не желал.

– Привет, – сказал Джоэл, подходя к столу и усаживаясь на стул.

Девочка оторвала взгляд от тарелки с фруктами.

– А, это ты...

– Мне нужна твоя помощь.

– В чем?

– Проведи меня в рифматическое крыло библиотеки, – шепнул Джоэл. – Хочу пошпионить за профессором Нализаром.

– Что ж, ладно, – отозвалась Мелоди, протыкая дольку апельсина.

– Так просто? – удивленно моргнул Джоэл. – Почему ты так легко соглашаешься? У нас ведь могут быть неприятности.

– Я могу влипнуть в неприятности и просто сидя на месте, – пожалла плечами Мелоди и положила вилку на тарелку. – Не думаю, что твои неприятности серьезнее тех, что могут приключиться со мной здесь.

Логика была железная. Джоэлу ничего не оставалось, кроме как улыбнуться в ответ. Он встал из-за стола, Мелоди поднялась следом, и

они поспешили уйти из столовой.

– Зачем нам следить за профессором? У тебя, наверное, есть особенная причина? – спросила девочка, когда они пересекали лужайку. – Нет, он, конечно, милашка и все такое...

– Милашка?... – поморщился Джоэл.

– Да, он весь из себя такой надменный злыдень, но это ведь так мило! – пожала плечами Мелоди. – Так все-таки зачем? Полагаю, у тебя иные причины.

Что он мог на это ответить? Хардинг беспокоился, чтобы все оставалось в строжайшем секрете... И Джоэл подозревал, что Мелоди отнюдь не тот человек, кому можно доверять секреты. Джоэл решил поделиться с Мелоди только собственными наблюдениями.

– Ты заметила, что студенты стали исчезать именно тогда, когда в Армедиусе появился Нализар?

– И что? Академия частенько нанимает новых профессоров как раз перед летними факультативами.

– Он подозрительный, – заметил Джоэл. – Если он такой великий герой, каким себя малюет, то что делает здесь? Почему подался сюда младшим профессором? Чтобы работать с отстающими студентами? Слабо верится! Что-то с ним не то...

– Джоэл, ты ведь это не всерьез? Надеюсь, ты не подозреваешь Нализара в похищениях?

– Не знаю, – ответил Джоэл, когда они подошли к библиотеке. – Просто хочу разведать, какими книгами он интересуется. Самое главное, чтобы миссис Торрент пропустила меня со студенткой, а не с профессором...

– Что ж, будь по-твоему, – сказал Мелоди. – Но я согласилась только потому, что желаю полюбоваться на профессора.

– Мелоди, Нализар по натуре человек нехороший.

– Джоэл, я хоть словом о его благочестивости обмолвилась? – спросила Мелоди, открывая дверь в библиотеку. – Речь о его внешности.

Она проскользнула внутрь; Джоэл не отставал ни на шаг. Когда они проходили мимо стола миссис Торрент, та бросила на них вопросительный взгляд.

– Вот этот... – Мелоди театральным жестом указала на Джоэла. – ...идет со мной! Будет носить мои книги.

Миссис Торрент заколебалась, хотела было что-то возразить, но в последний момент, на их счастье, передумала. Джоэл посеменил за Мелоди, но на самом пороге рифматического крыла библиотеки вдруг застыл.

Сколько лет он пытался проникнуть в этот зал! Он упрашивал студентов-рифматистов помочь, но никто не соглашался. Не только Нализар ревностно оберегал секреты избранных. Во всем их окружал ореол исключительности. Ужинали они за отдельным столом. Профессоров общеобразовательных дисциплин не признавали и своей враждебности к ним не скрывали. А изысканиями занимались в своем собственном крыле библиотеки, где хранились только лучшие тексты по рифматике.

Джоэл перевел дыхание, шагнул вперед и чуть не столкнулся с Мелоди. Состроив недовольную гримаску, та раздраженно постукивала ногой по полу в ожидании, когда же он прекратит витать в облаках. Не обращая на нее внимания, Джоэл упоенно озирался. У рифматистов даже библиотечный зал выглядел иначе. Стеллажи были выше, а книги – древней. Стены были украшены бесчисленными чертежами и эскизами. Джоэл замер напротив полотна, изображавшего защиту Тейлора – одну из самых сложных и противоречивых защит рифматики. Прежде ему не доводилось видеть ее толком, лишь мелкие и небрежные зарисовки. Здесь же защита Тейлора предстала глазам Джоэла во всей своей красе и деталях – с подробными пояснительными комментариями к каждой из составляющих ее секций. А по обе стороны основного чертежа были выведены ее миниатюрные вариации.

– Джоэл!.. – рявкнула Мелоди. – Не для того я прервала свою утреннюю трапезу, чтоб ты на картинки пялился. Ну в самом деле!..

Джоэл с неохотой оторвал взгляд от защиты Тейлора и сконцентрировался на текущей задаче. Он сразу отметил, что стеллажи высоки, а значит, Нализар вряд ли заметил их появление. Это не могло не радовать. Джоэлу и подумать было страшно, какую бучу поднимет Нализар, если узнает, что обыкновенный студент роется в священных рифматических текстах.

Быстро зашагав вдоль рядов книг, Джоэл жестом пригласил Мелоди следовать за ним. Хотя библиотека была не такой уж и большой, зал рифматистов удивительным образом вмещал целый

лабиринт из стеллажей, представлявший из-за своей бессистемности прямо-таки бесконечным. Наверное, здесь получится отыскать и...

Оказавшись напротив очередного прохода между шкафами, Джоэл замер на полушаге: в каких-то пяти метрах от него стоял Нализар.

Мелоди не мешкая притянула Джоэла к себе – долой с глаз профессора. Подавив невольный вскрик, Джоэл оказался возле Мелоди в соседнем с Нализаром ряду. Они могли наблюдать за ним через щель поверх томов, однако ничего, кроме его персоны, не видали. Разумеется, рассмотреть названия книг, которые выбрал профессор, не представлялось возможным.

Бросив взгляд в коридор, где еще секунду назад стоял Джоэл, Нализар двинулся на выход. Он так и не заметил, что Джоэл и Мелоди наблюдали за ним через щелку между полками.

– Что здесь за книги? – шепнул Джоэл.

Мелоди обошла стеллаж, совершенно не страшась, что ее заметит Нализар: в конце концов, она ведь рифматистка! – и взяла книгу с полки. Поморщив нос, она передала ее Джоэлу через щель.

«„Теоретические постулаты опытной рифматики“, – прочитал Джоэл. – Переиздание с предисловием от Аттина Балазмедя».

– Скукотища, – заявила Мелоди.

«Теоретическая рифматика...» – призадумался Джоэл и вдруг выпалил:

– Мне нужно непременно узнать, какие именно книги взял Нализар!

– Жди здесь, – закатив глаза, сказала Мелоди и пошла к выходу.

Порядком нервничая, Джоэл стал ее дожидаться. Он не смел сдвинуться с места. Мимо, бросая удивленные взгляды, сновали рифматисты. Никто из них, однако, и не думал спрашивать Джоэла, что тот здесь делает.

Мелоди вернулась несколько минут спустя и протянула клочок бумаги. На нем значились три названия.

– Нализар отдал эти книги миссис Торрент. Наказал, чтобы их записали на его имя и доставили в кабинет. Сам он направился в лекционный зал.

– Как тебе это удалось? – с восхищением спросил Джоэл, забирая у нее листок.

– Очень просто. Подошла к нему и заявила, что ненавижу работать девочкой на побегушках. Дескать, что это за наказание такое для рифматистки?!

Джоэл на это лишь удивленно похлопал глазами.

– Ну и тут его прорвало! Начал читать нотации! – пояснила Мелоди. – Нализара хлебом не корми, дай поучить уму-разуму. Пока он распыхлялся, у меня было предостаточно времени. Я несколько раз перечитала названия на корешках книг в его руках, запомнила, а затем благополучно записала на этот клочок.

Джоэл перечел названия еще раз. Первое гласило: «Постулаты о возможности существования неизвестных науке рифматических линий» за авторством Джеральда Таффингтона. Два других заголовка звучали чересчур заумно. Судя по всему, вторая и третья книги пытались пролить свет на сложные теоретические вопросы рифматики. Джоэлу они показались неинтересными, однако первая была просто находкой. Неужели Нализар мечтает открыть новую линию?..

– Спасибо, – сказал Джоэл. – Я серьезно. Ты мне очень помогла.

Мелоди пожала плечами:

– Нам пора идти. Не хватало еще, чтобы Фитч отчитал меня за опоздание... Хватит с меня на сегодня и Нализара!

– Да, конечно. Дай мне только одну секундочку... – Джоэл окинул взглядом корешки книг. – Как же я давно мечтал здесь оказаться! Можно я возьму пару книг? Запишешь на себя?

– Возьми, но только одну. Советую не испытывать сегодня мое терпение. Я не в духе.

Джоэл решил, что лучше не спорить, и пробежал глазами корешки книг, около которых отирался Нализар.

– Давай быстрее, и пошли уже! – поторопила Мелоди.

Он схватил с полки томик с многообещающим названием «Человечество и рифматика. Истоки силы», передал его Мелоди, и они направились к выходу. Миссис Торрент бросила на них еще один недовольный взгляд и нехотя записала книгу на девочку. Только оказавшись на зеленой лужайке, Джоэл позволил себе выдохнуть.

Мелоди отдала Джоэлу том, и он спрятал его под мышкой. В ту минуту клочок бумаги с названиями книг, которые взял Нализар, казался куда важнее увесистой работы по рифматике. У Джоэла появился первый подозреваемый и косвенные улики. Нализар

интересовался новыми рифматическими линиями, и это наводило на определенные мысли. Конечно, так легко Фитча не проймешь. По мнению профессора, символ, нарисованный на месте преступления, никакого отношения к рифматике не имел. На поверку все это могло оказаться лишь случайным совпадением и вины Нализара отнюдь не доказывало.

«Нужно заполучить эту книгу! – возбужденно соображал Джоэл. – Если в ней обнаружится тот символ, у нас появятся доказательства... И уже вовсе не косвенные!»

Джоэл прекрасно понимал, что все это чрезвычайно опасно. Возможно, ему просто следует доложить о своих подозрениях Хардингу. Так и не определившись, что делать дальше, Джоэл сложил листок и спрятал в карман. Мелоди, прижимая к груди блокнот, шагала в своей белой юбке рядом. Лицо ее ничего не выражало.

– Спасибо тебе еще раз, – произнес Джоэл. – В самом деле. Уверен, наша вылазка в будущем принесет много пользы.

– Если так, я очень рада. Хотя в чем-то оказалась полезной...

– Слушай, насчет того, что я недавно тебе наговорил... Я ведь так не думаю... Честно!

– Нет, думаешь. Иначе бы так не выразился, – произнесла Мелоди на удивление спокойным голосом. – Ты все сказал, как есть. Я и вправду не сильна в рифматике. Пытаясь отрицать очевидное, я вспылила, но чего добилась? Теперь я чувствую себя дурой вдвойне. И ты наверняка считаешь так же...

– Мелоди, ты слишком самокритична. Взять хотя бы твоих меллингов... Они ведь действительно хороши!

– Был бы от них толк!

– Это выдающийся талант, – возразил Джоэл. – Мне бы так рисовать!

– Ты слишком грубо льстишь, – в очередной раз закатила глаза Мелоди. – Этот театр вовсе ни к чему. Я же знаю, что ты просто пытаешься оправдаться, чтобы совесть не мучила. Я тебя прощаю, лады?

Джоэл покраснел:

– Ты невыносима... Тебе кто-нибудь говорил об этом?

– А теперь тебя понесло в другую сторону, – сказала она, поднимая палец вверх. – Если соберешься с мыслями, думаю, у тебя получится

найти золотую середину между грубостью и лестью.

– Прости, – в очередной раз извинился Джоэл.

– Как бы хорошо я ни управлялась с линиями созидания, выстроить достойную защиту у меня все равно не получится. Один меткий выстрел линией силы, и моя дуэль окончена.

– Вовсе не обязательно, – возразил Джоэл. – Профессор Фитч, конечно, не зря так расхваливает стратегию упреждения, однако вполне может статься, что она тебе просто не подходит.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Мелоди и бросила на Джоэла подозрительный взгляд, ожидая, по всей видимости, очередного оскорбления.

– Ты когда-нибудь пробовала начертить защиту Джордана?

– Я даже ни разу о ней не слышала.

– Это продвинутый уровень. Я много читал по рифматике, однако более необычной защиты еще не встречал. В твоем случае очень даже может сработать. Ты должна начертить периметр из линий запрета, а затем... – Джоэл помедлил и прибавил: – Давай лучше покажу. Мелок есть?

– Конечно, у меня есть мелок! – закатила глаза Мелоди. – Если в первый год обучения в рифматической школе профессор поймает тебя без мелка, будешь драить полы два часа кряду.

– Правда?..

Мелоди кивнула и передала ему кусок мела. Спортивная площадка оказалась как раз неподалеку. На их счастье, она пустовала, и Джоэл стал взбираться на холм.

– Эй!.. – окликнула девочка, поднимаясь следом. – А ты не боишься, что будут проблемы, если мы опоздаем к Фитчу?

– Сомневаюсь, – отозвался Джоэл с забетонированной вершины. – Фитч вчера работал допоздна, а сегодня утром ему не дали отоспаться: сначала я нагрязнул, а затем какая-то востроносая леди. Ставлю на то, что он все еще дрыхнет... Так, иди сюда и смотри!

Он отложил книги, встал на колени и принялся набрасывать мелком защиту Джордана. Она представляла собой эллипс со стабилизирующими отрезками в двух точках привязки. Однако эллипс играл роль второстепенную. В первую очередь рифматист очерчивал вокруг него периметр из линий запрета. За работой Джоэл вспомнил Германа Лайбла и его попытку изобразить нечто похожее.

– Ты же сейчас запрешь себя внутри! – Мелоди присела рядом. – И не сможешь ничего предпринять из-за своих собственных линий запрета! Джоэл, это знаю даже я! Это основа основ рифматики!

– Ты права, это элементарное правило, однако многие нетрадиционные защиты строятся именно на отрицании базовых законов рифматики, и по-настоящему хорошие дуэлянты чувствуют момент, когда можно рискнуть и воспользоваться нестандартной стратегией. Вот, смотри. – Джоэл показал мелком на одну из секций вокруг эллипса, очерченного периметром из запретных линий. – И справа, и слева у нас два больших прямоугольника. Вся соль защиты Джордана в том, чтобы заполнить эти области агрессивными меллингами – чем больше, тем лучше. Правда, от рифматиста, выбравшего такую стратегию, требуется умение править меллингами железной рукой. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы они атаковали твою собственную линию запрета. Пока соперник тратит драгоценное время, пытаюсь пробить брешь в твоей фронтальной линии, ты готовишь мощный удар в ответ. Когда с приготовлениями покончено, ты выпускаешь рой меллингов, а затем как можно скорей перечерчиваешь линию запрета и начинаешь отрисовывать линии силы, чтобы уничтожить просочившихся вражеских тварей. Отбилась от них – штампуешь новую партию меллингов. С подобной защитой можно позволить себе не торопиться. Скорость практически не имеет значения. Ведь как только полчища меллингов волнами хлынут на противника, он оцепенеет. Просто не найдет в себе сил нанести ответный удар. Мэттью Джордан, автор этой защиты, выиграл с ее помощью парочку очень серьезных дуэлей, чем вызвал среди ученых-рифматистов нешуточный переполох. Слишком уж его защита показалась им нетрадиционной.

Мелоди с интересом склонила голову.

– Впечатляет, – наконец сказала она.

– Хочешь попробовать? – спросил Джоэл. – Возьми мой набросок за образец.

– Думаю, не стоит. Профессор Фитч наверняка...

– Да ладно тебе! Всего разочек! Слушай, я подкараулил для тебя Нализара и любезно пригласил в библиотеку, чтобы ты смогла на него поглазеть...

– Ага, и он наорал на меня!

– Ну, это уже не моя забота, – возразил Джоэл. – Так мы будем рисовать или нет?

Мелоди отложила блокнот, встала коленями на бетонированную площадку, вынула мелок, присмотрелась к миниатюре защиты Джордана, а затем принялась чертить вокруг себя эллипс.

– Я использую против тебя защиту Баллинтайна, – сказал Джоэл, принимаясь очерчивать себя. – Но так как ты собираешься выстраивать защиту Джордана, особенно-то следить за мной тебе и не нужно. Просто рисуй как можно быстрее.

Мелоди погрузилась в работу. Возвела прямоугольный периметр вокруг заградительного эллипса и начала штамповать меллингов.

Джоэл рисовал и надеялся, что чутье его не подвело и защита Джордана – именно то, что нужно Мелоди, чтобы чувствовать себя уверенней. Самой большой проблемой защиты Джордана были меллинги. Сдерживать их – та еще задача, выполнение которой, как полагали многие, возможно лишь в искусственно созданных условиях. Например, на дуэли. Если бы целей было несколько, Мелоди вряд ли смогла бы подчинить существ себе.

По какой-то неведомой рифматистам причине держать беспокойных тварей в узде было невероятно сложно, именно поэтому их либо сразу посылали в бой, либо сажали на поводок у точки привязки.

«Мне бы не мешало поднатореть в теории управления меллингами, – подумал Джоэл, дорисовывая защиту. – Может, удастся упросить Мелоди взять для меня несколько книжек?»

– Готово! – Джоэл потянулся за пределы круга, чтобы начертить первую линию силы. – Теперь нам потребуется немного воображения, потому что оживить свои линии я попросту не смогу. Предположим, я мастерски черчу линии силы... Кстати, в этом есть доля истины – и немалая! И представим, что все мои линии силы попадают в одну и ту же точку, с каждым ударом ослабляя твою защиту. Искусно нарисованная заградительная окружность выдерживает обычно шесть ударов, а линия запрета – до десяти. Когда поймешь, куда я стреляю, рисуй еще одну линию запрета сразу за первой. Так ты выиграешь время.

Мелоди послушалась.

– Теперь мне надо пробиваться аж через две линии запрета, а затем еще и через заградительную дугу. Сейчас твоя защита способна выдержать около двадцати шести ударов линиями силы. Однако это выигрывает не так уж много времени, и, чтобы успеть нарисовать достаточное количество меллингов, нужно...

Джоэл умолк, когда Мелоди, выбросив вперед руку, приложила мелок к линии запрета и отправила своих меллингов в атаку.

«Вот это скорость!.. – перехватило дух у Джоэла. – А я ведь только шесть линий силы успел начертить! Разумеется, работал я не на пределе возможностей, но тем не менее...»

Спустя четыре секунды линия запрета Мелоди растаяла в воздухе, и первая волна из восьми меллингов устремилась на Джоэла.

– Ух ты!.. – воскликнул он.

Откинув рыжие кудряшки со лба, девочка подняла глаза и удивленно моргнула, точно не в силах поверить, что всех этих существ породила сама. Джоэл бросился в суматохе чертить линии силы в попытке отбиться, однако все это, конечно, было бесполезно. В пылу схватки Джоэл совершенно забыл, что он не рифматист.

Меллинги добрались до его заградительного круга и в нерешительности остановились. На миг Джоэл ощутил укол страха. Вероятно, то же самое чувствовал Герман Лайбл, когда стоял на коленях перед лавиной меловых монстров и понимал, что никакая защита его не спасет.

Однако Джоэл сильно сомневался, что Герману пришлось иметь дело с табуном единорогов!

Создания Мелоди проверили защиту на прочность, осознали, что она ненастоящая, и стремглав ринулись вперед. В следующее мгновение они уже всю скакали вокруг Джоэла. Он содрогнулся от мысли, что сейчас меллинги примутся обглаживать плоть с его костей, однако, на его счастье, существа оказались безобидными.

– Единороги?.. – страдальчески сморщился Джоэл.

– Единороги, чтоб ты знал, очень благородные и величественные животные!

– Более унижительного поражения я в жизни не видывал... Повержен гарцующими единорогами!..

– Скажи спасибо, что у меня не нашлось розового мелка! – Мелоди поднялась с колен. – Цветными мелками разрешают пользоваться

только со старших курсов.

– У тебя очень здорово получилось! – улыбнулся Джоэл. – Ты просто невероятно быстро рисуешь!

Мелоди подошла и приложила мелок к одному из единорогов, который тут же прекратил скакать и превратился в обыкновенный рисунок. Четыре секунды спустя он исчез. Затем она проделала то же самое с остальными сказочными меллингами.

– Ничего сложного, – отозвалась девочка. – Я просто придержала уже нарисованных меллингов, а потом направила их всех в атаку хором.

И хотя про меллингов Джоэлу довелось читать не так уж много, ему было прекрасно известно, что приструнить меллингов совсем не просто. Если не отдать меллингам строгий приказ, они бросятся на твою же линию запрета и изничтожат ее в мгновение ока. Если же распылить линию, меллинги растеряются и, вместо того чтобы атаковать соперника, будут топтаться на месте.

– Я же говорил, что защита Джордана идеально тебе подойдет! – Джоэл поднялся.

– Ты сражался вполсилы, – сказала Мелоди. – Кроме того, мои линии далеки от совершенства. Готова биться об заклад, что моя стена

запрета не выдержала бы и десяти из двадцати положенных выстрелов линиями силы.

– Возможно, – согласился Джоэл. – Но я не ожидал, что ты нарисуешь своих меллингов так быстро. Без слез на твой эллипс, конечно, не взглянешь, но это и не важно. Мелоди, ты отлично справилась. И зря ты не веришь в себя. Просто нужно подобрать несколько стратегий и защит, которые подойдут тебе лучше всего, – в соответствии с твоими способностями.

– Спасибо, – нерешительно улыбнулась Мелоди.

– Это правда!

– Я благодарю не за комплимент, а за то, что ты показал мне защиту Джордана. Хотя сомневаюсь, что это открытие кардинально улучшит мою ситуацию... Чтобы стать хорошей рифматисткой, я все равно должна научиться чертить окружности. Но, в общем, приятно сознавать, что я небезнадежна!

– Вот и славно, – улыбнулся в ответ Джоэл. – Что ж, думаю, нам бы пора и Фитча навестить...

Он осекся, увидев в отдалении всадника на крупной лошади. Человек был в шлеме и полицейской униформе. Вспомнив, что просил Экстона послать за инспектором, Джоэл замахал рукой.

– Джоэл?.. – спросила Мелоди.

– Дай мне минуточку, – отозвался он. – Или ступай пока к Фитчу, а я догоню! Мне нужно переговорить с вон тем полицейским!

– Пыль меня побери! – взглядевшись в даль, воскликнула Мелоди. – Неужели это жеребец-эквиликс?

Джоэл присмотрелся. Мелоди и в самом деле оказалась права. Сменив курс, Хардинг повел своего скакуна им навстречу. Однако настоящего жеребца тот напоминал лишь отдаленно. Конь был не из плоти и крови, а из металла со стеклянными боковыми вставками, за которыми вращались шестерни и пощелкивали пружины.

– Джоэл, сынок, – приветствовал Хардинг, подъезжая на своем железном коне и оставляя за собой вереницу глубоких следов на лужайке. – Как обстановка на академическом фронте?

– Очень даже неплохо, инспектор, – отозвался Джоэл.

Заводных жеребцов ему доводилось видеть и раньше; они стоили дорого, но редкостью не были. Однако эквиликс был отнюдь не простым заводным скакуном. Эквиликсов конструировали по самым последним технологиям в Египтии. Ценились же они за поразительную сообразительность. Первый эквиликс появился на свет благодаря гению одной женщины, которая придумала новый способ навивки пружин для получения энергии из гармоник.

Джоэл заглянул машине в стеклянные глаза. Точно литерные рычажки на печатной машинке, крохотные пружинки и маховички поднимались и опускались, управляя функциями сложного заводного мозга.

– Так, а кто эта милая юная леди? – вежливо спросил Хардинг, однако Джоэл уловил в его голосе некоторое напряжение.

«Милая?» – усмехнулся про себя Джоэл.

Девочка умудрялась так часто его раздражать, что он совершенно забыл, как очаровательно она улыбается. Вот прямо как сейчас!

– Она студентка профессора Фитча, – пояснил Джоэл.

– Мисс...

– Манс, – отозвалась Мелоди.

«Погодите-ка!.. – вновь задумался Джоэл. – А ведь я уже где-то видел эту фамилию! Причем недавно! И рядом с фамилией значилось отнюдь не имя Мелоди!..»

– Мисс Манс, очень приятно. – В знак приветствия Хардинг склонил голову в синем шлеме, а затем обратился к Джоэлу. – Спасибо, что предупредил насчет родителей. Нам нужно обеспечить безопасность студенческого городка. С этого дня я ввожу комендантский час. Студентам запрещается находиться на улице по вечерам, а также покидать кампус на выходные. Я запросил

подкрепление, и теперь Армедиус – передовая оборонительная линия и оперативный плацдарм.

– Я подумал: если родители бросятся прятать своих детей по домам, ни к чему хорошему это не приведет, – кивнул Джоэл. – Ведь куда бы они ни подались... преступник может последовать за ними.

– Полностью согласен, – сказал Хардинг.

Мелоди метнула в Джоэла прищуренный взгляд.

– Кстати говоря, рядовой Джоэл! Не видел ли ты, случайно, блондинки в голубом платье? Лет тридцати пяти, рост примерно метр семьдесят, волосы забраны в пучок. Лицо узкое, с резкими чертами.

– Видел, – сказал Джоэл. – Это мать одного из рифматистов.

– Вряд ли! – фыркнул Хардинг. – Это Элизабет Уорнер! Журналистка!

– Женщина-журналистка?.. – удивился Джоэл.

– Ты что-то имеешь против женщин-журналисток? – вспыхнула Мелоди.

– Да не в этом дело, – быстро отвечал Джоэл. – Просто... Я никогда не слышал о журналистках.

– Времена меняются, – произнес Хардинг. – Женщины-рифматисты уже вовсю воюют на полях сражений. И попомните мое слово, не за горами тот день, когда мы увидим обычных женщин в рядах солдат. Но журналист – будь то женщина или мужчина – всегда враг! Если дать им свободу действий, весь остров охватит паника. Где ты ее видел, сынок?

– Она направлялась к профессору Фитчу.

– Гори оно все огнем!.. – воскликнул Хардинг, разворачивая железного скакуна (Джоэл услышал отчетливое щелканье пружин в заводном механизме). – Рядовой! Прикрыть мое отступление!

И инспектор галопом поскакал в рифматический кампус.

– И что это сейчас было? – спросила Мелоди.

– Да так... ничего особенного.

Скорчив гримаску, девочка закатила глаза к небу:

– Так я тебе и поверила!

– Я не могу тебе сказать...

– Собираешься держать меня в полном неведении?

– Ну... – протянул Джоэл, переминаясь с ноги на ногу. – Слушай, я и сам ничего не знаю.

– Ты сейчас мне лжешь, правильно я понимаю?

– Ага, – поколебавшись, признал Джоэл.

– Только я подумала, что у нас все налаживается! – фыркнула раздраженная Мелоди.

Она схватила блокнот и пошла прочь. Вскинув руку в воздух, она вскричала:

– Моя жизнь – сущая трагедия!.. Друзья – и те мне лгут!

Джоэл вздохнул, подобрал книгу, которую Мелоди взяла для него в библиотеке, и побежал следом за ней к Фитчу.

Меловые рисунки, обнаруженные на месте исчезновения Германа Лайбла

Глава 12

– Что ж... Я действительно говорил с той женщиной, – озадаченно признался профессор Фитч. – Она пришла за советом, оставлять ли ей сына в академии Армедиуса. Хотела удостовериться, что мы тут и в самом деле изо всех сил пытаемся защитить студентов.

– И вы ей все выложили как есть? – спросил инспектор Хардинг.

– Разумеется... Она, казалось, вот-вот разрыдается. Гм... Инспектор, поймите правильно, я боюсь женщин на грани истерики! Я рассказал ей не так уж и много. Только то, что за преступлениями стоит рифматист. Мы почти уверены в этом. Мы не теряем надежды, что детишки живы... Ну и еще, что мы расследуем природу странных рисунков, оставленных на месте преступления.

– Профессор... – произнес Хардинг, потирая лоб. – Это катастрофа! Вы хоть понимаете, что это разглашение военной тайны! Если бы вы были солдатом под моим командованием, боюсь, вас пришлось бы отдать под трибунал!

– Вот те на!.. – ахнул Фитч. – Что ж, наверное, не без причины я стал профессором, а не солдатом.

Брови Джоэла подскочили. Он с трудом сдержал самодовольную ухмылку, когда услышал, как Хардинг и Фитч в один голос просят Мелоди обождать за дверью. Ему же они не сказали ни слова.

– К сожалению, уже ничего не поделаешь. – Сцепив руки за спиной, Хардинг расхаживал взад-вперед по кабинету Фитча. – Укрепления прорваны. Шпион выкрал наши оперативные планы. Ничего не остается, кроме как смириться с судьбой и надеяться на

лучшее. Профессор, я вам настоятельно рекомендую больше ни с кем не обсуждать наше расследование.

– Понимаю, инспектор, – сказал Фитч.

– Хорошо. Теперь, полагаю, я должен вам сообщить последние новости. Я испросил у рыцаря-сенатора Новой Британнии разрешения оцепить периметр Армедиуса, и он дал согласие. Отрядил под мое командование джеймстаунский легион добровольцев, чтобы я мог как следует защитить академию.

– Вы собираетесь... оккупировать академию?.. – спросил Фитч.

– Не драматизируйте, профессор! – отозвался Хардинг, резко разворачиваясь на каблуке и направляясь обратно. – Рифматисты Соединенных Островов на вес золота, и мы должны приложить все усилия, чтобы их защитить! Я отдам приказ, чтобы территорию кампуса днем и ночью патрулировали полицейские. Возможно, наш неуловимый похититель испугается одной только мысли быть пойманным... А это значит, что нам придется расследовать на одно преступление меньше! Ректор Йорк выделил мне в кампусе помещение для развертывания оперативного штаба. Мои люди не будут вмешиваться в повседневные дела академии. Однако скрываться мы не намерены. Пусть студенты знают, что отныне находятся под защитой. Такой ход, возможно, позволит нам утихомирить родителей, которые так и норовят подорвать всеобщий боевой дух и ослабить наши позиции перед противником.

– А что с родителями? – спросил Фитч. – Что они натворили?

– Некоторые увозят своих детишек-рифматистов из Армедиуса, – пояснил Хардинг. – Наш юный боец Джоэл на поверку оказался не промах. Он оперативно оповестил меня о происходящем. К моему великому сожалению, я не успел оцепить территорию. Сегодня утром академию покинуло по меньшей мере двенадцать студентов. В основном рифматистов.

– Это плохо, – отозвался Фитч. – Хотя бы потому, что все нападения произошли за стенами Армедиуса. Не понимаю, почему они хотят увести своих отпрысков из академии?

– Когда речь заходит о безопасности детей, родители ведут себя непредсказуемо, – пояснил Хардинг. – Я бы предпочел сразиться с эскадроном забвенных, чем иметь дело с богатой мамашей, которая считает, что ее чадо в опасности!

«Что еще за забвенные?..» – Джоэл вопросительно посмотрел на Фитча, но тот отвел взгляд.

– Итак, я ввел вас в курс дела, – подытожил Хардинг. – А теперь, если вопросов больше нет, я должен вернуться к своим обязанностям.

«Нужно все рассказать, – подумал Джоэл. – Не могу же я шпионить за Нализаром в одиночку! А вдруг придется с ним сражаться?..»

– Вообще-то, я... Гм... Есть кое-что, о чем мне стоит вам рассказать.

И Хардинг, и Фитч повернулись к Джоэлу. Под их взглядами он вдруг растерял всю уверенность. Как можно обвинить профессора академии в том, что тот похищает детей?

– Вероятно, это просто совпадение, – произнес Джоэл. – Но сегодня утром я заметил, что профессор Нализар ведет себя несколько подозрительно. Кроме того, вся эта история с похищениями началась именно тогда, когда ректор нанял его на службу.

– Джоэл!.. – воскликнул профессор Фитч. – Я понимаю, что ты расстроен исходом нашей с Нализаром дуэли, однако это уже перебор!

– Дело не в дуэли, профессор, – возразил мальчик. – Просто... Ну, понимаете...

– Джоэл, все в порядке, – пришел на подмогу Хардинг. – Ничего страшного в этом нет. Мы должны быть в курсе всего, что кажется тебе подозрительным. Единственное... Я не думаю, что нам стоит сколько-нибудь беспокоиться насчет личности Эндрю Нализара.

– Вы с ним знакомы?.. – Джоэл с изумлением взглянул на инспектора.

– Конечно, я с ним знаком! – отозвался Хардинг. – Нализар – живая легенда Небраска. Я легко назову десятка два людей, обязанных ему жизнью! И я, между прочим, среди их числа!

– То есть... Вы хотите сказать, что он не бахвалится? Он взаправду герой?

– Разумеется, взаправду! – воскликнул Хардинг. – Конечно, он отнюдь не скромник, но я считаю, если человек заслужил славу отвагой, подобное бахвальство простительно. Никогда не забуду, как меллинги почти прорвались через реку на востоке Небраска. Если бы это случилось, они бы атаковали нас с фланга, а затем, вероятно, заняли бы весь восточный фронт. После этого, повалив деревья, меловые твари

сплавились бы на близлежащие острова и разгромили бы все и вся! В общем, мне с моим отрядом грозила серьезная опасность. Но затем появился Нализар и в одиночку выстроил оборону. Он выстоял против сотен меллингов! От нас бы и пылинки не осталось, если бы Нализар не спас наши жизни. И этот случай не единственный! Я слышал много историй о его подвигах! Редко встретишь рифматиста столь опытного и собранного, как Эндрю Нализар. Жаль только, что...

Инспектор Хардинг вдруг умолк.

– Только что?.. – переспросил Джоэл.

– Сынок, извини, но эта информация не для твоих ушей, – сказал Хардинг. – Военная тайна. И это отношения к делу не имеет. Могу сказать, что угрозы Нализар не представляет. На самом деле я даже рад, что он здесь, в кампусе. Приятно сознавать, что такие отважные люди прикрывают наши тылы!

Хардинг на прощание кивнул – едва не отдал честь, но вовремя опомнился, затем выскочил за дверь и прогромыхал вниз по лестнице.

– Я и представить себе не мог... – произнес Джоэл. – Нализар – всамделишный герой?..

– Если честно, я тоже никогда не верил, что он герой... – признался Фитч.

– Да не может быть! – воскликнул Джоэл. – Он напыщенный пустозвон, а не герой!

– Пожалуй, соглашусь с тобой в том, что он напыщенный... Но факты говорят, что он отнюдь не пустозвон! Да и победил меня он весьма искусно. Как бы там ни было, студенту о профессоре академии так отзываться не подобает, Джоэл. Ты должен проявить уважение.

Раздался стук, и в следующую секунду дверь распахнулась. На пороге стояла Мелоди. Она решила не дожидаться приглашения.

– Полагаю, все самое секретное, ценное и интересное вы уже обсудили?.. – раздраженно воскликнула она. – Надеюсь, теперь-то простым смертным можно войти?

– Мелоди, дорогая, – отозвался Фитч. – Не принимай это на личный счет. Просто...

Девочка вскинула руку:

– Правильно я понимаю, что сегодня меня снова ждет копирование?

– Гм... Ну да, – подтвердил профессор. – Но тебе такая тренировка идет только на пользу, Мелоди! Когда-нибудь ты мне еще спасибо скажешь!

– Ага. – Мелоди прижала блокнот к груди и повернулась, чтобы уйти.

– Мелоди? – окликнул Фитч. – Ты куда это собралась?

– Пойду порисую за порогом! Туда, где и место простым смертным! Туда, где мое присутствие не мешает вашим значительным разговорам. – И с этими словами она захлопнула за собой дверь.

Фитч вздохнул, покачал головой и прошел к столу.

– Уверен, она переживет, – пробормотал он, усаживаясь за стол и принимаясь ворошить бумаги.

– Возможно, – сказал Джоэл, продолжая смотреть вслед Мелоди.

Интересно, озlobится она пуще прежнего? Ведь он только-только заслужил ее расположение! Как же чертовски трудно сладить с этой девчонкой!

– Какие поручения будут сегодня, профессор?

– А?.. Ах да! Если честно, даже не знаю. Я думал, ты будешь штудировать эти переписные книги еще как минимум пару недель. Гм... – Фитч постучал указательным пальцем по крышке стола. – А почему бы тебе не отдохнуть денек? Последние несколько недель ты так усердно трудился! Тем временем я попытаюсь разобраться с материалами по делу, полученными от Хардинга. Ну а завтра, я уверен, найдется работенка и для тебя.

Джоэл открыл рот, собираясь протестовать, как вдруг его одолели сомнения.

«Конечно, не мешало бы помочь профессору с этими странными линиями, но...» – Джоэл глянул на книгу в руке, которую взяла для него Мелоди в библиотеке, и передумал.

– Что ж, ладно, – согласился Джоэл. – Завтра так завтра!

Фитч кивнул и уткнулся в бумаги. Открыв дверь, Джоэл вышел из кабинета и едва не споткнулся о Мелоди, которая и в самом деле рисовала у самого порога. Она что-то проворчала, пропуская его. Джоэл прошел на лестницу, намереваясь найти укромное местечко и спокойно полистать книгу.

Джоэл сел под деревом с книгой в руках. В отдалении, стараясь загнать мяч в ворота, вопили и метались из стороны в сторону студенты, выбравшие в качестве летнего факультатива футбол. Джоэла их крики нисколько не тревожили.

Полицейские патрулировали территорию, но в жизнь кампуса, как и обещал инспектор Хардинг, не вмешивались. В ветвях над головой посвистывали птички, а по лужайке, подрезая траву, неспешно ползал заводной краб. Длинные металлические усики зондировали местность, дабы краб не сошел с газона и не отстриг чего лишнего.

Джоэл откинулся на ствол и вгляделся в сверкающую в лучах солнца листву. Книгу он выбирал, исходя из названия и предполагая, что труд «Истоки силы» будет посвящен стародавним временам и открытию рифматики на заре Соединенных Островов. Он ожидал подробного рассказа о короле Грегори и первых рифматистах, однако на деле книга повествовала о том, как рифматисты обретали свои способности.

Случалось это во время обряда посвящения, проходившего по традиции раз в год – четвертого июля. Мальчиков и девочек, достигших к тому моменту восьмилетнего возраста, отправляли в местную монархическую церковь. Все они сначала получали благословение приходского священника, затем один за другим шествовали в палаты инициации, проводили там несколько минут, а потом покидали их с противоположной стороны. Сей обряд символизировал перерождение. На выходе им вручали мелок и просили начертить линию. В эту минуту и становилось ясно, кто обладает рифматическими способностями, а кто – нет. Одним удавалось вдохнуть в линию жизнь, а другим – нет. Словом, ничего сложного.

Но, если верить книге, обряд посвящения был отнюдь не таким простым. Джоэл перелистал томик заново и в замешательстве нахмурился. Меж тем к нему подобрался садовый краб, прозондировал усиками ногу и пополз в обратном направлении. Похоже, книга была адресована читателям-рифматистам, поскольку в ней говорилось о каком-то «связывании» и некоем «сумрачном страннике».

Джоэлу казалось, что он знает, как проходит церемония посвящения, а на самом деле... В палатах инициации что-то

происходило. Некоторые из детей покидали эти комнаты преобразившимися – наделенными рифматическими способностями. Вряд ли обряд ограничивался невидимым касанием Мастера...

Если верить книге, в палатах инициации будущим рифматистам являлось духовное видение или откровение, которым они ни с кем не делились. Покидая церемониальную комнату, чтобы начертить свою первую линию, дети уже знали, кому из них на роду написано стать рифматистом.

Это шло вразрез со всем, что Джоэл знал о рифматике. Или, по крайней мере, так ему казалось в ту минуту. Он полагал, что достаточно подкован в вопросе, однако же этот текст оказался далеко за пределами его понимания.

«Связывание медиатора с удаленной четвертой сущностью – процесс зачастую непредсказуемый. Прежде чем принимать решение, индивиду, связывающему медиатора с сумрачной сущностью, должно как следует оценить риски относительно избранного сосуда...»

Что все это значит? До сегодняшнего дня Джоэл полагал, что как только он попадет в библиотечное крыло рифматистов, то сразу найдет ответы на все свои вопросы. Ему и в голову не приходило, что многие собранные там тексты могут попросту оказаться ему не по зубам.

Он захлопнул книгу. Краб в сторонке двигался все медленней. Час был уже поздний, и смотритель, вероятно, готовился к обходу: краба либо заведут, либо уберут до утра.

Джоэл поднялся, сунул томик под мышку и побрел к столовой. Потратив весь день на изучение одной книги, он чувствовал себя донельзя странно. По ночам пропадают студенты, скоро вновь наступит ночь, и весь кампус оцепят – шагу нельзя ступить, а он книжки читает! Нет, сидеть сложа руки неправильно! Расследованию надо как-то помочь!

«А что, если раздобыть книжку, которую Нализар взял в библиотеке?»

Несмотря на заверения инспектора Хардинга, профессору он по-прежнему не доверял. Наверняка в тексте сыщется что-нибудь интересное! Оставалось только заполучить том и понять, что именно.

Тряхнув головой и отогнав мысли прочь, Джоэл вошел в столовую и огляделся. Мать уже ужинала. Это хорошо. Он положил на тарелку еды – сегодня на ужин были фрикадельки и спагетти, – посыпал блюдо тертым пармезаном, подхватил палочки и направился к столу.

– Мам, привет! – сказал Джоэл, усаживаясь. – Как день прошел?

– Да вот как-то тревожно, знаешь ли, – отвечала она, взглядывая на группу ужинающих полицейских. – Переживаю за тебя, ведь по ночам ты совершенно один!

– Кампус, наверное, самое безопасное место в городе, – заметил Джоэл.

Он принялся за спагетти, обжаренные в томатно-соевом соусе с перцем, грибами и каштанами. Как же он любил итальянскую кухню!

Между тем мать не спускала глаз с полицейских. Вероятно, офицеры ужинали вместе с ними лишь затем, чтобы дать понять, что кампус под охраной, как и хотел Хардинг. Однако на деле своим присутствием они только нервировали окружающих и лишний раз напоминали об опасности.

В обеденном зале приглушенного гудело множество голосов. Несколько раз Джоэл слышал от снующих мимо кухонных работников имена Германа и Лили. Мол, «эти рифматисты» подвергают весь кампус риску.

– Ну что за глупцы! – воскликнул Джоэл. – Рифматисты нам необходимы! Если бы не они, меллинги давным-давно бы наводнили Соединенные Острова!

– Сын, люди напуганы, – отозвалась мать, помешивая почти нетронутую еду. – Ты же не можешь знать наверняка, чья тут вина. Вдруг весь сыр-бор разгорелся из-за разборок между рифматистами? Они ужасно скрытные...

Джоэл проследил за взглядом матери. Профессорский стол отчасти пустовал. Фитч не ужинал. Вероятно, опять заработался, пытаясь разгадать тайну исчезнувших студентов. Не было на своем месте и Нализара.

«Неужели он все-таки замешан?» – с подозрением прищурился Джоэл.

Студенческий стол рифматистов гудел, точно растревоженный улей. Взмолнованные подростки перешептывались и делились друг с другом опасениями. Только Мелоди, как обычно, сидела в дальнем углу

одна-одинешенька. Места по обе стороны от нее пустовали. Уставившись в тарелку, она ела и ни с кем не общалась. Джоэл подумал, что тяжело, должно быть, в такое беспокойное время быть без компании. Он задумчиво втянул несколько спагетти, припоминая, как ей не понравилось, когда Хардинг попросили ее выйти из кабинета Фитча во время своего маленького военного совета. И все же... наверное, она повела себя так неспроста? Быть может, все потому, что остальные рифматисты ее не принимают? Джоэл почувствовал укол стыда.

– Джоэл, может, не самая хорошая идея заниматься в такое тревожное время у профессора рифматики? – прервала его размышления мать.

Он повернулся к ней. Чувство вины в один миг сменилось тревогой. Мать запросто могла положить конец его занятиям у Фитча. Стоило ей обратиться к ректору...

С десятков отговорок пронеслось в голове, но протестовать он не стал. Начнет негодовать – хуже только сделает. Лишний раз возмущаться не стоит. Если мать вмешается и узнает, что Джоэл помогает Фитчу с расследованием, то их встречи, даже не успев толком начаться, вероятно, тут же и закончатся. И что тогда?.. Как же быть?

– Разве отец хотел бы этого? – услышал Джоэл свой собственный голос.

Палочки со спагетти замерли на полпути ко рту матери. Вспоминать про отца было всегда рискованно. Плакала она уже не так часто, как прежде. Гораздо реже. До сих пор не верилось, что несчастный случай на монорельсе мог так внезапно перевернуть их жизнь с ног на голову. Надежды на счастливое будущее рухнули в один миг. Впрочем, как и чаяния Джоэла стать рифматистом.

– Нет, – отозвалась она. – Отец всегда был против остракизма рифматистов. Честно признаться, я на его стороне. Не хочу, чтобы ты относился к ним, как все остальные. Просто... будь осторожен, Джоэл. Ради меня...

Он расслабился, кивнул и вновь с раздражением обнаружил, что его взгляд устремлен на Мелоди. Девочка, как и прежде, сидела в одиночестве. Все в столовой шептались о рифматистах и поглядывали на них, точно на музейные экспонаты.

Джоэл воткнул палочки в спагетти, встал из-за стола и направился через зал к столу рифматистов. Мать глянула на него, но говорить ничего не стала.

– Чего тебе? – заметив Джоэла, спросила Мелоди. – Пришел подлизываться? Приспичило попасть еще куда-то, куда вход тебе заказан?

– Увидел, что ты грустишь, и решил пригласить тебя поужинать вместе, – сказал Джоэл.

– Да неужели?.. А если вы с мамой вдруг заговорите о чем-то важном? Уверен, что не прогонишь меня?

– Знаешь что?! – воскликнул Джоэл. – А, забудь!

Он повернулся и пошел обратно.

– Прости... – раздался позади голос Мелоди.

Джоэл оглянулся. Девочка казалась жалкой. Она потупила взор в миску с мешаниной коричневатых спагетти, намотанных на вилку.

– Извини... – Она замялась. – Я бы очень хотела присоединиться к вам.

– Ну так пойдем! – махнул рукой Джоэл.

Мелоди помедлила, затем взяла миску и поспешила следом.

– Ты хоть представляешь, как все это выглядит со стороны? Когда девочка второй раз за день бежит за мальчиком по пятам? Да еще и садится с ним ужинать?

«Просто великолепно! – подумал Джоэл, краснея. – Мечтал так прославиться!»

– У тебя ведь не будет проблем из-за того, что ты уселась за другой стол?

– Не-а! Нам, конечно же, предписано сидеть за своим столом, но все это только на словах. Никто не следит. Спросишь, почему я тогда не отсела от остальных? А куда же мне было податься?

Они подошли к его месту, и работники по обе стороны потеснились так, чтобы они оба устроились напротив матери. Мелоди села и нервно расправила юбку.

– Мам, – сказал Джоэл, опускаясь на скамью и хватаясь за палочки. – Это Мелоди. Нынешним летом она тоже занимается у профессора Фитча.

– Дорогая, рада с тобой познакомиться! – воскликнула мать.

– Очень приятно, миссис Саксон, – отозвалась Мелоди, подкручивая на вилку спагетти.

– А ты палочками не умеешь пользоваться? – спросил Джоэл.

– Не люблю европейскую кухню, – поморщилась Мелоди. – Я и вилок неплохо справляюсь.

– Это не так уж сложно, – сказал Джоэл, демонстрируя, как держать палочки. – Отец научил меня, когда я был еще совсем маленьким.

– А он к нам присоединится? – вежливо поинтересовалась Мелоди. Джоэл замялся.

– Дорогая, отец Джоэла уже восемь лет как почил, – пояснила миссис Саксон.

– Ой, простите, пожалуйста!.. – воскликнула Мелоди.

– Ничего, все в порядке, – успокоила ее женщина. – Приятно вновь оказаться в компании рифматиста. Сразу вспоминаю, как мы порой сживали с ним.

– А он был рифматистом? – спросила Мелоди.

– Нет-нет. Просто он водил дружбу со многими профессорами. – Взгляд миссис Саксон устремился куда-то вдаль. – Он создавал для них особые мелки, а они в знак признательности рассказывали ему о своей работе. Я ни слова не понимала из их разговоров, но Трент был на седьмом небе от счастья. Он делал мел, а они принимали его едва ли не за своего.

– Делал мел? – удивилась Мелоди. – А разве мел не из-под земли достают?

– Вообще так и есть. Простой мел добывают под землей, это ведь разновидность известняка. Однако мел, который обычно используют рифматисты, отнюдь не на сто процентов состоит из извести. Состав рифматического мела – огромное поле для экспериментов... По крайней мере, так утверждал Трент. С его слов, лучший мел для рифматистов – тот, что создан под конкретную задачу. Мел не должен быть слишком твердым, иначе линии получатся тонкими. А вот чересчур мягкий мел очень ломкий. Трент покрывал мелки особой глазурью, чтобы пальцы рифматистов всегда оставались чистыми. Кроме того, он добавлял в состав специальную смесь, которая уменьшала количество меловой пыли.

Джоэл сидел, не говоря ни слова, и внимал. Заставить мать поведать об отце было очень сложно.

– Некоторые рифматисты признавали мелки только определенного цвета, и Трент порой работал часами, чтобы добиться нужного оттенка, – рассказывала она. – Большинство академий не держит в штате меловых мастеров, и ректору Йорку так и не удалось найти Тренту замену. После его гибели все претенденты на должность меловых дел мастера казались ректору некомпетентными. По правде говоря, держать меловара в штате нет большой необходимости. Рифматист может сработать и обыкновенным мелком... Трент всегда спорил с теми, кто называл его работу безделицей. Он часто проводил аналогию с едой. Дескать, зачем люди питаются вкусно и разнообразно, если тело может получать полезные вещества из пресной пищи? Он говорил, что если следовать такой логике, то не нужны и разноцветные ткани, живописные картины и красивая музыка. А в конце резонно замечал, что люди – существа высшего порядка, которые довольствоваться необходимым минимумом для выживания не могут и никогда не будут. А все потому, что это противоречит их природе. Совершенствование рецептов и создание полезных рифматистам мелков было призванием Трента, предметом его жизненных поисков. В какой-то момент Трент стал снабжать рифматистов специальными поясами с шестью типами мелков. Все они различались по твердости и форме кончика, который затачивался под самые разные поверхности. И много кто из профессоров носил пояс!

Миссис Саксон вздохнула.

– Но все это в прошлом. Теперь специальные мелки заказывают из Мэйнфорда... – Она умолкла, взглянула на большие часы, встроенные в стену, и вдруг воскликнула: – Пыль меня побери! Мне пора возвращаться к работе! Мелоди, было приятно познакомиться!

Девочка встала попрощаться, тогда как мать Джоэла уже рванулась к выходу. Когда она скрылась из виду, Мелоди вновь села за стол и принялась за еду.

– Твой отец, похоже, был интересным человеком.

Джоэл кивнул.

– Ты хорошо его помнишь?

– Мне исполнилось восемь, когда он умер. У нас в комнате есть несколько дагерротипов с его портретами. Отец был здоровый и

тучный. С виду никакой не ремесленник, а настоящий пахарь. Очень добрый... Любил посмеяться...

– Повезло тебе, – сказала Мелоди.

– С чем? С тем, что он умер?

Девочка покраснела:

– Повезло тебе с таким отцом... Вот, что я имела в виду. А еще то, что ты можешь жить вместе с мамой.

– Ну, все отнюдь не так радужно, как тебе кажется. У нас не комната, а чулан! А мать работает так, что скоро загонит себя до смерти. Сверстники со мной вроде и хорошо обходятся, но друзей у меня нет. Ни одного!.. Они просто не знают, как вести себя с сыном уборщицы.

– Я даже этим похвастаться не могу...

– Ты сирота? – удивленно спросил Джоэл.

– Нет, все не так трагично. – Мелоди вздохнула и нанизала на вилку спагетти. – Мой дом на Флоридском атолле, а родители живы и абсолютно здоровы. А еще им абсолютно неинтересно навещать меня в академии. Похоже, к тому времени, когда в семье появляется четвертый ребенок-рифматист, новизна ощущений окончательно сходит на нет.

– У вас в семье четверо рифматистов?..

– Если считать родителей, даже шестеро, – сказала Мелоди. – И мама, и папа – оба рифматисты.

Джоэл опешил, затем нахмурился. Насколько он знал, рифматические способности генетически не наследуются. Многочисленные изыскания показывали, что вероятность рождения рифматиста от родителей-рифматистов практически такая же, как и от обыкновенных родителей.

– Это же невозможно, – возразил Джоэл.

– Не невозможно, а маловероятно, – поправила Мелоди, поглощая спагетти.

Джоэл покосился на лежащий под рукой темно-коричневый потрепанный временем томик, за которым провел почти весь день.

– Кстати... – сказал он как можно более буднично. – Я тут читал, что происходит с рифматистами в палатах инициации...

Мелоди оцепенела, несколько спагетти повисло над миской.

– Увлекательное чтиво, надо сказать, – заметил Джоэл, перелистывая книгу. – Правда, у меня возникло несколько вопросов по

части процесса этой самой инициации...

Мелоди втянула спагетти и спросила:

– Эта книга об инициации?

Джоэл кивнул.

– Пыль меня побери! – воскликнула девочка, хватаясь за голову. – Похоже, у меня будут большие неприятности!

– Почему? Что такого? Все однажды проходят через палаты инициации... Какой смысл поддерживать вокруг этого места ореол таинственности?

– На самом деле никакого ореола таинственности нет и в помине, – произнесла Мелоди. – Просто... Даже не знаю... Это место священное. А его обсуждение – табу.

– Ну, я ведь все равно уже прочел книгу, – сказал Джоэл. – Понял отнюдь не все, но суть уловил... Узнал много нового. Думаю, ничего страшного не произойдет, если ты прояснишь для меня некоторые моменты.

Мелоди посмотрела на него:

– Предположим, я отвечу на твои вопросы... Расскажешь ли ты мне, о чем вы шушукались с тем полицейским и профессором Фитчем?

Эти слова заставили Джоэла задуматься.

– Гм... Мелоди, я ведь слово дал, что буду молчать, – сказал он наконец.

– Точно так же, как и я поклялась не обсуждать обряд инициации с нерифматистами!

«Меллинг меня побери!» – с досадой подумал Джоэл.

– Я надеюсь, мы не будем снова ругаться? – спросила Мелоди со вздохом.

– Не знаю, – отозвался Джоэл. – Не хотелось бы...

– И мне... – поддакнула девочка. – Сейчас у меня никаких сил нет спорить. Кажется, всему виной эти помои, что итальянцы называют едой. Очень уж похоже на червей! Ладно... Слушай, а что ты собирался делать после ужина?

– После ужина? – переспросил Джоэл. – Ну... Я вроде как хотел пойти еще почитать. Может, удастся найти ответы на кое-какие вопросы.

– Ты слишком много зубришь! – сморщила носик Мелоди.

– Мои преподаватели с тобой не согласились бы...

– Так это все потому, что они не правы! Слушай того, кто прав. То есть меня. А я говорю, что чтения с тебя хватит! Пойдем лучше съедим по мороженому.

– Вряд ли на кухне найдется мороженое, – усомнился Джоэл. – Все-таки лето на дворе. А летом, как ты знаешь, с этим проблемы, да и вообще...

– Да сдалась нам эта кухня! Дурачок! – закатила глаза Мелоди. – Мы раздобудем его в кафе на Рыцарском бульваре.

– О!.. Я никогда там не бывал.

– Что?! Вот где настоящая трагедия!

– Мелоди, у тебя все, чего ни коснись, – настоящая трагедия!

– Я тебе больше скажу! Жизнь без мороженого – кульминация настоящей трагедии! Так-то! Все, нечего тут обсуждать! За мной! – С этими словами Мелоди устремилась прочь из столовой.

Джоэл закинул в рот еще спагетти и поспешил следом.

Сначала рифматист вычерчивает фронтальную линию запрета и только затем начинает рисовать меловых существ. Как только первая группа меллингов готова, рифматист распыляет фронтальную линию запрета и направляет своих существ в атаку.

ЗАЩИТА ДЖОРДАНА

Глава 13

– Так что же ты нашел в рифматистах? Почему так стремишься стать одним из нас? – спросила его Мелоди, шагая в закатном сиянии летнего солнца.

Мимо прошел смотритель кампуса. Старик Баркли двигался от фонаря к фонарю и заводил механизмы. Шестерни оживали, и вокруг разливался свет. Времени у Джоэла и Мелоди на их маленькое путешествие было не так уж и много, однако, по их подсчетам, они как раз успевали вернуться к началу комендантского часа.

– Не знаю, – сунув руки в карманы брюк, отвечал Джоэл, ступая рядом с Мелоди к воротам Армедиуса. – А почему бы и не стремиться? Я, например, не понимаю тех, кто не интересуется рифматикой.

– На самом деле я от многих слышала, как они хотят стать рифматистами, – сказала Мелоди. – Одни мечтают о славе, об особенном отношении. Другие же, как мне кажется, грезят властью. Но, Джоэл, ведь это все не про тебя. Ты тихоня, всегда молчишь и ныкаешься по углам. Тебе нравится одиночество.

– Вроде того... А может, я тоже жажду власти? Ты же видела, каким я становлюсь в дуэли!

– Нет, Джоэл, это совсем не то, – отозвалась Мелоди. – Объясняя линии и защиты, ты превращаешься в перевозбужденного ребенка. Ты не рассматриваешь рифматику как средство, чтобы что-то выгадать или кого-то подчинить. А все остальные, в отличие от тебя, именно так и рассуждают! И такие люди есть даже в моем классе!

Джоэл и Мелоди подошли к воротам, которые охраняла пара полицейских. Преградить студентам путь они даже не пытались. Рядом стояли ведра с кислотой – на случай нападения меллингов. Раствор был не концентрированный, а потому вреда человеку нанести не мог. По крайней мере, вреда сильного. Однако же меллингов эта кислота уничтожала в мгновение ока. Было очевидно, что Хардинг рисковать не собирался. Охрану кампуса он организовал со всей ответственностью.

– Вы, двое, – кивнул им охранник. – Будьте осторожны. У вас час времени.

Джоэл кивнул и спросил у Мелоди:

– А ты уверена, что это хорошая идея?

– Джоэл, ты слышал, чтобы хоть кого-нибудь похищали из кафе? – закатила девочка глаза.

– Нет, но вот Лили Уайтинг исчезла по пути домой со званого ужина.

– Тебе-то откуда знать, как она исчезла? – подозрительно воззрилась на него Мелоди.

Джоэл отвел взгляд.

– Ах да!.. Ваши тайные собрания с Хардингом и Фитчем!

Джоэл не ответил, а Мелоди, к счастью, не стала давить.

Беспокоиться, вероятно, не стоило. Улица выглядела оживленной, да и похититель нападал на студентов без свидетелей. Тем не менее бдительности Джоэл не терял и ловил себя на том, что постоянно озирается. Армедиус представлял собой огороженную стенами парковую территорию с аккуратными лужайками. По правую руку стояли величественные здания, а по левую тянулась улица, тишину которой изредка нарушали лишь цоканье конских копыт да колесный стук экипажей.

Однако такие экипажи в последнее время попадались на глаза все реже. В обиход вошли заводные извозчики, выглядящие порой как диковинные звери самых разных форм и размеров. Вот, например, мимо них прополз бескрылый дракон. Шестерни и пружины его крутились, щелкали, а глаза сияли, освещая дорогу. На спине покоилась карета, в окне которой Джоэл увидел усатого мужчину в котелке.

Армедиус располагался в самом центре Джеймстауна, неподалеку от нескольких оживленных перекрестков. Вдали виднелись

десятиэтажные здания, построенные из прочного кирпича. Некоторые дома украшала каменная облицовка или колонны. Тротуары вдоль них были узорно выложены булыжником. Иногда на кирпичах встречался оттиск Новой Британнии. Это был один из первых островов, века назад колонизированный европейцами, когда те обнаружили огромный архипелаг, получивший впоследствии название Соединенные Острова Америки.

Джоэл сначала подивился, сколько на улицах людей, а затем вспомнил, что сегодня пятница. В конце рабочей недели Харп-стрит оживала: здесь показывали спектакли и играли концерты. Рабочие в грязных рубашках и штанах прикладывали руки к кепкам, козыряя Мелоди: формой, выдававшей рифматистку, девочка вызывала их безоговорочное уважение. Даже джентльмены с тросточками, облаченные в безупречные костюмы и длинные пальто, а также их леди, сверкающие вечерними платьями, пускай и через раз, но кивали в знак приветствия.

«Интересно, каково это, когда каждый незнакомец признает тебя? Выказывает уважение?» – задался вопросом Джоэл. Прежде об этом аспекте жизни рифматиста он не задумывался.

– Поэтому тебе претит быть рифматисткой? – спросил он, неторопливо шагая в свете уличных фонарей.

– Что, прости? – переспросила Мелоди.

– Тебе претит слава рифматистов? – уточнил Джоэл. – То, как все смотрят на тебя? То, как относятся? Поэтому тебе не нравится быть рифматисткой?

– Отчасти да. Они как будто... все чего-то от меня ждут! И ведь многие всерьез возлагают какие-то надежды! Рифматистам, в отличие от обыкновенных студентов, оступаться нельзя: мы у всех на виду. Нам словно дают понять, что у нас нет права на ошибку. Кроме того, в рифматисты посвящают, только когда появляются свободные места. Один из нас прежде должен умереть. Рифматистов не может быть больше определенного числа. А что, если я стану никудышной рифматисткой? Получается, в наших рядах образуется брешь!

Они прошли под пружинным монорельсом. Джоэл оглянулся через правое плечо и увидел, как на станции Армедиус заводят поезд. Мелоди же шагала, сцепив руки и глядя перед собой.

– Это так на меня давит! – воскликнула она. – Я плохая рифматистка, и в то же время меня ведь избрал сам Мастер! А это, в свою очередь, подразумевает, что у меня есть способности! И все думают: раз я не справляюсь, значит плохо над собой работаю. Со всех сторон я постоянно слышу в свой адрес только критику!

– Н-да... – отозвался Джоэл. – Неприятно.

– Ага.

Он не знал, что и добавить. Неудивительно, что Мелоди так остро на все реагирует и чуть что обижается!

Некоторое время они шли молча. Между тем Джоэл подметил, что отнюдь не все прохожие взирают на Мелоди с почтением. Были и такие, кто прямо-таки зыркал на нее из-под козырька и что-то с неодобрением бормотал своему спутнику. Джоэлу и в голову прийти не могло, что зависть обыкновенных студентов к рифматистам может распространиться за стены академии и даже перерасти в глухую враждебность.

Спустя некоторое время они добрались до кафедрального собора в центре Джеймстауна. Это было величественное здание с широкими металлическими воротами и часами, чьи вращающиеся шестерни отсчитывали бесконечное течение времени. Крышу и карнизы украшали заводные статуи и гаргульи. Порой они вращали головами и взмахивали крылами.

Джоэл невольно замер. Архитектурное великолепие на фоне темнеющего неба завораживало.

– Ты не ответил на мой вопрос, – заметила Мелоди. – Почему ты так отчаянно стремишься стать рифматистом?

– Может, потому, что я упустил свой шанс?

– У тебя были точно такие же шансы, как и у всех остальных, – возразила Мелоди. – Обряд инициации и все прочее...

– Не совсем так, – сказал Джоэл, отворачиваясь. – Мой обряд проходил в декабре.

– Как это? – опешила девочка.

Джоэл тем временем двинулся дальше. Она догнала его, забежала вперед и попятилась, допрашивая его на ходу.

– Но ведь обряд инициации проходит в июле!

– Если только ты его не проворонил, – отозвался Джоэл.

– Как ты умудрился пропустить обряд?

– Ну... Из-за непредвиденных обстоятельств.

– Но ведь к декабрю составляются окончательные ежегодные списки новоиспеченных рифматистов!

– Да, я в курсе...

Озадаченная Мелоди развернулась и пошла с Джоэлом в ногу.

– Как это было?.. – вдруг спросила она. – Я имею в виду твой обряд инициации.

– Это же вроде табу?

– Так и есть. Но говорить-то буду не я, а ты.

– На самом деле рассказывать особенно не о чем, – отозвался Джоэл. – Одним декабрьским воскресеньем мы с матерью отправились в собор, где преподобный Стюарт окропил меня святой водой, помазал лоб елеем, а затем оставил меня молиться перед алтарем на пятнадцать минут. Ну а после мы вернулись домой.

– То есть ты так и не переступил порог палат инициации?

– Преподобный Стюарт сказал, что в этом нет необходимости.

Мелоди нахмурилась, но продолжать допрос не стала. Вскоре они очутились в торговом квартале. И хотя располагался этот маленький район на значительном удалении от Армедиуса, каким-то образом он все же процветал. По обе стороны улицы высились кирпичные здания с тентовыми маркизами и деревянными вывесками, раскачивающимися на ветру.

– Что-то я погорячилась, когда решила, что джемпер мне не пригодится, – поежилась Мелоди. – Тут у вас даже летом бывает прохладно!

– Неужто ты замерзла? – спросил Джоэл. – Ах да!.. Ты же из Флоридии!

– Здесь, на севере, жуткая холодрыга!

– В Новой Британии еще тепло, – улыбнулся Джоэл. – А вот в Мэйнфорде!.. Вот там колотун!

– Что тут, что там! Зуботряска!.. – отозвалась Мелоди. – Я все больше склоняюсь к мнению, что вы, северяне, даже и не ведаете, каково это, когда по-настоящему тепло! Вы просто-напросто никогда не испытывали ничего подобного! За тепло вы принимаете то, что не слишком холодно!

– Разве не ты предложила отправиться за мороженым? – спросил Джоэл, забавляясь рассуждениями Мелоди.

– Так в кафе-мороженом будет тепло! – сказала она. – Или нет... В общем, я очень надеюсь, что там будет тепло! Кроме того, полагаю, никому не надо рассказывать, что мороженое – добровольное приятие холода, которое в конечном итоге оправдывает себя и дарит наслаждение. Это как с добродетелью. За добродетель – воздаяние! Однако прежде надо изведать страдания.

– Мороженое как метафора религиозного воздаяния? – спросил Джоэл. – Сильно!..

Шагая по мощенному кирпичом тротуару, Мелоди вдруг заулыбалась. Свет от жужжащих фонарей играл в ее темно-рыжих кудряшках и оттенял ямочки на щеках.

«Вот теперь, когда она не ведет себя как безумица... – подумал Джоэл. – Когда не вопит, точно потерпевшая, она очень даже милая!»

– А вот и оно!.. – Мелоди показала на кафе-мороженое и ринулась через улицу.

Джоэл припустил следом, правда двигался он гораздо осмотрительнее. Не хватало еще попасть под колеса снующих заводных повозок!

Кафе, судя по количеству народа, пользовалось популярностью. Никогда прежде Джоэл здесь не бывал. Впрочем, и в самом торговом квартале он был гостем нечастым. Разве мог он позволить себе что-нибудь купить? У него и денег-то не было! Всем необходимым их семью обеспечивала академия.

В кафе Джоэл сразу заметил нескольких студентов из Армедиуса, а у входа им повстречался Мэтьюс Ричардсон. Долговязый юноша был на год старше Джоэла и всегда относился к нему дружелюбно. Ричардсон вальяжно махнул рукой в знак приветствия, бросил взгляд на Мелоди, а затем подмигнул Джоэлу.

«Что ж... Если до этой минуты никто и не думал судачить о нас с Мелоди, то отныне, похоже, все изменится!»

Что об этом всем думать и как себя вести, Джоэл понятия не имел. Он подошел к Ричардсону, намереваясь поболтать, а Мелоди отправилась изучать меню.

Увидев цены напротив сортов мороженого, Джоэл остолбенел.

«Какой же я болван! Ну почему?.. Почему я опять не подумал своей бестолковой головой?»

За пределами кампуса он бывал редко и практически никогда ничего не покупал.

– Мелоди! – Джоэл схватил подругу за руку прежде, чем та успела переступить порог кафе. – Я... не могу себе позволить...

– Что?

Джоэл кивнул на меню в витрине кафе:

– Девять центов за шарик мороженого? Это же грабеж!..

– А что ты хотел? На дворе июнь! Дороговато, но приемлемо. Сомневаюсь, что на всем острове сыщется заведение, где цена была бы ниже семи центов за шарик! Ниже я видела только зимой – пять центов.

«Неужели жить в этом мире так дорого?» – удивленно похлопал глазами Джоэл.

– Сколько у тебя? – спросила Мелоди.

Джоэл пошарил в кармане и вытащил тонкий серебряный пенни размером с фалангу большого пальца. На реверсе красовался герб Новой Британнии. Мать наказала носить эту монету с собой на случай, если ему вдруг понадобится заплатить за такси или за билет на монорельс.

– Всего один пенни, – невозмутимо констатировала Мелоди.

– Один, – кивнул Джоэл.

– Столько тебе дают в неделю на карманные расходы?

– В неделю?.. – переспросил Джоэл. – Мелоди, моя мать подарила мне эту монету на день рождения в прошлом году!

Девочка какое-то мгновение тупо смотрела на монету, а затем изрекла:

– Ого! А ты и в самом деле беден!

Джоэл покраснел и спрятал пенни в карман.

– Ты покупай, что хотела, а я подожду снаружи...

– Не глупи!..

Мелоди схватила его за руку и затащила в кафе, где их тут же окутало приятное тепло. Она встала в очередь за Ричардсоном и девчушкой с невероятно длинными ресницами, которую Джоэл никогда прежде не видел.

– Заплачу за обоих, – сказала Мелоди.

– Я не позволю девчонке за меня платить!

– Только давай без этой мужской показушности. – Мелоди достала кошелек и выудила оттуда пятьдесят центов. – Вот, держи. Теперь можешь заплатить за нас обоих!

Она вручила ему сияющую золотую монету.

– Ну что за вздор! – запротестовал Джоэл.

– Ты лучше заказ сделай, разиня! Наша очередь.

Джоэл растерянно воззрился на кассира. Тот в ответ вопросительно поднял брови.

– Э-э... – подал голос Джоэл. – Здрасте...

– Чтоб тебя!.. Ты безнадежен! – воскликнула Мелоди, отпихивая Джоэла локтем. – Мне, пожалуйста, три шарика шоколадного пломбира с шоколадным сиропом и шоколадной крошкой.

Она глянула на Джоэла и прибавила:

– А ему ванильное, пожалуйста. Два шарика. Вишневый сироп... И две вишневых содовых! Записали?..

Кассир за стойкой кивнул.

– Он заплатит, – сказала Мелоди и кивнула на Джоэла.

Тот вручил продавцу полдоллара и получил сдачу – пару пенни.

Мелоди показала на столик, и Джоэл послушно проследовал за ней. Усевшись, он попытался было отдать ей сдачу, но она безразлично отмахнулась.

– Оставь себе. Просто ненавижу, когда в кошельке бряцает мелочь.

– Сколько у тебя денег? – спросил Джоэл, разглядывая монеты на ладони.

– Каждую неделю мама с папой присылают мне доллар, – сказала Мелоди, доставая золотую монету пяти сантиметров в диаметре.

Джоэл таращился на нее, не веря своим глазам. Никогда в жизни ему не доводилось видеть столь крупной монеты. И аверс, и реверс доллара были стеклянными, а внутри виднелись шестеренки, подтверждающие его подлинность.

Мелоди повертела доллар между пальцами, а затем достала ключик и завела миниатюрный механизм. Шестеренки под стеклом пришли в движение и тихонько защелкали.

«Подумать только!.. – изумился Джоэл. – Доллар в неделю!»

– Держи, – сказала Мелоди и катнула монету через стол к Джоэлу. – Теперь он твой.

– Нет, я не могу!.. – воскликнул Джоэл, останавливая монету, чтобы та не упала со стола.

– Почему нет?

– Потому что это неправильно! Я...

Джоэл никогда в жизни не держал в руках столько денег. Он попытался было вернуть доллар, но Мелоди в ответ лишь щелкнула кошельком.

– Не-а, – сказала она. – У меня в комнате лежит еще пятьдесят. Ума не приложу, что с ними делать!

– Но это же... потрясающе! Целая куча денег!..

– По сравнению с богатствами остальных студентов академии это просто ничто! – усмехнулась девочка. – В моем классе есть мальчик, которому домашние присылают по десять долларов в неделю.

– Десять!.. – задохнулся Джоэл. – Я и в самом деле нищий!

Он поколебался.

– Мелоди, я не смогу принять эти деньги. Мне не нужна милостыня.

– Да никакая это не милостыня. Я просто устала таскать его с собой. Почему бы тебе не купить матери что-нибудь приятное?

Над этим предложением Джоэл задумался. С неохотой, но он спрятал доллар в карман.

– Твоя мама выглядит неважно. Ей бы не помешало передохнуть, – сказала Мелоди. – Это все потому, что она много работает?

– Очень много, – кивнул Джоэл.

– А куда тогда девается вся ее зарплата? На твоё обучение?

– После гибели отца ректор Йорк выделил мне грант на бесплатное обучение, – покачал головой Джоэл.

– Твоя мать должна получать гораздо больше за свои труды, чем просто комнату и стол, – заявила Мелоди, кивая в знак благодарности официанту, который принес их заказ.

Гора мороженого, украшенная ломтиками вишни и взбитыми сливками, выглядела устрашающе. А ведь его порция была на треть меньше, чем шоколадное чудовище Мелоди!

– Так куда уходит вся зарплата твоей мамы?

– Не знаю, – отозвался Джоэл. – Честно признаться, я никогда не задумывался об этом.

Он снова повертел в кармане доллар, который казался ему целым состоянием. Неужели у рифматистов такая большая пенсия, раз они высылают своим чадам по доллару – а то и по десять – в неделю?

Каждый рифматист был обязан сражаться за Небраск в течение десяти лет. По окончании этого срока некоторые оставались на фронте по собственному желанию, однако большинство увольнялось в запас. На этом служба не заканчивалась. Их могли призвать на Небраск в любой момент, правда только в случае крайней необходимости. Время от времени такая необходимость и в самом деле возникала, но происходило это очень и очень редко. За последние тридцать лет рифматистов мобилизовали лишь единожды – когда в заградительном круге Башни понадобилось срочно залатать огромную брешь.

За десять лет выслуги рифматистам полагалась пожизненная пенсия. Точных цифр Джоэл не знал, но, если у рифматистов вдруг возникала необходимость в деньгах, они всегда могли устроиться на работу в пружинные монорельсовые компании. Дело в том, что многие рифматисты после увольнения в запас подписывали с правительством контракт, позволявший им использовать меллингов, нарисованных при помощи символа раздираания, для обслуживания гигантских пружинных барабанов, которые и приводили в движение монорельсовые составы. Символ раздираания был необходим, чтобы наделить меллингов способностями воздействовать не только на мел, но и на объекты реального мира – в данном случае на пружины заводных механизмов.

Обо всем этом Джоэл знал не так уж много: рифматисты с простыми обывателями на подобные темы не разговаривали. Он даже не совсем представлял, как меллингам вообще удастся воздействовать на пружины. Однако каким-то образом они управлялись с ними, и труд рифматистов оплачивался очень и очень достойно.

– Хорошо быть рифматистом! Без штанов уж точно не останешься, – сказал Джоэл. – Легкие деньги!

– Ага, – тихо отозвалась Мелоди. – Легкие...

Джоэл наконец решился попробовать мороженое. Оно оказалось гораздо вкуснее, чем то, что подавали повара Армедиуса, однако насладиться сполна Джоэлу не удалось. Он заметил, что Мелоди, опустив глаза, утратила к лакомству всякий интерес и уныло ковыряет ложкой в креманке.

«Что я такого сказал? – подумал Джоэл. – Может, мои слова вновь навели ее на мысль, что она не слишком способная ученица?»

– Мелоди, из тебя получится отличная рифматистка. Я еще не встречал никого, кто бы так искусно рисовал меллингов!

– Спасибо, – отозвалась девочка, и ее ложка замерла.

Похоже, тревожило ее нечто другое. Через несколько мгновений она вновь принялась работать ложкой, активно разминая шарик мороженого.

– Шоколад, – вдруг произнесла она, – величайшее изобретение всех времен и народов.

– А как же заводные механизмы? – спросил Джоэл.

– Да Винчи был тот еще халтурщик! – равнодушно отмахнулась Мелоди. – Ни для кого это не секрет. Его слишком переоценивают.

Джоэл, которому наконец-то удалось распробовать свой пломбир в полной мере, улыбнулся:

– Как ты определила, какое мороженое я люблю?

– Просто почувствовала, – ответила Мелоди, зачерпывая шоколадное лакомство. – Джоэл... скажи, а ты и вправду считаешь, что мои меллинги хороши? Что у меня и в самом деле талант?

– Конечно! – воскликнул Джоэл, делая глоток содовой. – Мне довелось тайно побывать на многих лекциях по рифматике, и ни один профессор не прорисовывает своих меллингов так скрупулезно, как ты.

– Тогда почему мне никак не даются остальные рифматические элементы?

– Постой, разве тебе не все равно?

– Конечно, не все равно! Стала бы я делать из всего этого трагедию, если бы мне было не наплевать!

– Может, стоит больше практиковаться?

– Я уже тонну мелков извела!

– Тогда я даже и не знаю... А как ты умудрилась удержать меллингов за своей защитой? Считается, что их сложно контролировать, а ты как будто и вовсе усилий не прилагала...

– Сложно?

– Наверняка я тебе не скажу, потому что я все-таки не рифматист. – Джоэл отправил мороженое в рот и примолк, распробовав сладкий сливочный вкус; облизал ложку и только затем снова заговорил: – Я не слишком-то знаком с теорией меллингов. В

библиотечном крыле для обыкновенных студентов книг на эту тему – раз-два и обчелся! А профессор Фитч – единственный, кто не прогонял меня со своих лекций, – теорию меллингов не преподает.

– Мне стыдно за профессоров, которые прогоняли тебя с лекций! Что ты хочешь узнать о меллингах?

– Ты мне расскажешь? – удивился Джоэл.

– Почему бы и нет?

– А ты вспомни свое выражение лица, когда узнала, что та библиотечная книга – про обряд инициации!

– Это же совсем другое!.. – закатила Мелоди глаза. – Я понять не могу, тебя интересуют меллинги?

– Что ж... – Джоэл задумался над вопросом. – Иногда меллинги ведут себя послушно, а иногда – нет. Почему так?

– Этого объяснить никто не может. Меня меллинги обычно слушаются и делают именно то, чего я хочу. Хотя у остальных с ними возникают трудности.

– Выходит, ты лучше других вникла в технику начертания символа повеления?

– Не думаю, – отозвалась Мелоди. – Меллинги... Это ведь не просто линии, Джоэл. Линия запрета, например, служит одной-единственной цели. Ты чертишь ее, и она остается на месте, выполняя функцию барьера. Меллинги же универсальны. Они живут собственной жизнью. Неправильно нарисованный меллинг никогда не выполнит твою команду как надо.

– Что ты подразумеваешь под «правильно нарисованными меллингами»? – нахмурился Джоэл. – Сколько книг я ни читал, везде говорится лишь о том, что дополнительные детали усиливают меллинга. В конце концов, это всего лишь мел! Как меллинг может самостоятельно определить, нарисован он со множеством подробностей или нет?

– Представь себе, может! – сказала Мелоди. – Меллинг просто знает, когда он изображен достойно.

– Получается, важно количество мела? Чем больше его расход, тем меллинг детальнее?

Мелоди покачала головой:

– В первый год обучения мои однокурсники пытались рисовать меллингов просто в виде закрашенных разноцветных кружков, однако

те либо быстро умирали, либо катились в любом, но только не задуманном направлении.

Джоэл нахмурился еще сильнее. Он всегда считал рифматику наукой точной: прочность заградительной окружности напрямую зависела от градусной меры дуги, а высота и надежность невидимого барьера линии запрета были пропорциональны ее толщине. Все эти линии можно было измерить. Они поддавались количественной оценке.

– Наверняка и для меллингов существует расчетная формула? Цифирная мера, определяющая качество?

– Я же говорю тебе: все дело в том, как меллинги нарисованы. Правдоподобно изображенный единорог живет гораздо дольше собрата с нарушенными пропорциями... Или того, у кого ноги разной длины... Или того, кто не может разгадать задумку своего хозяина. Того, кто не может осознать, кто он – лев или единорог.

– Но все-таки, откуда меллингу знать, хорошо он нарисован или плохо? Что именно определяет «правильность» изображения? Связано ли это с тем, что рифматист визуализирует у себя в голове? Чем искуснее рифматист воплощает свой замысел в жизнь, тем сильнее получается его меллинг?

– Может быть, – пожала плечами Мелоди.

– Но ведь... – засомневался вдруг Джоэл, задумчиво покачивая ложкой. – Если бы это в действительности было так, то лучшими по части меллингов считались бы рифматисты с самым заурядным воображением. Я видел твоих меллингов. Они не только сильны, но и прекрасно детализированы. Вряд ли наш мир устроен так, что человека, напрочь лишённого воображения, природа одарила бы подобным талантом...

– Ого!.. А ты, я смотрю, всерьез всем этим увлечен.

– На мой взгляд, линии созидания – единственные, которые не поддаются никакой логике.

– По мне, так все очень даже логично, – возразила Мелоди. – Чем красивей меллинга нарисуешь, тем он будет сильнее и послушней. Что тут странного? Почему тебя это смущает?

– Меня это смущает, потому что я этого не понимаю, – сказал Джоэл. – Слишком уж твое «красивей» звучит размыто. Вот когда я осознаю, как это работает, мои сомнения рассеются. Должно быть во всем этом нечто, что можно взять за объективную точку отсчета,

принимая во внимание которую можно решить, является меловое изображение хорошим или нет. Пусть даже эта объективная точка отсчета будет лишь субъективным видением конкретного взятого рифматиста.

Мелоди изумленно похлопала глазами, затем отправила ложку мороженого в рот и изрекла:

– Джоэл, в тебе точно умер рифматист.

– Да, мне говорили, – вздохнул юноша.

– Я не шучу. Кто в твоём возрасте вообще ведет такие разговоры?

Джоэл вернулся к своему угощению. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы драгоценное лакомство растаяло. И хотя мороженое было исключительно вкусным, больше всего Джоэла волновало, как бы уплаченные за него деньги не пропали втуне.

– Это случайно не ваша когорта там собралась? – спросил Джоэл, кивая на группу студентов за столиком в углу.

– Ага, – проследив за его взглядом, отозвалась Мелоди.

– И что это они разглядывают? – спросил Джоэл.

– Похоже, газету, – прищурившись, сказала Мелоди. – Это, случайно, не портрет профессора Фитча на первой полосе?

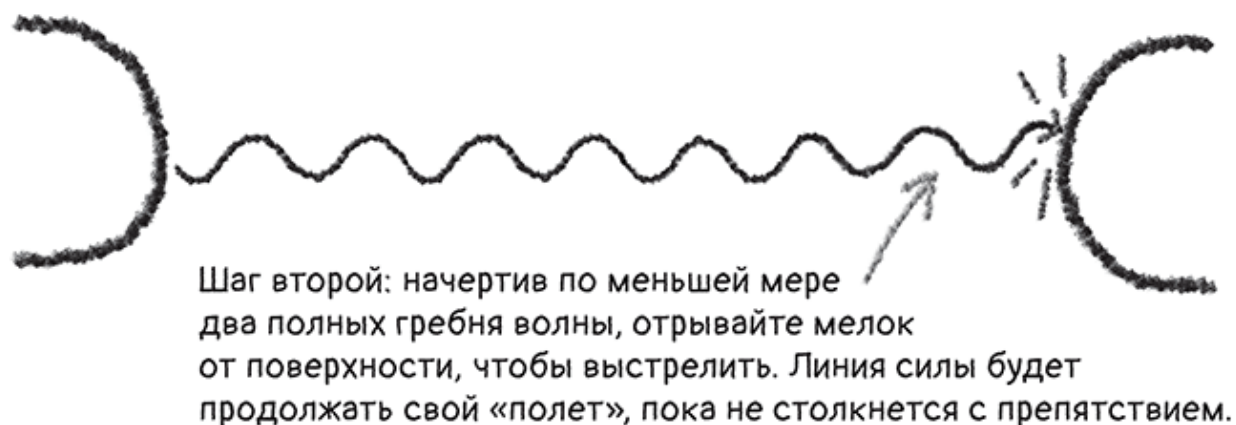
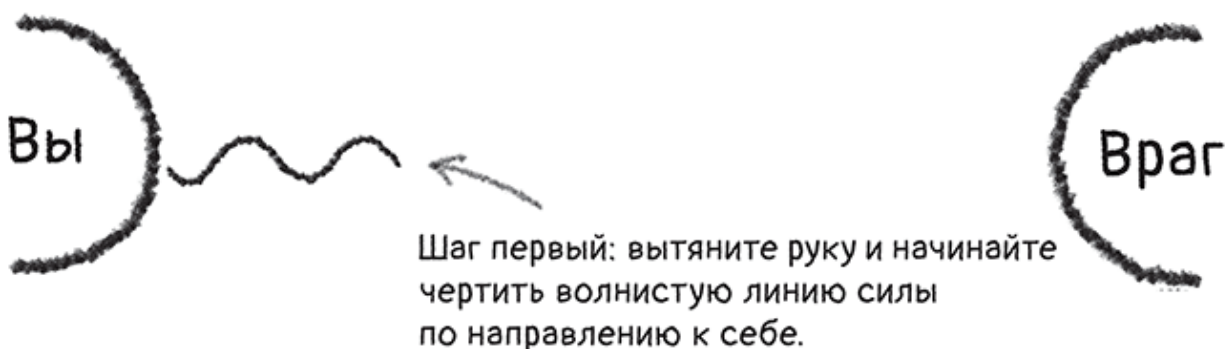
– Только не это! – простонал Джоэл. – Похоже, та журналистка времени даром не теряет!

Он допил содовую, съел последнюю ложку мороженого и встал.

– Пойдем! Нам во что бы то ни стало нужно разжиться этой газетенкой!

ЛИНИИ СИЛЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ОБЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Попав в защиту противника, линия силы пробивает заградительную линию. Важно знать: зачастую пробить брешь в заградительной линии окружности можно только несколькими попаданиями в одно и то же место — разумеется, в зависимости от того, насколько ровно вычерчена окружность. При помощи линий силы гораздо проще уничтожить меллингов, чем заградительные конструкции.

(Важно помнить, что линии силы могут нанести урон только меллингам и меловым конструкциям. Ни для живых существ, ни для предметов реального мира они не представляют угрозы.)

Глава 14

– Профессор Фитч... – зачитала Мелоди, – ...возится с книгами, точно белка, что пытается разобраться с орехами, которыми завалила свое логово в преддверии зимы. Но не стоит обманываться насчет профессора. Фитч находится в самой гуще событий. Он помогает полиции расследовать дело об убийце Армедиуса.

– Убийце?... – переспросил Джоэл.

Мелоди воздела палец и продолжила читать:

– Так, по крайней мере, называет похитителя один из источников, пожелавший остаться неизвестным. «Мы всерьез опасаемся за жизни пропавших студентов. Каждый полицейский знает, что столь дерзкие похищения не сулят жертвам ничего хорошего. Отыскать исчезнувших – большая удача. По крайней мере, отыскать живыми». Профессор Фитч настроен более оптимистично. Он не только считает, что подростки все еще живы, но и верит, что их обязательно найдут. Фитч полагает, будто ключ к их местонахождению кроется за необычными рифматическими рисунками, обнаруженными на месте преступления. «Мы не знаем, что эти странные символы означают. Впрочем, как и не знаем, для чего они были начертаны, – объясняет профессор Фитч. – Но в том, что они связаны с похищениями, сомневаться не приходится». Профессор отказался демонстрировать рисунки, однако заявил, что в них нет ни единого элемента из четырех базовых линий рифматистов. Фитч – скромный малый. Разговаривает тихим и спокойным голосом. Мало кто понимает, какой тягчайший крест всеобщих надежд пал на его плечи! Ибо, если по Новой Британии и

вправду разгуливает обезумевший рифматист, то победить его, без сомнения, под силу только другому рифматисту!

Мелоди подняла взгляд от газеты и посмотрела на Джоэла поверх столика, заставленного креманками и стаканами из-под содовой. Кафе-мороженое пустело на глазах, многие студенты спешили вернуться в Армедиус до комендантского часа.

– Ну вот, теперь ты знаешь почти все, – сказал Джоэл.

– Вы это от меня скрывали? – спросила Мелоди. – Об этом шушукались с инспектором?

– Да, в статье есть практически все, о чем мы шушукались, – подтвердил Джоэл, которого немало поразило, что Фитч поведал журналистке и такие пугающие подробности исчезновения Лили и Германа, как кровь на месте преступления. – И это очень плохо, Мелоди. Поверить не могу, что это пропустили в печать.

– Почему?

– До сих пор полиция вместе с ректором Йорком настаивали на версии, что Лили и Герман просто сбежали. Конечно, родители рифматистов почуяли неладное, однако горожане были в неведении!

– Что ж, я считаю, пускай знают, как на самом деле обстоят дела, – заявила Мелоди.

– Даже если это вызовет панику? Даже если обычные люди начнут прятаться по домам в страхе перед убийцей, которого, может, и вовсе не существует? Который, может, не собирается причинять им вреда?

Мелоди закусила нижнюю губу и ничего не ответила. Джоэл вздохнул и встал из-за столика.

– Ладно, нам пора, – сказал он, складывая газету. – Надо вернуться до комендантского часа. А еще я хочу показать эту статью инспектору Хардингу, если он, конечно, еще не видел...

Девочка кивнула и пошла следом к выходу. На улице уже совсем стемнело, и Джоэл вновь подумал, как безрассудно они поступают, гуляя под покровом ночи в такое беспокойное время. Ведь убийца запросто может быть где-то рядом! Мелоди, похоже, тоже охватил страх, потому что она теперь шла гораздо ближе к Джоэлу, чем раньше. Двигались они быстро и не проронили ни слова, пока не добрались до Армедиуса.

Ворота охраняла та же пара полицейских. Когда Джоэл и Мелоди миновали ворота, часы пробили без четверти.

– Где мне найти инспектора Хардинга? – спросил Джоэл.

– Боюсь, его пока нет на месте, – сказал полицейский. – Мы можем чем-то помочь?

– Передайте ему вот это, когда он вернется. – Джоэл протянул газету.

Офицер пробежал глазами первую полосу, и лицо его помрачнело.

– Идем, – скомандовал Джоэл, обращаясь к Мелоди. – Провожу тебя до общежития.

– Ну и ну! – воскликнула она. – В полночь ты превращаешься в рыцаря?

Пока они брели по дорожке, Джоэл погрузился в думы. Хорошо хоть статья в газете не унижала Фитча! Возможно, журналистка чувствовала вину перед профессором за то, что обманом выманила секретные сведения.

Наконец они добрались до общежития рифматистов, и Джоэл сказал:

– Спасибо за мороженое!

– Нет, тебе спасибо.

– Платила ведь ты, – возразил Джоэл. – Хоть и моими руками.

– А я тебя не за мороженое благодарю! – беспечно заявила Мелоди, отворяя дверь в общежитие.

– За что же тогда?

– За то, что ты уделил мне внимание, – отозвалась она. – А еще за то, что закрываешь глаза на причуды моего поведения.

– Мелоди, все мы порой поступаем странно, – отозвался Джоэл. – Но правда в том, что ты в подобных ситуациях ведешь себя куда достойнее многих.

Мелоди вскинула брови:

– Это мне очень льстит!

– Я не польстить хотел...

– Ну, тогда я тебя прощаю. Не занудствуй! И спокойной ночи!

Она скрылась за порогом общежития, и дверь за ней затворилась.

Джоэл медленно пересек лужайку. За мыслями, что прыгали одна через другую, он вскоре обнаружил себя кружащим вокруг кампуса рифматистов.

Он хорошо представлял себе, где живет большинство профессоров, и вычислить, в какой из пустующих кабинетов заселился Нализар, труда не составило. Двигаясь вдоль одной из стен корпуса созидания, Джоэл вскоре набрел на дверь с табличкой «Профессор Нализар». Он побродил вокруг да около, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в черных глазницах окон второго этажа. Корпус созидания был постройкой новой, и окон, в отличие от остальных трех зданий рифматистов, имел гораздо больше. В кабинете Нализара царила темнота. Интересно, профессор куда-то ушел или спит?

Мелоди говорила, что Нализар просил доставить ему библиотечные книги. Значит, сейчас они лежат либо на лестничной площадке у двери в кабинет, либо уже у него на столе...

Джоэл поймал себя на том, что тянется к дверной ручке, и тут же себя одернул.

«Что я делаю? Неужели я и в самом деле задумал вломиться в кабинет профессора? Нет, прежде чем пускаться во все тяжкие, нужно все хорошенько обмозговать».

С этими мыслями он зашагал по лужайке прочь, но вдруг за спиной раздался звук, и Джоэл резко обернулся.

Дверь отворилась, и порог перешагнул светловолосый мужчина в темном плаще. Нализар! Собственной персоной! У Джоэла екнуло в груди.

«Вовремя я отошел!..» – пронеслось в голове.

Скрытый тенями, он стоял достаточно далеко, и Нализар его не заметил.

Профессор водрузил на голову шляпу и зашагал по бетонной дорожке. Захолонувшее сердце Джоэла бешено колотилось. А что, если бы он все-таки решился подняться на второй этаж? Нализар как пить дать поймал бы его с поличным! Стараясь успокоить расшалившиеся нервы, Джоэл несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

В следующую секунду к нему пришло осознание, что путь свободен – профессор ушел.

«А вдруг он скоро вернется? Нет, если я хочу пробраться в кабинет к Нализару, прежде нужно разработать план действий», – помотал головой Джоэл, отгоняя мысли прочь.

Джоэл пошел было дальше, однако идти домой совершенно не хотелось – сна ни в одном глазу. Он взял новый курс. Кое-кто, и Джоэл знал это наверняка, сейчас тоже не спал. И с этим человеком он мог поговорить о чем угодно.

Обыскав все помещения, где обычно работала мать, Джоэл наткнулся на Дарм, которая сегодня тоже была на смене. Она-то и подсказала, где искать.

Оказалось, этой ночью ее отправили убирать арену зала защитных искусств. Джоэл заглянул в приоткрытую дверь и услышал скребущие звуки, эхом отдававшиеся от стен огромного зала. Он открыл дверь шире и проскользнул внутрь.

Арена размещалась в центре здания и занимала большую его часть. Над головой – через квадратные стеклянные панели, закрепленные на металлическом каркасе, – виднелось еще одно помещение, обзорная комната. За рифматическими дуэлями лучше всего было наблюдать сверху, и во время «Дуэлянта» профессора и важные особы неизменно сидели именно там.

Джоэл никогда не бывал наверху, однако затесаться между простых зрителей и понаблюдать за турниром с нижних рядов ему пару раз все-таки удавалось. Овальный зал походил на ледовую арену, только вместо белоснежного катка под ногами чернела каменная площадка – лучшего фона для состязаний на мелках и не придумаешь. Обширная арена одновременно вмещала десятки рифматистов. По периметру вверх поднимались бесчисленные ряды зрительских мест. И хотя их было великое множество, вместить всех желающих зал не мог.

В течение года проводились и другие состязания, но «Дуэлянт» считался самым популярным, ведь для молодых рифматистов предвыпускного года этот турнир был последней возможностью зарекомендовать себя перед отправкой на Небраск. Победители турнира получали благоприятные шансы на продвижение по карьерной лестнице и сразу могли рассчитывать на высокое звание – старшего лейтенанта или даже капитана.

Повязав на голову платок и засучив рукава, мать Джоэла в покрытой мелом коричневой юбке драила каменный пол. Она стояла посреди арены на четвереньках в свете единственного заводного фонаря.

На миг Джоэла обуял праведный гнев. Пока одни просиживали штаны в театральных ложах и прохлаждались дома, его мать драила полы. Но уже в следующее мгновение на смену гневу пришло чувство вины. А сам-то он каков? Пока мать работала тряпкой, он работал ложкой в кафе-мороженом! Хорош сынок, ничего не скажешь!

«Если бы я только был рифматистом! – подумал Джоэл. – Ей бы не пришлось так трудиться!»

И хотя Мелоди с презрением отзывалась о власти и деньгах, коих так алкали все рифматисты, было очевидно, что она совершенно не представляет, каково жить за неимением оных.

Он стал спускаться между рядами нижней трибуны, и эхо шагов выдало его присутствие.

– Джоэл?... – встрепелась мать.

Не успел он ступить на черный камень арены, как подвергся допросу с пристрастием.

– Молодой человек, почему вы до сих пор не в постели, можно узнать?

– Не спится. – Джоэл взял из ведра с водой щетку и присоединился к матери. – Какое у нас задание? Надрать полы?

Мать пристально глянула на Джоэла, а затем вернулась к работе. Когда наступала летняя пора, против его ночного образа жизни она возражала несильно.

– Смотри штаны не испорти! Пол тут как наждачка. Прорвешь колени, будешь ходить без портков!

Джоэл кивнул и стал работать напротив матери – в том месте, куда не успела добраться ее щетка.

– А зачем тут убираться? – спросил Джоэл. – Мероприятия здесь проводят не то чтобы часто...

– К «Дуэлянту» арена должна выглядеть достойно, – сказала мать, заводя за ухо выбившуюся прядь. – Когда я тут все отмою, на площадку нанесут черное финишное покрытие. Эту процедуру повторяют каждый год, чтобы к турниру поле для состязаний выглядело как новенькое.

Джоэл кивнул, натирая камень щеткой. Работать руками ему определенно нравилось больше, чем штудировать переписные книги.

– А та девчушка как будто хорошая, – сказала мать.

– Кто? Мелоди?

– Поди разбери! Что ни ужин, то новая девчонка!

Джоэл покраснел:

– Да, вроде хорошая... Но не без странностей!

– А чего ты хотел? Рифматистка! Они все там с приветом! Рада, что у тебя появилась подружка. Я ведь за тебя беспокоюсь. Ты такой общительный, но вечера просиживаешь дома. У тебя столько знакомых, а друзей нет...

– Ты никогда не говорила, что тебя это беспокоит.

– Не надо быть профессоршей, чтоб понимать, как подростки ценят родительскую заботу! – усмехнулась она.

– Тебе со мной еще повезло, – улыбнулся Джоэл. – Знала бы ты, что вытворяют остальные!

Какое-то время они трудились молча. Джоэл тем временем мучился мыслью, отчего мать должна работать как каторжница? Разумеется, он понимал, почему рифматисты так важны. Они сдерживают меллингов Небраска и защищают Соединенные Острова. Но разве мать играет менее заметную роль? Рифматистов выбирает Мастер, а уборщиц? Если задуматься, то в каком-то смысле тоже он!

Почему общество считает ее труд не столь значимым, например, как труд профессора Фитча? Джоэл не знал второго человека, кто работал бы так же усердно, как его мать. Что она получала взамен? Ничего! Ни славы, ни репутации, ни богатства.

Мелоди поинтересовалась, куда уходит все жалованье, и вопрос был вполне резонный, поскольку мать работала сверхурочно. Куда же деваются деньги? Неужели она все до последнего пенни откладывает?

Или он чего-то не знает? Есть статья расходов, про которую мать не хочет говорить?

Джоэл вскинулся, по спине пробежал холодок.

– Ректор не давал мне гранта на бесплатное обучение? Ты выдумала эту историю, чтобы я не чувствовал себя виноватым... Ты платишь за академию из своего кармана!

– Что ты такое говоришь? – отозвалась мать, не отрываясь от работы. – Мне ни в жизнь не заработать такой суммы.

– Мам, ты почти каждый день работаешь в две смены! Ума не приложу, куда еще можно девать столько денег!

– Даже работая в три смены, я не смогу покрыть расходы на твоё обучение в академии, – усмехнулась она. – Ты хоть представляешь,

сколько платят другие родители?

Джоэл призадумался. Мелоди рассказывала, что ее однокурснику выдавали на карманные расходы аж по десять долларов в неделю! Если родители студентов и в самом деле так сорят деньгами, страшно даже вообразить, какие суммы они выкладывают за обучение в академии Армедиуса.

Сколько оно стоит, Джоэл не знал, да и знать не хотел.

— И все-таки, куда уходят все деньги? — не унимался он. — Зачем ты работаешь сверхурочно?

— Джоэл, твой отец оставил не только семью, когда умер, — отвечала мать, не отрываясь от работы.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что у нас есть долги, которые нужно выплачивать, — пояснила она, надраивая пол. — Но тебе беспокоиться совершенно не о чем.

— Отец ведь был меловаром. И мастерской, и сырьем его обеспечивала академия. Как он умудрился влезть в долги?

— Поверь, способов существует множество, — отозвалась мать, с силой налегая на щетку. — Твой отец много путешествовал и встречался с рифматистами, интересуясь их работой. И билет на пружинный монорельс в те дни стоил отнюдь не так дешево, как сейчас. Плюс книги, дополнительные расходные материалы, а также бесконечные отгулы для работы над проектами, коих у него всегда было в избытке. Конечно, ректор Йорк платил ему кое-какие деньги, однако большую часть доходов он получал от источников извне. От людей, которые охотно одалживают деньги таким нуждающимся ремесленникам, как твой отец... От тех самых людей, которых просто невозможно игнорировать, когда наступает время платить по счетам.

— Сколько?

— Тебя это не касается.

— Я хочу знать.

Мать посмотрела на Джоэла, и их взгляды пересеклись.

— Джоэл, это мой крест. Я не собираюсь губить твою жизнь. Хочу, чтобы ты начал ее свободным от ошибок и обязательств своих родителей. И непременно с хорошим образованием — за это спасибо ректору Йорку. А с проблемами твоего отца я разберусь сама.

С этими словами она вернулась к работе и продолжила скрести пол, очевидно полагая, что разговор окончен.

— А над чем отец работал? На что он тратил все свободное время? — спросил Джоэл, с остервенением бросаясь тереть камень. — Должно быть, он сильно верил во что-то, раз так рисковал?

— Большинство его теорий для меня так и осталось загадкой, — отозвалась мать. — Ты же помнишь, как он носился со своими идеями... Часами мог талдычить про процентное соотношение материалов в мелках! Он всерьез полагал, что сможет изменить своими мелками мир! И я верила ему, и Мастер мне свидетель.

На арене воцарилась тишина, только щетки шкрябали по каменному полу.

— Твой отец спал и видел тебя студентом Армедиуса, — тихо произнесла мать. — Он стремился разбогатеть, чтобы оплатить твоё обучение в академии. Думаю, именно поэтому ректор Йорк позволил тебе учиться здесь бесплатно.

— Из-за этого ты так злишься, когда я занимаюсь спустя рукава?

— Отчасти... Ох, Джоэл, Джоэл... Разве ты не понимаешь? Я просто хочу, чтобы ты жил лучше нас. Твой отец... он стольким пожертвовал. Возможно, ему удалось бы преуспеть, и мы бы наконец зажили как нормальные люди... Если бы не эти треклятые исследования, отнявшие у него жизнь!

— Так ведь отец погиб от несчастного случая на пружинном монорельсе, — поднял голову Джоэл.

Мать ответила не сразу.

— Да, именно это я и хотела сказать. Когда он отправился в путешествие, чтобы поработать над своим очередным проектом, поезд сошел с монорельса. Если бы не это исследование, он был бы сейчас жив...

— Мам, — Джоэл посмотрел на нее. — Папа точно погиб от несчастного случая на монорельсе?

— Джоэл, ты же сидел у больничной койки отца, когда он умирал!

Джоэл нахмурился, но тут с матерью было не поспорить. Факты говорили сами за себя. Он хорошо помнил стерильную больничную палату, суеющихся вокруг людей в белых халатах, которые пичкали отца всевозможными медикаментами и пытались собрать его раздробленные ноги. Помнил Джоэл и вымученный оптимизм на

лицах людей, твердивших, что отец обязательно выкарабкается. Они знали... Сейчас-то Джоэл понимал, что все они – и мать в их числе – уже тогда знали, что отец умрет. Только восьмилетний Джоэл надеялся и верил, нет, он был даже убежден, что отец непременно очнется и поправится.

Несчастье случилось третьего июля. Весь следующий день – а это было четвертое июля, день инициации, – Джоэл провел у больничной койки. Внутри все сжалось, когда он вспомнил, как держал отца за руку до последней минуты.

Несмотря на бесчисленное множество молитв, прочитанных Джоэлом в тот день в больнице, Трент в сознание так и не пришел.

Джоэл осознал, что плачет, лишь когда о черный камень разбилась слеза. Он быстро вытер глаза. И кто сказал, что время лечит?

Широкое добродушное лицо отца с улыбочивым взглядом из памяти Джоэла отнюдь не истерлось. Он помнил его хорошо, и от этого было еще горше.

– Может, мне и в самом деле не мешает поспать, – сказал Джоэл, поднимаясь на ноги и опуская щетку в ведро.

Он поспешил отвернуться, чтобы мать не заметила слез.

– Для тебя так будет лучше всего, Джоэл...

Юноша уже направлялся к выходу, когда мать окликнула его.

– Джоэл!

Тот помедлил.

– Тебе не о чем беспокоиться... Я имею в виду деньги. У меня все под контролем.

«Ну да... – подумал Джоэл. – Под контролем! Сначала ты убиваешься на работе, а затем изводишь себя пустыми тревогами. Но ничего, я найду способ помочь тебе! Не знаю как, но найду!»

– Хорошо, – сказал Джоэл. – Я просто сосредоточусь на учебе.

Мать вновь принялась драить пол, а Джоэл вышел из зала и направился через лужайку к общежитию. Не переодеваясь, он забрался в постель и внезапно обессилел.

Несколько часов спустя Джоэл проснулся от яркого солнечного света, бьющего в лицо. Поморгав, он осознал, что в кои-то веки заснул без усилия. Зевнув, он выбрался из-под одеяла и заправил постель. Правда, смысла в этом было не особенно много: через час или около того с работы возвращалась мать.

Открыв небольшой прикроватный сундук, Джоэл переоделся. В комнатке, за исключением кровати с сундуком да комода, ничего из мебели не имелось. Обиталище их было до того мало, что Джоэл, раскинув руки, мог дотянуться до обеих стен одновременно. Зевая, он отворил входную дверь с намерением посетить уборную в конце коридора, но только перешагнул порог, как остолбенел – коридор полнился людьми. Все они сновали и о чем-то оживленно переговаривались.

– Миссис Эмьюшир? – поймал Джоэл за руку спешившую мимо женщину. – Что стряслось?

– Джоэл, неужто ты еще не слышал? – воззрилась на него темнокожая египтянка.

– Не слышал чего? Я только проснулся.

– Третье похищение! – воскликнула женщина. – Еще один рифматист пропал! На этот раз – Чарльз Кэллоуэй!

– Кэллоуэй? – переспросил Джоэл: фамилия была ему знакома. – Вы имеете в виду...

– Он самый, Джоэл, – кивнула миссис Эмьюшир. – Сын рыцаря-сенатора Восточной Каролины. Прошлой ночью парня похитили прямо из фамильной резиденции. Зря они все-таки не послушались ректора! Бедняга! Сейчас бы сидел в академии жив, здоров и невредим!

– Сын рыцаря-сенатора! Подумать только! – воскликнул Джоэл.

Похоже, дела у них шли хуже некуда.

– Так ведь это еще не все! – зашептала миссис Эмьюшир, склонившись над его ухом. – Есть жертвы, Джоэл! Слуги мальчика были найдены на месте похищения мертвыми! А ведь они простые люди, никакие не пыльники! С них содрали кожу и выгрызли глаза, как будто...

– Как будто на них напали дикие меллинги... – прошептал Джоэл.

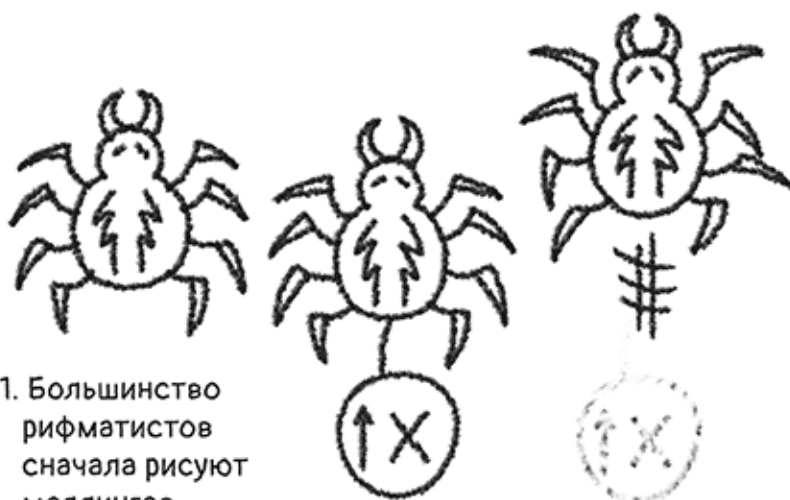
Миссис Эмьюшир отрывисто кивнула и поспешила дальше, желая поделиться новостью с кем-нибудь еще.

«Похищен или даже убит сын рыцаря-сенатора... – оцепенев, подумал Джоэл. – Убиты обыкновенные люди...»
За ночь ситуация изменилась кардинально.

Часть третья

УПРАВЛЕНИЕ МЕЛЛИНГАМИ

1. Большинство рифматистов сначала рисуют меллингов.

2. Затем отдают команду посредством символа, изображенного рядом с линией созидания.

3. Как только меллинг усваивает команду, символ развоплощается и существо приступает к выполнению приказа.

По каким-то неизвестным причинам меллинги, созданные людьми, имеют слабый интеллект. Меллингам нужно отдавать четкие приказы, иначе они разбегутся кто куда. И хотя у каждого рифматиста символы выглядят по-разному, их суть одинакова.

↑ X — ↶
ВПЕРЕД В АТАКУ ЖДАТЬ ПОВЕРНУТЬ

↑ 8 ↶
Количество ударов сердца, в течение которых меллинг должен выполнять команду.

Пример последовательности символов:

↑ ↶ ↑ ↶ ↑ ↶ ↑ X
4 45 3 45 1 45

Глава 15

Джоэл промчался через кампус и взлетел по лестнице к профессору Фитчу. Постучав и не получив ответа, он подергал ручку и обнаружил, что дверь не заперта. Недолго думая, Джоэл вошел.

– Одну минутку! – крикнул Фитч.

Профессор стоял у стола и торопливо собирал в кучу свитки, письменные принадлежности и книги. Выглядел он взъерошенным – сегодня даже больше, чем обычно. Волосы торчали клочьями, а галстук смотрел куда-то в сторону.

– Профессор? – позвал Джоэл.

– Ах, это ты, Джоэл... – выдохнул Фитч, оглядываясь. – Славно, что ты заглянул! Будь добр, подсоби мне со всем этим...

Дважды просить Джоэла не пришлось. Уже в следующий миг он стоял, нагруженный свитками под самый подбородок.

– Что происходит?

– Мы снова просчитались, – сказал Фитч. – Еще одно исчезновение!

– Это я уже знаю, – сказал Джоэл, следуя за профессором к выходу. – Что будем делать?

– Уже все позабыл? – спросил Фитч, закрыл за Джоэлом дверь и торопливо пошел вниз по лестнице. – Ты же сам предложил осмотреть место преступления до того, как полицейские уничтожат улики. Какими бы опытными они ни были, реалии рифматики им чужды. Кстати, этот вопрос я уже успел обсудить с инспектором Хардингом.

– Значит, они будут ждать, пока мы не приедем и не осмотрим место преступления?

– Ну, почти... Они не начнут, пока не появится Хардинг, – пояснил Фитч. – А он пока здесь, в Армедиусе. О похищении стало известно совсем недавно, поэтому, если мы...

– Рядовой Фитч!.. – гаркнул инспектор Хардинг, дожидавшийся профессора в компании полицейских. – Бегом марш!

– Бегу-бегу! – отозвался Фитч, ускоряя шаг.

Хардинг махнул рукой, и его подчиненные бросились врассыпную.

– Я переговорил с машинистом монорельса, поезд ждет только нас! – доложил инспектор, когда Фитч и Джоэл подошли. – Мои люди остаются охранять кампус. Пока мы не выясним, что происходит, рифматистам запрещено покидать стены академии без сопровождения полицейских.

– Очень мудрое решение, – отметил Фитч, стараясь не отставать от Хардинга, стремительно направляющегося к станции монорельса.

Джоэл поспешал следом, стараясь не растерять свитки. На лужайке неподалеку собрались студенты, чтобы поглазеть на работу полиции. В толпе промелькнули знакомые рыжие кудряшки.

– Эй!.. – вскричала Мелоди, расталкивая студентов и устремляясь к Джоэлу. – Куда это вы собрались?

Фитч оглянулся на вопли, и Джоэл поморщился от досады. Он до последней секунды надеялся, что профессор не обратит внимания.

– О!.. Мелоди, дорогая! В моем кабинете ты найдешь новое задание – несколько заградительных окружностей. Пока я в отъезде, потренируйся в их начертании.

– Опять срисовывать? – возмутилась девочка. – Да у нас тут кризис в полном разгаре!

– Ну-ну... – примирительно сказал Фитч. – Чтобы утверждать подобное, сначала необходимо понять, что происходит, а для этого нужны факты. Как раз за ними мы и отправляемся. Однако, какой бы напряженной обстановка ни была, тебе нужно продолжать практиковаться.

Мелоди выразительно посмотрела на Джоэла, но тот лишь сконфуженно пожал плечами.

– Команда «вперед»! – гаркнул Хардинг. – Сколько можно валандаться?.. Улики на месте преступления ждать не будут!

Уперев руки в бока, Мелоди осталась стоять на месте. Сердце Джоэла чуяло, что по возвращении придется выслушать очередную гневную тираду.

Наконец они добрались до станции, представлявшей собой большое кирпичное здание сквозного типа. По монорельсу Джоэл ездил всего несколько раз в своей жизни. Дедушка и бабушка жили на одном с ними острове, и путешествие до них на экипаже обходилось гораздо дешевле, чем на поезде. Других причин покидать городок, кроме как навестить дедушку и бабушку, у Джоэла попросту не было – не говоря уже о том, чтобы отправиться на соседний остров.

Улыбаясь в предвкушении поездки, Джоэл пробирался следом за инспектором и профессором по запруженному студентами перрону. Впрочем, по утрам на станции всегда было не протолкнуться.

– Инспектор?.. – спросил Фитч, озираясь на бурлящий поток студентов. – Разве нам не следовало бы закрыть станцию?

– Этого мы позволить себе не можем, – отозвался Хардинг. – Если мы намерены устроить в кампусе убежище для студентов, для начала нужно дать им вернуться. Многие вечерами разъезжаются по домам. Хотелось бы, чтобы возможность укрыться на территории Армедиуса была у всех, кто пожелает. Учитывая жертвы среди мирного населения, мы не можем быть до конца уверены, что студенты-нерифматисты отныне в безопасности.

Хардинг, Фитч и Джоэл вошли в прямоугольное кирпичное здание станции. На высоте трех метров вдоль перрона тянулось несколько путей, за которые цеплялись длинные, напоминающие вычурные дормезы вагоны заводных поездов. На крышах первых двух располагались двигатели с заводными механизмами: их огромные стальные клешни сжимались с обеих сторон монорельса в замок. На лесах над крышей первого вагона трудилась бригада рабочих. Они уже спустили пружинную батарею, похожую на исполинский барабан, и теперь устанавливали ее в двигатель. Навивка батареи была процессом трудоемким и занимала до нескольких часов, поэтому осуществлялись такие работы не на станциях, а в специальных цехах. «Барабан» навивался до того плотно, что высвобожденная механическая энергия

пружины позволяла привести в движение целый состав поезда – вот почему эту работу за людей выполняли меллинги.

Хардинг поторопил Фитча и Джоэла, чтобы те быстрее садились в вагон. За ними последовало несколько полицейских. Протиснувшись вперед, офицеры освободили для них купе в голове состава. Когда недовольные самоуправством пассажиры покинули вагон, Джоэл уселся и стал с нетерпением ждать отправления. И хотя причиной этому путешествию послужили обстоятельства характера весьма мрачного – похищен еще один студент, убиты невинные граждане, – заглушить восторг предвкушения поездки на монорельсе Джоэлу удавалось с трудом. Поездка на монорельсе, да еще в собственном купе!

Состав лязгнул и задрожал. Где-то у них над головой бригада опустила пружинную батарею в двигатель. Между тем на перроне полку недовольных все прибывало.

– Инспектор, вы решили эвакуировать всех пассажиров поезда? – спросил Фитч.

– Нет, – отозвался Хардинг. – Мои люди информируют пассажиров, что до Восточной Каролины остановок не будет, и советуют всем, кто планировал сойти раньше, дожидаться следующего состава.

С оглушительным щелчком пружинный барабан встал на место. Спустя несколько минут вновь слышались лязг и дребезг. Бригада принялась за двигатель второго вагона. Наконец раздался еще один громкий звук, означающий, что и вторая батарея успешно установлена. Джоэл тут же представил себе массивные шестерни и сжатые до предела витки, готовые в любой момент сообщить поезду чудовищную кинетическую энергию.

– Инспектор... – нарушил тишину Фитч, наклоняясь к Хардингу. – А это правда, что похищен сын сэра Кэллоуэя?

– Да, – отозвался озадаченный Хардинг.

– И какие будут последствия? – спросил Фитч. – Я имею в виду для Армедиуса и острова в целом?

Хардинг покачал головой:

– Даже и не знаю, профессор. Никогда не понимал политиков. Я же солдат. Мое место на поле боя, а не за столом переговоров. – Инспектор перехватил взгляд Фитча и добавил: – Но одно я знаю

наверняка... Чем быстрее мы разберемся, что происходит, тем будет лучше для всех.

– Что верно, то верно, – отозвался Фитч.

– Профессор, а что за последствия? – нахмурился Джоэл. – Я не понимаю...

– Разве у вас еще не было политологии? – воззрился на него Фитч.

– Разумеется, была... – сказал Джоэл. – В прошлом году. Правда, это как раз тот предмет, который я... в общем, завалил.

– Такой потенциал растрачивается впустую! – вздохнул Фитч.

– Но этот предмет был... ну очень неинтересный! – попытался оправдаться Джоэл. – Я хочу сказать, что рифматисту не обязательно разбираться в политике. Вот честно, когда мне еще пригодятся знания по эволюции государственного строя?

– Когда? – переспросил Фитч. – Да хоть сейчас!

Джоэл поморщился.

– Но я рассуждаю более глобально, – прибавил Фитч. – Джоэл, сынок, ты ведь ходишь в академию в том числе для того, чтобы научиться учиться. Если не приучишь себя делать то, что тебе не по душе, по жизни тебе будет очень тяжело. Как ты собираешься поступать в университет? Как ты планируешь стать выдающимся ученым-рифматистом, если ничего не хочешь делать?

– Честно говоря, я никогда прежде об этом не задумывался.

– Так, может, пришла пора задуматься?

Устроившись поудобнее, Джоэл решил последовать совету профессора. Он только недавно узнал, что существуют университеты, где нерифматистов обучают рифматике. А ведь профессор прав... Вряд ли в университете будут держать студента, который имеет привычку каждый семестр заваливать экзамен по какому-нибудь предмету – а то и не по одному!

От досады на самого себя Джоэл даже скрипнул зубами. Однако прошлого не воротишь. Что ж, ничего не оставалось, кроме как попробовать стать прилежнее в будущем. Если только в этом самом будущем, учитывая последние события, академию Армедиуса не прикроют вовсе!

– А почему вы считаете, что Новая Британния в опасности из-за происшествий со студентами Армедиуса?

– Этот парень, Кэллоуэй, не кто иной, как сын рыцаря-сенатора, – пояснил Хардинг. – Резиденция семейства Кэллоуэй находится в Восточной Каролине, а там, как известно, нет своей рифматической школы. Именно по этой причине всех рифматистов отправляют учиться в Армедиус. Часть населения Восточной Каролины и ряда островов этим обстоятельством недовольна, поскольку за обучение приходится выкладывать немалые деньги. Поддерживать бюджет соседних островов никто не заинтересован. Кроме того, к практике обучения рифматистов под началом острова-конкурента многие относятся с большим недоверием.

Джоэл понимающе кивнул. Все острова независимы друг от друга. Конечно, существуют и общие для всех налоги, взимаемые на содержание рифматистов и федеральных инспекторов, однако Соединенные Острова единой страной не были никогда – по крайней мере, такой, как Ацтекская Федерация в Южной Америке.

– То есть вы хотите сказать, что рыцарь-сенатор может обвинить Новую Британнию в исчезновении своего сына? – спросил Джоэл.

– Учитывая торгово-экономические проблемы между коалициями Северо-Востока и Техаса, мы сидим на бочке с порохом, – кивнул Хардинг. – Черт бы их всех побрал! Ненавижу политику! Лучше уж быть на передовой, чем вот это все!..

Джоэл едва не спросил, что мешает Хардингу отправиться на передовую, но вовремя прикусил язык. Что-то в выражении лица инспектора подсказало ему, что это не самая удачная идея.

– Сдается мне, что исчезновения детей и странные рисунки на местах преступлений – попытка отвлечь внимание... – сокрушенно покачал головой Фитч. – Все это могло быть инсценировано с одной лишь целью – похитить сына влиятельного рыцаря-сенатора. Не удивлюсь, если все это окажется хорошо продуманным политическим ходом.

– Или же это потуги какой-нибудь подпольной организации, желающей создать собственную армию рифматистов. Я своими глазами видел, как идеально начерченная линия запрета останавливает пули и даже пушечные ядра! – высказался Хардинг.

– Гм... – промычал Фитч. – Инспектор, а вы, возможно, не так уж далеки от истины!

– Очень надеюсь, что ошибаюсь, – стукнул по подлокотнику Хардинг. – Мы не можем допустить еще одной гражданской войны! В последний раз мы едва не обрели себя на погибель.

«Ничего себе!» – воскликнул про себя Джоэл, и по спине его пробежал холодок.

Ему и в голову не приходило, что Армедиус может так влиять на мировую политику. В одно мгновение академия предстала перед ним в ином, гораздо более ярком свете.

Наконец последние недовольные пассажиры покинули вагоны, а второй пружинный барабан встал на место. Через считанные мгновения шестерни оживут, и поезд, цепляясь за стальной зубчатый монорельс, начнет свой подъем в небо. Над головой раздался скрежет металла о металл – машинист задействовал первый двигатель, отпустил стопорный механизм, и поезд тронулся с места.

Сначала состав двигался медленно: натужно щелкали шестерни, в такт подрагивали вагоны. Поезд, взбираясь по монорельсу ввысь, медленно, но верно набирал скорость. Когда они оказались над крышей станции, душа Джоэла затрепетала. Оторваться от земли, возвыситься над остальными – что-то в этом было волнительное! Нарастив обороты, поезд помчался через центр города – прямо над крышами малоэтажных домов.

На улицах суетились, как муравьи, люди. Они походили на груды оловянных солдатиков, которых забыл убрать наигравшийся ребенок. Заводной поезд вдруг ухнул вниз и устремился к следующей станции. Однако скорости он не сбавил и мимо перрона промчался на всех парах.

Джоэлу показалось, что он даже успел разглядеть раздраженные лица пассажиров на платформе, однако это, конечно, было лишь игрой воображения. Состав промчался мимо так быстро, что ничего, кроме размытого пятна, увидеть на станции не представлялось возможным. Попетляв по городу, поезд пролетел еще несколько станций и резко свернул в южном направлении. В следующую секунду они уже неслись над водной гладью.

Джеймстаун находился на побережье Новой Британнии. Те несколько раз, что Джоэл путешествовал на монорельсе, были поездками к морю. Однажды – с отцом, когда дела в семье шли еще не совсем из рук вон плохо, а затем, пару-тройку лет спустя, – с матерью и

ее родителями. Назвать последнюю поездку сколько-нибудь веселой было нельзя: они то и дело вспоминали о погибшем отце.

Как бы там ни было, Джоэлу никогда еще не доводилось путешествовать между островами и пересекать океан.

«Было бы здорово, – подумал он, – если бы причиной этой поездки послужили обстоятельства менее мрачные».

Над водой монорельс удерживался массивными железными колоннами, забитыми в дно, и, хотя между островами глубина океана не достигала и тридцати метров, строительство монорельсовой дороги оставалось задачей нетривиальной. Новые пути сообщения прокладывали и по сей день, все больше опутывая шестьдесят островов Северной Америки замысловатой стальной паутиной.

Впереди Джоэл увидел узел, в котором сходились пять монорельсовых путей. Два из них стремились на юго-запад, в сторону Западной Каролины, и далее по пути следования, тогда как остальные дугой убегали на юго-восток, вероятно к Флоридскому атоллу. Ни один из них не шел на восток. О строительстве монорельса в Европу поговаривали давно, однако глубина океана оставалась серьезным препятствием для воплощения этого смелого проекта.

Поезд зашел на круг, огибающий узловую спираль из монорельсов, и Джоэл увидал из окна, как машинист локомотива дернул за рычаг и над крышей возникло какое-то хитроумное приспособление. Крюк этого устройства перевел железнодорожную стрелку в новое положение, и уже несколько секунд спустя их состав помчался к Восточной Каролине по юго-восточному пути.

Фитч и Хардинг, откинувшись на спинку сиденья, пребывали каждый в своих думах. Профессор изучал книгу, а инспектор строчил в блокноте заметки. Эхо недавней спешки раздавалось причудливым контрапунктом к их теперешней безмятежности. Ничего, кроме как сидеть и ждать, им более не оставалось. И хотя находились острова друг от друга сравнительно недалеко, путешествие через обширные проливы занимало по несколько часов.

Джоэл, в свою очередь, наблюдал за океанскими волнами, что бурлили в каких-то пятнадцати метрах у них под ногами. Было что-то завораживающее в том, как они вздымались и разбивались о колонны. Минуты сменяли одна другую, поезд начал сбавлять ход: завод батареи

были почти на исходе, и ослабшая пружина сообщала шестерням все меньше и меньше энергии.

В конце концов поезд замер прямо посреди океана. Затем вагон задрожал, раздался приглушенный металлический щелчок, и в работу включился второй двигатель. Состав вновь двинулся с места. Впереди замаячила полоска суши. С тех пор как они покинули Армедиус, прошло почти два часа.

«Интересно, как там, в Восточной Каролине? – задался вопросом оживившийся Джоэл и тут же сам себе и ответил: – Наверное, точно так же, как и в Новой Британнии... Острова-то находятся по соседству!»

Чутье Джоэла не подвело, и в какой-то мере его ожидания оправдались. Восточная Каролина и в самом деле напоминала родной остров – в особенности пышной лиственной растительностью.

И все же различия имели место. Каменных городских джунглей здесь не наблюдалось. Их заменяли лесные массивы с обширными усадьбами, таившимися в густых зеленых зарослях. Городки, попадавшиеся им по пути, насчитывали от силы пару десятков домов. Когда поезд вновь начал замедляться, Джоэл различил впереди еще один городок. Даже не городок, а скорее коттеджный поселок. Деревянные дома находились друг от друга на достаточном удалении, что практически исключало возможность случайной встречи соседей.

– Неужели на этом острове одни особняки? – спросил Джоэл, когда поезд начал снижение к станции.

– Это вряд ли, – отозвался Фитч. – Восточное побережье – излюбленное место тех, у кого есть деньги на загородное поместье, тогда как западное – для городских жителей. Хотя я сомневаюсь, что в Восточной Каролине сыщется второй Джеймстаун. Чтобы увидеть такое великолепие, боюсь, придется ехать до самого Денвера!

«Великолепие? – Джоэл удивленно взглянул на профессора: ему бы и в голову не пришло сказать подобное про Джеймстаун. – Город как город...»

Поезд лягнул механизмами и замер. На перрон высыпали немногочисленные пассажиры – в основном полицейские. Остальные, похоже, намеревались ехать дальше – на западное побережье острова, куда следовал поезд.

Джоэл, Фитч и Хардинг подскочили с диванчика купе и вышли в полуденную духоту. Бригада рабочих уже взгромоздилась на леса и приступила к замене пружинных батарей.

– Солдаты, шагом марш! – скомандовал Хардинг, торопливо спускаясь по ступенькам и направляясь к выходу со станции.

Стоило им сойти с поезда, как инспектором вновь овладело лихорадочное нетерпение. Джоэл, нагруженный свитками и книгами Фитча, старался не отставать. Правда, теперь ему было значительно легче, ведь он одолжил сумку через плечо у одного из офицеров.

Они пересекли гравийную дорогу, затененную поездом, и Джоэл уже было подумал, что сейчас придется трястись в экипаже, как вдруг увидел невдалеке величественное белое здание – судя по всему, особняк рыцаря-сенатора. Фитч, Хардинг и полицейские ринулись вдоль дороги к зданию.

Только когда добрались до высокого кованого забора – точь-в-точь как в Армедиусе, – Джоэл позволил себе отереть пот со лба. Лужайка, раскинувшаяся в тени деревьев перед портиком особняка с массивной колоннадой, благоухала свежескошенной травой. Часть полицейских топтала идеально подстриженный газон, а часть охраняла ворота. Рядом же толпились мужчины в дорогих костюмах и шляпах. Когда Хардинг, Джоэл и Фитч направились через лужайку к особняку, им навстречу устремилась два полицейских.

– Как же мне надоело это разгильдяйство! Надо непременно утвердить в рядах полицейских воинское приветствие! – бормотал Хардинг, глядя на бесцеремонно приближающихся коллег. – Нет, вы только посмотрите на них! Точно на прогулке!

– Инспектор! – обратился один из офицеров к Хардингу и пошел с ним в ногу. – Территория оцеплена. Дом под охраной. Как вы и просили, внутрь никого не пускали, только вынесли тела прислуги. Порог комнаты мальчика никто не переступал.

Хардинг удовлетворенно кивнул:

– Сколько жертв?

– Четыре, сэр.

– Распыли меня налево!.. Сколько свидетелей?

– Сэр... – Офицер на мгновение замолк. – Мне жаль, но эти четверо несчастных и были нашими свидетелями.

– И больше никто ничего не видел?

– Не видел и не слышал, сэр, – покачал головой полицейский. – Тела прислуги обнаружил сам рыцарь-сенатор.

Хардинг застыл посреди лужайки как громом пораженный.

– Он был тут?..

– Рыцарь-сенатор ночевал у себя. Всего в двух комнатах от спальни, откуда похитили его сына.

Хардинг переглянулся с Фитчем. Оба казались озадаченными. Злоумышленник, кем бы он ни был, мог с легкостью расправиться и с рыцарем-сенатором. Интересно, почему он ограничился убийством прислуги и похищением его сына?

– Идемте, – скомандовал Хардинг. – Профессор, я надеюсь, вам не станет дурно от вида крови?

– Ну, я... – побледнел Фитч.

Взбежав по мраморным ступеням портика, они прошли через парадные двери из благородной красной древесины и очутились в белом вестибюле. Там их поджидал высокий мужчина в цилиндре и монокле. Он обеими руками опирался на трость и хмурился.

– Инспектор! – приветствовал он Хардинга.

– Привет, Эвентайр! – отозвался Хардинг.

– Позвольте спросить, а вы кто будете? – поинтересовался Фитч.

– Капитан Эвентайр, – представился мужчина. – Служба безопасности сэра Кэллоуэя.

Они двинулись вперед, и Эвентайр пошел бок о бок с Хардингом.

– Инспектор, должен сказать, мы весьма недовольны произошедшим!

– Серьезно?.. – огрызнулся Хардинг. – Ты так говоришь, будто я из штанов выпрыгиваю от радости по случаю исчезновения парня Кэллоуэя!

Эвентайр фыркнул:

– Ваши люди должны были давным-давно разобраться с этой проблемой! Рыцарь-сенатор, мягко говоря, очень раздражен. Он недоумевает, почему полиция Новой Британнии под вашим руководством допустила, чтобы ситуация вышла из-под контроля! Вы не справились со своей работой и подвергли опасности семью рыцаря-сенатора! По вашей вине родовое гнездо Кэллоуэев разорено!

– Во-первых! – Хардинг воздел палец кверху. – Я не имею никакого отношения к полиции Новой Британнии. Я федеральный

инспектор! Во-вторых! Свою вину я не признаю. Если у вас короткая память, капитан, то я вам напомним! Не далее как вчера вечером я убеждал рыцаря-сенатора, что его сыну лучше вернуться в академию Армедиуса, которая находится под усиленной охраной. Если этот дуралей и должен кого-то винить, так в первую очередь себя. Послушай он меня, ничего подобного не произошло бы!

Хардинг остановился и ткнул пальцем Эвентайру в грудь.

– И в-третьих! Капитан, мне кажется, в первую очередь именно ваши люди, а не полиция Новой Британнии должны вызывать у вашего господина раздражение и массу вопросов. Скажите-ка, где вы все пропадали, когда похищали сына рыцаря-сенатора?

Эвентайр покраснел. Инспектор и капитан уставились друг на друга и молчали, пока второй наконец не отвел взгляда. Хардинг пошел к лестнице на второй этаж. Джоэл и Фитч шагали следом – за ними поспешил и Эвентайр.

– А это, как я понимаю, рифматисты?

– Они самые, – кивнул Хардинг.

– Скажите, инспектор, – не унимался Эвентайр. – А почему федеральное бюро не возьмет рифматиста на полную ставку? Надо думать, если ваша организация и в самом деле такая серьезная и всемогущая, как об этом все трубят, вероятно, вы должны были предусмотреть подобную ситуацию.

– Но мы не предусмотрели, – отозвался Хардинг. – А почему? Да потому что рифматисты – эти пыльники! – никогда прежде не убивали людей! Теперь, прошу извинить меня и моих подручных, нам нужно исследовать место преступления. Получше приглядывайте за своим господином, капитан Эвентайр... И не суйте свой нос в мои дела!

Эвентайр остановился как вкопанный и проводил их недобрым взглядом.

– Частная служба безопасности... – пробормотал Хардинг, когда они отошли подальше. – Наймиты, вот кто они такие! Никогда не доверял им на передовой. Они преданны, пока звенят в карманах монеты... Так, вот мы и пришли.

Завернув за угол, они в действительности оказались на месте преступления. Джоэл побледнел, когда увидел несколько подсохших коричневато-красных луж.

«Хорошо, что тела все-таки убрали...»

В небольшом коридоре, где даже ковер был белым, расплывшиеся кровавые отметины прежде всего бросались в глаза.

«Если не обращать внимания на следы недавней расправы, тут довольно мило», – подумал Джоэл, оглядывая со вкусом отделанный коридор с цветочным орнаментом на стенах и тихонько пощелкивающей заводной люстрой над головой.

– Нет, какой же он все-таки дурак... Если бы только рыцарь-сенатор меня послушал! – в сердцах воскликнул Хардинг, оглядывая окровавленный ковер. – Что ж, будем надеяться, что это послужит хорошим уроком всем остальным и они вернут своих ненаглядных чад в Армедиус!

Фитч согласно кивнул. От Джоэла не укрылось, что от увиденного профессору стало дурно. Нетвердой походкой он шагнул за Хардингом, который уже устремился к одному из старших офицеров, охранявших место преступления.

– Зэншен, что тут у нас? – спросил Хардинг у высокого мужчины ацтекской наружности.

– Четыре трупа. Обнаружили их прямо здесь, в коридоре, сэр, – отрапортовал старший офицер, показывая на пятна крови. – Все говорит о том, что смерть наступила в результате нападения меллингов.

Полицейский кивнул на открытую дверь посреди коридора.

– Комната сына рыцаря-сенатора. Мы не заходили, если что.

– Это хорошо, – отозвался Хардинг.

Инспектор обошел кровавые отметины на ковре и направился к месту похищения.

– Сэр... – хотел было предупредить старший офицер, но Хардинг уже шагнул через порог и впечатался в невидимый барьер.

– Сэр, в комнате на полу начерчена рифматическая линия, – пояснил Зэншен. – Вы приказали ничего не трогать, поэтому убрать ее мы не осмелились.

Хардинг поманил Фитча. Стараясь не смотреть на кровь, профессор на ватных ногах подошел к инспектору. Не заставил себя ждать и Джоэл. Он тут же встал перед порогом на колени, вытянул руки и нащупал невидимую преграду.

Проход в комнату и в самом деле оказался закрыт. Джоэл мягко надавил ладонями на воздушный барьер, и тот его оттолкнул. Он

приложил усилие, однако так и не смог коснуться невидимой стены — все равно что пытаться соединить два одинаковых полюса магнитов.

В комнате Кэллоуэя, в отличие от коридора, ковров не лежало — пол был набран из половиц. Линия запрета белела прямо за порогом. Местами на меловой черте зияли бреши. Достаточно широкие, чтобы меллинги могли в них пролезть. Попытавшись просунуть руку в одну из таких брешей, Джоэл не обнаружил никаких препятствий — пальцы, а затем и ладонь его оказались в комнате.

— Ага!.. Гм... — воскликнул Фитч, привставая на колени рядом с Джоэлом. — Это нам на руку!

Профессор достал мелок и нарисовал четырех меллингов-землекопов, вооруженных лопатами.

Джоэл присмотрелся к меллингам и увидел под каждым из них по символу. Вычерчивая их один за другим, Фитч инструктировал своих землекопов двигаться вперед и уничтожать любую меловую преграду на пути.

Один за другим меллинги-землекопы принялись вскапывать линию запрета.

— Ну вот... — Фитч поднялся на ноги. — Боюсь, придется подождать несколько минут.

— Инспектор, — окликнул Хардинга один из офицеров. — Вам, вероятно, будет интересно взглянуть кое на что, пока вы ждете.

Хардинг направился через коридор к полицейскому.

– Вы в порядке, профессор? – вставая с колен, спросил Джоэл.

– Да-да... – отозвался Фитч. – Я просто... не очень хорошо переношу подобное. Отчасти именно поэтому я и не преуспел на Небраске.

Джоэл понимающе кивнул, оставил сумку и подошел к инспектору, который уже разглядывал что-то на полу. Этим «чем-то» оказался кровавый отпечаток ноги.

– Следы ведут к черному ходу, – сказал полицейский. – А за дверью, к сожалению, теряются.

– Тяжело делать из всего этого хоть какой-нибудь вывод, – заметил Хардинг, всматриваясь в отметину. – Из-за ковра след вышел нечеткий...

Полицейский лишь согласно покивал.

– А все следы одинакового размера? – спросил Джоэл.

Офицер взглянул на него, будто только заметил, и снова кивнул.

– Получается, преступник действует в одиночку? – спросил Джоэл.

– Может, и так... – отозвался Хардинг. – А может, просто вляпался только один.

– А что насчет меловых рисунков? – спросил Джоэл. – Есть еще, кроме обнаруженных в комнате похищенного?

– Вообще-то, есть несколько, – отозвался полицейский. – Вон там, по одному на каждой стене.

Офицер проводил их, и глазам предстал уже знакомый символ с четырьмя спиралями. Тот самый, что уже дважды им встречался: сначала в доме Уайтингов, а затем – Лайблов. Джоэл провел над рисунком рукой, но сопротивления не почувствовал. Впрочем, он вообще ничего не ощутил. Похоже, обычный рисунок мелом.

– Профессор! – окликнул он Фитча, и тот подошел. – Можете нарисовать вот здесь меллинга и приказать ему перейти в наступление?

– Гм... Да, пожалуй! – Фитч взялся за мелок. – А это очень хорошая идея, сынок!

– В чем смысл вашего эксперимента? – заложив руки за спину, спросил Хардинг.

– Если символ и вправду рифматический, то меллингу, чтобы пройти дальше, придется его разрушить, – пояснил Джоэл. – Если же этот рисунок не наделен рифматической силой, меллинг пройдет по нему как ни в чем не бывало.

Тем временем краб, вышедший из-под руки Фитча, пополз по стене и в нерешительности остановился перед странным рисунком, как будто раздумывая, двигаться ли дальше. Наконец он попытался сделать шаг и вновь замер.

По спине у Джоэла пробежал холодок. Краб предпринял еще одну попытку, но вновь столкнулся с невидимой преградой. Тогда он принялся работать клешнями, довольно-таки легко прокладывая себе путь через символ.

– Вот те на!.. – воскликнул Фитч. – И все-таки он рифматический!

– И? – спросил Хардинг. – Рядовой, прошу, поясните! В этой области я не силен!

– Рифматистам известно всего четыре линии. По крайней мере, было известно... До этой минуты... – сказал Фитч и на миг погрузился в глубокое раздумье. – Джоэл, как думаешь, может ли этот символ быть

фигурой запрета – вроде линии запрета? В конце концов, на заре рифматики мы даже и не ведали, что эллипсы обладают заградительными свойствами! Кто знает, быть может, мы на пороге нового открытия?

– Но зачем рисовать столь маленькую заградительную фигуру? Профессор, в этом нет никакого смысла... Кроме того, меллинг слишком быстро ее разрушил. Думаю, не стоит даже и думать в этом направлении. Если это и в самом деле заградительный символ, то работает он неважно.

– Да, похоже, ты прав, – сказал Фитч и распылил краба. – Очень странно!

– Офицер, вы говорили, что где-то есть и второй рисунок? – спросил Хардинг.

Полицейский кивнул и поманил их за собой в противоположный конец коридора, где на стене их ждал второй точно такой же символ.

Джоэл провел кончиками пальцев по контуру и нахмурился.

– Что такое, сынок? – поинтересовался Хардинг, заметив обеспокоенное лицо Джоэла.

– В этой линии брешь, – отозвался тот.

– Хочешь сказать, тут поработал меллинг?

– Нет, линия не выглядит поврежденной... Но фигура как будто не закончена, точно рисовавший ее сильно торопился. – Джоэл окинул взглядом коридор. – Вы говорили, что нашли точно такие же рисунки в доме Лили Уайтинг... На какой стене они были?

– Думаешь, это имеет значение?

– Не знаю... А вдруг?

– Первый подобный рисунок мы обнаружили рядом с парадной дверью на внешней стене дома Уайтингов, – ответил Хардинг.

– А второй?

– В коридоре, напротив двери в спальню Германа.

– Мы должны учитывать, что это первый случай, когда пострадали нерифматисты, – сказал Джоэл, постукивая по стене. – Причем сразу четверо.

– В рапорте говорится, – кивнул Хардинг, – что в момент проникновения незнакомца в дом прислуга играла на кухне в карты.

– А где располагается кухня прислуги? – спросил Джоэл.

Хардинг кивнул на лестницу, ведущую на первый этаж.

– Получается, за той же несущей стеной, что отделяет комнату Кэллоуэя от коридора, – сказал Джоэл. – За стеной с недорисованным символом. Может, тут есть какая-то связь?

– Может, и есть... – потер подбородок Хардинг. – А ты наблюдательный, сынок! Не думал полицейским стать?

– Кто? Я?..

Хардинг кивнул.

– Если честно... даже в мыслях не было, – признался Джоэл.

– Что ж, рядовой, тогда задумайся! Талантливых ищеек много не бывает!

Стать федеральным инспектором? У него и в мыслях не было. С каждым днем Джоэл все сильнее мечтал отправиться в университет изучать рифматику, как присоветовал ему Фитч. Однако он вынужден был признать, что вариант, предложенный Хардингом, звучал не менее заманчиво. Стать рифматистом ему было не суждено, и с этой мыслью он уже давно смирился. Но это отнюдь не означало, что мир для него померк. Оставалось еще много неизведанного и захватывающего!

– Инспектор! – позвал Фитч. – Путь открыт! Линии запрета больше нет!

Джоэл переглянулся с Хардингом, и оба направились к комнате Чарльза.

ЗАЩИТА ШОЭФА

Обратите внимание, что линии запрета применяются только там, где это действительно необходимо. Там, где необходимо стабилизировать защиту.

В основном оборонительную конструкцию Шоэфа используют рифматисты, специализирующиеся на линиях силы.

Защита Шоэфа универсальна, однако уязвима против атак линиями силы.

Защиту Шоэфа лучше всего применять против массированных атак меллингов.

Защита Шоэфа сама по себе еще хороша и тем, что подходит не только рифматистам, предпочитающим обороняться линиями силы, но и предпочитающим атаковать этими линиями.

Глава 16

– Мастер милостивый... – выдохнул Фитч, замерев в дверном проеме.

Спальня Кэллоуэя начиналась с еще одного коридорчика, убежавшего направо. Пол был сплошь исчерчен изъеденными рифматическими фигурами и элементами: заградительный круг на заградительном круге, десятки линий запрета... Оглядевшись, Джоэл поразился количеству мела на полу.

– Выглядит как настоящее поле боя, – произнес Хардинг, заглядывая в дверной проем. – Доводилось мне видывать такое! Правда, то были не меловые останки... а человеческие!

– Что вы имеете в виду? – спросил Джоэл.

– Так отступают войска на поле боя, – пояснил Хардинг. – Замысел парня прослеживается тут очень четко. Сначала он нарисовал заградительный круг перед самым порогом и закрыл фланги линиями запрета, чтобы его не окружили. Когда переднюю дугу прорвали, первый круг он оставил и укрылся за другим.

– А этот Кэллоуэй хорош, – заметил Джоэл. – Выбрал очень изоэренную защиту!

– Да, – подтвердил Фитч. – Чарльз не был моим студентом, однако о нем я многое слышал. Не только хорошее, но что касается рифматики, а не дисциплины, тут равных ему не было.

– Вы заметили, что общего между тремя похищениями? – заметил Джоэл. – Пропадают лучшие из лучших!

Джоэл осторожно переступил заградительную линию и оказался внутри окружности. Попробуй он зайти с фланга, ничего бы не вышло – линии запрета попросту оттолкнули бы его назад.

– Пожалуйста, аккуратней!.. Только не наступай на мел! – взмолился Фитч, доставая рулоны бумаги и усаживаясь на пол, чтобы подробно зарисовать защиту, возведенную Чарльзом. – И ничего не трогай!

Джоэл кивнул. Присмотревшись, он разглядел на полу множество меловых точек и черточек – останков меллингов, которых Чарльзу удалось уничтожить.

Хардинг жестом велел своим коллегам оставаться за порогом. Инспектор аккуратно обошел Фитча, и вместе с Джоэлом они направились вглубь комнаты.

– Вон там! – сказал Хардинг, показывая на последнюю заградительную окружность. – Кровь!

Джоэл проследил за рукой инспектора. И в самом деле кровь. Всего несколько капель, как и в случае с Лили и Германом. Он обошел кругом последнюю защиту Чарльза, присел и тихонько присвистнул.

– Что такое? – насторожился Хардинг.

– Защита Шоэфа... Защита о девяти точках. Он и ее умудрился начертить правильно.

Джоэл дотянулся до листка бумаги, одиноко лежащего возле окружности. На нем был эскиз защиты Шоэфа.

– Шпаргалка рифматиста, – сказал Джоэл, передавая листок инспектору. – Но даже с ней вычертить защиту Шоэфа очень и очень непросто.

– Бедняга, – отозвался Хардинг, в знак уважения снимая полицейский шлем и закладывая его под мышку; затем он оглянулся и окинул взором семь следовавших друг за другом заградительных кругов. – Чарльз напылил тут мелом! Уверен, он дал чертовски хороший бой! Настоящий солдат!

Джоэл, глядя на капли крови, согласно покивал. Все думают, что рифматистов похищают... Как и на предыдущих местах преступления – кровь есть, а тела нет. Но как...

– Но как похитители вынесли Чарльза? – спросил Джоэл.

Хардинг воззрился на юношу.

– Ведь у порога линия запрета! Мы не могли зайти, пока не призвали на помощь меллингов, – сказал Джоэл. – К нашей версии с похищением все больше вопросов. И главный из них – куда деваются тела и как их выносят?

– Линию могли перерисовать, – предположил Хардинг, почесывая подбородок. – Но как объяснить тот факт, что линия изъедена, будто ее атаковали меллинги? Неужели ее перерисовали, чтобы затем вновь попытаться разрушить? Ерунда какая-то!.. Зачем им это делать? Чтобы скрыть факт похищения? Маневр совершенно мне непонятный! Ведь так или иначе мы приходим к выводу, что похищение имело место!

Никто не нашелся с ответом. Джоэл, некоторое время вглядывавшийся в заградительные круги Чарльза, вдруг нахмурился и припал к полу, чтобы поближе рассмотреть прорванную защиту Шоэфа.

– Профессор! Думаю, вам стоит на это взглянуть!

– Что такое?

– Рисунок на полу... – отозвался Джоэл. – Отнюдь не рифматический!

Выполненная мелом картинка выглядела как зарисовка углем, какие ученики обычно делают на уроках изобразительного искусства. Наспех сделанные несколько штрихов вряд ли можно было назвать полноценным портретом, однако основная идея все же прослеживалась. С пола на них взирал человек в котелке, опирающийся на отставленную в сторону длинную-предлинную трость с острым наконечником.

Голова незнакомца выглядела несоизмеримо большой, а на месте лица зияла дыра, в которой угадывалась улыбка.

Под картинкой они прочитали несколько строк, набросанных дрожащей рукой.

Не могу разглядеть его глаз. Он рисует каракули, как ему вздумается. Что бы ни нарисовал, все тут же теряет форму. Меллингов сотни!.. Я уничтожаю их, а они оживают. Они сметают все на своем пути. Моя защита для них ничто. Я кричу, зову на помощь, но меня никто не слышит.

Он просто стоит и наблюдает своими неразличимыми в темноте глазами. Подобных меллингов я в жизни не встречал. Они корчатся, извиваются и ежесекундно меняют очертания.

Бороться с ними бесполезно.

Скажите отцу, мне жаль, что ему приходилось так часто за меня краснеть. Передайте, что я люблю его. По-настоящему.

Джоэл поежился. Последние слова Чарльза Кэллоуэя они читали в гробовой тишине. Фитч встал на колени и нарисовал меллинга: проверить, рифматический ли портрет? Начертанного человечка с тростью меллинг даже не заметил, и профессор тут же его распылил.

– Тут какая-то нелепица, – произнес Фитч. – Оживающие меллинги? Рифматические фигуры, которые не держат форму?

– Однажды я уже такое видел, – сказал Хардинг и поймал взгляд профессора. – На Небраске.

– Но где Небраск, а где мы? – отозвался Фитч.

– Профессор, думаю, мы не можем более отрицать эту версию, – сказал Хардинг, поднимаясь на ноги. – Нечто сбежало из Башни. И это «нечто» как-то попало сюда.

– Но это дело рук человека, – возразил Фитч, постукивая по рисунку Чарльза. – Инспектор, вряд ли это тень забвенного. У нашего преступника самые что ни на есть человеческие черты.

Пока Джоэл их слушал, его вдруг осенило, что на Небраске, похоже, происходит много такого, что простым смертным даже не снилось.

– А кто такой забвенный? – спросил Джоэл.

И профессор, и инспектор, примолкнув, оглянулись на него.

– Не бери в голову, солдат, – сказал Хардинг. – Спору нет, ты нам здорово тут помогаешь... Но, боюсь, у меня нет полномочий рассказывать тебе о Небраске.

Фитчу было явно неловко перед ассистентом. Джоэл, в свою очередь, внезапно ощутил всю боль Мелоди, когда ее никуда не принимали. Однако то, что он чего-то не знает о Небраске, его особенно не удивляло. Происходящее на острове держалось в таком же строжайшем секрете, как и тайные знания по продвинутой рифматике.

И большинство людей подобный расклад вполне устраивал. Самое главное, что поле битвы находилось далеко – на центральных островах Северной Америки. Обыватели были довольны тем, что им не надо лишний раз вспоминать про Небраск. С тех пор как на трон взошел король Грегори, битва почти не прекращалась. Порой приходили вести о погибших на поле боя, но случалось это редко. И всегда это были либо рифматисты, либо профессиональные солдаты. И те и другие исполняли свой долг, поэтому на их гибель и на происходящее вокруг острова Небраск можно было с легкостью закрывать глаза...

Так бы все и шло, если бы ситуация не изменилась в корне. Теперь, когда нечто выбралось из Башни... Теперь, когда убили гражданских, игнорировать события на Небраске не представлялось возможным. От этих мыслей Джоэла вновь продрал мороз по коже.

«Происходит что-то странное, – подумал юноша, вглядываясь сначала в лицо Фитча, а затем Хардинга. – Даже по меркам Небраска».

Инспектор выглядел ошеломленным. А ведь он провел больше десятка лет на полях сражений!

Через некоторое время все вернулись к своим прежним занятиям. Хардинг принялся осматривать комнату, а Фитч продолжил зарисовывать место преступления. Между тем Джоэл, встав на колени, перечитал послание Чарльза.

«Он рисует свои каракули...»

После некоторых уговоров Джоэлу все-таки удалось убедить Фитча, что и он может делать эскизы не хуже профессора. Получив-таки благословение, Джоэл принялся срисовывать начертанные Чарльзом заградительные окружности, а Хардинг отправился в коридор, чтобы отдать своим людям приказ проверить дом на следы незаконного проникновения, а заодно и поискать другие улики.

Комната погрузилась в тишину. Джоэл и Фитч молча работали угольками. В отличие от мела, уголь не обладал рифматическими свойствами, даже когда им чертил рифматист, однако для копирования меловых рисунков уголь вполне годился, хоть эскизы и не отличались высокой точностью. Как передать углем на бумаге все эти едва уловимые глазу меловые штришки и прерывистые линии, Джоэл не имел ни малейшего понятия, но старался изо всех сил.

Изрисовав несколько листов, Джоэл подошел к Фитчу. Профессор вновь изучал защитный круг, в котором Чарльз дал свой последний

бой.

– Заметил, как он очертил всю комнату мелом, чтобы меллинги не забрались на стены и не окружили его? – спросил Фитч. – Очень умно! А отметил ли ты, как было совершено покушение на Чарльза? Характер этого нападения лишний раз подтверждает нашу с тобой догадку!

– Что похититель атакует своих жертв, насылая на них целый рой меллингов, – кивнул Джоэл.

– Именно! И теперь у нас есть доказательства, что преступник – этот щелкопер! – вполне вероятно, мужского пола. А это, в свою очередь, значительно сужает область поиска. Джоэл, будь любезен, зарисуй еще символы со стен в коридоре. Я уже срисовал их, но недурно иметь несколько версий. Полагаю, это убережет нас от ошибок в ходе расследования.

Джоэл кивнул, взял рулон бумаги, пару угольков и направился к выходу. Коридор пустовал. Почти все полицейские уже спустились вниз. Помедлив на пороге, он обернулся и еще раз окинул комнату взглядом.

Чарльз заблокировал себя точно так же, как и Герман. Даже окно и то было очерчено линиями запрета. Над ними, кстати говоря, тоже потрудились меллинги. По всей видимости, они пытались проникнуть в комнату и с улицы. Вполне возможно, Чарльз намеревался сбежать в окно, но, обнаружив, что путь отхода отрезан, очертил оконную раму линиями запрета. Незнакомец с тростью не оставил ему ни единого шанса уйти.

Джоэл невольно содрогнулся, представив, сколько часов провел этой ночью Чарльз, отражая бесконечные атаки меллингов, вычерчивая один за другим заградительные круги и отчаянно пытаясь дожить до рассвета.

Он шагнул в коридор и подошел к первой из отметин на стене. Похоже, с места преступления домой они вернутся не с ответами, а с новыми вопросами. Приложив листок бумаги к стене, он обвел взглядом абрис и принялся срисовывать изображение. Это было...

Вдруг что-то проскользнуло в коридор.

Джоэл крутанулся на пятках и успел ухватить взглядом меллинга, который выскользнул из комнаты Чарльза и слился с белым ковром в коридоре.

– Профессор!.. – завопил Джоэл, бросаясь вдогонку. – Инспектор Хардинг!..

Между тем меллинг, едва различимый на белом мраморе, скользил вниз по лестнице. Как только существо преодолело последнюю ступеньку, Джоэл потерял его из виду. Озираясь вокруг, он застыл в нерешительности. От одной только мысли, что меллинг может в любую секунду взобраться по ноге и впиться в плоть, Джоэла бросило в дрожь.

– Джоэл?.. Что такое? – перегнувшись через перила с резными балясинами, окликнул его профессор Фитч.

– Вон он!.. – воскликнул Джоэл, увидав белое пятно, скользнувшее через дверной проем парадного входа на ступеньки крыльца. – Профессор!.. Меллинг! Я бегу за ним!

Юноша со всех ног бросился к выходу.

– Джоэл! Не глупи! Джоэл!..

Но тот уже был за дверью и вовсю мчался за меллингом. Несколько полицейских кинулись вдогонку. На бегу Джоэл показал им на удирающую фигурку. Преследовать существо по зеленой лужайке оказалось значительно проще: его контур мелькал среди травинок, и глаз то и дело схватывал самые неожиданные маневры.

По двору разнеслись крики – полицейские кликнули подмогу. На крыльцо выскочил взволнованный Фитч. Джоэл продолжал погоню, правда меллинг с каждой секундой отрывался все дальше. Они были существами очень проворными и к тому же неутомимыми. Беглец неумолимо наращивал разрыв, но ни Джоэл, ни полицейские сдаваться не собирались.

Тем временем меллинг юркнул под забор. Полицейские во главе с Джоэлом, недолго думая, выскочили в ворота и, к своему изумлению, увидели, как существо, добравшись до массивного дуба с раскидистыми ветвями, стало карабкаться вверх по стволу.

Именно в этот миг Джоэл разглядел меллинга и остановился как вкопанный.

«Единорог?! О нет!..» – простонал он.

Полицейские окружили дерево и вскинули стволы заводных винтовок.

– Эй, ты!.. – крикнул один из них. – Слезай оттуда немедленно!

Джоэл подошел к ним и взглянул на Мелоди, притулившуюся на ветке дуба. В тишине раздался трагичный вздох.

– Что, плохая затея? – спросила Мелоди.

– Сама-то как думаешь? – отозвался Джоэл.

* * *

– Объяснитесь, юная леди! – уперев руки в бока, приказал Хардинг.

Мелоди, сидевшая на стуле в перепачканной от лазанья по деревьям белой юбке, состроила гримаску. Сбоку один из офицеров усердно заводил механизм винтовки. Щелканье прямо-таки звенело в тишине, воцарившейся в небольшой кухне особняка Кэллоуэя.

– Это и в самом деле необходимо? – спросил Фитч, взглядывая на ружье.

– Профессор, пожалуйста, не вмешивайтесь! – попросил Хардинг. – Вы разбираетесь в рифматике, а я разбираюсь в шпионах!

– Я не шпионила!.. – воскликнула Мелоди и вдруг осеклась. – Хотя, да... Выходит, что шпионила... Но только для себя!

– Что за интерес у вас к нашей операции? – Заложив руки за спину, Хардинг принялся медленно расхаживать вокруг Мелоди. – Какое отношение вы имеете к убийствам?

Девочка бросила на Джоэла полный отчаяния взгляд. Кажется, наконец-то до нее стало доходить, в какой переплет она угодила, потакая своей настырности.

– Да никакого отношения не имею! Я просто студентка.

– Ты рифматистка, – сказал Хардинг. – А все недавние преступления совершил рифматист!

– И что? – вытаращилась Мелоди. – Рифматистов в округе пруд пруди!

– Вы явно проявляете к нашему расследованию интерес! Причем интерес подозрительно глубокий! – сказал Хардинг.

– Конечно, мне ведь любопытно! – воскликнула Мелоди. – Почему все вокруг знают, что происходит, а я нет?

– Вопросы здесь задаю я! – оборвал Хардинг. – Понимаете ли вы, что у меня есть все основания – да и полномочия! – заключить вас под стражу до окончания расследования? Вы теперь проходите по делу об убийстве в качестве главной подозреваемой!

Мелоди побелела как полотно.

– Инспектор, – сказал Джоэл. – Можно вас... на минутку? Переговорим снаружи.

Хардинг взглянул на Джоэла, а затем кивнул. Они вышли через черный ход и немного прошлись. Наконец они оказались достаточно далеко для разговора по душам.

– Торопиться не будем. Пускай пропотеет как следует, – сказал Хардинг.

– Инспектор, можете мне поверить, Мелоди не имеет никакого отношения ни к похищениям, ни к убийствам.

– Да, – отозвался Хардинг. – Подозреваю, что ты прав, Джоэл. Однако долг велит мне не упускать ни единой зацепки. Эта юная леди держит меня в напряжении. Я становлюсь подозрительным.

– Обычно Мелоди всех держит в напряжении, – согласился Джоэл. – Но это не значит, что она тот самый... щелкопер! Я хочу сказать, что ее пребывание здесь очень легко объяснить. Она видела, как мы покидали Армедиус. Кроме того, все кругом знают, кто был похищен этой ночью. Инспектор, я могу за нее поручиться!

– Джоэл, ты уверен в ней на сто процентов? – спросил Хардинг. – Может, она дурит тебя? Что-то мне подсказывает, что преступник прячется среди нас. Разгуливает по Армедиусу у нас под носом! На месте этого рифматиста я бы выбрал именно такую стратегию – вызывает меньше всего подозрений!

«Нализар... – подумал Джоэл. – Куда он ходил прошлой ночью? И зачем?..»

А хорошо ли он знает Мелоди? Могли ли ее причуды и дружелюбие быть притворством? Джоэл на мгновение задумался. Он

вдруг понял, как мало знает о прошлом своей новой подруги. А как же ее родители? Почему семья нисколько о ней не беспокоится?

Между тем Мелоди казалась искренней. Она не скрывала чувств. Стоило ей открыть рот, как они с ревом из нее извергались. Девочка всегда говорила прямо – как с ним, так и со всеми остальными. Джоэл вдруг осознал, что эта черта ее характера ему очень нравится.

– Инспектор, это точно не она, – наконец ответил Джоэл.

– Что ж, я доверяю тебе. Если говоришь, что она надежный человек...

– Значит, вы ее отпустите?

– Только задам еще парочку вопросов, – отозвался Хардинг, направляясь обратно.

Джоэл пошел следом.

– Итак! – воскликнул Хардинг, перешагивая порог кухни. – Джоэл замолвил за вас словечко, юная леди. Скажите ему спасибо, иначе я и слушать бы вас не стал. Тем не менее у вас по-прежнему серьезные неприятности. Я задам несколько вопросов и, прежде чем отвечать, советую вам хорошенько думать, юная леди! Кто знает, возможно, мне и не придется выдвигать против вас обвинения...

– Какие еще вопросы? – глянула Мелоди на Джоэла.

– Мои люди докладывают, что твой меллинг промчался по особняку Кэллоуэя, а затем вернулся к тебе через сад, – произнес Хардинг. – Как, во имя Мастера, ты заставила его это сделать?

– Я не знаю, – пожала плечами Мелоди. – Просто получилось, и все.

– Дорогая, я знаком почти со всеми самыми искусными рифматистами в мире... – сказал Фитч. – Чтобы твой меллинг преодолел такую дистанцию, взобрался по лестнице на второй этаж, а затем проник в комнату, тебе понадобилось бы начертить целую гирлянду символов! Да такое количество символов даже вообразить невозможно! Неужто ты хочешь, чтобы я поверил, будто дело в твоём таланте?..

– Чего ты добивалась? – спросил Хардинг. – Зачем заставлять меллинга проделать весь этот путь, а затем возвращать его обратно? Ты это сделала намеренно? Чтобы тебя поймали?

– Конечно же нет!.. – воскликнула Мелоди. – Я просто хотела знать, что происходит!

– То есть ты думала, что твой меллинг, сбегав на разведку, вернется и обо всем тебе доложит?

– Нет... – замялась Мелоди, а затем пояснила: – Понимаете... я просто потеряла над ним контроль. Я лишь хотела отвлечь полицейских.

Заметив, как Мелоди потупила взор, Джоэл нахмурился. Похоже, она лгала. Заметить это, учитывая ее хроническую искренность, было не так уж сложно.

«Она удивительно ловко обращается с меллингами, – подумал Джоэл. – Потеряла контроль? Да ни в жизнь не поверю! Но неужели она ожидала от своего меллинга доклада о том, что тот видел? Вздор! Меллинги, как и заводные механизмы, не умеют разговаривать! Они делают то, что им прикажут – ни больше ни меньше. И тем не менее единорог прискакал обратно к Мелоди...»

– Инспектор, меллинги порой ведут себя очень странно, – сказал Фитч.

– Профессор, вы мне это рассказываете? – воскликнул Хардинг. – На поле боя я каждый день слышал эту отговорку от рифматистов! Меня удивляет, как рифматисты умудряются заставлять меллингов делать хоть что-то! Учитывая тот факт, что иногда эти твари, вопреки приказу, бегут в противоположную сторону! Ни с того ни с сего!

Мелоди слабо улыбнулась.

– Вы все еще под подозрением, юная леди! – погрозил ей пальцем Хардинг.

– Инспектор, – заговорил Фитч. – Полагаясь на рисунок, найденный в комнате, мы знаем, что наш щелкопер – мужчина... Ну или искусно переодетая женщина. Сильно сомневаюсь, что Мелоди по силам проверить такое. Да и наверняка найдутся студенты, которые расскажут, где она была прошлой ночью.

– Найдутся! У меня две соседки по общежитию! – энергично закивала Мелоди.

– Кроме того, инспектор, – сказал Фитч, поднимая палец кверху. – Не будем забывать и про послание, оставленное Чарльзом у себя в комнате! С его слов, рифматические линии и фигуры злоумышленника ведут себя крайне необычно. Ничего подобного за линиями мисс Манс я не замечал. Обыкновенные линии! Если честно, зачастую они так

плохо прорисованы, что едва ли дотягивают до общепринятой среди рифматистов нормы.

– Ладно, – смиловался Хардинг. – Ступайте, мисс Манс. Но я буду за вами приглядывать!

Мелоди облегченно выдохнула.

– Вот и славно! – объявил Фитч, вставая со стула. – Хочу сделать еще пару эскизов. Джоэл, проводишь Мелоди до станции? И пожалуйста... пригляди, чтобы по дороге с ней не приключилось еще каких неприятностей!

– Само собой, – отозвался Джоэл.

Хардинг вернулся к работе, но прежде приставил к ним двух полицейских для пущей уверенности, что Мелоди покинет место преступления. Насупившись, она шла впереди, Джоэл следом. На пороге Мелоди обернулась и бросила на офицеров сердитый взгляд.

Полицейские остались в доме, а Джоэл и Мелоди неспешно двинулись через лужайку к воротам.

– Такое отношение мне решительно не по нутру! – заявила девочка.

– А чего ты хотела? – спросил Джоэл. – Чтобы тебя по головке погладили за то, что шпионишь на месте преступления?

– Но ведь тебя они пустили внутрь!

– И что?

Мелоди подняла глаза к небу, а затем покачала головой:

– Ладно, извини. Просто... меня расстраивает такое положение дел. Чего бы я ни захотела, мне всегда и везде дают от ворот поворот.

– Понимаю...

– Как бы там ни было, спасибо, что заступился. Если бы не ты, боюсь, этот хищник растерзал бы меня!

– Не за что, – пожал плечами Джоэл.

– Нет, в самом деле. Я искуплю свою вину! Обещаю!

– Может, не надо? А то как бы хуже не вышло...

– Ой, да ладно тебе! – оживилась Мелоди. – У меня уже есть идея!

– И какая?

– Придется потерпеть! – отозвалась она. – Какой же тогда это будет сюрприз?

«Великолепно! – подумал Джоэл. – Не успели еще оправиться от первого сюрприза, а у Мелоди уже идея для второго!»

Между тем они добрались до станции, однако входить внутрь здания не стали, а, дожидаясь Фитча, устроились под приятной сенью деревьев. Мелоди пыталась разговаривать Джоэла, но тот, сам не зная отчего, отвечал наобум и невпопад.

Джоэл все размышлял о рисунке и послании, которые наспех накарябал перепуганный Чарльз. Он знал, что до утра вряд ли доживет, и оставил следствию зацепку. Попытался облечь в слова тот ужас, что предстал его глазам. Благородный поступок...

«Вряд ли я могу похвастаться хоть одним таким благородным поступком за всю свою жизнь! Кто-то должен остановить это! – подумал Джоэл, откинувшись на ствол дерева. – Нужно что-то предпринять. В опасности не только студенты и академия... Гибнут обычные люди! А если верить Фитчу и Хардингу, из-за похищений могут оказаться под угрозой все Соединенные Острова!»

Мысли Джоэла вновь вернулись к тем странным рифматическим рисункам.

«Этот символ с четырьмя спиралями... – размышлял Джоэл. – Если бы я только мог припомнить, где его видел!»

Джоэл тряхнул головой, отгоняя думы прочь, и глянул на Мелоди, сидевшую на лужайке чуть поодаль.

– Как тебе это удастся? – спросил Джоэл. – Я имею в виду, как ты так лихо управляешься с меллингами?

– Да я просто потеряла над ним контроль.

Джоэл подозрительно посмотрел на нее.

– Ну что?.. – воскликнула она.

– Мелоди, да у тебя на лбу написано, что ты врешь!

Она застонала, повалилась спиной в траву и уставилась на кроны деревьев. Джоэл уже подумал, что Мелоди решила отмолчаться, как вдруг она заговорила:

– Джоэл, я не знаю, как это получается. В лекционных аудиториях нам талдычат, что меллингам нужно отдавать приказы... что у них нет своей воли... что они точно заводные механизмы! Но хочу тебе сказать, что в начертании всех этих символов управления меллингами я отнюдь не сильна.

– Тогда почему они так хорошо тебе повинуются?

– Просто слушаются меня, и все... Как тебе сказать... Думаю, они понимают меня. Знают, чего я от них хочу. Когда рисую, всегда их

наставляю, а затем они бегут и делают.

– Наставляешь?

– Ага! Нашептываю! И им, похоже, это очень нравится.

– И что дальше? Они возвращаются и рассказывают, что видели?

Мелоди пожала плечами. Телодвижение крайне странное, учитывая, что она лежала на спине.

– Они не могут говорить в общепринятом смысле. Но то, как они вьются вокруг меня... то, как они двигаются... Порой мне и вправду кажется, что я понимаю, о чем они желают мне поведать. – Девочка повернула голову набок и посмотрела на Джоэла. – Наверное, у меня просто богатое воображение. Вероятно, мне хочется думать, что я хороша хоть в чем-то, раз уж с рифматическими линиями у меня не задалось.

– Тут я тебе не советчик, – отозвался Джоэл. – Я последний человек на свете, к кому следует обращаться с вопросами про меллингов. Но из всего, что я видел и слышал, у меня складывается впечатление, будто они и вправду тебя слушаются.

Похоже, слова Джоэла успокоили Мелоди. Она улыбнулась и продолжала созерцать небо, пока не явился профессор Фитч. Хардинг, судя по всему, остался в особняке дальше вести расследование. Джоэл поймал себя на мысли, что рад вернуться в Армедиус. У него с самого утра маковой росинки во рту не было, и теперь желудок настойчиво требовал пищи.

Они прошли на станцию, поднялись на пустующий перрон и стали дожидаться поезда.

– Обстоятельства последнего похищения усугубляют всю ситуацию, – сказал Фитч.

Джоэл покивал.

– Дикие меллинги, неизвестные науке рифматические линии, – пояснил профессор. – Кажется, Джоэл, мне понадобится твоя помощь. Одному обзреть столько малоизвестных рифматических текстов мне просто не под силу! Уверен, где-то эти странные символы упоминаются!

От этих слов Джоэл ощутил прилив сил и воодушевился, однако, оглянувшись на Мелоди, несколько сник. Она стояла чуть поодаль и ничего не слышала. По крайней мере, Джоэл очень на это надеялся.

Похоже, после того как ее поймали за руку на шпионаже, в обществе профессора девочка стала чувствовать себя неловко.

– Настали смутные времена, – покачал Фитч головой.

В этот миг задрожала монорельсовая балка – приближался поезд.

– Смутные времена... – повторил профессор.

Несколько минут спустя они уже неслись над водной гладью, направляясь обратно в Армедиус.

ДЕВЯТИТОЧЕЧНЫЕ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ ОКРУЖНОСТИ

Девятиточечные заградительные окружности — самые сложные рифматические фигуры. В отличие от двух-, четырех- и шеститочечных окружностей, точки девятиточечной не равноудалены друг от друга.

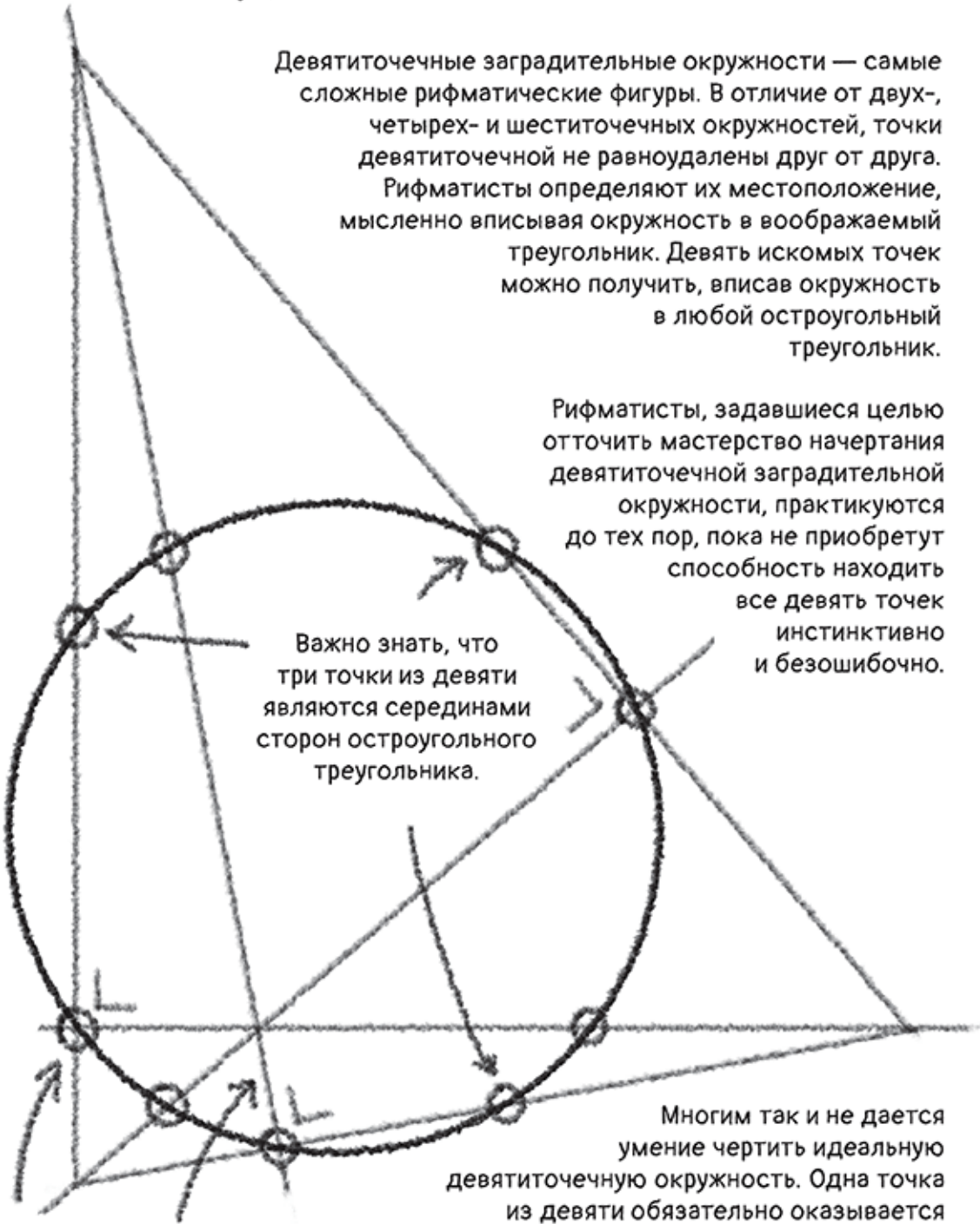
Рифматисты определяют их местоположение, мысленно вписывая окружность в воображаемый треугольник. Девять искомых точек можно получить, вписав окружность в любой остроугольный треугольник.

Рифматисты, задавшиеся целью отточить мастерство начертания девятиточечной заградительной окружности, практикуются до тех пор, пока не приобретут способность находить все девять точек инстинктивно и безошибочно.

Важно знать, что три точки из девяти являются серединами сторон остроугольного треугольника.

Шесть остальных точек образуются пересечением высот треугольника с вписанной в него окружностью.

Многим так и не дается умение чертить идеальную девятиточечную окружность. Одна точка из девяти обязательно оказывается не на месте. И в случае с девятиточечными окружностями это чревато, поскольку любое отклонение от нормы означает ослабление всей оборонительной конструкции.

Глава 17

«Мнения ученых несколько расходятся в том, когда европейцы впервые встретились с дикими меллингами», – читал Джоэл очередную книгу, привалившись спиной к кирпичной стене кабинета Фитча.

Суждения ученых и в самом деле разнились кардинально. Джоэл штудировал книги вот уже целую неделю и сумел обнаружить только два источника, сходявшихся в едином мнении, когда все-таки произошла встреча человека с диким меллингом.

После первого морского контакта между Старым светом и ацтекской цивилизацией путешественники устремились на запад – на поиски новых земель. Однако многие из первооткрывателей, отправившихся бороздить океаны, ведением бортового журнала или дневника себя не утруждали, поэтому Джоэлу теперь приходилось собирать сведения буквально по крупицам.

И хотя многие исследователи – Жак Картье и достославный Франциско Васкес де Коронадо – представляли европейские страны, в первую очередь они все же алкали славы и богатства. То была эпоха экспансии и великих географических открытий. Американские Острова манили неизведанными землями, которые только предстояло завоевать и удержать. А если все сложится, то и колонизировать.

Экспедиции в Америку проходили под отдаленный грохот набиравшей обороты военной машины Азии. Чосонская империя, поигрывая мускулами военно-технического прогресса, демонстрировала миру свою силу. Многие предприимчивые

путешественники сознавали, что, закрепившись в Новом Свете, они обретут независимость и освободятся от гнета – мнимого или действительного – владык евразийского континента.

Получив отпор от могущественных империй Южной Америки, закаленных в вековых сражениях против меллингов, колонизаторы устремили взоры на архипелаги Северной Америки. В те дни цивилизация ацтеков с большой неприязнью относилась к чужакам и вела закрытый образ жизни. Разумеется, никто из них и не подумал предупредить колонизаторов об опасностях, что таились на севере.

Центральное место в ранних архивных записях занимала, конечно же, Башня острова Небраска. Единственное древнее рукотворное сооружение, найденное на островах, по праву считалось одним из чудес света.

Вероятно, не было исследователя Америки, который не оставил после себя свидетельств о Башне. Некоторые утверждали, что указать точное местоположение древнего монумента не представляется возможным. Путешественники клялись и божились, что Башня передвигается по острову. Каждый раз возвращаясь на Небраск, они обнаруживали Башню на новом месте.

Безусловно, к подобным отчетам следовало относиться с долей скептицизма. Иначе как объяснить, почему вот уже долгие годы Башня стоит на своем месте? Однако на этом странности острова Небраск не заканчивались. На архипелагах Северной Америки творилось что-то неладное: на островах полностью отсутствовали следы цивилизации. Но кто же тогда возвел Башню? Значит, ранее острова населяла другая цивилизация? Ацтеки?

Ацтеки и слышать не хотели о Небраске, а если и упоминали о нем, то неизменно осеяли себя знаменiem. Ацтекские источники не содержали никаких сведений о Башне – по крайней мере, те из них, которые Джоэл успел проштудировать. Он узнал, что ацтеки сдерживали меллингов, пытавшихся оккупировать Южную Америку, при помощи кислоты, которую добывали из растений. А еще, что ацтеки дали приют беженцам с северных островов, куда сами предпочитали не соваться – даже в разведывательных целях. Что касается беженцев, то они ассимилировались с ацтеками и влились в их культуру еще пять столетий тому назад. Поскольку истории о них передавались исключительно из уст в уста, со временем все

свидетельства утратили достоверность. Ходили легенды и байки о немыслимых ужасах, предзнаменованиях и черных неудачах, преследовавших жалкие остатки истребленных народов северных островов. Однако никаких подробностей рассказчики не знали – да и зачастую противоречили друг другу.

Первые колонизаторы Северной Америки утверждали, будто время от времени им встречались аборигены. Джоэл узнал, что многие острова и города обязаны своими названиями этим докладам первооткрывателей, но ответов на вопросы они не давали. Скорее, наоборот – загадок становилось только больше. Кем были эти аборигены? Ацтеками или представителями вырождающейся цивилизации? Если верить легендам ацтеков, на островах и в самом деле обитали люди – но куда же испарились их города и селения?

Сохранились и свидетельства колонизаторов. Некоторые жаловались, что атмосфера мрачного опустения на островах их устрашала. Люди сетовали, что им не по себе от гнетущей тишины. Из всего этого можно было заключить, что легенды ацтеков не лгали: аборигены северных островов, вероятно, в действительности подались на юг в поисках лучшей жизни. А если все-таки нет, то их истребили дикие меллинги. Что, собственно, едва не произошло и с предками современных американцев.

Автор книги, которую Джоэл сейчас штудировал, считал наиболее достоверным отчет Эстевеса. Его свидетельства о встречах европейцев с меллингами, изложенные хоть и несколько сумбурно, выделялись среди прочих хронологической точностью.

Джоэл захлопнул книгу, прислонился затылком к стене, закрыл глаза и потер переносицу. С отчетом Эстевеса ему уже приходилось сталкиваться – в другой книге. В ней рассказывалось, как группа испанских золотоискателей наткнулась на необычный узкий каньон на одном из юго-западных островов – то ли на Бонневилле, то ли на Зона-Арида, то ли еще где... Путешественники под предводительством Мануэля Эстевеса нашли на стенах каньона небольшие рисунки, изображавшие, по всей видимости, первобытного человека. Одним словом, они обнаружили наскальную живопись, свидетельствующую, что на северных островах когда-то жили люди.

Прельстившись родниковой водой и надежным укрытием от ветра, экспедиция Эстевеса заночевала в ущелье. Вскоре после заката

путешественники обнаружили, что изображения на стенах ожили и принялись танцевать.

Эстевес описал это чудо во всех подробностях. В своих заметках он уделил особое внимание тому факту, что изображения были не нацарапаны или высечены в камне, а именно нарисованы каким-то белым веществом, очень похожим на мел. Он даже скопировал их к себе в дневник, который, кстати говоря, сохранился до наших дней.

– Джоэл, сынок, ты, кажется, устал, – заметил Фитч.

Юноша поморгал и поднял взгляд на профессора, сидевшего за столом. Темные круги под глазами Фитча свидетельствовали, что тот устал как минимум вдвое больше.

– Да я в порядке, – подавив зевок, отозвался Джоэл.

Фитч, очевидно, не особенно ему поверил. Последнюю неделю они провели, пролистывая том за томом в надежде найти хоть какую-нибудь зацепку. В основном профессор выдавал Джоэлу книги по истории: тексты по высшей рифматике пришлись ему не по зубам. Но Джоэл поклялся себе, что будет грызть гранит науки до тех пор, пока не разберется с академическими трудами, которые оказались за пределами его понимания. Однако сейчас нужно сосредоточиться на делах более насущных.

Между тем Хардинг продолжал оперативную работу и пытался выследить похитителя. Здесь они были инспектору не помощники. Какой толк от ученых в поле? По правде говоря, ученым из них мог именоваться только Фитч, Джоэл же и сам не знал, как себя величать – разве что уставшим до смерти молодым человеком.

– В этой книге есть что-нибудь примечательное? – спросил Фитч не без надежды в голосе.

– Нет, – покачал головой Джоэл. – В основном здесь дается оценка отчетам путешественников и комментируется их достоверность. Написано простым и понятным языком. Продолжу читать. Посмотрим, может, и найдется что-нибудь полезное.

Фитч был убежден, что искать неизвестные рифматике линии нужно в подобных исторических отчетах. Среди наскальных рисунков, которые Эстевес копировал в дневник. Среди изображений, что затерялись было во времени, но теперь вдруг стали невероятно важны.

– О! – воскликнул Джоэл, приметив в руках у Фитча собственный отчет. – Все-таки не зря я возился с переписными книгами?

– Гм?.. Ну да. Все никак не мог найти минутку и глянуть.

– Наверное, они не стоят вашего внимания. По крайней мере, сейчас они вряд ли нам чем-то помогут.

– Кто знает?.. – отозвался Фитч, листая страницы. – Возможно, исчезновения начались задолго до наших дней. Что, если мы их просто не замечали? Например, потому, что они случались изредка, с большим перерывом во времени? Так, что и не поймешь их взаимосвязь, пока не увидишь на бумаге. Нам следует...

Фитч вдруг умолк и уставился на лист бумаги.

– Что такое? – встрепнулся Джоэл. – Вы что-то обнаружили?

– Гм?.. Нет, ничего особенного. – Фитч и отложил списки в сторону. – Мне следует поменьше отвлекаться от изысканий! Надо продолжать читать!

«Врать совершенно не умеет, – заключил Джоэл. – Вероятно, потому, что боится вступить в конфронтацию и постоять за себя... И все-таки, что же привлекло его внимание? И почему он не хочет рассказать об этом мне?»

Джоэл как раз выдумывал способ незаметно подглядеть, что же такого Фитч нашел в списке, когда дверь в конце книжного «туннеля» распахнулась и на пороге возникла Мелоди.

«Ее факультативное занятие у профессора Фитча закончилось с полчаса назад, – подумал Джоэл. – С чего бы вдруг ей возвращаться?»

– Мелоди, ты что-то забыла? – спросил Фитч.

– Не думаю, – отозвалась она, прислоняясь к дверному косяку. – Я тут по служебному поручению.

– Служебному поручению? – переспросил Фитч.

– Ага, – отозвалась Мелоди; в руках у нее белел конверт. – Нализар все еще эксплуатирует меня после занятий. Кстати, Джоэл, я поняла, кто виноват в моей беде!

– Кто?

– Разумеется, ты!.. Если бы ты не пытался прошмыгнуть на лекции рифматистов... Если бы не вляпался в неприятности, я бы сейчас не бегала, как заводная, по всему кампусу! Профессор, вот ваше послание. В нем говорится, что ректор хочет видеть Джоэла у себя в кабинете.

– Меня? – удивился Джоэл. – Зачем?

– Что-то насчет твоих оценок, – пожала плечами Мелоди. – Ладно, мне пора возвращаться к своей скучной черной работе. Дел невпроворот! Увидимся за ужином?

Джоэл кивнул, и она выскочила за дверь. Он подошел и забрал послание, которое Мелоди заложила для профессора между книг.

«Оценки...» – рассеянно подумал Джоэл.

Ему бы встревожиться, но отметки заботили его в ту минуту меньше всего. На фоне происходящего учеба в академии казалась чем-то далеким и нереальным.

Послание было запечатано, однако Джоэл уже хорошо знал Мелоди, чтобы догадаться, что та прочитала записку от ректора. И в самом деле, конверт был сбоку аккуратно надорван.

– Наверное, я тогда пойду, – сказал Джоэл, возвращаясь за рюкзаком с книгами.

– Гм?.. – промычал Фитч, уже погрузившийся в книгу. – Ах да!.. Очень хорошо... Увидимся завтра!

По пути к выходу Джоэл бросил взгляд на стол профессора в попытке узнать, что же тот обнаружил в переписных перечнях. Похоже, внимание Фитча привлек листок с недавними выпускниками Армедиуса. Джоэл увидел свои пометки напротив фамилий двух студентов, умерших при невыясненных обстоятельствах. Их имена были ему незнакомы и даже не на слуху. Что же тогда...

Джоэл, как и в прошлый раз, едва не проглядел фамилию... Экстона! Имя конторского служащего находилось в верхней части списка среди прочих. Неужели Фитча заинтересовал Экстон? Или это просто совпадение?

Покинув кабинет профессора, Джоэл пересек лужайку и направился к зданию администрации. За последние семь дней академия изменилась. Полицейских стало значительно больше. Они проверяли документы и на станции монорельса, и у ворот при входе на территорию Армедиуса. Студентам-рифматистам так и вовсе запретили покидать кампус без сопровождения. Джоэл как раз миновал нескольких из них. Недовольные, они сетовали, что академия превратилась в настоящую тюрьму.

«Даже заядлые футболисты и те играют вяло, – отметил про себя Джоэл, шагая мимо поля. – Да и в рядах игроков народу как будто поубавилось!»

Большинство студентов общеобразовательного курса уже разъехались по домам. Родители забирали детей на летние каникулы, и администрация академии тому не препятствовала. И хотя во время последнего похищения погибли нерифматисты, в панику никто не впадал. Очевидно, что мишенью по-прежнему служили рифматисты, а потому обыкновенным студентам находиться за стенами академии было даже безопаснее.

После похищения Чарльза Кэллоуэя преступник – или преступники – затаился. Минула неделя наряженного ожидания. Люди гадали, что будет дальше? Кому грозит опасность, а кому нет? И конечно же, каждый задавался вопросом: кто следующий?

У центральных ворот академии Джоэл ускорил шаг. Снаружи собралась толпа протестующих. Их появление, наверное, было самым главным изменением в размеренной жизни Армедиуса. Многие потрясали плакатами: «Мы хотим правды!» и «Пыльники опасны! Пускай пылят на Небраске!».

Почти все островные газеты трубили, что в смерти четырех слуг Кэллоуэя повинны именно рифматисты. Одни авторы обличительных статей высказывали подозрения, что между кланами рифматистов началась война. Вторые говорили о заговоре. Третьи даже полагали, что рифматисты со своими обрядами инициации и бесконечными битвами за Небраску – грандиозная мистификация для поддержания власти монархической церкви.

Результатом трудов журналистов и явилась эта небольшая, но активная группа антирифматистов, устроившая пикет перед воротами Армедиуса. Джоэл не знал, как и воспринимать весь этот абсурд, хотя хорошего тут было мало. Он слышал, что ночью пикетчики разгромили несколько домов студентов-рифматистов, сейчас вынужденных жить при академии. К счастью, полицейским пока удавалось держать раздухарившихся демонстрантов на безопасном расстоянии от Армедиуса. Но это пока... Две ночи тому назад кто-то все же умудрился забросать территорию кирпичами, сплошь исписанными оскорблениями в адрес рифматистов.

Джоэл не хотел даже вникать в требования протестующих. Не сбавляя шагу, он прошел мимо, однако речевки преследовали его, точно навязчивая мелодия.

«Мы хотим правды!»

«Долой привилегии рифматистов!»

«Ваше место на Небраске!»

Джоэл поспешил к зданию администрации. Двое вооруженных винтовками полицейских, узнав его, расступились и пропустили внутрь.

– Джоэл! – воскликнула Флоренс. – Мы и не ждали тебя так скоро!

Несмотря на мрачные обстоятельства, светловолосая служащая не намеревалась впадать в уныние, поэтому пришла на работу в ярко-желтом платье и широкополой шляпе.

– Джоэл, в отличие от некоторых, парень исполнительный, – заметил Экстон, не отрываясь от дел. – У него и мысли не может возникнуть заставить кого-то ждать. Флоренс, если ты не знала, то это называется ответственность!

– Не будь занудой!

Джоэл глянул через конторскую стойку и увидел на столе у Флоренс газету. Заголовок кричал: «В Новой Британнии кризис!»

– Ректор сейчас с кем-то разговаривает, – сказала Флоренс. – Но он скоро освободится, ты не переживай.

– Как у вас тут дела? – спросил Джоэл, выглядывая за окном полицейских.

– Знаешь, да все как обычно! – сказала Флоренс.

– Я тебя не понимаю! – усмехнулся Экстон. – Всегда треплешься без умолку, а тут вдруг сама мисс сдержанность!

Флоренс зарделась и промолчала.

– По правде говоря, дела идут неважно. – Экстон отложил перо и взглянул на Джоэла. – Даже если не обращать внимания на тех дураков за воротами и полицейских на каждом шагу, дела идут из рук вон плохо.

– Насколько плохо? – поинтересовался Джоэл.

– Острова, где нет рифматических академий, подумывают исправить это упущение, – вздохнула Флоренс, складывая перед собой руки.

– Это плохо? – спросил Джоэл.

– Во-первых, упадет качество образования. Джоэл, дорогуша, Армедиус – не просто место, куда дети приходят учиться. Это еще и то

место, куда взрослые со всех островов в округе приезжают зарабатывать деньги.

– Джеймстаун отличается от большинства городов, – пояснил Экстон. – Где еще ты увидишь египтян и чосонцев, работающих бок о бок? На многих других островах приезжих – пускай и американцев, но с другого архипелага – почитают за чужаков. А теперь представь, как изменится ход войны за Небраск, если шестьдесят рифматических академий начнут междоусобицу за то, кому какую часть острова оборонять? И это мы еще не берем в расчет, что выучены все эти новоиспеченные рифматисты будут каждый на свой лад. Сейчас существует всего восемь академий – и те не могут разобраться меж собой!

– Ты бы слышал, какими должны быть, по их мнению, эти новые академии! – воскликнула Флоренс, просматривая газету с Мэйнфорда – острова, расположенного к северу от Новой Британнии. – Газетчики уже рифматистов за людей не считают! Многие подхватили идею о том, что рифматистов учить общеобразовательным дисциплинам затратно и вовсе не обязательно! Пускай, дескать, тренируются и отправляются воевать на Небраск! Точно это не люди, а пули! Зарядил в ружье и стреляй!

Флоренс возмущенно прицокнула языком и вернулась к работе.

Джоэл у конторской стойки хмурился и молчал.

– А вообще, сами виноваты, – пробормотал Экстон себе под нос.

– Кто? – спросил Джоэл.

– Рифматисты, кто ж еще! – ответил Экстон. – Нечего зазнаваться. Тут у них тайна, там – привилегия. Джоэл, да ты только вспомни, как они с тобой обращаются! Отталкивают всех, кто им не ровня!

Джоэл удивленно поднял брови. В голосе Экстона определенно слышалась едкая горечь. Неужели это как-то связано с его учебой в академии?

– Как бы там ни было, их отношение к обыкновенным людям неприемлемо, – распалялся Экстон. – Люди, которым приходится самим платить за обучение детей, задаются вопросами, действительно ли рифматистам нужно посещать столь дорогие академии? А не слишком ли жирно получать пенсию до конца жизни?

– Экстон. – Джоэл нервно постучал указательным пальцем по стойке. – А правда, что ты тоже учился в Армедиусе?

Перо Экстона замерло.

– Кто тебе такое сказал?

– Да я сам видел твою фамилию в списках выпускников, когда работал над одним проектом для профессора Фитча, – пояснил Джоэл.

Помолчав с несколько мгновений, Экстон наконец произнес:

– Правда. Я здесь учился.

– Экстон! – воскликнула Флоренс. – Ты никогда не рассказывал! А как?.. Где твоя семья нашла столько денег?

– Я не хочу об этом говорить.

– Ой, да ладно! – не унималась Флоренс.

– Думаю, сегодня я уйду на перерыв пораньше, – произнес Экстон.

Отложив перо, он поднялся из-за стола, снял с крючка на стене пальто и котелок, а затем выскочил за дверь.

– Брюзга! – бросила ему вслед Флоренс.

Вскоре дверь в кабинет ректора отворилась, и на пороге возник Хардинг в идеально отглаженной, впрочем, как и всегда, синей полицейской форме. Инспектор подхватил винтовку, оставленную при входе, и закинул ее за плечо.

– Я переговорю с патрульными, – заверил Йорка Хардинг. – Будьте покойны, сэр, «кирпичный» инцидент более не повторится.

Йорк кивнул. Джоэл отметил, что Хардинг разговаривает с ректором по-особенному почтительно. Вероятно, потому, что Йорк со своими великанскими габаритами и длинными висячими усами походил на боевого генерала.

– Инспектор, я подготовила для вас обновленный список, – сказала Флоренс, поднимаясь со стула и протягивая листок.

Внимательно его просмотрев, Хардинг побагровел.

– В чем дело? – спросил Йорк.

– Сэр, с моей стороны произошел недосмотр, – пояснил Хардинг, взглядывая на ректора. – Под угрозой еще четырнадцать студентов-рифматистов! Родители отказались передать их под покровительство академии! Это неприемлемо!

– Инспектор, это не ваша вина, – заверил Йорк. – Все родители упрямы.

– Я возлагаю ответственность на себя, сэр, – отвечал непоколебимый Хардинг. – А теперь прошу меня извинить.

Он кивнул Джоэлу и покинул приемную.

– А, Джоэл, ты уже тут! – приветствовал ректор Йорк. – Проходи, сынок.

Джоэл вновь оказался в кабинете ректора академии. Усевшись на стул перед чрезвычайно большим столом и его не менее внушительным хозяином, он в очередной раз почувствовал себя крохотным зверьком.

– Вы хотели поговорить о моих отметках, сэр? – спросил Джоэл, глядя, как ректор усаживается за стол.

– Вообще-то, нет. Это был лишь предлог для встречи. Надеюсь, ты меня извинишь, – сказал ректор, складывая перед собой руки. – В кампусе чего только не происходит, и моя работа – за всем уследить и ничего не пропустить. Сынок, мне от тебя нужна информация.

– Сэр?.. – встревожился Джоэл. – При всем уважении, я всего лишь студент. Разве могу я вам чем-то помочь? Кроме того, признаюсь честно, идея шпионить за профессором Фитчем мне совсем не по душе!

– Сынок, я послал тебя к нему не шпионить, – усмехнулся Йорк. – Фитч докладывался мне вчера, а сегодня – Хардинг. Обоим я доверяю. Все, чего я хочу, так это твое непредвзятое мнение. Я должен знать, что происходит вокруг. Однако быть везде одновременно, понятное дело, за пределами моих возможностей. Я бы хотел, чтобы ты мне поведал, что ты видел и делал, пока работал с Фитчем.

В течение следующего часа Джоэл рассказывал ректору, как обстоят дела. Он поведал ему о том, как штудировал переписные книги, что видел на месте похищения Чарльза Кэллоуэя, а также пересказал вкратце любопытные сведения, почерпнутые из исторических книг. Йорк слушал внимательно, и с каждой минутой Джоэл все больше проникался к ректору уважением.

Йорку было не все равно. Его действительно волновали мнение и мысли студента-нерифматиста. К концу своего повествования Джоэл всерьез задумался, стоит ли делиться с ректором подозрениями насчет Нализара. Джоэл с сомнением глянул на Йорка, который с самого начала его рассказа прилежно скрипел пером и все конспектировал.

– Очень хорошо, – сказал Йорк, отрывая взгляд от заметок. – Спасибо, Джоэл. Это я и хотел от тебя услышать.

– Всегда пожалуйста, сэр. Но, знаете... Есть еще кое-что...

– Да?

– Сэр... Думаю, Нализар может быть как-то замешан во всем этом.

– А что, есть повод для подозрений? – подался вперед Йорк.

– Ничего существенного, – отвечал Джоэл. – Совпадения, не более того. Просто каждый раз, когда Нализар попадает на глаза, он делает что-то такое, что непременно бросает на него тень подозрения.

– Например?

Осознав, как все это глупо, Джоэл покраснел. Сидит в кабинете ректора и обвиняет человека, которого Йорк сам же и нанял!

– Я... – Джоэл потупил взор. – Сэр, прошу прощения. Кто я такой, чтобы обвинять Нализара?

– Не надо бояться! Я тоже отношусь к нему с подозрением.

Джоэл вскинулся и уставился на ректора.

– Никак не могу определиться, – пояснил Йорк, – то ли это личная неприязнь, то ли еще что... Нализар проводит тут слишком много времени. Вынюхивает про расследование. Я все гадаю, он действительно пытается вызнать, как далеко мы продвинулись в поимке преступника, или же это просто зависть?

– Зависть?

Ректор Йорк кивнул:

– Не знаю, в курсе ли ты, но Фитч приобретает все большую известность. Газетчики вцепились в имя профессора мертвой хваткой и теперь упоминают его во всех статьях, так или иначе связанных с исчезновениями. Пресса окрестила Фитча не иначе, как «секретным оружием федеральных инспекторов в борьбе с похитителями студентов».

– Ого!.. – воскликнул Джоэл.

– По правде сказать, будь моя воля, я бы ни за что не нанял Нализара. Однако теперь у него бессрочный контракт с академией, и уволить его практически невозможно. И у меня нет совершенно никаких доказательств его причастности к нашему делу, поэтому я спрашиваю еще раз: какой у тебя есть повод для подозрений?

– Что ж, ладно! – решил Джоэл. – Я упоминал странные рифматические символы, помните? Так вот, я видел, как Нализар брал в библиотеке книгу о неизвестных рифматике линиях и способах их применения.

– Что-нибудь еще?

– Этой ночью он куда-то ходил. Я как раз гулял... И этой же ночью похитили Чарльза Кэллоуэя!

– Да, ты прав, – отозвался Йорк, потирая подбородок. – Этого едва ли будет достаточно, чтобы обвинить профессора.

– Ректор, а что вообще Нализар здесь делает? – спросил Джоэл. – Он же герой Небраска и все такое... Зачем ему сдалась эта академия, когда он может сражаться с дикими меллингами?

Несколько секунд Йорк пристально разглядывал Джоэла, но так ничего и не ответил.

– Сэр? – не выдержал тот.

– Я все думаю, следует ли рассказывать тебе подробности? – отозвался ректор. – Если честно, сынок, сведения эти несколько деликатного характера.

– Я умею хранить секреты!

– Не сомневаюсь. Но я несу ответственность за то, что говорю. – Ректор соединил кончики пальцев и постучал ими друг о друга. – Видишь ли, на острове Небраске произошел несчастный случай.

– Что именно произошло?

– Погиб рифматист, – сказал Йорк. – Что бы тут на востоке обыватели ни говорили, смерть на Небраске – серьезное происшествие. Каждый отдельный инцидент рассматривается военным трибуналом с соблюдением всех формальностей. И в случае с нашим новоиспеченным профессором большинством голосов было решено, что Нализара лучше перевести на гражданскую службу – подальше от боевых действий.

– Выходит, он кого-то убил?

– Нет. Но он имел отношение к несчастному случаю, в котором от диких меллингов погиб юный рифматист. Нализара ни в чем не обвинили, и, судя по материалам дела, что мне довелось прочитать, его вины нет. На собеседовании при устройстве на работу Нализар напустился на политиканов. Дескать, нашли крайнего, чтобы не запачкаться и не попортить себе репутацию. Подобное случается довольно часто, и я ему поверил. Собственно, верю и до сих пор.

– Но...

– Да, это подозрительно, – согласился Йорк. – Покажешь, как выглядит этот странный символ?

– Можно мне перо?

Йорк выдал ему перо, листок бумаги, и Джоэл за пару секунд нарисовал символ с четырьмя спиралями, обнаруженный на месте преступления.

– Никто не знает, что это за знак. Но мы провели эксперимент: он оказался рифматическим.

Йорк взял листок, посмотрел и задумчиво потер подбородок.

– Хм... да, интересно. А знаешь, что самое странное? Этот символ мне кажется очень знакомым!

У Джоэла подпрыгнуло сердце.

– В самом деле?..

Йорк кивнул:

– Хотя я могу и ошибаться.

«Интересно, где ректор мог видеть подобный символ? – подумал Джоэл. – Ведь он не изучал рифматику... Что нас объединяет? Только академия и...»

Глаза Джоэла широко распахнулись. Он наконец-то вспомнил, где раньше видел знак.

ПРОЧНОСТЬ ЛИНИЙ

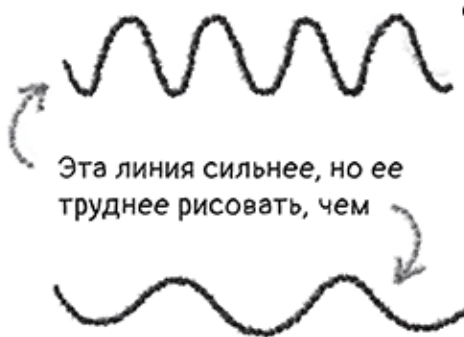
Прочность линии запрета зависит от того, насколько ровно она начерчена, стабильность — от поверхности, на которой линия изображена, а высота невидимого барьера — от ширины линии.

Прочность заградительных линий зависит от того, насколько идеально вычерчена окружность и насколько точно совпадают радиусы кривизны в ее диаметрально противоположных точках. Идеальная окружность будет иметь одинаковый запас прочности в любой из своих дуг, тогда как идеальный эллипс — исключительно в своих вершинах.

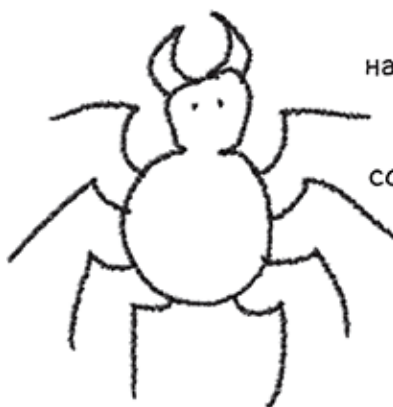

Там, где дуги эллипса имеют значение скругления, наиболее близкое к значению скругления дуг окружности, запас прочности близится к запасу прочности, характерному для окружности, и наоборот.

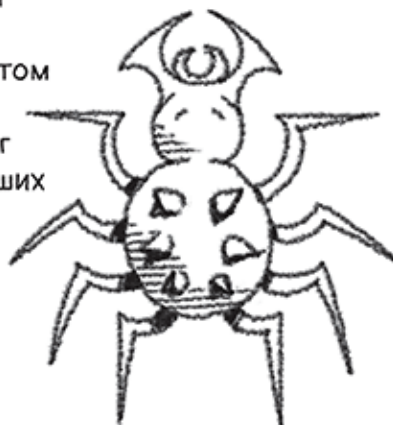

Эта линия сильнее, но ее труднее рисовать, чем

Чем меньше длина волны и чем больше у нее гребней, тем больше урона может причинить линия силы и тем сложнее ее нарисовать.

Сила линий созидания зависит от качества нарисованного рифматистом меллинга. Искусно изображенный меллинг со множеством мельчайших подробностей будет значительно сильнее своего собрата, представленного схематически.

Глава 18

Поспешно попрощавшись с Йорком и Флоренс, Джоэл выскочил на улицу. О своей неожиданной догадке он никому не поведал: прежде ему хотелось убедиться во всем лично.

Джоэл взял курс на общежитие и бодро зашагал по бетонной дорожке. Он был бы и рад побежать, но боялся привлечь внимание.

К его великому сожалению, впереди показалась Мелоди. Похоже, она закончила со своими курьерскими поручениями и теперь возвращалась в канцелярию. Джоэл поморщился и попытался было увильнуть, но она его заметила.

– Джоэл!.. Я тут подумала и решила, что я гений!

– Мне сейчас некогда! – крикнул в ответ Джоэл, но было поздно: девочка во весь опор мчалась к нему.

– Да-да, рассказывай! – воскликнула Мелоди. – Слушай, у меня есть идея, от которой тебе просто крышу сорвет! Разве тебе не интересно узнать?

– Интересно... – отозвался Джоэл, возвращаясь на дорожку. – Но давай поговорим позже.

– Эй!.. – Мелоди резко остановилась. – Ты опять пытаешься меня игнорировать?

– Опять?.. – переспросил Джоэл. – Когда это я тебя игнорировал?

– Ага... Ну да!

– Вспомни-ка первые несколько недель после нашего знакомства! Разве не ты кипятилась, что я тебя преследую?

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – отозвалась Мелоди. – Нет, ты только послушай! Это и в самом деле важно! Кажется, я придумала, как тебе заделаться рифматистом!

Джоэл едва не споткнулся на ровном месте.

– Ха!.. – воскликнула Мелоди. – Я знаю, как привлечь твоё внимание!

– Ты это ляпнула, только чтобы остановить меня?

– Конечно же нет! Джоэл, говорю тебе, я гений!

– Хорошо, давай ты мне расскажешь по пути, – смирился Джоэл и снова зашагал по дорожке. – Мне нужно кое-что проверить.

– Ты сегодня сам не свой, – заметила Мелоди, нагоняя Джоэла.

– Я вдруг кое-что вспомнил, – пояснил Джоэл, приближаясь к семейному общежитию. – Это не давало мне покоя вот уже очень долгое время.

Он взбежал по лестнице на второй этаж. Мелоди не отставала ни на шаг.

– Джоэл, я не люблю, когда со мной так обращаются, – возмутилась она. – Неужели ты не понимаешь?.. Я днями и ночами работала, чтобы отблагодарить тебя за избавление от Хардинга! И теперь, когда наконец-то придумала способ рассчитаться с тобой, ты даже выслушать меня не хочешь! Бежишь от меня, как от чумы! Знаешь, я ведь могу принять это за личное оскорбление!

Джоэл помедлил, вздохнул и повернулся к девочке.

– Мы обнаружили на местах преступления новые рифматические линии. Без них не обошлось ни одного похищения!

– Да ладно!..

– Ага... С тех пор меня не покидало ощущение, будто один символ я где-то уже видел. Я никак не мог припомнить, пока не поговорил с ректором. Мы обсуждали дела, и меня вдруг осенило. Вот я и бегу, чтобы поскорее проверить, верна ли моя догадка.

– Ах вот оно что! – сказала Мелоди. – И как только убедишься во всем, сможешь уделить мне должное внимание? Выслушаешь мою гениальную, великолепную, ошеломительную идею?

– Разумеется! – заверил Джоэл.

– Что ж, тогда ладно, – отозвалась Мелоди, следуя за Джоэлом по коридору.

Джоэл открыл дверь в их с матерью комнатку и подошел к комоду у кровати.

– Ого! – воскликнула Мелоди, заглядывая внутрь. – Ты здесь спишь? Слушай, а ничего так! Уютненько!

Джоэл выдвинул верхний ящик и принялся разгребать завалы безделушек.

– А другие комнаты там? Дальше по коридору?

– Нет других комнат, – отозвался Джоэл.

– О! А где же тогда живет твоя мама?

– Здесь.

– Вы обитаете в этой комнатушке вдвоем? – спросила Мелоди.

– Я сплю ночью, а она – днем. Сегодня ее не будет. Уехала навестить родителей. В кои-то веки у нее выходной.

– Я в шоке... Ваша комната еще меньше, чем моя! А ведь мы постоянно жалуемся, какие они крохотные!

Наконец Джоэл нашел то, что искал.

– Ключ?... – спросила Мелоди.

Джоэл протиснулся мимо подруги и побежал к лестнице.

– А от чего этот ключ? – не унималась Мелоди, поспешая следом.

– Мы не всегда жили в этой каморке, – отозвался Джоэл, минуя пролет первого этажа и спускаясь к запертой двери подвала.

– А где? – сыпала вопросами Мелоди, пока Джоэл возился с замком.

– Мы жили здесь, – оглянулся он на подругу и распахнул дверь в просторное помещение.

Мастерская отца Джоэла наполнилась темными угловатыми силуэтами, а в ноздри бил запах пыли. Джоэл вошел и удивился, как ему все вокруг знакомо. Он не перешагивал порога этой комнаты восемь лет, а рука по привычке потянулась к настенному светильнику. Джоэл завел механизм и провернул снизу шестеренку – светильник зажужжал и вспыхнул.

Глазам предстали запыленные старые верстаки, штабеля известняковых блоков и древняя печь для сушки мелков. Джоэл с благоговением двинулся дальше. От воспоминаний по коже побежали мурашки: они покалывали и обжигали, как если бы на язык попало что-то одновременно кислое и острое.

– Вон там я раньше спал. – Джоэл показал на дальний угол, где стояла небольшая кровать с импровизированным балдахином из двух простыней.

Кровать родителей с точно таким же балдахином располагалась в углу напротив. Эта часть помещения была разделена мебелью – стульями, сундуками и комодами – на две комнаты. Отец все хотел возвести стены, отгородить мастерскую, но так и не сложилось. После его гибели мать перебралась в другую комнату, но места для мебели в ней не нашлось, поэтому все оставили в подвале.

Джоэл слабо улыбнулся, припоминая, как напевал себе под нос отец, когда шлифовал за верстаком мелки. Мастерская занимала большую часть помещения. Котлы, котелки для замешивания, печка, стопки справочников с информацией о составах и консистенциях меловых растворов.

– Ого... – произнесла Мелоди. – Тут царит такое умиротворение!

Шаркая ногами по пыльному полу, Джоэл пересек комнату и увидел на одном из верстаков полосу, выложенную из мелков всех цветов радуги. Он вытащил голубой, потер между пальцами, но кончики остались чистыми: специальное покрытие, разработанное отцом, предохраняло пальцы рифматистов от меловой пыли. Джоэл прошел в дальний угол – противоположный тому, где стояла его кровать. На стенах висели плакаты с формулами твердости мелков. Остальное место на стене вокруг плакатов с формулами занимали эскизы заградительных окружностей – десятки изображений всевозможных рифматических защит, начертанных рукой отца. Около каждой обязательно были пометы, объясняющие, кто и на какой дуэли использовал ту или иную оборону. Здесь же висели приколотые вырезки из газет, освещавших нашумевшие дуэли, а также истории из жизни знаменитых рифматистов.

Джоэл предался воспоминаниям, и в его сознании зазвучал голос отца. Трент любил читать вслух о дуэлях, с упоением рассказывая о самых блестящих выдумках рифматистов. Воспоминание тянуло за собой воспоминание, и они уже готовы были обрушиться лавиной, когда, вдруг кое-что заметив, Джоэл позабыл обо всем на свете. Посреди плакатов с формулами, эскизами защит и газетных вырезок белел большой лист с символом. Тем самым символом с четырьмя

закручивающимися спиралями, который злоумышленник оставлял на месте преступления.

Джоэл медленно выдохнул.

– Что это? – спросила Мелоди, вставая рядом.

– Это он, – ответил Джоэл. – Незвестный рифматике символ.

– погоди, ты хочешь сказать, твой отец – тот самый похититель?..

– Нет! Конечно нет! Но он что-то знал, Мелоди. Занимал деньги, брал отгулы и встречался с рифматистами всех восьми академий. Мой отец над чем-то работал и был чрезвычайно этим увлечен.

– Так вот почему... – произнесла девочка, окидывая взглядом эскизы и газетные вырезки.

– Ты о чем?

– Вот почему ты так интересуешься рифматикой, – отозвалась Мелоди. – Однажды я уже спрашивала, но ты так и не ответил. Все дело в твоём отце!

Джоэл уставился на стену, сплошь завешанную разнообразными схемами и защитами. Отец мог часами рассказывать Джоэлу, какой защитой воспользоваться против той или иной агрессивной стратегии. Когда все остальные отцы гоняли со своими сыновьями в футбол, Трент чертил с Джоэлом заградительные окружности.

– Отец всегда хотел, чтобы я учился в Армедиусе, – сказал Джоэл. – Мечтал, чтобы я оказался рифматистом. Правда, вслух он об этом никогда не заговаривал. Мы постоянно что-нибудь чертили. Думаю, мелками он занимался только для того, чтобы быть поближе к рифматистам.

«И похоже, все было не напрасно! Он открыл нечто удивительное! Новый рифматический символ! – размышлял Джоэл. – Не Фитч и не Налитар, умудренные многолетним опытом, а отец! Простой ремесленник – меловых дел мастер!»

Но что же этот символ значит? Какая функция у этой линии? Так много вопросов, и ни одного ответа! Наверное, отец вел дневник и делал заметки... Надо бы поискать! Эти записи могут пролить свет на события последних дней его жизни. И, кто знает, возможно, с его помощью удастся понять, как этот символ связан с исчезновениями!

«Мой отец их всех сделал! – возликовал на миг Джоэл. – Совершил то, что оказалось не по плечу ни одному рифматисту!»

– Так, ладно! – сказал он вслух. – Что у тебя за важные новости?

– Ой... – отозвалась Мелоди. – Наверное, сейчас не время и не место. После такого-то открытия... Ай, ладно, была не была! В общем, я тут кое-что изучила и...

– Изучила?... – перебил Джоэл. – Ты и учеба совместимы?

– Я умею учиться! – подперев руками бока, воскликнула Мелоди. – И зря ты иронизируешь! Ради тебя, между прочим, старалась!

– Ты изучала меня?... Кто кого еще преследует!

– Дурачок! Я изучала не тебя, а обстоятельства твоей церемонии посвящения, которой так и не случилось. Они обязаны были провести обряд, а ты должен был пройти через палаты инициации!

– Я же говорил тебе, что преподобный Стюарт сказал насчет моей инициации, – отозвался Джоэл. – Что мне ее проходить нет необходимости.

– Он был абсолютно не прав, – вскинула руку Мелоди, пресекая всякие возражения. – Твоя бессмертная душа в опасности! Ты не прошел обряд инициации! Твою церемонию запороли, и нужно восстановить справедливость – пройти ее прямо сейчас!

– Сейчас?... Восемь лет спустя?

– Конечно! – воскликнула Мелоди. – Почему бы и нет? Только надо торопиться – до четвертого июля осталось меньше недели. Если сумеем убедить викария, что ты в опасности и, не ровен час, потеряешь душу, то, глядишь, он и позволит тебе пройти обряд и на этот раз сделает все как должно.

Джоэл задумался на пару секунд, а затем спросил:

– А ты уверена, что мне можно?

– На все сто! – ответила Мелоди. – У меня даже есть библиографическая ссылка, если понадобится!

«И все равно, наверное, уже слишком поздно, – подумал Джоэл. – Хотя и король Грегори прошел обряд отнюдь не в восемь лет...»

– Что ж, идея интересная! – улыбнулся Джоэл.

– Я знала, что ты оценишь. Ну скажи, я ведь гений?

– Ты гений, – подтвердил Джоэл и снова воззрился на странный рифматический рисунок на стене. – Пойдем позовем сюда Фитча. Хочу, чтобы он тоже глянул. С викарием разберемся позже.

– Насколько я могу судить... – произнес Фитч, сидя за верстаком по центру мастерской. – Твой отец был убежден, что рифматика не ограничена четырьмя линиями. Вот, например, взгляните сюда.

Профессор вытянул листок из-под стопки книг и старых бумаг.

Последние несколько часов Джоэл и Мелоди, помогая профессору навести порядок, отсортировали почти всю документацию Трента. Благодаря их стараниям помещение обрело пристойный вид: казалось, мастерская только и ждала, когда же работа над мелкими закипит вновь.

Фитч передал Джоэлу заметно дрожащей рукой листок – с виду какой-то официальный документ.

– Это, – произнес Фитч, – контракт на покровительство.

– Академия Валендара... – прочитал Джоэл. – Это же на Калифорнийском архипелаге? Одна из академий, где тренируют рифматистов?

– Верно, – кивнул Фитч. – И таких контрактов здесь аж четыре штуки. Четыре из восьми академий пообещали вашей семье покровительство на срок до ста лет, если твой отец сможет доказать существование пятой рифматической линии. И Армедиус в их числе.

– Покровительство? – переспросила Мелоди.

– Деньги, дорогая, – ответил Фитч. – Все равно что твоя стипендия, только гораздо больше. С пенсией сразу от четырех академий отец Джоэла мог стать очень состоятельным человеком. Должен признать, Джоэл, я ошеломлен! У твоего отца столь глубокие познания в рифматике! Его записи... это рассуждения серьезного ученого! Думаю, остальные профессора, почитав их, весьма бы удивились. Как же мы недооценивали твоего отца! Надо отдать ему должное!

– И тем не менее кое-кого ему все же удалось убедить, – сказал Джоэл, показывая на контракт о покровительстве.

– Ах да! Ведь и в самом деле удалось! Подобный контракт просто так не заключишь. Вероятно, чтобы представить убедительные доказательства, Тренту пришлось основательно поработать. И он, как я вижу, поработал на славу. Проводил исследования в академиях по всему миру! Ездил в Европу и даже Азию для консультаций с местными учеными и профессорами!

«Благодаря чему и влез в долги по самые уши...» – подумал Джоэл, присаживаясь на табурет рядом с верстаком, который Фитч превратил в письменный стол.

– Но он ведь открыл эту пятую линию, – сказала Мелоди. – Почему же тогда не разбогател?

– Трент не сумел ее оживить, – ответил Фитч, копаясь в стопке бумаг. – Впрочем, мы тоже не смогли. Я скопировал эту замкнутую линию один в один, но результата никакого. Похититель знает нечто, о чем мы даже не догадываемся.

– Выходит, моя находка не имеет никакого значения, – произнес Джоэл. – Отец понимал не больше нашего. Да, он открыл новую рифматическую линию и даже научился ее чертить... Но оживить ее так и не смог!

– Видишь ли... – произнес Фитч, продолжая ворошить бумаги. – Тут есть один важный нюанс. У твоего отца имелась теория, почему символ не работает. Существует даже группа ученых, которые полагают, что рифматические линии функционируют лишь тогда, когда их чертят осознанно. Приверженцы этой идеи вполне справедливо отмечают: если мы пишем мелом буквы или рисуем, то ничего – без особого намерения рифматиста – не оживает. Например, ни одна из прямых линий, коих, например, в алфавите предостаточно, не может вдруг превратить букву в линию запрета. Из этого они делают вывод, что замысел играет в начертании важную роль. Правда, как бы рифматист ни старался, качественные характеристики линий всегда останутся неизменными. Например, начертить более мощную линию запрета при помощи силы мысли невозможно. И в то же время, если рифматист не намеревается чертить линию запрета, то линия останется просто линией.

– То есть вы не смогли заставить этот странный символ работать... – произнес Джоэл.

– ...потому, что не знаю его предназначения, – подхватил Фитч. – Твой отец пытался понять его природу. Верил, что, как только осознает значение этого символа, сможет наделить его силой.

Фитч наконец нашел что-то и выдернул из стопки очередной лист бумаги.

– Боюсь, его не раз поднимали на смех. Гм... смутно припоминаю несколько таких случаев. В конце концов твоему отцу даже удалось

убедить кое-кого из рифматистов попробовать начертить эти линии... Я тогда во всем этом не участвовал. Не придавал большого значения его экспериментам. Именно поэтому я, вероятно, и не припомнил сразу увлечения Трента новыми рифматическими линиями. Прежде чем подопытный рифматист брался за мел, Трент проводил подробный инструктаж. Говорил, что тому представлять, когда чертит. И таких «намерений рифматиста» для своего эксперимента он заготовил немало. Трент основательно подготовился, но ему так и не удалось оживить эти линии. И вот здесь, на этом листке с заметками, он признается самому себе, что потерпел самое крупное поражение в жизни.

Мелоди громко вздохнула. Все это время она, лежа на полу, разглядывала потолок и молча слушала.

«Валяется в белой юбке! – подумал Джоэл. – Должно быть, каждый день приходится застирывать. Постоянно то сидит прямо на земле, то лежит – а то и вовсе по деревьям лазает!»

– Притомилась, дорогая? – спросил Фитч.

– Разве что слегка. Продолжайте... – Мелоди снова вздохнула.

Фитч поднял бровь и посмотрел на Джоэла, который только пожал плечами. Иногда девочке, похоже, было просто жизненно необходимо напоминать окружающим о своем присутствии.

– Как бы там ни было, – произнес Фитч. – Твой отец сделал поразительное открытие!

– Несмотря на то что так и не узнал, для чего этот странный символ?

– Да, – ответил профессор. – Твой отец провел на редкость скрупулезное исследование. Он умудрился собрать и аннотировать множество текстов, где так или иначе упоминались эти неизвестные науке линии или же выдвигались теории насчет их существования. Причем некоторые из этих текстов – весьма и весьма редкие. Трент будто предвидел будущее и знал, что нам все это понадобится для расследования. Его изыскания и записи сэкономят нам месяцы бессонных ночей!

Джоэл понимающе кивнул.

– Не побоюсь признаться... – пробормотал Фитч под себе нос. – Не воспринимать Трента всерьез было великим упущением с нашей стороны. Да, однозначно! Твой отец – непризнанный гений. Как если

бы обнаружилось, что консьерж из общежития – ученый, который практикует продвинутую теорию пружинных механизмов и строит на досуге своего собственного эквиликса!

Джоэл пробежал пальцами по одному из томиков. В памяти воскрес образ отца. Вот он трудится в этой самой мастерской, создает мелки, а мысли его заняты чудесами, что таит рифматика. Джоэл припомнил, как он сиживал на полу и наблюдал за работой отца, который колдовал над верстаком и непрерывно что-то напевал. В ноздри ударил запах сушильни. Одни мелки отец подсушивал в печи, а другие оставлял сохнуть в естественных условиях. Он находился в постоянном поиске и все пытался найти идеальный рецепт мелка – прочного и яркого.

– Ты в порядке? – спросила Мелоди, садясь и откидывая рыжие кудряшки со лба.

– Просто задумался об отце.

Некоторое время она сидела и молча смотрела на Джоэла, а затем сказала:

– Завтра суббота...

– И?

– А послезавтра воскресенье.

– Да ладно?

– Я к тому, чтобы ты не забыл переговорить с викарием, – сказала Мелоди. – Попробуй убедить его. Может, он позволит тебе пройти обряд инициации.

– А в чем дело? – спросил Фитч, отрываясь от книги.

– Джоэл собирается пройти обряд посвящения в рифматисты.

– Разве он не прошел его в восемь лет?

– Да вроде как... – отозвалась Мелоди. – Но они напортачили, и поэтому мы хотим восстановить справедливость.

– Мелоди, вряд ли у нас что-нибудь получится, – поспешно сказал Джоэл. – Мне кажется, сейчас не лучшее время.

– Четвертое июля уже на следующей неделе, – возразила Мелоди. – Если пропустишь, придется ждать еще целый год!

– Ну что ж... – отозвался Джоэл. – Значит, подожду. Сейчас есть проблемы посерьезнее.

– Поверить не могу! – воскликнула Мелоди, откидываясь на спину. – Ты всю жизнь с ума сходишь по рифматике и завидуешь

рифматистам! И теперь, когда появилась возможность стать одним из них, собираешься ее упустить?

– Сомнительная возможность, – заметил Джоэл. – Ведь рифматистом становится один из тысячи!

– Так, Мелоди, обожди-ка! – сказал Фитч, с интересом за ними наблюдая. – Скажи, дорогая, почему ты решила, что Джоэлу позволят пройти обряд снова?

– Потому что в прошлый раз его не пустили в палаты инициации, – пояснила девочка. – Ему даже не предложили... Ну, вы понимаете, о чем я.

– Ах вот оно что, – произнес Фитч. – Понимаю. Думаю, попробовать стоит.

– А мне так не кажется, – отозвался Джоэл.

– Это несправедливо, – сказала Мелоди, разглядывая потолок. – Вы же сами видели, как он хорош в рифматике, а ему не дали ни единого шанса! Я считаю, что он просто обязан попробовать!

– Гм... Что ж, я не специалист в церковных обрядах, но вам придется сильно постараться, убеждая викария в том, что шестнадцатилетнему подростку еще не поздно пройти церемонию инициации.

– Уж мы постараемся, – упрямо ответила Мелоди так, будто мнение Джоэла не имело никакого значения.

Между тем в дверном проеме мастерской возникла чья-то тень. Джоэл обернулся и увидел на лестничной площадке мать.

– О... – только и вымолвил он, когда рассмотрел ее изумленное лицо.

– Миссис Саксон, – поприветствовал ее Фитч, поднимаясь с табурета. – Сегодня ваш сын совершил чудесное открытие!

Мать прошла в комнату. Дорожное голубое платье она сменить еще не успела. Волосы были забраны в хвост.

«Как мама отреагирует на вторжение в мастерскую, которую она, казалось, покинула и закрыла для себя навсегда?» – подумал Джоэл, с трепетом и страхом наблюдая за ней.

– Как давно это было... – улыбнулась мать. – Сколько раз я подумывала спуститься сюда, но всегда себя отговаривала. Боялась, что в мастерской на меня нахлынут воспоминания. Переживала, что боль окажется невыносимой.

Она встретила глазами с Джоэлом.

— Меня и в самом деле захлестнули воспоминания о твоём отце, однако мне ничуть не больно. Думаю... настало время нам с тобой вновь сюда перебраться.

ВИДЫ МЕЛЛИНГОВ

МЕЛЛИНГИ
для ОБОРОНЫ

Линии созидания остаются самыми неизученными из всех рифматических линий. С определенностью можно утверждать лишь одно: чем искусней нарисован меллинг, тем лучше он выполняет команды.

Меллинг-рыцарь, прикрепленный к точке привязки, обычно гораздо полезнее в защите, чем в атаке.

С другой стороны, меллинг с огромными когтями или клыками хорош для нападения, но практически бесполезен в обороне.

Большие бесформенные меллинги могут выдерживать несколько попаданий линий силы, однако скорость их передвижения оставляет желать лучшего.

Меллинги со множеством конечностей передвигаются быстро, но в тот момент, когда нужно прорвать вражескую оборону, начинаются трудности.

Сквозь линии силы они прогрызаются мучительно долго.

МЕЛЛИНГИ для НАПАДЕНИЯ

Меллинги
для поглощения урона

Меллинги
для
стремительных
маневров

Глава 19

Положив руки и голову на спинку скамьи перед собой, Джоэл сидел в просторном зале кафедрального собора и тщетно пытался успокоить лихорадочный ход мыслей.

– И создал Мастер человека из праха земного, вдохнул жизнь, и обрел тот душу, – монотонно вещал преподобный Стюарт. – Но шли годы, и душа человека черствела. И не отличается ныне от праха он, из которого создан был. И теперь как никогда нуждается он в искупительной благодати его, чтобы вернуть свет в свою жизнь – чтобы дать душе расцвести вновь...

Сквозь витражи проливался свет. Каждое окно украшали часы, чей ход неумолимо отсчитывал время. В центре круглого витражного окна переливался сапфировым блеском гигантский циферблат самых великолепных часов Новой Британнии. Даже шестерни и шпиндели их были сработаны из цветного стекла.

Неф собора был заставлен рядами скамей, разделенных проходом по центру. Вдоль стен под куполом располагались статуи двенадцати апостолов, приглядывающих за паствой. Время от времени статуи приходили в движение. Заводные механизмы сообщали им лишь отдаленное подобие жизни. Впрочем, жизнь многих людей теперь была ничем не лучше жизни этих механических фигур.

– Мастер есмь хлеб и вода жизни, – вещал отец Стюарт. – Мастер дает нам пищу для души, дарует ее воскресение...

Все это Джоэл слышал уже много раз. Он давно заметил, что священники склонны повторяться, и весьма часто. Джоэл обнаружил,

что совершенно не следит за проповедью. Впрочем, проявлять должное внимание ему и раньше удавалось с трудом. Странно и даже тревожно было Джоэлу от мысли, что столь важные события последних дней, произошедшие в Армедиусе, так тесно переплелись с его жизнью. Он задавался вопросом: волей судьбы или все-таки волей Мастера, о которой неустанно твердил преподобный Стюарт, он стал тем, кем был сейчас?

Джоэл вновь поднял глаза на окна. Что случится с церковью, если люди отвернутся от рифматистов? Взгляд остановился на нескольких витражах, где был запечатлен король Грегори – монарх в изгнании. Его всегда изображали в окружении рифматических фигур и схем. Каменную кладку собора сплошь изрезывали узоры из пересекающихся окружностей и линий. Неф и трансепт образовывали крест. Боковые нефы смыкались за алтарем в полукруглую галерею таким образом, что деамбулаторий представлял собой девятиточечную рифматическую окружность.

Тогда как апостолы располагались под куполом вдоль стен, Мастер взирал на прихожан с креста над алтарем. В ногах у него застыла скульптура святого да Винчи. Припавший к каменному полу, он был окружен петроглифами окружностей, шестерней и рифматических треугольников. Да Винчи причислили к лику святых монархической церкви даже несмотря на то, что в прошлом он исповедовал христианство. Впрочем, вероятно, именно отречение от веры и послужило поводом для его канонизации.

Даже самые далекие от религии люди знали о прочной связи между монархической церковью и рифматистами. Обрести способности без обряда инициации было попросту невозможно. Правда, оставаться верными церкви и исповедовать веру в дальнейшем рифматистов никто не обязывал. От них требовалось только согласие на инициацию. Обряд считался первым шагом на пути к спасению души.

Мусульмане считали рифматику святотатством. Христиане нехотя, но признавали необходимость обряда инициации, однако гегемония монархической церкви им была отнюдь не по нутру. Чосонцы же не придавали никакого значения религиозной составляющей и после церемонии посвящения продолжали исповедовать буддизм.

Но если бы не было монархической церкви, не существовало бы и рифматистов. И с этим никто даже не спорил. Этот простой факт

превратил монархическую церковь, некогда стоявшую на грани исчезновения, в самую могущественную религиозную организацию в мире. Но будет ли церковь защищать рифматистов, если общество вдруг попытается отвернуться от них?

Мать Джоэла сидела рядом и с благоговением внимала речам проповедника. Вчерашний день они провели в хлопотах, перебираясь в мастерскую. Сам переезд много времени не отнял, поскольку скарба у них почти и не было. Каждый раз, переступая порог мастерской, Джоэл чувствовал на плечах вес тех восьми лет, что теперь отделяли его от Джоэла прежнего. Да и смотреть на мастерскую с высоты роста почти взрослого человека было весьма непривычно.

Вдруг что-то ткнулось Джоэлу в шею. Вздвогнув, он обернулся и с удивлением обнаружил Мелоди на скамье позади – еще совсем недавно она сидела по другую сторону центрального прохода.

– Он почти закончил, – прошептала Мелоди. – Ты спросишь? Или мне это взять на себя?

Джоэл нерешительно пожал плечами.

Не прошло и нескольких секунд, как Мелоди, скользнув по скамье, оказалась подле него.

– Да что с тобой такое?.. – горячо зашептала она. – Я думала, ты хочешь этого больше всего на свете!

– Так и есть... – шепнул в ответ Джоэл.

– Что-то я не слышу энтузиазма! С тех пор, как я озвучила свой гениальный план, ты делаешь все, чтобы потянуть время. Ведешь себя так, будто не хочешь вовсе никакого обряда инициации!

– Я хочу, просто... – Джоэл замолк, не зная, как облечь свои чувства в слова. – Мелоди, это прозвучит глупо, но я боюсь. Я давно смирился с мыслью, что упустил возможность стать рифматистом, понимаешь? А что, если викарий согласится провести обряд еще раз, а я окажусь обыкновенным человеком? Это выбьет почву у меня из-под ног!

До сего дня Джоэл занимался рифматикой, изучал разнообразные схемы и защиты. Он чувствовал себя уверенно и спокойно – шел по стопам отца. Джоэл не был неудачником, никто его не отвергал, он просто жил мыслью, что упустил свою возможность из-за трагически сложившихся обстоятельств. Ну а теперь...

«Что, если этим поступком я разрушу надежды отца, так мечтавшего о сыне-рифматисте? – размышлял Джоэл. – Разве можно меня винить в том, что обстоятельства помешали мне пройти обряд?»

– Ты прав, это глупо, – сказала Мелоди.

– Нет, я пройду обряд, – отозвался Джоэл. – Мне просто... стало дурно.

Логика в его рассуждениях было мало, и Джоэл сам это прекрасно сознавал. Никто и никогда не осудит его за то, что он так и не стал рифматистом. Однако зачастую чувствам наплевать на логику. Джоэл радостно жил с мыслью, что мог бы стать рифматистом, не желая выяснять наверняка.

Настойчивые просьбы Мелоди пройти обряд инициации еще раз пробудили его старые страхи.

Между тем преподобный Стюарт закончил проповедь, и Джоэл склонил голову, чтобы произнести молитву. Он был так занят своими мыслями, что едва ли слышал, о чем говорил священник, но к моменту, когда в стенах собора прозвучало «аминь», окончательно решился действовать. Если шанс стать рифматистом и в самом деле существует, он непременно им воспользуется. Хватит упущенных возможностей!

Джоэл стряхнул нервное оцепенение и встал.

– Джоэл? – встрепелась мать.

– Мам, я на секундочку! Хочу кое-что спросить у священника, – сказал Джоэл и устремился к преподобному.

Мелоди сорвалась следом.

– Я сам спрошу, – сказал ей Джоэл. – Тебе вовсе не обязательно идти со мной.

– Вот и отлично, – отозвалась Мелоди, не сбавляя шага.

Сегодня вместо привычной рифматической формы она надела очаровательное, едва прикрывавшее коленки белое платье.

«Сосредоточься!» – приказал себе Джоэл.

– Не думаю, что это сработает... – заметил он.

– Не будь таким пессимистом! – воскликнула Мелоди, и в ее глазах вспыхнул озорной огонек. – У меня есть парочка идей, как все устроить в лучшем виде!

«Только не это...» – подумал Джоэл.

Спустя несколько мгновений они уже стояли в апсиде перед алтарем и преподобным Стюартом. Он взглянул на них, поправил очки

– на голове покачнулась митра. Как и все облачение викария, она была желтая; ее украшал крест, очерченный девятиточечным кругом.

– Слушаю вас, дети мои, – приветствовал преподобный Стюарт, подаваясь вперед.

Джоэл вдруг осознал, как сильно за эти годы постарел викарий – белая борода его теперь ниспадала почти до пояса.

– Я... – Джоэл замялся. – Преподобный, вы помните мой обряд инициации?

– Хм, дай-ка подумать, – отозвался старик. – Подскажи, сколько тебе уже лет, Джоэл?

– Шестнадцать, – ответил тот. – Дело в том, что во время церемонии посвящения в рифматисты я не проходил обряд инициации и...

– Ах да! Теперь припоминаю, сынок. С твоим отцом произошел несчастный случай. Я ведь сам и проводил твой обряд инициации.

– Верно, преподобный... – отозвался Джоэл, которому не хотелось вот так сразу обвинять пожилого священника в том, что тот когда-то поступил неправильно.

С обеих сторон к алтарю уже выстраивалась очередь. После проповеди всегда находились прихожане, желавшие поговорить со святым отцом. На алтаре в канделябрах горели свечи, их пламя трепетало каждый раз, когда открывались парадные двери собора и тянуло сквозняком. Под высоченными сводами гуляло гулкое эхо шагов. Позади алтаря, в дальней части собора, располагалась палата инициации – сквозная, выложенная из камня комнатка рифматических таинств.

Мелоди пихнула друга локтем в бок.

– Преподобный, – сказал Джоэл. – Не хочу показаться неблагодарным, но я желал бы обсудить мою церемонию посвящения. Я ведь так и не побывал в палатах инициации.

– Помню, помню, дитя, – отозвался викарий. – Понимаю твое беспокойство, однако смею заверить, что за спасение души тебе переживать не стоит. В мире полно мест, где монархическая церковь не так влиятельна, чтобы иметь кафедральный собор с палатами инициации, но люди там живут, и живут ничуть не хуже нашего.

– Но ведь они лишены возможности стать рифматистами, – возразил Джоэл.

– Что ж, правда твоя! – признал преподобный Стюарт.

– Я тоже был лишен возможности стать одним из избранных, – сказал Джоэл. – Стать рифматистом.

– Сынок, шанс как раз таки у тебя был, просто ты не смог им воспользоваться. Дитя мое, многие заикливаются на этом вопросе, но суть в том, что Мастеру все равно, рифматист ты или нет. Рифматистов избирают для того, чтобы те служили обществу, а не пользовались своим положением и способностями ради возвеличивания. Стремиться к подобным вещам – большой грех, на который многие из нас, боюсь, сознательно закрывают глаза.

Джоэл покраснел, а викарий, похоже, счел разговор оконченным. Тепло улыбнувшись, он положил на плечо Джоэла руку, благословил его, а затем повернулся к следующему прихожанину.

– Преподобный, – сказал Джоэл. – Я бы хотел принять участие в обряде инициации, который пройдет на этой неделе.

Вздрогнув, викарий обернулся к Джоэлу:

– Сынок, ты уже слишком взрослый!

– Я...

– Это не имеет совершенно никакого значения, – перебив Джоэла, быстро проговорила Мелоди. – Обряд инициации можно проходить в любом возрасте. Разве вы этого не знали? Если что, об этом упоминается в книге общих молитв.

– Что ж, так-то оно так... – согласился преподобный Стюарт. – Но обычно это касается лишь тех, кто обратился к евангелию Мастера после своего восьмого дня рождения.

– Но ведь это как раз наш Джоэл! – воскликнула Мелоди.

– Он уже проходил церемонию посвящения!

– Но не проходил через палаты инициации! – упрямилась девочка. – А как же тот случай с Роем Стивенсом? Помните? Ему разрешили пройти обряд в девять лет, потому что в восемь он на четвертое июля заболел.

– Так ведь это произошло в Мэйнфорде, – сказал викарий. – Совершенно иная архиепархия! Они там и не такое вытворяют! В общем, я не вижу веских причин для повторного проведения церемонии посвящения Джоэла.

– А дать ему возможность стать рифматистом – разве это недостаточно веская причина? – не унималась Мелоди.

Преподобный Стюарт вздохнул и покачал головой.

– Вижу, ты хорошо подготовилась. Какая речь! – произнес викарий. – Но мало цитировать, нужно еще и понимать! Поверь, я знаю как лучше.

– О, да неужели?.. – воскликнула Мелоди, повышая голос и не позволяя преподобному в очередной раз уйти от разговора. – А почему бы вам тогда не поведать Джоэлу, по какой именно причине ему так и не довелось пройти через палаты инициации восемь лет тому назад? Может, потому, что на северной стене обнаружили протечку и палаты закрыли на ремонт?

– Мелоди... – Джоэл взял все больше распялявшуюся подругу за руку, чтобы успокоить.

– Что, если Мастер хотел, чтобы Джоэл стал рифматистом? – наступала девочка. – Вы об этом хоть задумывались, когда ему отказывали? И все из-за чего? Из-за ремонта собора? Да разве можно так наплевательски относиться к душе человека? К его будущему? Разве это того стоит?

Чем громче голос Мелоди звенел в тихом и торжественном зале, тем больше Джоэл заливался краской. Он попытался было утихомирить подругу, но та и ухом не повела.

– Как по мне, так это сущая трагедия! – громко заявила Мелоди. – Мы должны поощрять тех, кто жаждет служить нашему обществу рифматистом! Неужели монархическая церковь отвернется от нас и встанет на сторону недовольных? Неужели ее священники не поддержат подростка, который жаждет исполнить волю Мастера? Викарий, в самом-то деле, что происходит?

– Ну все! Угомонись, дитя! – преподобный Стюарт схватился за голову. – Хватит с меня твоих криков!

– Так что? Вы позволите Джоэлу пройти обряд инициации? – настойчиво спросила Мелоди.

– Только если это заставит тебя замолчать! – ответил преподобный Стюарт. – Испрошу разрешения у епископа. Даст согласие – значит Джоэл пройдет обряд инициации снова. Довольна?

– Что ж, думаю, пока да! – скрестив руки, сказала Мелоди.

– Тогда ступай, и да благословит тебя Мастер, дитя, – произнес викарий, а затем едва слышно пробубнил: – Сдается мне, демон,

который подослал эту бестию довести меня до адской головной боли, сегодня получит повышение!

Мелоди схватила Джоэла за руку и потащила прочь. Невдалеке в проходе между скамьями стояла удивленная мать.

– О чем вы беседовали? – спросила она.

– Да так, миссис Саксон, ни о чем! – весело отозвалась Мелоди.

Когда мать осталась позади, Джоэл глянул на подругу и спросил:

– Так это и был твоей гениальный план?.. Устроить скандал?

– Скандал – классическая, проверенная временем стратегия, – беззаботно сказала Мелоди. – Особенно если у тебя хорошие легкие, а твой соперник – старый и раздражительный священник. Я хорошо знаю преподобного Стюарта. Он всегда уступает, если как следует пошуметь.

За разговором они вышли из собора. На крыльце стоял Хардинг и совещался о чем-то с офицерами. Над головой по карнизу парадного фронтона рыскала пара заводных гаргулий.

– Преподобный Стюарт сказал, что испросит разрешения у епископа, – заметил Джоэл. – Мне кажется, мы рано радуемся. Это еще не победа.

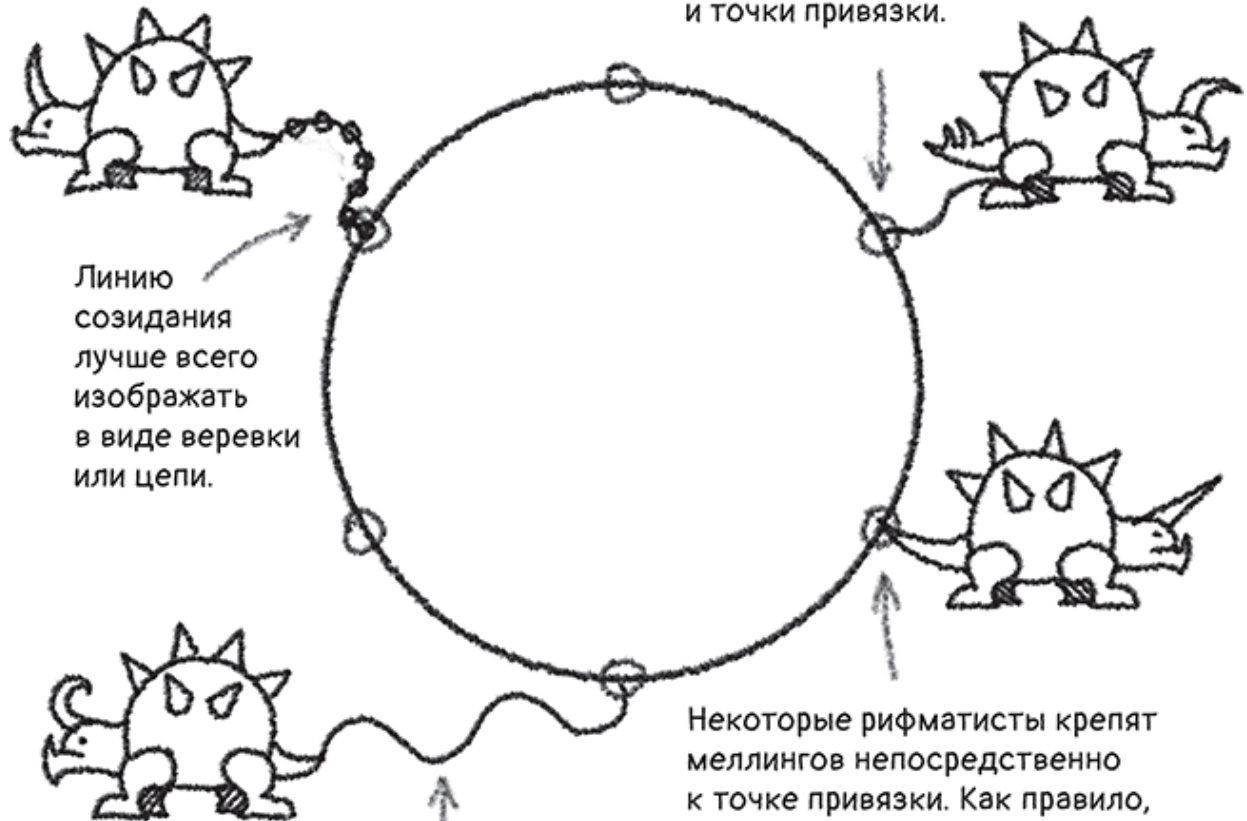
– Это именно победа, вот увидишь, – заверила Мелоди. – Вряд ли он захочет, чтобы я устроила еще одну сцену! Особенно сейчас, когда между гражданскими и рифматистами и без того напряженные отношения! Давай-ка лучше пойдем перекусим чего-нибудь! Праведный гнев разбудил в леди зверский аппетит!

Джоэл вздохнул, но противиться не стал, и Мелоди увлекла его за собой через улицу по направлению к кампусу.

ПРИВЯЗКА МЕЛЛИНГОВ

Для команды «охранять» рифматисты используют простой символ — . Меллинг, запрограммированный охранять, будет активно оборонять периметр вокруг точки привязки от всех существ извне.

Основная идея привязки меллинга заключается в том, чтобы прикрепить существо к заградительной окружности при помощи линии соиздания и точки привязки.

Линию соиздания лучше всего изображать в виде веревки или цепи.

Длинная линия соиздания дает меллингу большую свободу действий, однако вместе с тем существует немалый риск, что существо на что-нибудь отвлечется.

Некоторые рифматисты крепят меллингов непосредственно к точке привязки. Как правило, это плохая идея, поскольку нарисованные существа лишаются подвижности.

Глава 20

«Круг священен, — прочитал Джоэл. — Круг — единственная идеальная геометрическая фигура, олицетворяющая вечность. Круг — символ Мастера и его деяний с тех самых пор, как древний египтянин Ахмес открыл священное число. Средневековые ученые использовали циркуль в качестве инструмента для начертания окружностей. В свою очередь циркуль символизирует созидательную силу Мастера. Изображение циркуля можно найти во многих иллюминированных манускриптах.

Незадолго до того, как первые европейские поселенцы высадились на американские острова, в мировой истории наступил темный период. Авторитет идеальной геометрической фигуры в умах людей был подорван. Оказалось, что наша планета является отнюдь не кругом, а имеет форму неправильного шара. Затем выяснилось, что все планеты движутся по эллиптическим орбитам, и это вызвало еще больше подозрений насчет священности круга.

Однако вскоре была открыта наука, которую называли рифматикой, и все изменилось в корне.

В рифматике над всем доминирует круг. Слова не имеют никакого значения — важны только цифры. Чем совершеннее окружность, тем могущественнее и сам начертатель. С открытием рифматики круг обрел статус божественного по своей сути символа, не поддающегося разумению простого смертного.

Ирония судьбы заключается в том, что открытию божественной науки поспособствовал рукотворный предмет — плод человеческой

изобретательности. Если бы у его величества не оказалось за пазухой новомодных карманных часов мастера Фройдленда, вполне вероятно, он стал бы жертвой диких меллингов, а рифматику так никогда бы и не открыли».

На этом глава заканчивалась. Джоэл сидел в полном одиночестве, откинувшись на стену. Тонкие солнечные лучи проникали через квадратные окна над его головой и медленно плыли по полу пыльной мастерской.

На эту главу Джоэл наткнулся, листая один из древних томиков, найденных в библиотеке отца. Судя по всему, это было одно из первых изданий, представляющее коллекционную ценность и стоившее немалых денег. Содержание же книги основывалось на воспоминаниях некоего господина Адама Мэйкинкса – личного астронома и ученого короля Грегори Третьего, который считался основателем рифматики. Мэйкинксу приписывали открытие и изложение принципов начертания двухточечных, четырехточечных и шеститочечных рифматических заградительных окружностей.

«И почему мать не распродала отцовские книги, чтобы расплатиться с долгами? – задумался Джоэл. – Вероятно, об их ценности она даже не догадывалась...»

В книге выдвигались различные теории Мэйкинкса о существовании прочих рифматических фигур, однако ни одна из предложенных идей не подводила к каким-либо определенным выводам. Тем не менее в заключительной части книги Джоэл нашел для себя кое-что весьма любопытное.

«Если бы у его величества не оказалось за пазухой новомодных карманных часов мастера Фройдленда, вполне вероятно, он стал бы жертвой диких меллингов, а рифматику так никогда бы и не открыли...»

Джоэл нахмурился, перевернул страницу и принялся за следующую главу, однако больше никаких упоминаний о карманных часах так и не нашел.

Как король Грегори открыл рифматику, история умалчивала. Официальная версия церкви гласила, что монарху случилось видение. На иконах король зачастую изображался молящимся на коленях в

круглом пятне света, напоминавшем шеститочечную заградительную окружность. На форзаце книги имелась репродукция подобной иконы, однако здесь пятно света застыло сияющим диском в воздухе пред ликом монарха.

Какое отношение имели ко всему этому карманные часы, оставалось только догадываться.

– Джоэл? – эхом отдаваясь от стен, разнесся по подвальным коридорам девичий голос.

Несколько мгновений спустя в дверной проем мастерской заглянула Мелоди. Она была одета, как и подобает студентке-рифматистке, в блузку и юбку. Плечо оттягивала сумка для учебников.

– Ты все еще здесь торчишь? – требовательно спросила она.

– Тут работы непочатый край...

– Да тут же ничегошеньки не видно – такой мрак! – перебила Мелоди, приближаясь к Джоэлу. – А еще это место навевает грусть.

– Не знаю... – отозвался Джоэл, окидывая мастерскую взглядом. – Я бы сказал, оно меня успокаивает.

– Как бы там ни было, тебе нужен перерыв. Идем!..

– Но...

– Никаких «но»! – Мелоди схватила его за руку, увлекая за собой.

Джоэл послушно поднялся на ноги.

Завтра, в четверг четвертого июля, состоится очередная церемония посвящения в рифматисты. Интересно, позволят ему поучаствовать? Вестей от викария по-прежнему не было.

Молчал и щелкопер. Почти все газетчики сошлись во мнении, что наступившее затишье – результат трудов инспектора Хардинга, который ввел на территории Армедиуса комендантский час. Признали это и самые упрямые из родителей. Один за другим студенты-рифматисты возвращались под протекцию академии.

Джоэл всеобщего облегчения не разделял. Казалось, будто все они под ножом гильотины.

– Давай, идем! – воскликнула Мелоди, буксируя Джоэла из подвального мрака навстречу полуденному свету. – Будешь вести подобный образ жизни, точно скукожишься, как какой-нибудь профессор! Помяни мое слово!

Джоэл потянулся и растер затекшую шею. Очутиться на улице было и в самом деле приятно.

– Прогуляемся до канцелярии, – скомандовала Мелоди. – Проверим, вдруг есть новости от викария.

Джоэл равнодушно пожал плечами, и они двинулись в путь. Деньки становились все жарче. С океана уже вовсю дули муссоны, и Новую Британнию накрыло волной повышенной влажности.

«Как же хорошо выбраться на жару, проведя утро в подвальной мастерской!» – подумал Джоэл.

Когда они шли мимо корпуса гуманитарных наук, взгляд Джоэла задержался на бригаде рабочих, оттиравших от стены гневное послание: «Убирайтесь обратно на Небраск!». Надпись появилась пару дней назад под покровом ночи. Инспектор Хардинг чуть не лопнул от ярости, когда узнал, что кто-то сумел обвести вокруг пальца его патрульных.

«Не удивлюсь, если это дело рук одного из студентов», – подумал Джоэл, размышляя о постоянных прениях между рифматистами и нерифматистами Армедиуса.

– Ты слышал про Вирджинию и Фаддиуса? – заметив гневное послание, поинтересовалась Мелоди.

– Про кого?

– Это рифматисты, на год старше нас с тобой. Пошли вчера прогуляться после церковной службы и наткнулись на каких-то хулиганов. Те начали кидаться в них бутылками, а затем всей толпой бросились за ними вдогонку. Когда услышала – ушам своим не поверила!

– И как они? В порядке?

– Ну да... – отозвалась Мелоди и несколько смутилась. – Они нарисовали меллингов для защиты, и негодяев как ветром сдуло.

– Меллингов? Но ведь...

– Да брось! Они даже не знают, как чертить символ разрывания, – быстро проговорила Мелоди. – А даже если бы и знали, никогда бы им не воспользовались. Ты же в курсе, что натравливать меллингов на людей – большой грех.

– И тем не менее это скверно, – сказал Джоэл. – Поползут слухи.

– А что им было делать? Кинуться в объятия разъяренной толпе?

– Это тоже не выход...

Некоторое время они шагали в неловком молчании.

– Чуть не забыла! – воскликнула Мелоди. – Мне нужно забежать в зал созидания!

– Куда-куда?..

Мелоди уже развернулась на сто восемьдесят градусов.

– Это по пути! – отозвалась она, поправляя сумку на плече и приглашая Джоэла идти следом.

– Пыль меня побери! Это же на другом конце кампуса!

– И что такого? – Мелоди закатила глаза к небу. – Небольшая прогулка тебя не убьет. Давай, шевелись!

Он что-то проворчал, но пошел следом.

– Кстати, знаешь что? – спросила Мелоди.

Джоэл вопросительно поднял бровь.

– Я наконец-то закончила с копированием! И теперь профессор Фитч выдает мне шаблоны для срисовывания!

– Здорово!

Срисовывание рифматических схем с небольших эскизов считалось следующим этапом становления рифматиста. Мелоди должна была овладеть этим навыком еще несколько лет назад, но Джоэл тактично промолчал.

– Ага! – Девочка прищелкнула пальцами. – Дай мне несколько месяцев практики, и рифматика будет у моих ног! Одолею на дуэли любого десятилетку!

Джоэл усмехнулся и поинтересовался:

– А зачем нам в зал созидания, собственно?

Она показала небольшой листок бумаги, сложенный пополам.

– Ну отлично! – воскликнул Джоэл. – Канцелярская доставка!

Мелоди кивнула.

– Погоди-ка!.. – Джоэл нахмурился. – Так вот почему ты вытащила меня из мастерской? Потому что тебе скучно работать одной?

– Разумеется! – радостно сказала Мелоди. – Разве ты не знал, что родился только для того, чтобы меня развлекать?

– Просто отлично! – отозвался Джоэл, глядя на толпы сотрудников академии, непрестанно входивших и выходивших из зала защитных искусств. – Смотри-ка, к турниру «Дуэлянт» как раз готовятся. Пройдет уже в это воскресенье.

– Не могу поверить, что они решили его провести! – скорчила кислую мину Мелоди.

– А почему бы и нет?

– Учитывая последние события...

– Сдается мне, Хардинг внесет свою лепту, и на турнир допустят только студентов да профессоров, – пожал плечами Джоэл. – Кроме того, вряд ли шелкопер осмелится напасть днем, когда вокруг снуют рифматисты!

Поднимаясь на холм к залу созидания, Мелоди что-то пробурчала.

– Ты что-то сказала? – спросил Джоэл.

– Я просто не понимаю, зачем вообще устраивать турнир? Ведь ситуация и без того аховая! – воскликнула девочка. – В чем смысл его проводить?

– Это весело, – отозвался Джоэл. – Студенты получают возможность поучаствовать в настоящих дуэлях, почувствовать себя рифматистами. А ты чего вдруг так распереживалась?

– Каждый профессор должен отправить на турнир по меньшей мере одного студента, – сказала Мелоди.

– И?

– Посчитай, сколько студентов-рифматистов у Фитча!

Джоэл застыл посреди склона как вкопанный.

– погоди... Хочешь сказать, что будешь участвовать в «Дуэлянте»?

– Вернее, унижаться на «Дуэлянте»! Опозорюсь по полной программе! Впрочем, ничего нового... И все-таки я не понимаю, какая необходимость выставлять меня на посмешище?

– Ой, да ладно! Может, ты хорошо выступишь. Ты же так мастерски управляешься с меллингами!

Мелоди смирила Джоэла взглядом:

– Налizar заявил двенадцать студентов! К счастью, больше нельзя! Как думаешь, кого они распылят в первую очередь?

– Так ведь это хорошо! Не придется унижаться! Никому и в голову не придет хаять тебя за то, что ты проиграла толпе рифматистов. Просто наслаждайся дуэлью!

– Но мне ведь будет больно!

– Это веселая традиция!

– Ага! Как сжигание ведьм на кострах! – отозвалась Мелоди. – Эта традиция веселая ровно до тех пор, пока тебя не обвинили в колдовстве и не послали по твоему следу собак!

Джоэл усмехнулся. За разговором он и не заметил, как они добрались до зала созидания. Мелоди потянулась к дверной ручке. Увидав, что это дверь кабинета Нализара, Джоэл остолбенел.

– Тебе сюда?..

– Ага, записка из канцелярии, – поморщилась Мелоди. – Ах да! Чуть не забыла!

Она вытащила из сумки книгу «Истоки силы», которую Джоэл позаимствовал в библиотеке несколько недель тому назад.

– Профессор запросил ту самую книгу, что я брала для тебя. Миссис Торрент связалась со мной, чтобы я передала ее Нализару.

– Он хочет именно эту книгу? – Джоэл не верил своим ушам.

– Ну да... Собственно, именно это я тебе и сказала. Ты оставил ее в кабинете у Фитча, а я нашла. Извини, если что.

– Тебе не за что извиняться, – отозвался Джоэл, который втайне надеялся разобраться с этой мудреной книжкой, когда проштудирует записи отца.

– Я мигом! – бросила Мелоди, открывая дверь и взбегая по лестнице.

Джоэл остался ждать внизу. Видеть Нализара ему не хотелось. И все-таки... зачем ему понадобилась эта книга?

«Наверное, Нализар как-то замешан в деле, – подумал Джоэл, заходя за угол и взглядывая на окна профессора. – Я...»

Поток мыслей резко оборвался, когда он увидел в окне Нализара. Профессор был облачен в бордовый сюртук, застегнутый под самое горло. Взор его блуждал по территории кампуса. Джоэла, казалось, Нализар не замечал.

Затем профессор вдруг резко перевел взгляд на Джоэла и всмотрелся ему в глаза.

В предыдущие их встречи Джоэла коробило от надменности Нализара – едва ли не подростковой наивной заносчивости, однако на этот раз лицо профессора казалось бесстрастным. Сцепив за спиной руки, Нализар, высокий и осанистый, стоял в сумраке комнаты и задумчиво взирал на Джоэла.

Судя по всему, услышав стук в дверь, Нализар развернулся и отошел от окна. Несколько минут спустя Мелоди, навьюченная книгами, уже спускалась по лестнице. Одну стопку книг она прижимала к груди, а вторая оттягивала ее сумку на плече. Джоэл бросился на подмогу.

– Ох... – вырвалось у девочки, когда Джоэл забрал половину книг. – Спасибо! Кстати, вот эта может тебя заинтересовать.

Она вытащила из своей стопки один из верхних томиков и передала его Джоэлу.

«Постулаты о возможности существования неизвестных рифматических линий», – гласил заголовок. Это была та самая книга, которую Нализар взял в библиотеке несколько недель тому назад и которую Джоэл еще совсем недавно хотел у него выкрасть.

– Ты стащила ее?.. – понизив голос, спросил Джоэл.

– Конечно нет! – отозвалась Мелоди, спускаясь с холма и прижимая к груди стопку книг. – Нализар доверил мне вернуть эту и другие книги в библиотеку. Тоже мне, король!.. Нашел гонца!

– Гм... так ведь, по сути, ты гонец и есть, только не королевский!

Мелоди на это фыркнула, и они продолжили спуск.

– Похоже, он много читает, – подметил Джоэл, разглядывая корешки книг. – Да тут все труды по теории рифматики!

– Он же профессор, – сказала Мелоди. – Эй, ты чего там делаешь?

– Смотрю, когда он взял их в библиотеке. – Джоэл на ходу переворачивал книги одну за другой, чтобы взглянуть на библиотечный штамп в карточке на заднем форзаце, и изо всех сил старался не обронить стопку. – Выходит, он прочитал все это за пару недель...

– И что?

– Думаешь, он мог все прочитать за столь короткий срок? – усомнился Джоэл.

– Слушай, вот эту – «Продвинутое отражение линий силы» – он взял только вчера и уже возвращает, – пожала плечами Мелоди. – Должно быть, книга показалась ему неинтересной.

– Либо так, либо он что-то ищет, – отозвался Джоэл. – Бегло пролистывает в надежде обнаружить что-то конкретное. Возможно, пытается открыть еще одну рифматическую линию...

– Еще одну? – переспросила Мелоди. – То есть ты все-таки настаиваешь на его причастности к исчезновениям студентов?

– Я очень мнительный.

– Если за всем этим стоит Нализар, почему же студенты не пропадают прямо из кампуса? Орудовать здесь ему было бы гораздо сподручнее.

– Так он сразу бы навлек на себя подозрения.

– Хорошо, тогда какой у него мотив? – спросила Мелоди.

– Не знаю. Исчезновение сына рыцаря-сенатора поставило всех в тупик: проблема регионального уровня превратилась в кризис национального масштаба. Все эти похищения не имеют никакого смысла, если только злоумышленник с самого начала не намеревался посеять смуту.

Мелоди внимательно посмотрела на Джоэла.

– Думаешь, я перегибаю?

– Ага! Если бы злодей замыслил устроить национальный кризис, то он сразу бы похитил сына рыцаря-сенатора.

Джоэлу ничего не оставалось, как признать, что Мелоди права. Тогда какой же мотив у щелкопера? Это касается только рифматистов? Или преступник намеревался посеять раздор между островами? Если он преследовал цель убивать или похищать студентов, то откуда взялись новые рифматические линии и при чем тут дикие меллинги? Да и дикие ли ни на самом деле? Может, это обыкновенные меллинги, натренированные действовать как дикие? Но для чего? Чтобы сбить полицию с толку?

Наконец Джоэл и Мелоди добрались до библиотеки, вошли внутрь и избавились от книг Нализара. Миссис Торрент смерила их своим фирменным полным недовольства взглядом и переписала «Постулаты о возможности существования неизвестных рифматических линий» на Мелоди.

Когда они покинули библиотеку, девочка отдала книгу Джоэлу, и тот поспешил спрятать ее под мышкой.

– Мы в канцелярию-то пойдем? Вдруг от викария все-таки есть вести...

– Да надо бы... – вздохнула Мелоди.

– Ты чего вдруг раскисла?

– Такой уж у меня характер, – отозвалась она. – Буйный нрав и перепады настроения ему под стать. Тебе не кажется, что так я становлюсь загадочнее и оттого еще интереснее? Как ни отпирайся, но этот прекрасный денек ты мне подпортил. Я так хотела повидаться с Нализаром, но ты со своим турниром сбил мне весь романтический настрой!

– Ты так говоришь, будто я в чем-то виноват! – воскликнул Джоэл.

– Вообще-то, я не собиралась тебя обвинять, но раз уж ты сам поднял эту тему... Будем считать, ты меня убедил! Думаю, тебе нужно передо мной извиниться!

– Еще чего!

– Неужели тебе ни капельки меня не жаль? – спросила Мелоди. – Мне ведь придется выйти на арену и стать посмешищем на глазах у всей академии!

– А может, ты достойно выступишь?

Мелоди уныло взглянула на Джоэла:

– Ты хоть одну нормальную заградительную окружность в моем исполнении видел?

– Но прогресс есть!

– Толку от этого прогресса, когда турнир через три дня!

– Ладно, – сдался Джоэл. – У тебя нет ни единого шанса. Но нельзя чему-то научиться, не набив шишек и синяков.

– Ты разглагольствуешь, как старикан-профессор!

– Эй, полегче! – сказал Джоэл, шагая к зданию администрации. – Твоими словами я возмущен до глубины души! Вообще-то, я с первого года обучения не выхожу из кабинета ректора! Уверяю тебя, я завалил столько экзаменов, что тебе и не снилось!

– Вот уж сомневаюсь, – самодовольно отозвалась Мелоди. – И даже если ты и вправду завалил экзаменов больше, чем я, это ничего не доказывает. Ведь дело не в количестве, а в качестве! С таким позором, с таким треском провалиться на экзамене могу только я!

– Один ноль в твою пользу, – усмехнулся Джоэл. – Так опозориться под силу только тебе, Мелоди!

– Я совсем не это имела в виду!

Между тем они подошли к зданию администрации, которое охраняли полицейские инспектора Хардинга.

– Но нет худа без добра! – сказала Мелоди. – Если ректор Йорк и в самом деле запретит посторонним присутствовать на турнире, мне не придется краснеть перед родителями!

– Погоди-ка, они приедут?

– «Дуэлянта» они ни за что не пропустят. Особенно если участвует их чадо.

– Ты так говоришь, что создается впечатление, будто они тебя ненавидят...

– Нет, это не так. Просто... они серьезные люди, занимаются важными делами и у них мало времени – особенно на дочь, которая никак не может освоить рифматику.

– Да не может быть все так плохо! – воскликнул Джоэл.

Мелоди, вскинув бровь, посмотрела на него:

– У меня два старших брата и сестра. Все трое – рифматисты. Все они как минимум дважды в жизни выигрывали этот турнир. А Уильям так и вовсе побеждал на «Дуэлянте» четыре года подряд, пока не выпустился из академии.

– Ого!.. – воскликнул Джоэл.

– А я меж тем даже окружность начертить не могу ровно! – сокрушалась Мелоди, торопливо снимаясь с места.

Джоэл поспешил нагнать расчувствовавшуюся подругу.

– Нет, они не плохие люди! – сказала Мелоди. – Но, думаю, им удобнее держать меня здесь, подальше от Флоридии, чтобы пореже видеть. Конечно, я могла бы ездить домой на выходные... Впрочем, я так и поступала в первые годы обучения, пока не погиб Уильям. С его смертью дом стал не самым радостным местом.

– Постой, ты сказала, он погиб? – переспросил Джоэл.

– Небраск – опасное место, – пожала плечами девочка.

«Погиб на Небраске? – задумался Джоэл. – А как у Мелоди фамилия?.. Манс!»

Он остолбенел, а Мелоди удивленно оглянулась.

– Твой брат, – произнес Джоэл. – Сколько ему было?

– На три года старше меня.

– Он погиб в прошлом году?

Мелоди кивнула.

– Пыль меня побери! – воскликнул Джоэл. – Я видел его некролог в списках, которые выдал мне Фитч!

– И что?

– А то, что профессор Нализар был причастен к смерти студента-рифматиста в прошлом году. Именно поэтому его и отстранили от участия в боевых действиях на Небраске! Может, эти два события взаимосвязаны? Может...

– Джоэл! – осадила его Мелоди тоном, не терпящим возражений.

Удивленно моргнув, он посмотрел подруге в глаза и за полыхнувшим гневом разглядел страдание.

– Не впутывай в это Уильяма, – произнесла она. – Просто... не надо. Если тебе хочется подозревать Нализара, подозревай на здоровье, только не приплетай сюда моего брата.

– Прости, – сказал Джоэл. – Но что, если... Нализар и в самом деле имеет отношение к гибели твоего брата? Неужели тебе не хочется докопаться до истины?

– Я и так знаю, что он имеет отношение к гибели Уильяма, – ответила Мелоди. – Нализар вывел свой отряд из заградительного круга Небраска прямо к Башне, чтобы спасти моего брата. Но спасти было уже некого. Они даже тело не смогли отыскать.

– Так может, он сам его и убил? – не унимался Джоэл. – Конечно, ему было удобнее сказать, что он его не нашел!

– Джоэл, – вдруг очень тихо проговорила Мелоди. – Мы обсудим это один раз и больше никогда не вернемся к этой теме. Уильям погиб по собственной вине. Он вырвался за заградительные линии, и рой меллингов взял его в окружение. Свидетелей этого происшествия более чем достаточно. Уильям пустился в геройство и многих подверг опасности. Нализар сделал все, что было в его силах, чтобы спасти моего брата. Он рисковал ради него жизнью!

Джоэл колебался. Он помнил, как Мелоди пристрастна к Нализару.

– Мне не нравится, как Нализар обошелся с профессором Фитчем, – признала девочка, – тем не менее он герой. И Небраск он покинул потому, что чувствовал за собой вину. Его мучила совесть, что он не успел спасти Уильяма.

«Что-то в этой истории не сходится!» – подумал Джоэл, но говорить ничего не стал; вместо этого он просто кивнул и извинился.

Мелоди, посчитав вопрос закрытым, кивнула в ответ. Оставшийся путь до администрации академии они прошагали в полной тишине.

«Да разве Нализар смирился бы с поражением? – подумал Джоэл. – Разве честолубивый Нализар покинул бы поле боя из-за смерти своего бойца? Даже если предположить, что он действительно мучился угрызениями совести, то почему жаловался ректору Йорку на происки политиканов?»

Нет, с этим человеком явно не все так просто!

Они прошли в приемную, и Джоэл был приятно удивлен встречей с Хардингом и Фитчем. Инспектор, нависая над конторской стойкой, обсуждал с Флоренс вопрос о поставках провизии и квартировании своих людей в академии, а профессор сидел на стуле для посетителей.

– О, Джоэл! – Фитч поднялся.

– Профессор, вы не меня ищете? – спросил Джоэл.

– Что, прости? Ах, ты об этом! Нет-нет, я жду ректора Йорка, чтобы доложить о наших успехах. Он просит меня являться с отчетом каждые два дня. Как продвигаются дела? Есть новые открытия?

Джоэл покачал головой.

– Я здесь случайно оказался. Помогаю разносить послания по кампусу. – Он прислонился к стене, пропуская Мелоди к новой пачке корреспонденции. – Хотя, знаете, я тут вычитал кое-что занятное!

– Гм?... И что же?

– Вам известен исторический период, когда рифматику только открыли? – спросил Джоэл. – Времена, когда король Грегори был еще жив?

– Джоэл, мне очень хорошо известен этот период, – сказал Фитч. – И знаю я побольше многих! В конце концов, историк я или нет?

– Вы слышали что-нибудь про часы, которые якобы помогли открыть рифматику?

– Ого! – воскликнул Фитч. – Ты говоришь о дневнике Адама Мэйкингса?

– Да, о нем самом.

– Ха! Помяните мое слово, из этого парня получится первоклассный ученый! Отличная работа, сынок! Молодец!.. А что касается часов... Да, ты прав. В ранних источниках и в самом деле частенько упоминаются часы. Правда, ученые до сих пор ломают голову, какую роль во всем этом сыграл хронометр. Говорят, первобытные меллинги реагировали на часы, однако с годами они,

похоже, стали к ним невосприимчивы. Власть шестеренок над меллингами – одна из причин, почему монархические церкви сплошь нашпигованы заводными механизмами!

– В иносказательном смысле, – раздался голос Экстона с другого конца приемной.

Джоэл посмотрел на клерка. Он никак не думал, что конторский служащий слушает их разговор.

– Как-нибудь спроси об этом викария, – предложил Экстон. – Священники трактуют понятие времени весьма занятно. Он тебе расскажет, что время понадобилось человеку, чтобы упорядочить хаос...

– Экстон!.. – засмеялась Флоренс, прерывая беседу с инспектором и поворачиваясь к коллеге. – Я думала, ты слишком занят работой, чтобы празднословить!

– Так и есть, – пробормотал тот в ответ. – Правда, я уже на грани и скоро все брошу. В этом сумасшедшем доме невозможно сосредоточиться! Шляются тут всякие взад-вперед и шумят без конца! Надо задуматься о переносе рабочего времени, чтобы никто не мешал!

– Что ж, получается, не стоит и времени тратить на эту историю с часами, – вздохнул Джоэл, обращаясь к профессору. – Похоже, это ни для кого не новость, а все исторические отсылки изучены вдоль и поперек. Я вообще не уверен, что смогу найти в книгах хоть что-нибудь полезное. И чем больше я читаю, тем больше поражаюсь тому, как мало я знаю о рифматике!

– Порой меня посещают точно такие же мысли, – покивал Фитч.

– Помню, как я сидел и смотрел вашу дуэль с Нализаром, – сказал Джоэл. – Я думал, что знаю все про рифматику! Мне казалось достаточным понимать, какую защиту каждый из вас чертит и почему, а на деле... На деле получается, что рифматика гораздо более многогранная наука, чем представляется на первый взгляд.

Фитч улыбнулся.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Джоэл.

– Ты только что сформулировал основу основ рифматики, – сказал Фитч, привстал на носки и потрепал Джоэла по плечу. – Сынок, ты оказал нам неоценимую помощь в расследовании. Если бы Йорк не отрядил мне тебя в ассистенты, даже и не знаю, что бы мы сейчас делали.

Джоэл невольно улыбнулся. Искренность Фитча его тронула.

– А-ха! – раздался торжествующий возглас.

Джоэл повернулся и увидел Мелоди, сжимавшую конверт. Экстон нахмурился, когда она рванулась к конторке, разделявшей приемную на две зоны – для служащих и для посетителей. Она перегнулась через стойку и затрясла конвертом, протягивая его Джоэлу.

– Письмо от викария! – воскликнула она. – Открывай! Открывай же скорее!

Поколебавшись, Джоэл взял конверт с тисненым заводным распятием. Сломав печать, он перевел дыхание, а затем достал и развернул письмо.

Джоэл, я пересмотрел твое дело, переговорил с епископом Новой Британнии и ректором академии Армедиуса. Посоветовавшись и поразмыслив, мы пришли к выводу, что твоя просьба вполне обоснованна. Если у тебя есть хоть малейший шанс стать рифматистом, отнимать его у тебя мы не вправе. На все воля Мастера!

Приходи в собор в четверг. Ровно в восемь часов утра. Тебе подберут мантию и позволят пройти через палату инициации до начала основной церемонии посвящения. Пригласи мать и всех близких людей, с кем бы тебе хотелось разделить сие знаменательное событие твоей жизни.

Викарий Стюарт

Потрясенный Джоэл наконец оторвал глаза от письма преподобного.

– Ну!.. Что там? – спросила Мелоди, сгорая от любопытства.

– Тут написано, что не все потеряно, – произнес Джоэл, опуская письмо. – Мне дали еще один шанс!

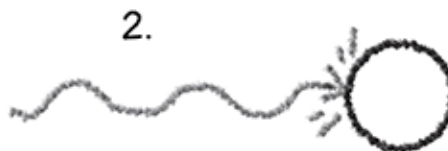
СТАБИЛИЗАЦИЯ ЗАГРАДИТЕЛЬНЫХ ОКРУЖНОСТЕЙ

Линии силы с пологими гребнями волн можно использовать для смещения вражеских оборонительных конструкций.

(Сдвинуть линию запрета невозможно, а вот меллинга или заградительную окружность — вполне.)

Об этом важно помнить, чтобы стабилизировать свою заградительную окружность при помощи хорд запрета и точек привязки. Чем больше линий запрета использует рифматист, тем более устойчивой получается его оборонительная конструкция. Однако не следует и слишком усердствовать, поскольку можно случайно запереть себя внутри своей же собственной окружности!

Толковые рифматисты подмечают изъяны в обороне соперника и намеренно атакуют только те секторы конструкции, что выглядят дестабилизированными.

Важно знать: линия силы при столкновении с препятствием мгновенно теряет свой импульс. Однако сдвиг конструкции противника даже на несколько сантиметров может сыграть решающую роль в исходе поединка.

Большинство рифматистов стабилизирует свою заградительную окружность при помощи двух хорд запрета и четырех точек привязки.

Это обусловлено тем, что одной линии запрета и двух точек привязки недостаточно, поскольку окружность все равно остается подвижной. Примечание: существуют и другие способы стабилизации заградительных окружностей.

Глава 21

Позже той ночью Джоэл неподвижно лежал в постели и пытался разобраться в своих чувствах. На стене мастерской тикали часы. Смотреть на них Джоэл не решался: проверять, который час, не хотелось. Он знал, что уже поздно и давно пора бы спать, но сон не шел. Ночь перед инициацией! Один из тысячи – вот какие у него шансы стать рифматистом. Надеяться на везение было до смешного глупо. И тем не менее Джоэл нервничал и потому не мог сомкнуть глаз. Он обязательно воспользуется этой возможностью. Это реальный шанс, который полагается ему по праву рождения.

Как изменится их с матерью жизнь, если он окажется избранным? Жалованье рифматиста он начнет получать только после нескольких лет выслуги на Небраске, поэтому матери, вероятно, придется и дальше работать. А он отправится на Небраск. Небраск... Что в самом деле творится на этом таинственном острове? Оставалось только догадываться. Однако в одном сомневаться не приходилось: если он избранный, встреча с дикими меллингами неизбежна. Он встанет плечом к плечу с рифматистами, чтобы поддерживать целостность гигантской – тысячи метров в диаметре – заградительной окружности, в которой заточена Башня и ее меловые твари.

Если верить слухам, на острове творилось много всякой чертовщины, не поддающейся объяснению. Став рифматистом, он непременно столкнется с темными силами Небраска. Придется нелегко. После инициации на обучение и тренировку останется лишь год.

Обычно студентов натаскивали по восемь, а то и девять лет, прежде чем отправлять на остров, однако его случай отнюдь не обычный.

«Вероятно, поэтому обряд инициации проводят в столь раннем возрасте, – вдруг осознал Джоэл. – А тех, кто постарше, не жалуют, потому что наставлять и тренировать их гораздо трудней, чем детей».

На последнем году обучения студентов отправляли на остров Небраск. Там они служили десять лет, а затем получали увольнение. Одни устраивались работать на станции, обслуживающие пружинные батареи, а другие, со слов Мелоди, оставались на Небраске. Оставались не ради денег, но ради брошенного им вызова – ради борьбы и сражений. Ждет ли его такое будущее?

«Все это вилами на воде писано, – подумал Джоэл, перекатываясь с боку на бок и заставляя себя сомкнуть глаза. – Может, мне не суждено стать избранным? Зачем Мастеру нетренированный рифматист, упустивший свое время?»

И все же шанс у него был. В течение следующего получаса мысли о грядущем обряде инициации не давали ему покоя и мешали уснуть.

В конце концов Джоэл приподнялся на локте, дотянулся до светильника рядом с кроватью, повернул сбоку ключ и принялся наблюдать, как за стеклом вращаются крохотные роторы. От трения нити накаливания нагрелись и стали излучать оранжевый свет. Попадая на отражатели, рассеянный свет концентрировался и вырывался пучком через верх лампы.

Джоэл перегнулся через край кровати, перебрал на полу стопку книг и остановился на «Истории пленения и спасения миссис Мэри Роулендсон». Это был дневник одной из первых поселенок американских островов – сохранившийся до наших дней литературный памятник. Книга описывала те времена, когда дикие меллинги совершали лишь спорадические набеги и не преследовали цели уничтожать все живое.

«Сие повествование о пленении и счастливом избавлении миссис Мэри Роулендсон обязано своим появлением на свет исключительно благодати Мастера нашего всемогущего и милости явленных им чудес. Издание второе, исправленное и дополненное. Сей труд, записанный собственной рукой миссис Роулендсон для личного

пользования, публикуется по истовому настоянию ее близких друзей и родственников.

В день десятого февраля на шестнадцатый год после нашей высадки на Ланкастер случилось нашествие диких меллингов. Услышав плеск, мы выглянули наружу, и глазам нашим предстал бушующий пожар. Пламенело несколько домов, дым столбом подымался в ясные небеса. По земле же стелились меловые твари, уворачиваясь от воды, что плескали из ведер братья наши».

Раньше о кислоте, которая уничтожала меллингов на раз, и знать не знали. Пока не открыли состав кислоты, с меловыми тварями боролись при помощи воды. Вода хоть и размывала мел, однако неэффективно.

«В доме мы нашли пять обглоданных трупов. Три из них принадлежали семейству: с отца, матери и грудного ребенка содрали кожу, а затем выгрызли им глаза. Двух других бедняг, спасавшихся бегством, меллинги настигли за порогом. По случаю нападению подверглась еще пара солдат, оказавшихся вне стен своего гарнизона. Первого меловые твари освежевали, а второй сумел унести ноги раненым.

Еще один житель погиб из-за излишней самонадеянности. Заметив у своего амбара меллингов, он попробовал улизнуть из дома незамеченным, однако вскоре был настигнут. Твари набросились на лодыжки несчастного и впивались в плоть до тех пор, пока тот с истошным воплем не повалился наземь. Затем рой окружил и поглотил свою жертву. Вскоре обнаружилось еще трое убитых из того же гарнизона. Взбираясь на стены домов, дикие меллинги нападали со всех сторон, опрокидывали масляные лампы и учиняли пожары. Так, сея хаос и разрушение, смертоносные существа продвигались вперед...»

Лежа в окутывающей тишине своей комнаты, Джоэл невольно поежился. Столь сухое, основанное на фактах повествование пугало, но в то же время и странным образом захватывало.

«Как бы я повел себя на месте колонистов, в жизни не знавших дикого меллинга? Как бы я отреагировал, если бы оживший меловой рисунок, взобравшись по стене в окно или проскользнув под дверь, стал на моих глазах беспощадно убивать все живое и обглаживать тела до костей?» – задумался Джоэл, вслушиваясь в тишину мастерской, которую нарушало лишь тихое жужжание светильника.

«В конце концов твари осадили и наш дом. Более скорбного дня мои глаза в жизни не видывали. Вмиг мы оказались на грани. Проскользнув под дверь, меллинги зараз съели сначала одного, затем второго, а потом и третьего.

Настал воистину страшный час. О подобных ужасах мне доводилось слышать от ветеранов войн и ранее, однако узреть все это воочию – совершенно другое дело. Дом объял пожар, и над нашими головами заплясало пламя. Некоторые, отчаянно цепляясь за жизнь, пытались отбиваться, но многие уже проиграли битву и теперь лежали в луже собственной крови. Отовсюду слышался плач. Матери с детьми на руках стонали, непрерывно причитая „Мастер, помоги!..“

Схватив своих детей и малютку сестры в охапку, я ринулась к выходу, но, стоило нам перешагнуть порог, как с

близлежащего холма навстречу устремилась лавина меллингов.

На мужа моей сестры набросились со спины. Он был ранен еще при защите дома – у него кровоточили ноги. С пронзительным криком он повалился наземь и расплескал ведро. Окружив его, дикие меллинги безмолвно задержались, будто в издевательской пляске. И хотя многие из этих существ были нарисованы по образу и подобию человека, ничего человеческого в схематичных меловых штришках не наблюдалось. По своей сути это были самые настоящие демоны из глубинных недр.

Твари нас окружили. Я застыла в ужасе. Безжалостные существа истребили семью на моих глазах. Выжившие, стоя по щиколотку в крови, ошарашенно взирали на происходящее. Я бросилась за ведром, но оно оказалось пустым, а меллинги тем временем забрали моих детей. В тот же миг меня продрал мороз по ногам, а затем сознание пронзила боль.

Во мраке, в отсветах пожара, охватившего наш дом, я узрела едва различимую фигуру. Казалось, она была соткана из клокочущей тьмы. Точно нарисованный углем, силуэт поглощал весь свет и выделялся черным пятном в тени нашего дома.

Нечто взидало на нас из своей непроглядной и жуткой черноты. Нечто из глубинных недр. Существо зыбилось и

подрагивало, словно пламя, нарисованное углем, и молча наблюдало за нашими мучениями...»

Снаружи раздался треск. Подскочив в постели, Джоэл разглядел через узкое окно, расположенное под потолком комнаты, удаляющуюся по лужайке тень.

«Вандалы!» – вскинулся Джоэл, припоминая недавно оскверненный корпус гуманитарных наук.

Спрыгнув с кровати, он рванулся к выходу, на ходу накидывая пальто. Не прошло и нескольких секунд, как он взбежал по лестнице и оказался за дверьми общежития. Обогнув угол, Джоэл воззрился на стену над окном комнаты, чтобы посмотреть, что антирифматисты учинили на этот раз, но, к своему удивлению, ничего не увидел – стена была чиста. Неужели показалось?

И вдруг он все-таки кое-что заметил. Символ о четырех спиралях! На кирпичной стене белел начертанный мелом знак похитителя. Замкнутая рифматическая линия, значение которой до сих пор оставалось неведомо.

Ночная тишина казалась до странности непроницаемой.

«О нет...» – пронеслось в голове Джоэла, и холодок пробежал по его спине.

Он отпрянул от стены и открыл рот, чтобы позвать на помощь, но крик вышел неестественно тихим. Неведомая сила буквально вырвала только народившийся в горле звук, а странный символ на стене поглотил его без остатка.

«Жертвы похитителя... – осенило Джоэла. – Так вот почему никто не слышал, как они зовут на помощь! За исключением прислуги в доме рыцаря-сенатора, где символ на стене коридора был нарисован слишком небрежно».

Получается, рифматический символ служил похитителю «глушилкой»!

Джоэл попятился. Нужно разыскать полицейских и поднять тревогу. Щелкопер прокрался в общежитие Армедиуса, чтобы... Но ведь это обыкновенное общежитие! Рифматисты здесь не живут! За кем же тогда пришел похититель?

Несколько подрагивающих меловых существ соскользнули с крыши на стену и устремились вниз.

«Щелкопер пришел по мою душу!» – ужаснулся Джоэл и закричал.

Но звук, не успев родиться, тут же умер. Джоэл рванулся через лужайку прочь от общежития.

«Этого быть не может! Я ведь не рифматист! Щелкопер охотится только на рифматистов!..»

Он мчался, как обезумевший; взывал о помощи, но с языка срывался лишь сиплый шепот. Оглянувшись, он увидел небольшую волну меллингов, набегающую следом на лужайку. Их было всего, наверное, с десяток. Гораздо меньше, чем при нападениях на других студентов. Но, с другой стороны, одно дело похитить Джоэла, и совершенно другое – рифматиста!

Сердце гулко билось. Тело бил озноб. Поддавшись панике, Джоэл вновь завопил, но не услышал ни звука.

«Думай, Джоэл, думай!.. – приказал он себе. – Только не паникуй! Или умрешь!»

На ум пришла мысль, что глушащий звуки символ вряд ли имеет большой радиус действия. Если бы дела обстояли иначе, то наверняка нашлись бы люди, готовые засвидетельствовать полиции внезапную немоту невдалеке от мест похищения рифматистов.

И тем не менее кричать Джоэл по-прежнему не мог, а это означало только одно...

«Щелкопер нарисовал несколько таких символов! В ряд, на равном удалении друг от друга! – осенило Джоэла. – А это значит, похититель заранее угадал, куда я побегу!»

Джоэл резко остановился и начал дико озираться. Темно-зеленую лужайку освещало несколько призрачно-тусклых фонарей. Но даже в этом мутном свете он различил белую линию, начертанную на бетонной дорожке впереди. Линия запрета...

Джоэл крутанулся на пятках и глянул на меллингов, намеревавшихся прижать его к линии.

«Щелкопер стремится загнать меня в угол! – осознал Джоэл. – Пытается поймать в ловушку! Вероятно, он и по флангам оставил несколько линий запрета!»

Мысль, что похититель начертил линии прямо на земле, казалась невероятной, но Джоэл знал, что это вполне осуществимо.

«Если меня прижмут к одной из линий запрета... – подумал Джоэл. – Мне кранты!»

От всех этих открытий он буквально остолбенел. Волна меллингов надвигалась, и теперь Джоэл видел собственными глазами то, что описывал в послании Чарльз. Существа отличались от меллингов, каких все привыкли видеть на дуэлях рифматистов. Контуры их содрогались, точно на них воздействовали невидимые магнетические волны. Тела и конечности то и дело прихотливо сливались в одно целое – точно безумный художник, так и не определившись, что хочет изобразить, спроецировал в реальный мир все неосмысленные чудовищные образы, которые таились в закоулках его больного подсознания.

«Беги!..» – услышал Джоэл свой внутренний голос.

Глубоко вдохнув, он что есть духу помчался напрямик на меловых тварей. Приблизившись, он скакнул вперед, перемахнул через волну меллингов, грянулся оземь и уже в следующую секунду побежал во все лопатки подальше от ловушки из линий запрета.

«Нужно что-то придумать, да поскорее! – лихорадочно соображал Джоэл. – В общежитии прятаться нет смысла, ведь меллинги проскользнут под любую дверь... Полицейские! У них есть кислота!»

Джоэл припомнил, где Хардинг выставил караульных, и что есть мочи понесся в рифматическую часть кампуса.

Вскоре его дыхание сбилось. Вечно убегать от неугоминых меллингов ему было не под силу. Впереди забрезжили огни. Узнав здание администрации, Джоэл испустил истошный вопль.

– Помогите!..

К счастью, он вновь обрел голос – значит, вырвался из западни. Крикнуть во все горло, однако, не вышло. И дело было отнюдь не в глушащих символах: он просто слишком долго бежал без передышки.

Парадная дверь администрации распахнулась, и на пороге возник Экстон в своей привычной жилетке и галстук-бабочке.

– Джоэл? – окликнул его Экстон. – Что стряслось?

Взмокший Джоэл отчаянно замотал головой. Осмелившись оглянуться, он увидел скользящих по траве меллингов – их разделяло всего несколько метров!

– Святые небеса! – воскликнул Экстон.

Джоэл вновь рванулся вперед, но споткнулся, вскрикнул и упал – да так, что дух вышибло. Оцепенев, он весь съежился. Ожидая

развязки, Джоэл готовился изведать боль и холод, про которые совсем недавно читал в дневнике Роулендсон, однако ничего не происходило.

– Помогите! Полиция! Кто-нибудь!.. – вопил Экстон.

Джоэл недоуменно поднял голову. Почему он до сих пор жив? Лужайку освещала лишь лампа, горящая в окне приемной. Меллинги, подрагивая всем своим существом, окружили его, но нападать не решались. Из этого вихрящегося водоворота то и дело проглядывали ищущие глаза, лица и морды, руки и лапы, когти и клыки... Но надвигаться меловые твари более не надвигались.

Приподнявшись на руках, Джоэл заметил на земле золотой доллар, подаренный Мелоди. Монета выпала из кармана и теперь посверкивала в траве. Тихонько пощелкивающие шестеренки отпугивали меллингов. Несколько тварей попыталось приблизиться, но тут же прыгнуло назад.

Вдруг раздался всплеск, и одного из меллингов смыло водой.

– Поторопись! – воскликнул Экстон, осторожно приближаясь к Джоэлу с опустевшим ведром и протягивая ему руку.

Джоэл поднялся на ноги, схватил монету и выскочил из окружения через брешь, появившуюся в рядах меллингов благодаря стараниям Экстона. Между тем клерк спешил укрыться в здании администрации.

– Экстон! – крикнул Джоэл, забегая в приемную. – Нам надо бежать! Здесь их не остановить!

Экстон, не обращая внимания на Джоэла, захлопнул дверь, припал на колени, вытащил мелок, начертил линию перед порогом, обрисовал по стене дверную коробку и отступил назад.

Проникнуть внутрь меллинги не смогли. И хотя разглядеть что-либо под дверью не представлялось возможным, Джоэл живо представил себе, как твари уже взяли за линию клерка. Экстон, не теряя времени даром, очертил их линиями запрета.

– Экстон, так ты рифматист? – спросил Джоэл.

– Скорее неудачник, чем рифматист, – признался Экстон, отряхивая руки. – Сто лет не брался за мелок и думал, столько же еще не возьмусь, но с этими проблемами в академии...

Между тем меллинги поползли по стенам и окнам, выискивая лазейку, чтобы забраться внутрь. В приемной царил полумрак: одиноко пощелкивающий светильник давал не так уж много света.

– Что происходит? – спросил Экстон. – Почему они тебя преследуют?

– Сам не знаю... – отозвался Джоэл, выискивая в линиях запрета изъяны.

Мастерство Экстона оставляло желать лучшего: долго им с такой защитой против меллингов не выстоять.

– Кислота еще есть?

Экстон кивнул на второе ведро невядалеке, которое он догадался не оставлять за границами их квадрата запрета. Джоэл уже схватился за ведро, но клерк его остановил.

– Это последнее, – предупредил он, заламывая руки. – Хардинг оставил нам всего два ведра.

Джоэл глянул на линию у порога. Теперь сомневаться, что меллинги взялись за работу, не приходилось. Вытащив монетку, он невольно задумался – и почему она остановила их?

– Экстон... – сказал Джоэл, изо всех сил стараясь, чтобы голос его не дрожал от ужаса. – Мы должны добежать до ворот. У полицейских достаточно кислоты, чтобы отбиться от этих тварей.

– Добежать? Я... Я не смогу! Мне ни за что в жизни не убежать от меллингов!

Экстон был прав. С таким весом, как у него, далеко он не убежит. Джоэл почувствовал, как у него дрожат руки, и сжал пальцы в кулаки. Он встал на колени и пригяделся к меллингам за линией запрета. Твари прогрызали ее с пугающей скоростью.

Джоэл бросил монетку, и меллинги в страхе отпрянули, однако уже в следующее мгновение подползли обратно и снова принялись за работу.

«Проклятье! – подумал Джоэл. – Похоже, остановить меллингов монетка не может. Только отпугнуть, и то ненадолго! А это значит, что у нас с Экстоном неприятности. Причем серьезные».

– Черти еще один квадрат запрета, – скомандовал Джоэл Экстону, отиравшему платком со лба пот.

– Что?

– Черти как можно больше линий запрета. И смотри, чтобы соприкасались они друг с другом только в углах, – сказал Джоэл и повернулся к двери. – Жди здесь, я вернусь с подмогой.

– Джоэл, там повсюду эти...

Оконное стекло вдруг треснуло, и Экстон от неожиданности подпрыгнул на месте. Глянув в окно, он увидел пару меллингов.

Порождая чудовищные звуки, твари скребли стекло и делали это не без успеха – трещина росла на глазах.

– Они почти прорвались!..

Джоэл перевел дыхание.

– Послушай, я не собираюсь повторять ошибок Германа и Чарли. Я не буду сидеть и смотреть, как меллинги разрушают нашу защиту. Думаю, до ворот я добежать сумею. Тут не так и далеко...

– Джоэл, я...

– Черти линии запрета!.. – в сердцах закричал Джоэл.

Экстон помялся, но затем встал на колени и принялся очерчивать себя квадратами. Джоэл подобрал монетку, схватился за ведро и выплеснул почти всю кислоту на порог: от меллингов и линии запрета не осталось и следа. Распахнув дверь, Джоэл без оглядки бросился к воротам академии.

Испытывать судьбу и бежать дистанцию с ведром кислоты в планы Джоэла не входило, поэтому, оказавшись за порогом, он откинул ведро в сторону, сжал монету в кулаке и принялся усердно работать ногами.

«Что со мной будет, если у ворот никого не окажется? Вдруг щелкопер убил полицейских? Или, скажем, сделал отвлекающий маневр?»

«Тогда ты умрешь, – отвечал Джоэлу внутренний голос. – С тебя сдерут кожу и выколуют глаза. Точно так, как тем несчастным колонистам из книги Мэри Роулендсон».

«Ну уж нет! – решительно воскликнул Джоэл. – Если уж эта миссис пережила нашествие меллингов и написала книгу, то я переживу и подавно! И тоже напишу книгу!»

С диким воплем он устремился через окутанную ночью тьмой лужайку к видневшимся впереди огням, на фоне которых вырисовывались темные человеческие силуэты.

– Стоять!.. – вскричал один из офицеров.

– Меллинги! – завопил Джоэл, не сбавляя ходу. – Меня преследуют меллинги!

Полицейские как по команде разбежались в разные стороны и похватили ведра. Как же Джоэл был благодарен Хардингу за то, что тот так вымуштровал подчиненных! Никаких вопросов, ни секунды промедления! Только хладнокровная решимость!

Когда он добежал до караульных, те уже выстроили заградительную линию из ведер с кислотой. Задыхаясь и изнемогая, Джоэл промчался мимо и бухнулся на колени – сердце буквально выпрыгивало из груди.

Опершись рукой о землю, он оглянулся и с трудом различил на границе света и тени четырех преследовавших его меллингов – более чем достаточно, чтобы разорвать его в клочья.

– Мастер милостивый... – прошептал один из офицеров. – Почему они не нападают?

– Ждем, – скомандовал другой полицейский, держа ведро наизготовку.

– Может, нанесем упреждающий удар?

– Ждем, я сказал!

Меллинги попятились и через миг растворились в ночи.

Хрипло выдохнув, Джоэл бессильно повалился на спину.

– Еще один человек в опасности... – произнес он, тяжело переводя дыхание. – В здании администрации... Меллинги окружили его. Помогите!..

Полицейский, отдававший команды, жестом отправил четырех офицеров в сторону здания администрации, затем снял с плеча винтовку, вскинул вверх и надавил на спусковой крючок – пружины с громким щелчком разжались, и пуля прошила воздух.

Джоэл между тем лежал на земле в холодном поту и дрожал всем телом. Офицеры нервно сжимали ручки ведер и вглядывались в ночь, ожидая появления Хардинга. Наконец на востоке, верхом на заводном скакуне, показался инспектор с винтовкой наперевес.

– Меллинги, сэр! – крикнул полицейский. – Окружили здание администрации!

Выругавшись, инспектор скомандовал:

– Отрядить трех бойцов и предупредить патрули, приставленные к казармам рифматистов!

Хардинг развернул скакуна и галопом поскакал к зданию администрации. На ходу перекинув винтовку через плечо, он вооружился бурдюком – вероятно, с кислотой.

Тем временем Джоэл лежал и пытался осмыслить, что с ним произошло.

«А ведь меня чуть не убили!» – осознал он.

Два часа спустя Джоэл сидел в кабинете Фитча с кружкой горячего какао. Мать со слезами на глазах обнимала его и при каждом удобном случае выговаривала Хардингу за то, что тот позаботился лишь о рифматистах. Профессор же, потрясенный услышанным, тупо взирал перед собой. С Экстоном, похоже, все было в порядке, правда после всего пережитого ему пришлось задержаться в здании администрации, чтобы дать показания. Хардинг в сторонке о чем-то беседовал с двумя полицейскими. В узкий, похожий на коридор, кабинет профессора набилось столько народу, что яблоку негде было упасть.

Джоэл, к своему стыду, никак не мог унять дрожь. Каждый раз, когда он вспоминал, что чуть не погиб, его начинало потряхивать.

– Джоэл, сынок, ты уверен, что хорошо себя чувствуешь? – участливо спросил Фитч.

Джоэл покивал и отпил глоток какао.

– Прости меня, Джоэл! Я плохая мать! – воскликнула миссис Саксон. – Видит Мастер, не должна была я оставлять тебя одного по ночам!

– Ты так говоришь, будто это твоя вина... – тихо произнес Джоэл.

– Но я ведь...

– Нет, мам, ты не права, – возразил Джоэл. – Если бы ты осталась этой ночью дома, то, вероятнее всего, была бы сейчас мертва. Тебе очень повезло, что выдалась ночная смена.

Встревоженная миссис Саксон, не зная, что и сказать, села обратно на стул подле сына.

Между тем Хардинг отпустил двух полицейских и подошел к Джоэлу.

– Рядовой, спешу сообщить, что мы нашли, вероятно, все рифматические символы, о которых ты рассказал! На стене за окном твоей комнаты мы насчитали аж пять штук! И еще четыре вдоль лужайки. Кстати, знаки привели нас к ловушке из линий запрета. Окажись ты менее сообразительным, наверняка попался бы в западню.

Джоэл покивал, а мать снова разрыдалась.

– Я ввел в кампусе чрезвычайное положение, – доложил Хардинг. – Ты молодец, Джоэл! Настоящий солдат! Сметливый, храбрый и ловкий! Сказать, что я впечатлен, значит ничего не сказать!

– Я едва не обмочился со страху, – шепотом признался Джоэл.

– Ерунда! – усмехнулся Хардинг. – Я знавал солдат вдвое старше тебя, которые при первой встрече с диким меллингом замирали в бою как вкопанные и ничего не могли с собой поделать. Ты справился на зависть многим. И может быть, даже раскрыл это дело.

– О чем это вы? – Джоэл удивленно взглянул на инспектора.

– Сейчас об этом распространяться не могу, – сказал Хардинг, предупредительно вскидывая руку. – Но, если мои подозрения подтвердятся, утром мы кое-кого арестуем. А теперь тебе лучше поспать!

Инспектор с мгновение поколебался, а затем прибавил:

– Сынок, случись подобное на войне, на поле боя, – я приставил бы тебя к высшей награде!

– Я... Даже не знаю, смогу ли заснуть этой ночью в мастерской, – проговорил Джоэл.

– Можете оставаться здесь, – предложил Фитч, поднимаясь со стула. – А я заночую в одной из пустующих комнат на этаже.

– Великолепно! – сказал Хардинг. – Миссис Саксон, я оставляю в ваше распоряжение десять человек, вооруженных ведрами с кислотой. Всю ночь восемь из них будут охранять кабинет снаружи, а двое – если, конечно, вы не возражаете – внутри.

– Уж пожалуйста! – отозвалась миссис Саксон.

– Сынок, постарайся успокоиться, – напутствовал Хардинг. – Уверен, худшее позади. Кроме того, как я понимаю, завтра у тебя важный день?

Обряд инициации! Среди суматохи он почти забыл о церемонии посвящения.

Джоэл кивнул, и они попрощались. Чекая шаг, Хардинг вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

– Ну что ж, миссис Саксон... – произнес Фитч. – Как видите, постель готова ко сну! Под кроватью есть несколько дополнительных одеял. Надеюсь, Джоэл, ты не против переночевать на полу?

– Мне не привыкать, – отозвался тот.

– Сынок, ты и вправду сегодня вел себя как настоящий мужчина! – сказал Фитч.

– Разве настоящие мужчины бегут с поля боя? – тихо спросил Джоэл. – Мне просто ничего не оставалось, кроме как удирать. Я даже

не держал в комнате ведро с кислотой на всякий случай!..

– И что бы ты с этим ведром делал, скажи на милость? – спросил Фитч. – Выплеснул бы его на одного из меллингов, в то время как другие напали бы на тебя с тыла? Запомни, сынок, один в поле не воин! Этому быстро учишься на Небраске... Чтобы справиться с роем меллингов, нужна целая бригада: как минимум десяток солдат, вооруженных ведрами с кислотой.

Джоэл потупил взор.

– Сынок... – Фитч опустился на колено и заглянул Джоэлу в глаза. – Если тебе от этого станет легче, то я не понаслышке знаю, каково тебе сейчас. Вероятно, ты уже понял, что на Небраске я отнюдь не блистал. В тот первый раз, когда на меня бросился дикий меллинг, я не смог даже вычертить прямой линии! Да что там меллинги! У меня и с людьми не получалось справиться с мыслями, когда приходилось участвовать в дуэлях. Я присоединяюсь к словам инспектора Хардинга. Ты большой молодец, Джоэл!

«Был бы большим молодцом, если бы знал, как дать этим тварям отпор», – подумал Джоэл, но вслух произнес совершенно другое.

– Получается, Экстон – рифматист?

– Да, – подтвердил Фитч. – Его исключили на одном из начальных курсов. Такое случается очень редко, но в случае с Экстоном... В общем, у академии возникли с ним определенные трудности.

– Припоминаю... Кажется, вы рассказывали о нем Мелоди, – отозвался Джоэл. – Профессор... Можете начертить для меня этот новый рифматический символ? Тот самый, с четырьмя спиралями?

– Прямо сейчас? – удивился Фитч.

– Ну да.

– Джоэл, дорогой, тебе нужно отдохнуть, – вмешалась мать.

– Профессор, всего один рисунок, – взмолился Джоэл. – Обещаю, затем я сразу лягу спать.

– Что ж, будь по-твоему, – согласился Фитч, доставая мелок.

Профессор опустился на второе колено и начал рисовать.

– Имейте в виду, что этот символ поглощает все звуки вокруг, – пояснил Джоэл.

– Откуда тебе знать?.. – спросил Фитч, заканчивая рисунок и с изумлением созная, что его голос стал вдруг значительно тише.

Профессор удивленно моргнул и воззрился на Джоэла.

– А это уже кое-что... – произнес Фитч, но слова его доносились откуда-то из далекого далека.

Джоэл глубоко вдохнул и что было мочи крикнул «я же говорил!», но услышал лишь свой едва различимый хрип. Он повторил то же самое шепотом и обнаружил, что слышит себя вполне хорошо.

– Просто потрясающе! – распылив символ, воскликнул Фитч.

Джоэл согласно кивнул.

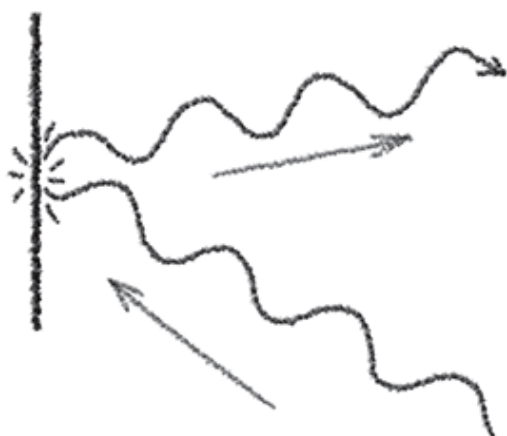
– Символы, которые мы находили на местах преступления, к нашему появлению уже не работали. Думаю, это связано с тем, что они имеют свойство со временем утрачивать свой рифматический потенциал или что-то вроде того...

– Джоэл... – произнес Фитч. – Ты хоть осознаешь, что раскрыл тайну, над которой твой отец бился почти всю жизнь?

– Было не так уж и сложно, – сказал Джоэл и вдруг почувствовал невероятную усталость. – Кроме того, это не совсем моя заслуга – подсказку мне дал мой убийца.

ВЫСТРЕЛ ЛИНИЕЙ СИЛЫ С ОТСКОКОМ

При помощи линии силы сдвинуть линию запрета невозможно. Впрочем, как и нанести ей урон.
При столкновении линия силы отскакивает и меняет траекторию полета.

Продвинутые рифматисты особое внимание уделяют искусству чертить линии запрета таким образом, чтобы атаковать соперника посредством отражения линий силы. И зачастую это единственный возможный способ пробить брешь в обороне противника.

Обратите внимание на зарисовку дуэли одной небезызвестной рифматистки. В ходе поединка она направляет свою линию силы таким образом, чтобы та отразилась от линии запрета соперника и поразила его заградительную окружность с неукрепленного фланга.

Глава 22

Ранним утром следующего дня инспектор Хардинг арестовал Экстона. Новость Джоэл узнал от Фитча, когда они пересекали лужайку, направляясь к собору, где вскоре должна была состояться церемония посвящения. Миссис Саксон ни на секунду не выпускала руки Джоэла, точно боялась, что откуда ни возьмись выскочит неведомый зверь и похитит ее сына.

– Экстона арестовали?... – возмутился Джоэл. – Но какой у него мотив?

– Гм... Не всем убийцам нужен мотив, Джоэл. Я прекрасно понимаю твое негодование, ведь Экстон был другом и мне. Но надо признать, что он никогда не любил рифматистов. А с тех пор, как его исключили, и подавно.

– Но если Экстон так ненавидит рифматистов, зачем ему работать в академии?

– Людей, подверженных жгучей ненависти, зачастую непреодолимо тянет к объекту неприязни, – объяснил Фитч. – Ты же сам видел рисунок Чарльза. Мужчина в котелке и с тростью – вылитый Экстон!

– Ничего подобного! – возразил Джоэл. – В нашем городе у каждого встречного котелок! А трость – у каждого второго! Таких людей на улицах хоть пруд пруди! Разве может какая-то зарисовка послужить достаточным доказательством для обвинения человека в преступлении?

– Экстон знал домашние адреса студентов-рифматистов, – сказал Фитч. – У него был доступ к личным делам.

Джоэл примолк. Это показалось ему довольно веским аргументом. Но мог ли Экстон совершить все эти преступления? Всегда ворчливый, но добродушный Экстон?

– Сынок, не волнуйся, – сказала мать. – Если он невиновен, уверена, суд его оправдает. Ты лучше думай о предстоящей церемонии. Чтобы пройти обряд инициации, тебе нужно сосредоточить мысли на Мастере.

– Нет, мне нужно переговорить с Хардингом. Мой обряд инициации...

«Мой обряд инициации не может ждать, – закончил про себя Джоэл. – Я не наступлю снова на те же грабли! Но и разговор с Хардингом не терпит отлагательств...»

– Где сейчас инспектор? – спросил Джоэл.

Хардинга и других полицейских они застали в здании администрации. Инспектор руководил обыском. Ректор Йорк стоял в стороне. Судя по выражению его лица, происходящее ему совершенно не нравилось. Подле него всхлипывала Флоренс.

– Джоэл! – помахала она рукой. – Скажи им, что это безумие! Экстон и мухи не обидит! Он ведь такой лапочка!

Полицейский шикнул на нее и продолжал допрос, обращаясь то к ректору, то к ней. Инспектор Хардинг стоял в дверях кабинета Йорка и перелистывал какие-то записи. Когда Джоэл приблизился, он поднял взгляд и воскликнул:

– А вот и он! Наш юный герой! Разве у тебя нет других важных дел? Впрочем, даже хорошо, что ты забежал! Меня вдруг посетила мысль, что негоже тебе разгуливать без охраны! Сейчас же отрядим парочку офицеров, чтобы сопровождали тебя до собора.

– Неужели это и в самом деле необходимо? – спросил Фитч. – Вы ведь уже взяли подозреваемого под арест!

– Боюсь, необходимо, – отвечал Хардинг. – Каждый опытный следователь знает, что арест – только верхушка айсберга преступления. Расслабляться и прекращать поиски на этом этапе нельзя ни в коем случае. Следствие будет продолжаться, пока мы не вычислим пособников Экстона и не узнаем, где они прячут тела... Гм... То есть, я хотел сказать, пока не узнаем, где они держат детей...

Услышав про тела, мать Джоэла побледнела.

– Инспектор, можно вас на минутку? Переговорить с глазу на глаз? – спросил Джоэл.

Хардинг кивнул, и они отошли в сторонку.

– Инспектор Хардинг, а вы уверены, что арестовали того человека?

– Сынок, если я взял его под стражу, значит на то были основания.

– Но ведь прошлой ночью Экстон спас мне жизнь!

– Нет, парень, он спасал собственную шкуру, – вмешался в разговор Фитч. – Знаешь ли ты, почему его отчислили с курса рифматики тридцать лет назад?

Джоэл покачал головой.

– Его отчислили, потому что он не мог совладать со своими меллингами, – пояснил Хардинг. – Отправлять такого рифматиста на Небраск было ни в коем случае нельзя. Ты же сам видел, насколько нестабильны его меллинги. Нарисованные столь небрежно, они не способны даже сохранять форму. И хотя Экстон сумел натравить их на тебя, управлять ими он не мог. И когда ты привел меллингов обратно, Экстону ничего не оставалось, кроме как отгородиться от них линиями запрета.

– И все равно мне не верится, – упорствовал Джоэл. – Инспектор, по-моему, мы допускаем ошибку. Знаю, он не любит рифматистов, но разве это веская причина для ареста? В наши дни их недолюбливает добрая половина островитян, и что с того?

– Этой ночью... – произнес Хардинг. – Можешь ли ты сказать, что Экстон выручил тебя, не колеблясь?

– Нет, – отозвался Джоэл, припоминая, как он упал, а Экстон продолжал беспомощно вопить. – Но ведь он был просто-напросто напуган! И в конце концов помог! Инспектор, я знаю Экстона, он не способен на такое!

– Джоэл, убийцы мыслят иначе, – заверил Хардинг. – Для нас они как закрытая книга. Недаром, когда ловят убийцу, в обществе возникает резонанс. Людей немало удивляет, а порой и шокирует весть о том, что под личиной их знакомого все это время скрывался безжалостный монстр. Это, конечно, информация строго конфиденциальная, но все-таки тебе я кое-что скажу. В ящике стола Экстона мы нашли личные вещи трех пропавших студентов!

– В самом деле?.. – опешил Джоэл.

– Да, – сказал Хардинг. – А в его комнате – целую кипу бумаг, исписанных гневными тирадами и яростными выпадами в адрес рифматистов. Там оголтелая ненависть и ничего, кроме... В общем, читать такое весьма и весьма омерзительно. По долгу службы мне приходилось сталкиваться с одержимыми, и я могу с уверенностью сказать, что Экстон – один из них. Это всегда тот, кого подозреваешь меньше всего. Несколько дней тому назад Фитч пришел ко мне и высказал свои опасения по поводу клерка. Кое-что заставило профессора припомнить историю с незадачливым рифматистом, которого в конце концов пришлось исключить из Армедиуса.

– Переписные книги, – кивнул Джоэл. – Я был у профессора, когда он вдруг наткнулся на запись об Экстоне.

– Да, точно! Переписные книги! – воскликнул Хардинг. – Каюсь, надо было сразу прислушаться к профессору! Само собой разумеется, я начал проверять клерка, но мое тайное расследование продвигалось не так быстро, как хотелось бы. Картина сложилась воедино только прошлой ночью, когда он попытался на твою жизнь.

– Вас осенило, когда вы узнали про нестабильных меллингов Экстона, так похожих на меллингов щелкопера?

– Не совсем. Меня осенило вчера днем в приемной ректора, когда ты беседовал с Фитчем. Он еще хвалил тебя за бесценную помощь с расследованием. А затем на тебя напали, и тут мой мозг усиленно заработал. Я спросил себя: у кого был мотив убивать? Это ж ясно, как белый день, ответил я сам себе: у того, кто слышал, как профессор тебя нахваливает! Экстон пытался нанести упреждающий удар, сынок. Должно быть, он боялся, что рано или поздно ты найдешь связь между ним и этим рифматическим символом. Вполне возможно, Экстон пронюхал о нем, когда твой отец только начал свои изыскания. Вероятно, он увидел символ, когда Трент пришел к ректору Йорку с просьбой профинансировать исследование неизвестной рифматической линии. Сомнения рассеялись окончательно, когда мои люди обыскали сначала ящики письменного стола здесь, в приемной, а затем и комнату Экстона... Мы обнаружили самые серьезные улики!

«Экстон... – покачал головой Джоэл. – Неужели он и вправду тот самый щелкопер?»

Осознание, что кто-то близкий – тот, кого он, казалось, хорошо знает и понимает, – настоящий злодей, приводило его в ужас не меньший, чем покушение на его жизнь.

«Нашли в столе личные вещи пропавших студентов...» – подумал Джоэл, холодея.

– А эти вещи... Может, он взял их по какой-то причине? Не знаю... Вдруг это как-то связано с расследованием? А может, он забрал вещи из общежития, чтобы послать родителям студентов?

– Йорк говорит, что ни о чем таком Экстона не просил, – сказал Хардинг. – Собственно, сомнений насчет виновности Экстона у меня нет. Я мучаюсь лишь вопросом, где могут быть дети? Не стану тебе врать, парень, я думаю, что похищенные студенты, скорее всего, уже мертвы и где-то закопаны. Нам придется допросить Экстона, и тогда мы узнаем все наверняка... Гнусная работенка! Чувствую себя ужасно, ведь все произошло по моему недосмотру! А какие у этого дела будут последствия, даже и представить страшно. Ректор Йорк возложил на меня ответственность, а я проморгал сына самого рыцаря-сенатора!

Джоэл, до сих пор не веря своим ушам, задумчиво кивнул. Что-то здесь было не так. А вот что именно, он никак не мог сообразить. Ему требовалось время, чтобы привести мысли в порядок.

– А когда Экстона будут судить? – спросил Джоэл.

– Еще очень и очень не скоро, – отвечал Хардинг. – Прежде чем дело дойдет до суда, минет не один месяц. Но имей в виду, тебе придется выступить свидетелем.

– А кампус? Вы собираетесь и впредь держать студентов взаперти?

– Как минимум еще неделю, – кивнул Хардинг. – Хочу присмотреться к остальным студентам-рифматистам. Как я уже сказал, арест подозреваемого – не повод расслабляться.

«Что ж, тогда и у меня есть время подумать, – размышлял Джоэл. – Судить Экстона пока не собираются, а кампус хоть и в мнимой, но безопасности...»

Джоэл решил, что с него пока хватит. Он был измотан, голова не соображала, а ведь впереди еще обряд инициации!

«Ладно, сначала разберусь с церемонией, – подумал он. – А затем, если выдастся минутка, постараюсь понять, что же не так с этим делом».

– У меня есть просьба, – сказал Джоэл. – Можно Мелоди посетит мой обряд инициации? Отпустите ее на сегодня?

– Ты просишь за ту рыжую бестию? – спросил Хардинг.

– Ага, – слегка поморщившись, кивнул Джоэл.

– Что ж, для тебя я готов сделать исключение, – согласился Хардинг и переговорил с парой офицеров, которые тут же умчались вызволять Мелоди.

Джоэлу ничего не оставалось, как ждать и с ужасом размышлять о том, каково сейчас Экстону в тюрьме.

«Шанс стать рифматистом упускать ни в коем случае нельзя, – подумал Джоэл. – Я должен пройти этот обряд. Если окажется, что я один из них, к моим словам, вероятно, прислушаются».

Пока Джоэл размышлял, на горизонте замаячила рыжая голова Мелоди, не заметить которую было просто невозможно. Когда полицейские подвели ее ближе, она со всех ног бросилась к Джоэлу.

Кивнув Хардингу, тот пошел ей навстречу.

– Молодой человек!.. – воскликнула Мелоди, тыча в друга пальцем. – У вас большие неприятности!

– Что такое?

– У тебя тут приключения, битвы с меллингами не на жизнь, а на смерть... А обо мне ты подумал? Почему не позвал с собой?

Джоэл закатил глаза.

– Нет, честно, с твоей стороны это было страшно непредусмотрительно, – не унималась Мелоди. – Зачем вообще заводить друзей, если не собираешься время от времени подвергать их смертельной опасности?

– Мне кажется, сейчас отличный момент, чтобы вернуть твою любимую фразочку! Моя жизнь – сушая трагедия! – грустно улыбнулся Джоэл, присоединяясь к матери и профессору.

– Нет, тут впору выдумать какую-нибудь новую фразочку! – воскликнула Мелоди. – «Трагедия» такого эффекта, как раньше, уже не имеет. Что думаешь насчет «моя жизнь – суший мрак»?

– Думаю, сойдет, – отозвался Джоэл. – Ну что? Идем?

Все согласно покивали и направились к воротам кампуса в сопровождении офицеров Хардинга.

– Наверное, стоит сказать... В общем, я рада, что ты цел и невредим! – призналась Мелоди. – Новость о случившемся уже

разлетелась по всему общежитию рифматистов. Видел бы ты, как побагровели их физиономии, когда они услышали, что нерифматист раскрыл дело щелкопера и всех спас! Конечно, я уверена, что добрая половина этих багровых рож ничего против тебя не имеет – просто они недовольны тем, что их заставляют сидеть взаперти.

– Что поделать, – отозвался Джоэл. – Таков уж этот Хардинг! Перестраховщик! Думаю, он знает, что делает.

– То есть ты его поддерживаешь? – спросила Мелоди. – С арестом Экстона?

Они зашагали к воротам, по-прежнему охраняемым полицейскими, по той же самой дорожке, по которой еще вчерашней ночью он мчался, обезумев от страха. Мысли его вернулись к вещам студентов, найденным в столе Экстона, и к записям, где тот, злопыхая на рифматистов, мечтал всем им отомстить.

– Я не знаю, – наконец ответил Джоэл.

* * *

Наставления преподобного Стюарта он помнил достаточно хорошо еще с предыдущей церемонии посвящения. Надо сказать, в прошлый раз Джоэл нервничал гораздо меньше. Вполне вероятно, потому, что тогда он был слишком юн, чтобы сознавать, во что ввязывается.

Облаченный в белую мантию Джоэл стоял перед преподобным Стюартом на коленях и ждал, когда тот окропит его святой водой, а затем совершит помазание. Прежде чем Джоэлу позволят пройти в палаты инициации, ему предстояло снова пройти обряд посвящения – от начала до конца.

И почему все это навалилось на него разом? Как же хотелось спать! Усталость постоянно напоминала о себе, а мысли снова и снова возвращались к Экстону. Прошлой ночью клерк и в самом деле выглядел перепуганным до смерти. С другой стороны, а как иначе? Его же собственные меллинги вдруг ополчились против него! Тут даже самый отъявленный злодей струхнет!

Джоэла не покидало ощущение, будто он попал в огромный водоворот и его затягивает все глубже и глубже. Новые рифматические

линии! Подумать только! Ему удалось закончить отцовскую работу! Увы, денег с заключенных отцом контрактов им с матерью не видать: все сроки давно вышли. По условиям договора, отец должен был представить новые рифматические линии в течение пяти лет. И тем не менее открытием такого необычного рифматического символа мир будет просто потрясен!

Между тем преподобный Стюарт нараспев читал на древнеанглийском наречии. С трудом, но Джоэл все-таки распознал строки из священного писания. Сверху склонили головы заводные апостолы. Из коридорчика справа – с фрески, изображавшей треугольник, – взирал пресвятой Евклид.

«Похоже, сегодня я стану самым старым претендентом в рифматисты за всю историю существования этих палат инициации!» – подумал Джоэл.

Привычный мир день ото дня становился ему все более чуждым. Исчезновения, а возможно, и гибель студентов Армедиуса ополчили острова друг против друга. Вновь поползли слухи о грядущей гражданской войне. Джоэл волей-неволей вовлекался в суровую реальность мировой политики, и чем больше он о ней узнавал, тем страшнее ему становилось.

Жизнь оказалась отнюдь не такой простой. Собственно, она никогда и не была легкой. Только Джоэлу это было невдомек.

«И все-таки причастен ли Нализар к происходящему? – размышлял Джоэл. – Я ведь по-прежнему ему не доверяю. Несколько раз Экстон отзывался о нем весьма нелестно... Вдруг это повод хорошенько задуматься? Мог ли Нализар подставить Экстона?»

Вероятно, ему просто хотелось уличить Нализара в чем-нибудь гнусном.

Преподобный Стюарт смолк. Джоэл удивленно моргнул и поднял взгляд, сознавая, что все пропустил мимо ушей. Викарий, качнув жидкой белой бороденкой, кивнул ему и указал на дверь за алтарем, ведущую в палаты инициации.

Джоэл поднялся с колен. Никого, кроме матери, Фитча и Мелоди, на скамьях в соборе не было. Церемония посвящения для восьмилетних начнется только через час. Необъятный зал церкви, украшенный искусными фресками, искрился витражным светом.

Джоэл медленно обошел алтарь и приблизился ко входу в квадратное помещение. Внимательно осмотрев дверное полотно, украшенное кругом о шести точках, он выудил из кармана монету, поднял ее перед глазами и сравнил с эскизом. Основная шестерня имела шесть зубьев – по мере вращения каждый из них с точностью до миллиметра указывал на одну из шести точек окружности на двери. Справа помещалась шестерня поменьше – с четырьмя зубцами, а слева располагалось колесо с девятью неравномерно расположенными зубьями. Все шестеренки, несмотря на необычные конструктивные особенности третьего колеса, цеплялись друг за друга слаженно и идеально отработывали цикл вращения.

«Надо же!» – подумал Джоэл, засунул монету в карман и толкнул дверь.

Переступив порог, он оказался в комнате с алтарем, подле которого лежала подушечка для коленопреклонений. Поверх алтаря имелась еще одна подушечка – для локтей. Все вокруг, в том числе алтарь, было высечено из белого мрамора. Больше в комнате, казалось, ничего и не было – только заводная люстра в хрустальном плафоне ярко сверкала под потолком, отбрасывая на стены искрящийся свет.

Джоэл замер, не смея двинуться дальше. Ничего не происходило, лишь гулко ухало сердце. Поколебавшись, он преклонил колени, но что сказать – не знал.

Похоже, это был еще один кусочек большой рифматической головоломки. Действительно ли где-то там в небесном царстве властвует некий Мастер? Такие люди, как Мэри Роулэндсон – колонистка, о которой он читал прошлой ночью, – в Мастера верили безоговорочно. И ей воздалось! Дикие меллинги ее пощадили! Они захватили женщину в плен и держали в заточении, пресекая все попытки к бегству. Почему они повели себя так странно, оставалось только догадываться.

В конце концов, отчасти благодаря стараниям мужа и колонистов, Мэри удалось сбежать. Как она выжила в этом плену? Было то провидение Мастера или ей просто повезло?

«А верю ли я?» – задался вопросом Джоэл.

– Даже не знаю, с чего и начать, – наконец произнес он. – Думаю, ты разгневаешься, если я не слишком искренне скажу, что верую в тебя. Ирония в том, что я не могу и сказать, что не верую. Ни в том, ни

в другом я до конца не убежден. Может, ты и существуешь. По крайней мере, мне бы очень хотелось, чтобы ты существовал... В общем, я хочу стать рифматистом. Даже несмотря на то, что путь этот тернист. Мне... Мне нужны силы, чтобы бороться с меллингами. Я не хочу больше убегать от них... Обещаю, я буду хорошим рифматистом. Я разбираюсь в защитах едва ли не лучше всех в кампусе. Мне бы хотелось оборонять Небраск. Я буду исправно тебе служить. Просто дай мне возможность стать рифматистом.

Ничего не произошло. Джоэл поднялся с колен. В большинстве случаев дети, не успев зайти в палаты инициации, уже выходили. Оставаться и чего-то ждать смысла не было. Либо он сумеет наделить свой рисунок рифматической силой, когда покинет эту комнату, либо нет.

Джоэл повернулся, чтобы уйти, как вдруг краем глаза заметил, что за спиной у него кто-то стоит.

От неожиданности он даже подпрыгнул, споткнулся и чуть не перекувырнулся через алтарь. За спиной высилось ослепительно белое существо с него ростом. Создание походило на человека – невероятно тонкого человека с длинными руками и завитком вместо головы. В руке оно сжимало предмет, напоминавший лук. Выглядело существо примитивно – точно оживший наскальный рисунок, что находят археологи в древних пещерах. В отличие от меллингов, создание не стелилось по полу или стенам, а стояло на своих двоих.

Джоэл вдруг припомнил, что прежде читал о подобных созданиях. В одной книге путешественник рассказывал, как наткнулся в каньоне на танцующих наскальных человечков.

Однако существо не двигалось. Джоэл нерешительно склонился набок, посмотрел на создание под другим углом и обнаружил, что с такого ракурса оно совершенно невидимо.

Джоэл взглянул на существо под прежним углом. Зачем оно здесь? Неуверенно шагнув вперед, он протянул руку, немного помедлил, а затем все-таки осмелился прикоснуться к созданию. Существо вздрогнуло. Точно меллинг, оно припало к полу и слилось с мрамором. Джоэл едва успел отшатнуться, когда существо ринулось вперед, а затем исчезло в тени алтаря.

Джоэл бухнулся на колени и разглядел у основания алтаря щель, за которой царил беспросветный мрак.

– Нет, нет!.. – зашептал Джоэл, протягивая руку вслед. – Пожалуйста, вернись!

Он простоял на коленях едва ли не час. Наконец в дверь, ведущую к выходу, постучали.

Джоэл открыл ее и обнаружил на пороге преподобного Стюарта.

– Идем, дитя, – произнес он. – С минуты на минуту появятся другие претенденты в рифматисты. Чему быть, того не миновать. Нам остается лишь удостовериться.

Викарий протянул мелок.

Джоэл перешагнул порог в полном смятении чувств. Увиденное потрясло его до глубины души. Онемевшими пальцами он взял мелок и опустился на колени рядом с каменной плитой, служившей для проверки способностей новоиспеченных рифматистов. Подошла Мелоди, а следом за ней – профессор и мать.

Джоэл провел мелком по камню, выводя линию запрета. Мелоди нетерпеливо вытянула руку, но Джоэл уже знал, что чуда не произойдет.

Не встретив преграды, ладонь Мелоди оказалась по ту сторону линии. Лицо ее вытянулось и побледнело.

– Что ж, дитя... – озадаченно произнес преподобный Стюарт. – Похоже, у Мастера на тебя другие планы. От его имени я провозглашаю тебя полноправным членом монархической церкви.

Викарий помедлил и добавил:

– Ступай и не воспринимай это как поражение. Да направит тебя Мастер на путь истинный. Путь, какой он уготовил тебе.

Преподобный Стюарт слово в слово повторил напутственную речь, которую произнес восемь лет тому назад.

– Нет, не может быть! – воскликнула Мелоди. – Что-то пошло не так! На этот раз... На этот раз все должно было получиться!..

– Мелоди, все нормально, – произнес Джоэл, поднимаясь на ноги.

На него навалилась невероятная усталость. От столь сокрушительного поражения даже дышалось с трудом. Все, чего Джоэл хотел, так это побыть в одиночестве. Он повернулся и побрел из собора обратно в кампус.

ЗАЩИТА ТЭЙЛОРА

Использование защиты Тэйлора в дуэлях не приветствуется из-за особенностей ее конструкции, а именно из-за двух заградительных окружностей. Тем не менее применять эту защиту на турнирах можно. Однако, если внешняя окружность прорвана, обороняющемуся засчитывается поражение.

Считается, что защита Тэйлора является одной из самых мощных рифматических защит.

Рифматисты используют «коридоры» в оборонной конструкции Тэйлора, чтобы фокусированно отражать вражеские атаки линиями силы и меллингами.

Невозможная. Именно так характеризуют защиту Тэйлора, которая считается одной из самых сложных оборонительных конструкций. Тогда как многие не могут идеально изобразить одну девятиточечную окружность, защита Тэйлора требует от рифматиста начертания аж двух таких окружностей.

Глава 23

Джоэл проспал большую часть дня. Естественно, к но- чи сна не осталось ни в одном глазу, поэтому ложить ся в постель он даже не пытался. Джоэл сидел за отцовским верстаком, а за спиной на стене жужжал заводной светильник.

Убрав книги со столешницы, он разложил отцовские записи, заметки и лучшие мелки, когда-либо сделанные отцом. Записи и эскизы уже не казались чем-то важным.

«Тайна раскрыта, проблем больше нет, а я не стал рифматистом и подвел отца... – подумал Джоэл и тут же осадил себя. – Хватит! Прекрати жалеть себя!»

Захотелось вдруг опрокинуть верстак, закричать и растоптать мелки в пыль.

Как он посмел надеяться? Он же прекрасно знал, что лишь единицы становятся избранными!

Сколько же в жизни разочарований! Джоэл часто задавался вопросом, как человечество умудряется оставаться на плаву? Неужели те редкие моменты, когда все идет как надо, скрадывают тяжесть бытия?

Все закончилось тем, с чего и началось. Джоэл осознал, что вряд ли сможет продолжить обучение после академии Армедиуса. Его успеваемость практически по всем дисциплинам оставляла желать лучшего. Слабая, едва теплившаяся надежда, что он найдет способ стать рифматистом, теперь угасла окончательно.

Трое похищенных студентов были мертвы. Стараниями Экстона они исчезли навсегда, чтобы гнить в безымянных могилах. Убийца остановлен, но разве утешит это родителей, потерявших своих детей? Такая боль неизбывна...

– Почему?.. – воскликнул Джоэл, склоняясь над бумагами отца, точно они могли дать ответ. – Почему все вышло именно так?

Своими чудовищными деяниями Экстон обрек труды его отца на забвение. Клерка будут вспоминать не только как убийцу, но и как человека, разгадавшего загадку нового рифматического символа.

«Но как?.. Как у Экстона получилось раскрыть эту тайну? Как человеку, провалившему карьеру рифматиста, удалось сделать столь важное открытие раньше ученых?»

Джоэл встал из-за верстака и принялся расхаживать по мастерской. Записи отца, казалось, сияли в свете лампы и притягивали взгляд.

Он вернулся к верстаку и разворошил заметки, стараясь отыскать самую позднюю. Наконец он наткнулся на пожелтевший, коричневый с одного края, листок.

«Снова отправился на поле боя Небраска и практически ничего не обнаружил. Кругом все твердят о необычных явлениях, но ни одно из них мне застать так и не посчастливилось. Однако я по-прежнему убежден, что рифматических линий гораздо больше, чем известно науке. Отыскав эти линии и выяснив их предназначение, я смогу совершить и другие открытия...»

Внизу страницы был нарисован символ безмолвия о четырех спиралях.

– Где? – задался вопросом Джоэл. – Отец, где и как ты обнаружил этот знак? Неужели на Небраске?

Тогда почему остальные не нашли его? Если бы рифматисты заметили на поле боя незнакомую им линию, они бы наверняка интуитивно догадались о ее свойствах. Интересно, а кто вообще мог рисовать подобные символы? Дикие меллинги чертить не способны... Или способны?

Джоэл отложил листок и открыл журнал отца, желая определить, когда была сделана заметка.

Последняя запись появилась за день до гибели. Пунктом назначения значился Небраск.

Джоэл вновь присел и задумался. Пролистав журнал к самому началу, к датам первых путешествий отца, он наткнулся на упоминание о поездке на остров Зона-Арида.

Зона-Арида находилась рядом с островами Бонневилль и Техас. Все три острова располагались в юго-западной части материка. Джоэл перелистал журнал и обнаружил, что отец ездил туда несколько раз.

Он нахмурился и оглядел книги на полу. Среди них был томик, рассказывающий о новых рифматических линиях, тот самый, который Нализар совсем недавно брал в библиотеке. Джоэл поднял книгу, открыл форзац и внимательно ознакомился с ее историей на проштампованной карточке: за последние годы книгой интересовалось всего несколько человек.

Отец Джоэла значился одним из первых в списке. И, судя по дате, путешествие на остров Зона-Арида состоялось спустя считанные недели после того, как книга попала ему в руки.

Джоэл открыл форзац и внимательно обозрел содержание. Один из заинтересовавших его разделов назывался «История возникновения теорий о происхождении новых рифматических линий». Джоэл перелистал книгу до нужной страницы и при скупом свете единственной лампы принялся изучать текст. Прежде чем он отыскал то, что хотел, минуло несколько часов.

«Впервые исследователи Америки обнаружили необычные писаницы на утесах юго-западных островов. Узнать, кто их создал, так и не удалось: до появления европейских колонистов острова и архипелаги долгое время были необитаемы. Некоторые исследователи утверждают, что линии, скопированные с наскальных изображений, обладают рифматическими свойствами, однако большинство ученых эту теорию отвергают. При помощи линий созидания можно нарисовать множество странных форм и вдохнуть в них жизнь, однако это будут не новые рифматические линии, а всего лишь меллинги...»

Джоэл перевернул страницу и увидел изображение того самого существа, что повстречалось ему этим утром в палатах инициации.

«Да что же здесь происходит?!»

Под картинкой он прочел: «Писаница, обнаруженная капитаном Эстевесом в ходе исследований острова Зона-Арида».

Удивленно поморгав, Джоэл уставился на верстак. Раздался стук в окно. Вскрикнув от неожиданности, юноша вскочил со стула и потянулся за ведром с кислотой, выданным ему инспектором, но тут разглядел за окном рыжие кудряшки и большие глаза. Мелоди широко ухмыльнулась и помахала рукой. Джоэл глянул на стрелки часов – два пополночи!

Охнув, Джоэл вышел из мастерской, поднялся по лестнице, открыл дверь общежития, которую на ночь теперь запирали, и глазам его предстала подруга – в изодранной юбке и листво́й в волосах.

– Мелоди! Ты что здесь делаешь?

– Стою и мерзну! Ты не собираешься пригласить даму войти?

– Честно говоря, даже не знаю, правильно ли это...

Без дальнейших разговоров Мелоди протиснулась внутрь и принялась спускаться по лестнице в мастерскую. Джоэл вздохнул, запер дверь и пошел следом. Переступив порог, она повернулась к нему, уперла руки в бока и воскликнула:

– Джоэл! Моя жизнь – сущий мрак!

– Что случилось?

– Вот видишь, ты не слышишь крика моей души! Слово «мрак» не такое замечательное, как «трагедия», но и оно уже изжило себя! – воскликнула Мелоди, усаживаясь на табурет. – Мне срочно нужно другое слово!

– Ты хоть в курсе, который час?

– Как же мне все надоело! – не обращая внимания на вопрос Джоэла, сокрушалась девочка. – Они держат нас взаперти днями напролет! Я решила, раз у тебя бессонница, ты не будешь против, если я немного тебе пожалуюсь.

– Как ты прошмыгнула мимо охранников?

– Спустилась со второго этажа по дереву, растущему под окном. Оказалось сложнее, чем я думала!

– Тебе повезло, что не попалась полицейским.

– Скажешь тоже! – отмахнулась Мелоди. – Их там и не было!

– Как? Вход в общежитие не охраняют?

– А, ты про этих! Да, стояла парочка у дверей, но патрульные, которые слоняются под окнами, на тот момент уже ушли. Наверное, пересменка или еще что... Ладно, все это ерунда! А вот трагедия, о которой я тебе пытаюсь поведать, отнюдь не ерунда!

– Ты про свое заточение?

– Именно! – воскликнула Мелоди. – А еще про заточение Экстона! Джоэл, он не мог совершить эти злодеяния. Я уверена, что он не преступник. Да ведь этот парень однажды отдал мне половину своего сэндвича!

– И поэтому ты считаешь, что он не может быть преступником?

– Дело не только в этом, – сказала Мелоди. – Экстон хороший малый. Да, он без конца ворчит, но он вызывает симпатию. У него доброе сердце. А еще он умник, каких поискать!

– Наш преступник тоже умник, каких поискать!

– В том-то и дело, что нет, Джоэл! Предположим, Экстон и в самом деле преступник. Зачем такому умнику нападать на сына рыцаря-сенатора? Это глупый ход, особенно если Экстон и впредь хочет разгуливать на свободе. Тут кроется противоречие, и мы должны спросить себя: зачем кому-то понадобилось похищать Чарльза? Если мы выясним настоящий мотив, я тебе клянусь, все сразу встанет на свои места!

Джоэл в задумчивости опустил на табурет.

– Но у Хардинга есть улики против Экстона...

– И что с того?

– А то, что на суде улики являются доказательством вины обвиняемого!

– Нет, я решительно в это не верю, – заявила Мелоди. – Слушай, Экстона выперли из академии сто лет назад! Как, по-твоему, рифматист-неудачник мог открыть линию, о которой никто ни сном ни духом?

– Да, я тоже об этом думал. – Джоэл поднялся и направился к выходу. – Идем!

– Ты куда собрался? – спросила Мелоди, снимаясь с табурета.

– К профессору Фитчу, – пояснил Джоэл.

Некоторое время они шли через окутанный ночной тьмой кампус в тишине, затем он удивленно спросил:

– А где все полицейские патрули?

– Откуда мне знать? – отозвалась Мелоди. – Я же говорила, что никого нет!

Джоэл ускорил шаг. Они добрались до зала защитных искусств и взбежали по лестнице. В дверь пришлось изрядно помолотить кулаком, прежде чем на пороге наконец появился заспанный профессор.

– Гм?... – промычал Фитч.

– Профессор, кажется, происходит что-то очень странное, – сказал Джоэл.

– Который час? – зевнул Фитч.

– Очень поздний, – сообщил Джоэл. – Послушайте, профессор, вы видели линии запрета, в которые я должен был угодить? Вы осматривали западню, якобы начерченную для меня Экстоном?

– Да, а что?

– Хорошо они были вычерчены?

– Очень хорошо! Идеально прямые! Рука настоящего мастера!

– Профессор, дело в том, что я видел линии запрета, нарисованные Экстоном у порога приемной, и они выглядели, мягко говоря, не очень. Если честно, они были ужасно кривые!

– Джоэл, он пытался тебя одурачить.

– Нет, профессор! Я видел страх в его глазах. Он боялся умереть. Вряд ли он стал бы рисковать жизнью, только чтобы одурачить меня! Что, если Нализар...

– Джоэл! – вскричал Фитч. – Ты заиклен на профессоре Нализаре! Я устал это слушать! Я... Прости, я не хотел повышать голос... Ненавижу кричать, но я уже сыт по горло твоими подозрениями. Для чего ты разбудил меня посреди ночи? Чтобы

поговорить о Нализаре? Хорошо, я тебе отвечу! Он не совершал никаких преступлений, как бы тебе ни хотелось его уличить!

Джоэл стоял и молча слушал.

– Не хочу показаться грубым, но мне... – Фитч потер глаза. – Мне просто нужно поспать!

Профессор зевнул и захлопнул дверь.

– Великолепно! – воскликнула Мелоди.

– От недосыпания он становится раздражительным, – пояснил Джоэл. – Такое уже не в первый раз.

– И что нам делать?

– Поговорим с полицейскими, охраняющими вход в общежитие рифматистов, – сказал Джоэл, сбегая по лестнице. – Спросим, куда подевались все патрули.

Они вновь окунулись в ночную тьму и направились через кампус. Джоэл пожалел, что не прихватил ведерко с кислотой, но тут же успокоил себя, что у людей Хардинга наверняка...

Джоэл резко остановился. Двери в общежитие рифматистов были распахнуты настежь. На газоне у парадного входа лежали два тела.

– Пыль меня побери! – воскликнул Джоэл и вместе с Мелоди бросился к общежитию.

Тела полицейских. Дрожащими пальцами Джоэл проверил пульс.

– Этот жив, но без сознания.

Джоэл метнулся ко второму – тот тоже оказался жив.

– Помнишь, я сказала вчера утром, что сержусь на тебя? – спросила Мелоди. – Ну, за то, что ты не взял меня с собой, чтобы на нас двоих напали?

– И?

– Так вот, я беру свои слова обратно!

Джоэл заглянул в дверь общежития – в глубине коридора тускло мерцал свет.

– Беги за помощью, – скомандовал он.

– Но куда?..

– К центральным воротам! Или в приемную! Не знаю! Найди кого-нибудь! А я пока попробую узнать, кто забрался в общежитие!

– Джоэл, ты же не рифматист! Ты ничего не сможешь сделать!

– Мелоди, там сейчас, может, люди умирают!

– Вот я и пойду! В конце концов, рифматистка я или нет?

– Если это и в самом деле щелкопер, то разницы, кто туда пойдет, совершенно никакой, – сказал Джоэл. – Глазом моргнуть не успеешь, как он сметет все твои линии запрета! Давай, поторопись!

Мелоди помялась и бросилась бежать.

«Что я творю?..» – спросил себя Джоэл, снова заглядывая в дверной проем.

Стиснув зубы, он проскользнул внутрь и обнаружил в углу несколько ведер с кислотой. Прихватив одно, он почувствовал себя гораздо уверенней и принялся красться по лестнице. Мальчики жили на первом этаже, девочки – на втором, а профессора с семьями – на третьем. Памятуя о том, что на этаже девочек за порядком приглядывают дежурные матери, Джоэл задумал искать помощи именно там – правда, какой именно, ответить он себе так и не смог.

Оказавшись на лестничной площадке второго этажа, он проник в коридор, который оказался совершенно пуст.

Вдруг на лестнице позади раздался шум.

Перепуганный насмерть Джоэл обернулся и разглядел в темноте какое-то движение. С третьего этажа кто-то спускался. Едва отдавая себе отчет в том, что делает, Джоэл приподнял ведро с кислотой и плеснул в лестничный пролет.

В следующую секунду стало ясно, кто спускался по лестнице. Джоэл узнал Нализара. Промокший до нитки профессор был немало ошарашен захлестнувшей его волной кислоты.

Пока Нализар тер глаза и пытался отдышаться, Джоэл с воплем бросился по коридору второго этажа. Охваченный паникой разум подсказал ему бежать в комнату Мелоди, откуда можно было спуститься по дереву. Он услышал, как Нализар с проклятьями пустился за ним в погоню. Врезавшись во что-то, оглушенный Джоэл отлетел назад. В коридоре царил полумрак, и линии запрета на полу он не приметил.

– Болван!.. – воскликнул Нализар, хватая Джоэла за плечо.

Пронзительно закричав, Джоэл изо всех сил ударил Нализара под дых. Профессор охнул, но хватки не ослабил. Отставив ногу, Нализар шаркнул мыском ботинка и оставил на полу коридора меловую линию.

«Мел в ботинке? – удивился Джоэл. – Умно! Идеальных линий, конечно, не добиться, но идея отличная!»

Нализар швырнул Джоэла к вычерченной позади линии запрета, а затем заключил его в квадрат.

Джоэл схватился за плечо и застонал. Хватка у Нализара оказалась железной.

Вот он и попался в западню щелкопера!

Завопив, Джоэл принялся шарить руками по невидимым стенам, но квадрат, похоже, был вычерчен на совесть.

– Идиот! – рявкнул Нализар, отирая лицо не замаранной кислотой манжетой сюртука. – С тебя новый сюртук! Если, конечно, переживешь эту ночь!

От кислоты кожа профессора покраснела, а глаза налились кровью. Нализару сильно повезло, что слабый раствор, смертельный для меллингов, для человека был не опасен.

– Я... – Нализар осекся, услышав, что в коридоре распахнулась дверь.

Профессор обернулся: в проходе возник широкоплечий силуэт. Пытаясь разглядеть в полумраке лицо незнакомца, Джоэл прищурился и в следующий миг обмер.

Инспектор Хардинг!

Нализар, с которого до сих пор капала кислота, на мгновение замер. Он глянул на Джоэла, а затем снова воззрился на Хардинга.

– А вот и ты! – воскликнул Нализар. – Наконец-то я тебя выследил!

Хардинг стоял недвижно. В полумраке его куполообразный полицейский шлем походил на шляпу-котелок. Он опустил ствол винтовки, упер дуло в пол и накрыл приклад ладонью, точно это было не ружье, а трость!

Шлем был надвинут на лоб так низко, что разглядеть глаз инспектора не представлялось возможным. Джоэл различил на его лице лишь жуткую ухмылку. Хардинг запрокинул голову и открыл рот, откуда в ту же секунду хлынул рой извивающихся меллингов. Соскальзывая с подбородка на грудь, твари непрерывным потоком устремились вниз по телу инспектора.

Выругавшись, Нализар припал на колени и очертил себя заградительной окружностью. Быстрыми, выверенными движениями уже через несколько мгновений профессор возвел защиту Истона.

«Подумать только!.. Хардинг! – воскликнул про себя Джоэл. – Как же я сразу не догадался?! Инспектор сетовал, что Лили Уайтинг

похитили чуть ли не из федерального полицейского управления, которое находилось по соседству с ее домом. А похищение Германа? Хардинг сокрушался, что мог бы спасти парня, если бы только знал о готовящемся нападении. В ту ночь он как раз патрулировал тот район, где живут Лайблы! Он все приговаривал, что шелкопер издевается и нарочно наносит удары у них под носом. А исчезновение Чарльза? Когда мы искали улики в доме Кэллоуэв, инспектор рассказывал, что был у рыцаря-сенатора накануне вечером и уговаривал его отправить Чарльза обратно в Армедиус. Вспомнить хотя бы прошлую ночь! Хардинг прискакал к центральным воротам с востока, тогда как должен был находиться на западе – в рифматической части кампуса. Почему? Да потому что это он устроил травлю дикими меллингами! Он пытался меня убить!.. Не только Экстон находился в приемной, когда профессор восхвалял меня. Хардинг тоже там был и внимательно слушал... Пыль меня побери!..»

Джоэл стал звать на помощь, молотя кулаками по невидимому барьеру линий запрета.

«Теперь все встало на свои места! – лихорадочно соображал Джоэл. – Теперь ясно, почему Хардинг нападал на студентов за стенами Армедиуса! Как ясно и то, зачем он похитил сына рыцаря-сенатора! Инспектор хотел посеять панику, чтобы заставить всех студентов-рифматистов прятаться не по домам, а в академии. Хардинг взял территорию кампуса под охрану, загнал всех рифматистов – включая добрую половину тех, кто обычно ночевал дома, – в общежитие, а затем запер их под предлогом соблюдения мер безопасности. И все это Хардинг проделал с одной лишь целью – уничтожить всех рифматистов одним ударом!»

За этими мыслями Джоэл все кричал и тщетно молотил кулаками по стенам своей невидимой тюрьмы. Он попробовал вопить громче, но звук его голоса вдруг пропал. Джоэл огляделся по сторонам и различил символ безмолвия, почти незаметный на белой стене. Знак был начертан на достаточном удалении и скрадывал только громкие звуки, тогда как обычная речь звучала совершенно нормально.

Тем временем Хардинг распылил линию запрета – ту самую, на которую недавно налетел Джоэл, – и полчища меллингов устремились в атаку, обходя заградительный круг Нализара. Профессор работал не покладая рук и быстро отрисовывал за дугой окружности линии силы,

расстреливая меловых тварей одну за другой. Однако ощутимой пользы его старания не приносили: бесформенные меллинги прямо на глазах отращивали отстреленные части.

Чертыхнувшись, Джоэл бухнулся на колени и принялся ощупывать основание своей невидимой тюрьмы в надежде найти хоть какой-нибудь изъян. Наконец ему удалось обнаружить отрезок, где нога Нализара, по всей видимости, дрогнула: меловая линия здесь была недостаточно широкой и четкой.

Послунив палец, Джоэл принялся затирать линию, но вскоре осознал, что эта тактика никуда не годится. Линии запрета считались самыми прочными из четырех известных рифматике линий. Стереть ее можно было, лишь кропотливо работая вдоль длины – снимая один слой мела за другим. В книгах говорилось, что подобный процесс может занимать долгие часы.

Между тем у Нализара, хоть он и выстроил просто превосходную защиту Истона, дела шли из рук вон плохо: меллингов было слишком много. Хардинг, окутанный тенями и полумраком коридора, казалось, не двигался – стоял темным истуканом и улыбался своей жуткой улыбкой.

Не двигаясь с места, инспектор опустил руку и упер ствол винтовки в пол. Хардинг принялся водить им по полу, и Джоэл заметил, что на мушке ружья белеет кусочек мела. Поначалу ему показалось, будто инспектор рисует линию силы, однако уже через несколько мгновений Джоэл понял, что ошибся. В отличие от волнистой линии, линия Хардинга оказалась изломанной по всей длине... Точно такую полицейские обнаружили в доме Лили Уайтинг! Увлеченный поисками таинственного символа о четырех спиралях, Джоэл совершенно забыл о другой неизвестной рифматике линии!

Хардинг выстрелил зазубренной линией, точно линией силы. Она разбросала на своем пути кишмя кишящих меллингов и врезалась в заградительный круг. Пробормотав проклятие, Нализар потянулся, чтобы восстановить истончившуюся защиту, как вдруг с манжеты его сюртука аккуратно на дугу окружности капнула кислота. Не веря своим глазам, профессор уставился на образовавшуюся в защите брешь. Меллинги же, учуяв кислоту, прыгнули прочь, а затем один из них вдруг бросился на каплю и растворился. Его примеру последовал и второй меллинг, тогда как на третьего разбавленная кислота уже не

подействовала. Существа накиннулись на разъединенную брешь и принялись вгрызаться в ее края.

– Ты совершаешь большую ошибку, – сказал Нализар, взглядывая на Хардинга, который меж тем выводил вторую зазубренную линию.

Инспектор выстрелил снова. Пролетев сквозь брешь, линия сбила Нализара с ног и отбросила назад.

Джоэл разинул рот.

«Линия силы, способная воздействовать не только на мел! Это же просто... потрясающе!»

Накарябанная изменчивая масса меллингов схлынула, а Нализар остался лежать без чувств посреди своей окружности. Хардинг, чьих глаз Джоэлу разглядеть так и не удалось, улыбнулся еще шире и направился к следующей двери слева по коридору. Инспектор распахнул ее, и Джоэл увидел спящих в своих кроватях, ничего не подозревающих студенток.

Рой диких меллингов покатился по полу вслед за Хардингом и в один миг заполонил комнату. Джоэл закричал, но символ безмолвия заглушил его голос. Одна из девушек проснулась и села в постели – меллинги тут же облепили ее со всех сторон. Рот девушки широко открылся, но ни единого звука из горла так и не вырвалось: на стене комнаты был начертан очередной символ безмолвия, дабы никто из студенток своими криками не разбудил остальных.

Джоэлу ничего не оставалось, кроме как молотить кулаками невидимую стену и смотреть, как меллинги забираются в рот судорожно извивающейся девушке. Твари скользили вверх по ее телу и оставляли за собой сочащиеся кровью булавочные уколы. Похоже, все до одного они стремились заползти своей жертве в рот.

Девушка, не переставая, тряслась и содрогалась, пока не свалилась с кровати. Она каталась по полу, уменьшаясь и ссыхаясь на глазах. Джоэл с ужасом наблюдал, как ее тело, вдруг совсем съежившись, растворилось в корчащейся массе меллингов.

Хардинг созерцал происходящее из-под надвинутого на глаза шлема, а на губах его играла, обнажая зубы, широкая улыбка.

– Зачем?... – в сердцах воскликнул Джоэл. – Инспектор, зачем вы это делаете?

Не удостоив его ответом, Хардинг принялся за остальных студенток. Одну за другой меллинги поглотили всех девушек в комнате.

Не в силах более смотреть на чудовищное действо, Джоэл отвел взгляд и увидел, как расщепленные меллинги, вновь обретая очертания, оживают и выбираются из лужицы кислоты возле Нализара.

Инспектор прошел мимо Джоэла к следующей комнате, распахнул дверь и перешагнул порог. На внутреннем полотне двери уже белел символ безмолвия – вероятно, Хардинг нарисовал их заранее.

Бесформенные существа наводнили коридор и устремились вслед за инспектором в комнату. При одной только мысли, что сейчас будет со спящими девушками, Джоэла затошнило. Он упал на колени и вновь стал тереть линию запрета в надежде вырваться на свободу. Однако в глубине души он, конечно, сознавал: все попытки тщетны.

Откуда ни возьмись, подскочил меллинг и атаковал линию запрета. Отшатнувшись, Джоэл выхватил доллар и попытался отогнать тварь. Но та, не обращая ни на него, ни на монету никакого внимания, продолжала разрушать невидимый барьер.

И тут Джоэл осознал, что перед ним не дикий меллинг, а единорог! Он обернулся и увидел в конце коридора, откуда появился Хардинг, выглядывающую из-за угла Мелоди. Она нарисовала еще одного единорога, и тот поскакал на помощь первому. Джоэл поднялся на ноги и отступил назад, пораженный тому, насколько быстро меллинг Мелоди пробивает бреши в линии Нализара.

«А она и впрямь хорошо с ними управляется!» – подумал Джоэл, когда единороги расширили брешь достаточно, чтобы он мог вырваться на свободу. Обливаясь потом, он бросился к подруге.

– Мелоди!.. – шепнул он, понимая, что символы безмолвия попросту не позволяют говорить громче.

– Джоэл! – отозвалась она. – Творится что-то неладное. Ни у ворот, ни у здания администрации нет ни одного патрульного. Я пыталась достучаться до профессоров, но никто мне не открыл дверь!.. Постой, это профессор Нализар там, на полу?

– Да, – ответил Джоэл. – Пойдем, мы должны...

– Ты его вырубил! – удивленно воскликнула Мелоди, вставая с колен.

– Нет, я его не вырубал, – торопливо пояснил Джоэл. – Но я думаю, что ошибался на его счет. Мелоди, нам нужно...

Из комнаты вышел Хардинг и уставился прямо на них. Путь к лестнице был отрезан. Мелоди завизжала, но почти весь ее крик

поглотил символ безмолвия. Чертыхаясь, Джоэл потянул за собой девочку, и они бросились бежать по коридору – подальше от Хардинга.

Общежитие было коридорного типа, двери комнат располагались по обе его стороны. Каждый этаж представлял собой замкнутый квадрат, поэтому Джоэл не терял надежды зайти к Хардингу с тыла и вырваться на лестничную площадку.

Мелоди, бежавшая с ним бок о бок, вдруг схватила его за руку и потащила к одной из дверей.

– Моя комната! – воскликнула она. – Выберемся через окно!

Джоэл согласно кивнул – девочка распахнула дверь и снова завизжала. Глазам их предстали полчища меллингов, точно белые пауки забирающихся в открытое окно и расползающихся по стенам.

Выругавшись, Джоэл захлопнул дверь. На этот раз крик Мелоди оказался отнюдь не беззвучным – значит, в этой части коридора символов безмолвия не было.

Между тем меловые твари уже всю лезли из-под двери. Вдоль по коридору им на подмогу неслась еще одна волна. Путь назад был отрезан. Джоэл потащил Мелоди к лестнице и вдруг застыл как вкопанный. Навстречу катила третья волна!

Инспектор Хардинг взял их в окружение!

– О нет, нет, нет!.. Пыль меня побери! – восклицала Мелоди, опускаясь на колени и очерчивая их заградительной окружностью.

Закончив, она заключила ее в квадрат запрета и обреченно изрекла:

– Это конец! Здесь мы и помрем!

Из-за угла, бесшумно ступая, возник темный молчаливый силуэт Хардинга. Когда меллинги добрались до квадрата, инспектор остановился. Он поднял руку и завел настенный светильник, разогнав тени по углам.

Оказалось, что при тусклом свете инспектор выглядит еще более жутко, нежели в полумраке.

– Хардинг, давайте поговорим! – воскликнул Джоэл. – Мы же друзья! Зачем вам все это? Что с вами случилось на Небраске?

Вместо ответа Хардинг принялся рисовать на полу свою модифицированную линию силы. Тем временем меллинги изничтожили квадрат запрета и принялись за заградительную окружность. Меловые твари извивались и подрагивали, точно предвкушая, как будут раздирать плоть Мелоди и Джоэла.

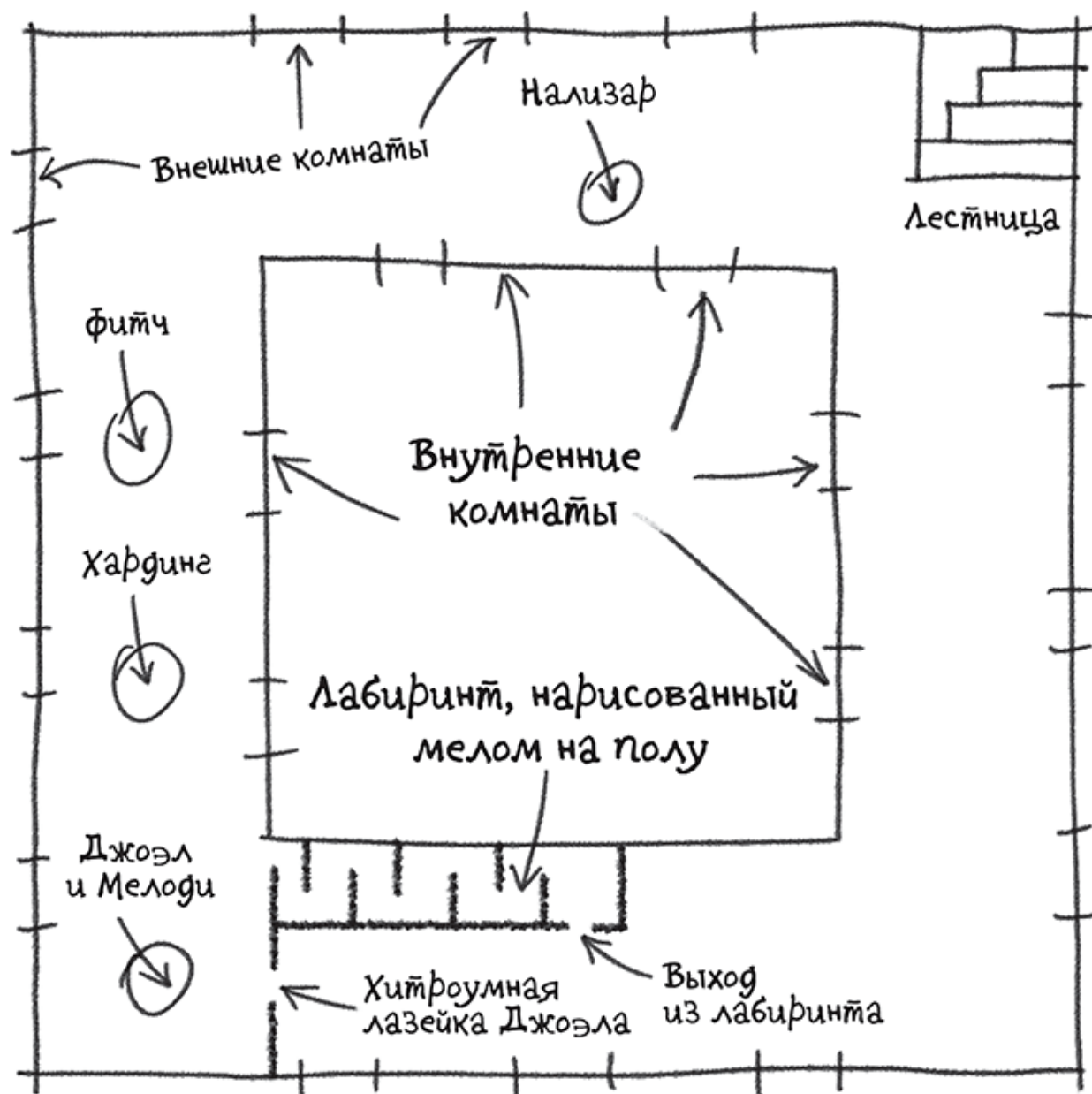
Вдруг отчетливо и ясно прозвенел разгневанный голос:

– Оставь их в покое!

Хардинг обернулся. В конце коридора стоял человек в расстегнутом сюртуке рифматиста, вооруженный двумя мелками.

Это был профессор Фитч.

Эскиз Джоэла с места ночного происшествия на втором этаже общезития рифматистов

Глава 24

По своему обыкновению, профессор Фитч дрожал. От Джоэла это не укрылось даже с дальнего конца коридора. Волна меллингов схлынула и покатилась на профессора.

Хардинг вскинул винтовку и взял Фитча на мушку.

Только профессор упал на колени и отчертил поперек коридора линию запрета, как раздался громкий щелчок, и тишину разорвал выстрел.

Пуля просвистела по коридору, ударилась о невидимый барьер и замерла в паре сантиметров от головы Фитча. Потеряв момент импульса, пуля отскочила и звякнула о пол.

Впервые за все это время они слышали Хардинга. Разгневанный инспектор взревел, да так громко, что символы безмолвия заглушили его голос. Однако этого оказалось достаточно, чтобы Фитч задрожал еще сильнее. Профессор посмотрел на Хардинга широко раскрытыми от страха глазами и окончательно смешался, но затем перевел взор на Джоэла и Мелоди, очерченных изъеденным кругом, стиснул челюсти и унял дрожь в руках. Окинув оценивающим взглядом надвигающуюся на него волну меллингов, Фитч выставил руки в стороны, ударил мелкими об пол и принялся чертить.

Джоэл встал на носочки и с благоговейным трепетом наблюдал, как Фитч, вращаясь вокруг своей оси, вычерчивает две заградительные – одна в другой – окружности одновременно. Обе получились идеально. Более совершенной защиты Джоэл в жизни не видел. Затем Фитч быстрыми движениями вывел несколько малых окружностей

снаружи. В то время как одной рукой профессор рисовал круги, второй он отчеркивал внутри них линии запрета для стабилизации.

«Фитч осмелился начертить защиту Тейлора!» – восхищенно подумал Джоэл.

– Профессор... – прошептал Джоэл, любуясь идеальной, поистине грандиозной защитой Тейлора. – Я верю, у вас все получится!

– Эй, Джоэл! Земля вызывает Джоэла! Нам надо делать ноги! – сказала Мелоди, встала на колени и распылила мелком остатки квадрата запрета.

– Нет, нельзя. – Джоэл глядел на Мелоди сверху вниз. – Это вовсе не те меллинги, к которым мы привыкли. Фитчу с ними не справиться, потому что их никак не уничтожить. Мы должны ему помочь!

– Но как?

Джоэл огляделся и скомандовал:

– Распыли все остальные линии вокруг нас.

Когда Мелоди закончила, Джоэл встал на колени и достал из кармана пальто голубой мелок.

– Ого! Вы посмотрите, кто начал носить с собой мелок! – воскликнула Мелоди.

– Этот мелок сделал мой отец, – пояснил Джоэл и набросал на полу небольшой эскиз длинного прямоугольного лабиринта. – Иди и начерти вдоль внутренней стены коридора точно такой же лабиринт из линий запрета. И сделай его как можно длиннее! Оставь два входа: в начале и в дальнем конце.

Мелоди кивнула, отчертила поперек коридора линию запрета, оставив две брешы, и принялась за лабиринт. Джоэл подошел и отчеркнул входы в лабиринт.

– Чем это нам поможет? – спросила Мелоди, споро работая над ловушкой.

– Увидишь, – сказал Джоэл и оглянулся посмотреть, как идут дела у профессора.

Фитч трудился как заведенный и, в отличие от Нализара, достойно противостоял Хардингу. Джоэл заметил, что профессору даже удалось поймать парочку меллингов щелкопера в ловушку из линий запрета.

Несмотря на успехи, внешняя защита Фитча была практически вся изъедена.

«Долго он так не протянет!» – подумал Джоэл.

Он осмелился дать Мелоди еще несколько секунд, а затем крикнул:

– Эй, Хардинг!..

Инспектор повернулся.

– Той ночью, в среду, ты вроде бы пытался меня убить? У тебя появилась замечательная возможность завершить начатое! Но если ты и дальше будешь медлить, то я, пожалуй, сбегаю за помощью и... – При этих словах Джоэл вдруг испуганно вскрикнул и умолк.

Упрашивать Хардинга не пришлось. Добрая треть меллингов в ту же секунду развернулась и хлынула по коридору на Джоэла и Мелоди. Хоть и отчасти, но ослабить натиск на осажденного профессора и выиграть немного времени им удалось.

Джоэл повернулся и что было духу побежал. Со своей задачей Мелоди справилась быстро, хоть и не безупречно.

«Линии, конечно, можно было сделать и поровнее! – подумал Джоэл. – Но что есть, то есть! И такое сгодится!»

Джоэл стрелой влетел в меловой лабиринт между двух длинных линий запрета и принялся петлять между линиями покороче. Как он и ожидал, меллинги гурьбой устремились за ним по пятам. Знай они, что его линия отнюдь не рифматическая, вполне могли бы наброситься и на Мелоди, но, как и в прошлый раз, обманулись. Впрочем, ничего удивительного в том не было: даже человек, доверившись своим глазам, хоть один раз в жизни да ошибается.

– Отчеркивай!.. – завопил Джоэл, выскакивая с другой стороны их импровизированного лабиринта.

Ни секунды не мешкая, Мелоди послушно чиркнула мелком и перегородила меллингам выход. Твари тут же развернулись и хлынули в обратном направлении.

– Быстрее! – воскликнул Джоэл, срываясь с места, хотя Мелоди и не думала отставать.

Обогнав петляющих меллингов, они протиснулись через проход, спрятанный Джоэлом за нерифматической линией, и Мелоди запечатала лабиринт. Поднявшись с колен, она тяжело перевела дыхание. Между тем меллинги, наткнувшись на линию запрета, гневно затряслись и накнулись на стены.

– Берегись!.. – обернувшись, вдруг воскликнул Джоэл: новая волна тварей оставила профессора и устремилась на них.

Взвизгнув, Мелоди отчертила линию запрета поперек коридора, а затем добавила еще парочку вдоль плинтусов, чтобы меллинги не смогли окружить их со стен.

Они снова угодили в ловушку. Хардинг не стал отзывать меллингов и оставил их прогрызать линию, отделявшую Джоэла и Мелоди от схватки.

– Кажется, мы больше ничем не сможем вам помочь! – воскликнул Джоэл, стараясь не повышать голоса из-за нарисованных повсюду символов безмолвия, а затем чуть тише прибавил: – Не подведите, профессор...

Фитч сражался с выражением напряженной сосредоточенности. Каждый раз, когда его одолевали сомнения, он взглядывал на Джоэла и Мелоди. При виде кишащих вокруг них тварей лицо его становилось решительнее, и он чертил еще усерднее.

Хардинг – он же щелкопер – осознав, что Фитч и не думает сдаваться, зарычал и задумал одолеть соперника

усовершенствованными линиями силы. В ответ профессор защищался линиями запрета – и так искусно, что отражал линии Хардинга в него же самого.

Джоэл часто дышал и ловил каждое движение профессора, в то время как Мелоди латала намечавшиеся в их защите бреши.

– Давайте, профессор! – повторял Джоэл. – Я верю, вы сможете!

Фитч работал неистово. Оборонялся не покладая рук, и делал это мастерски. Профессор нарочно позволял меллингам как можно ближе подбираться к ослабленным секторам своей защиты, а затем запирали их в ловушки из линий запрета.

Оградив себя от меллингов, Фитч ухмыльнулся и тоже нарисовал усовершенствованную линию силы – точь-в-точь как у Хардинга!

Зазубренная линия пролетела по коридору, отбросила изумленного инспектора назад, и тот с хрипом грохнулся об пол. Застонав, Хардинг поднялся на ноги, заключил себя в заградительную окружность и отчеркнул за дугой линию запрета.

«И когда это Хардинг успел заделаться рифматистом? – подивился Джоэл, впервые за все это время сознавая странность происходящего. – А какая линия запрета! Просто нечеловечески ровная! А ведь он не потрудился даже встать на колени! Начертил ее мелком, наклепленным на мушку винтовки!»

Ничуть не растерявшись, Фитч виртуозным рикошетом поразил защитный круг Хардинга в обход фронтальной линии запрета и вынудил того оградить себя еще парой линий, но уже с флангов. Тогда профессор выстрелил с отскоком о меловой барьер Мелоди, и линия силы поразила защитный круг инспектора сзади.

– Ух ты! – воскликнул Джоэл.

Хардинг взревел и отчеркнул линию запрета с тыла.

– Ага!.. – вскричал Фитч, когда меллинги прорвали его заградительную окружность.

– Профессор! – воскликнул Джоэл.

Фитч, однако, вскочил на ноги и бесстрашно выпрыгнул из круга, в то время как меллинги, алкая схватить свою жертву, набились в окружность до отказа. Существа замешкались, и Фитч, воспользовавшись этим, поспешно отчеркнул линию запрета и заточил их внутри своего собственного круга. Затем профессор бросился вперед по коридору, начертил параллельно невидимому барьеру

Мелоди еще один барьер и запер оставшихся тварей, после чего повернулся и взглянул на инспектора. Хардинг, кем бы он теперь ни был, стоял недвижно и взирал на происходящее затененными козырьком шлема глазами. Однако больше он не улыбался. Его зловещая сущность выжидала, наперед зная, что меллинги рано или поздно вырвутся на свободу и вновь бросятся в атаку.

– Профессор, – негромко окликнул Джоэл, которого вдруг посетила неожиданная мысль.

Вероятность, конечно, была невелика, но шанс все же имелся...

Фитч обернулся на зов.

– Часы! – воскликнул Джоэл. – Найдите часы!

Профессор нахмурился, но вопросов задавать не стал. Он ворвался в одну из студенческих комнат и через несколько мгновений вернулся с часами в руках. Он поднял их, показал Джоэлу и спросил:

– И что прикажешь мне с ними делать?

– Отломайте циферблат и покажите механизм Хардингу!

Отчаянно вцепившись в часы, Фитч оторвал циферблат и выставил шестеренчатые внутренности всем на показ. Хардинг, вскинув руки, выронил ружье и отпрянул.

Фитч перешел в наступление, держа перед собой тикающий механизм с закрученными пружинами и вращающимися шестеренками. Хардинг пронзительно взвизгнул, и его тень в тусклом мерцании единственного светильника вдруг задрожала и начала искажаться. Она почернела и потеряла всякую четкость, став похожей на набросок углем.

– Провалиться мне в недра!.. – вскрикнул Фитч. – Это же забвенный!

– Да скажет мне кто-нибудь, кто такой этот забвенный? – воскликнул Джоэл.

– Забвенные – порождения Небраска, – ответил Фитч. – Они управляют дикими меллингами, вот только... Как этот забвенный забрался так далеко? И как он прицепился к Хардингу? Я даже не думал, что такое возможно! Джоэл, все это очень плохо...

– О том, что все плохо, я уж и сам догадался, – сказал Джоэл. – Как нам его уничтожить?

– Кислотой! – ответил Фитч, надвигаясь на инспектора. – Нам нужна кислота!

– Мелоди, убери свой барьер, – попросил Джоэл.

– Но...

– Скорее!

Мелоди присела и распылила линию запрета. Джоэл пулей промчался по коридору и сбежал вниз по лестнице, где своего часа дожидалось второе ведро с кислотой. Схватив его, он взлетел вверх по ступенькам, пробежал по коридору мимо лежащего без чувств Нализара и встал за спиной у Фитча.

Приблизившись к профессору, Джоэл замешкался. И неудивительно – ведь меллинги, заточенные Фитчем в ловушке, вырвались и хлынули наружу.

Сделав глубокий вдох, Джоэл плеснул кислоту Хардингу под ноги. Поток смысл и линию запрета, и заградительную окружность. Брызги попали и на ожившую тень, которая тут же растворилась без остатка, точно была нарисована углем или черным мелом.

Инспектор вскрикнул, а затем обмяк и повалился на пол.

Меллинги застыли на месте. Никто не осмеливался нарушить воцарившуюся тишину.

Джоэл напрягся, не спуская взгляда с оцепеневших. Однако, похоже, они замерли навсегда.

«Мы их одолели! У нас получилось!»

– Ну и ну! – Фитч отер лоб. – Я только что победил в дуэли. Между прочим, впервые в своей жизни! И мои руки почти не дрожали!

– Профессор, ваша дуэль была просто фантастическая! – воскликнул Джоэл.

– Не знаю, что и сказать... После того как я выдворил вас, сна ни в одном глазу. Мне стало ужасно совестно... За свои слова, понимаете? Вы столько раз говорили дельные вещи, а я что? Я даже не слушал! Вот и подумал, а вдруг вы и на этот раз правы? В общем, я отправился разыскать вас и обнаружил перед входом в общежитие двух полицейских... – Фитч вдруг умолк, а затем воскликнул, показывая на меллингов. – Вы только посмотрите! Что это с ними?

Джоэл обернулся: все до единого меллинги дрожали, и дрожали сильнее обычного. В следующую секунду существа начали расти.

«Ой-ой-ой!..» – Джоэл вдруг догадался, что происходит.

– Распылите вокруг них линии запрета! Быстрее!

Фитч и Мелоди недоверчиво уставились на него.

– Я знаю, что делаю! – воскликнул Джоэл, со страхом глядя, как меллинги начинают обретать форму.

Профессор бросился к своему заградительному кругу и начал высвобождать существ из ловушки. Мелоди, одарив Джоэла выразительным взглядом – «Надеюсь, ты и вправду знаешь, что делаешь!» – нагнулась и принялась распылять свои линии.

Один из меллингов стал набирать объем, и уже через несколько мгновений перед ними стояла девушка, которую совсем недавно меловые твари пожрали на глазах у Джоэла. От удивления Фитч даже вскрикнул. Достав второй мелок, профессор ускорился, опасаясь, как бы остальных не размазало по невидимым стенкам ловушек.

Не прошло и нескольких минут, как Джоэл, Мелоди и Фитч оказались в маленькой толпе растерянных людей. Среди них было несколько студентов, и Герман Лайбл в их числе. Но в большинстве своем их окружали уже взрослые, разменявшие третий десяток рифматисты в сюртуках выпускников – рифматисты, понюхавшие дикого мела на Небраске.

– Уильям? – окликнула Мелоди, взглядывая на рыжего молодого человека.

– Какого мела я здесь делаю? – воскликнул Уильям. – Мелоди? Что, черт возьми...

Он замолк на полуслове, когда сестра заключила его в объятия.

В этот момент в коридоре послышались шаги. Из-за угла появился помертвевший Нализар. В руке он по-прежнему сжимал мелок, а с сюртука все еще капала кислота.

– Я спасу... – Нализар осекся. – О!..

– Вы как раз вовремя, профессор! – воскликнул Джоэл.

Внезапно его одолела страшная усталость. Прислонясь спиной к стене, он сполз на пол. Подошла Мелоди и уперла руки в бока. Потерянный Уильям следовал за ней по пятам.

– Неужели уже выдохся? – спросила она с улыбкой.

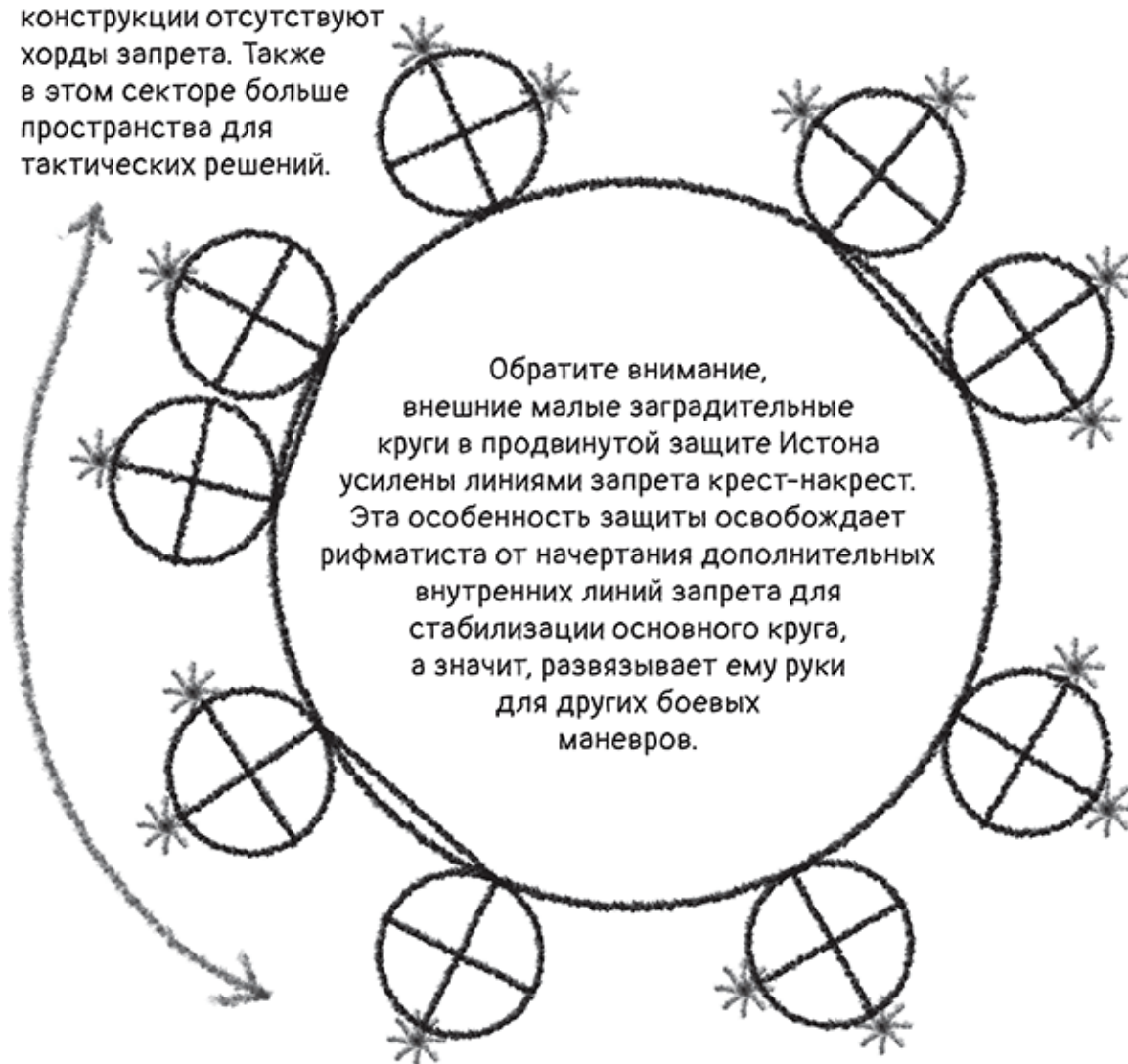
– Сущая трагедия? – улыбнулся Джоэл.

– И не говори!

ПРОДВИНУТАЯ ЗАЩИТА ИСТОНА

Этот сектор девятиточечной заградительной окружности защищен лучше остальных благодаря большому количеству малых заградительных окружностей и линий запрета. Опытный рифматист в первую очередь сосредоточит внимание на юго-восточном фронте. Этот выбор очевиден, поскольку в юго-восточной части оборонительной конструкции отсутствуют хорды запрета. Также в этом секторе больше пространства для тактических решений.

Этот сектор оборонительной конструкции изобилует точками привязки, которые позволяют рифматисту породить множество охранных меллингов и тем самым установить господство на северо-восточном фронте.

Студентам будет не лишним провести сравнительный анализ базовой защиты Истона с версией какого-нибудь продвинутого рифматиста. Следует заметить, что даже базовую защиту Истона изобразить весьма непросто, а если представить, что подобную конструкцию придется вычерчивать в стрессовой ситуации — на дуэли или в условиях боя — то и вовсе невозможно.

Глава 25

– Я полагаю, мы должны извиниться перед профессором Нализаром, – сказал ректор Йорк.

– В первую очередь, сэр, я бы извинился перед Экстоном, – пожал плечами Джоэл.

Усы Йорка дрогнули в усмешке.

– Это дело, сынок, уже улажено! Уже улажено!

Йорк и Джоэл беседовали у входа в зал защитных искусств. Народ валом валил поглазеть на турнир. Всего через один сумасшедший день после победы над щелкопером ректор объявил кампус академии вновь открытым. Йорк нарочно стремился сделать заявление как можно скорее, чтобы показать всем, что академия Армедиуса неустрашима и останется таковой и впредь. В заявлении прессе он акцентировал внимание не только на возвращении исчезнувших студентов, но и на вызволении десятка рифматистов, которые считались погибшими на Небраске. Газетчики от таких новостей просто с ума посходили.

– Подумать только! Открыта не одна, а сразу две рифматические линии! – заложив руки за спину, воскликнул чрезвычайно довольный Йорк.

– Ага... – растерянно отозвался Джоэл.

Ректор внимательно посмотрел на него, а затем сказал:

– Джоэл, я направил несколько писем своим друзьям, ректорам других академий.

Джоэл удивленно воззрился на Йорка.

– Полагаю, в свете последних событий некоторые почтут за честь исполнить свои обязательства перед твоим отцом и выплатить вашей семье причитающееся вознаграждение. И академия Армедиуса их в этом непременно поддержит. Быть может, вы и не станете сказочно богаты, как мечтал Трент, однако долги покрыть денег точно хватит. И что-нибудь, вероятно, даже останется. Сынок, перед тобой и Фитчем мы в неоплатном долгу.

– Не таком уж и неоплатном, – ухмыльнулся Джоэл. – Как насчет пары хороших мест на «Дуэлянте» в знак признательности?

– Уже зарезервированы за тобой, сынок! Лучший ряд!

– Класс!.. Спасибо!

– Нет, сынок, это мы должны тебя благодарить! – отозвался Йорк.

Краем глаза Джоэл заметил, что к ним приближается пара мужчин в очень дорогих костюмах. Джоэл узнал рыцаря-сенатора Кэллоуэя.

– О, покорнейше прошу меня извинить, – раскланялся Йорк. – Но мне должно занять внимание вон тех политиканов.

– Конечно, сэр, – сказал Джоэл, и ректор удалился.

До начала турнира времени было еще предостаточно, поэтому Джоэл остался стоять у парадного крыльца и наблюдать за людским потоком, тянувшимся через широкие двери. Турнирная арена стремительно заполнялась зрителями. А вот показались и Экстон с Флоренс. В последнее время они как будто даже стали реже спорить.

Инспектора Хардинга отстранили от службы, хоть он и утверждал, что совершенно ничего не помнит. Джоэл был склонен ему верить: слишком уж явно переменилось его поведение. Однако власти выводов делать не спешили. Судя по всему, паразитическое поведение забвенного было всем в новинку, и рисковать, отпуская Хардинга на свободу, никто не хотел.

Теперь Джоэл подозревал, что на Небраске запросто могло произойти то же самое, что ежегодно происходило в палатах инициации с детьми. В книге – читать которую, кстати говоря, ему воспрещалось, – он нашел упоминание о некоем сумрачном страннике, неизменно появлявшемся во время церемонии посвящения в рифматисты.

Вероятно, именно этого странника он и видел во время своего обряда инициации. Расспросив сверстников, которым не довелось стать рифматистами, Джоэл выяснил, что те во время инициации

ничего странного не замечали. Он уже знал, что интересоваться подобным у рифматистов, даже у Мелоди, – понапрасну тратить время. О своем опыте они предпочитали не распространяться.

Зачем сумрачный странник являлся ему во время обряда? Почему не сделал его рифматистом? Оставалось только догадываться. Однако чутье подсказывало, что весь процесс инициации был отнюдь не таким простым, каким многие его считали.

Хардинг, например, и вовсе никогда не выказывал наклонностей к рифматике, и теперь, когда все было кончено, не мог начертить и самой простой рифматической линии. Каким-то образом забвенный наделил Хардинга способностью к рифматическому начертанию. Вероятно, во время инициации происходит нечто подобное. Вполне может статься, что сумрачный странник оделяет детей рифматическими способностями.

От осознания этого Джоэлу стало не по себе. Выходит, существуют и другие способы стать рифматистом? Один из них предполагает связь с чем-то темным и убийственным. А остальные?

В душе Джоэла снова затеплилась надежда. Хорошо это было, плохо ли, признаться себе он пока не решался.

– Джоэл! – воскликнул упитанный Экстон, поспешая к юноше и пожимая ему руку. – Не знаю, как тебя и благодарить, парень! Фитч говорит, ты ни секунды не сомневался в моей невиновности. Даже когда меня взяли под стражу!

– Если честно, Хардинг почти убедил меня в обратном, – признался Джоэл. – Но кое-что не сходилось, и я не оставлял сомнений. И правильно делал! Взять хотя бы найденные в столе улики! Теперь-то я понимаю, что это инспектор подбросил их тебе, когда нагрянул в приемную с обыском.

Экстон кивнул. И Лили Уайтинг, и Чарльз Кэллоуэй опознали в Хардинге человека в котелке с тростью.

– Что ж, парень, ты настоящий друг! – произнес Экстон. – С большой буквы!

– Значит, теперь ты и ворчать на него не будешь? – улыбнулась Флоренс.

– Тут я ничего обещать не могу, – сказал Экстон. – Все зависит от того, будет он отвлекать меня от работы или нет! Кстати, о работе... Я ведь судействую на турнире! Мастер милостивый! Представляю, что

было бы, если бы меня не освободили! Никто не разбирается в правилах этого треклятого «Дуэлянта» лучше меня!

С этими словами Экстон, а за ним и Флоренс направились ко входу.

Джоэл остался снаружи. По традиции рифматисты появлялись позднее всех, когда большинство зрителей уже рассядется по местам, и этот день исключением не стал. Студенты только-только начали стекаться к залу защитных искусств. На входе их поджидал Экстон. Рифматисты тянули жребий, определявший, в какой части арены тот или иной претендент – или группа претендентов – будет чертить защиту.

– Эй, привет! – послышался из-за спины знакомый голос.

Повернувшись, он улыбнулся. На Мелоди была обычная для рифматистки униформа – блуза и юбка. Правда, последняя доставала ей до лодыжек и имела разрез, задуманный для вящего удобства при начертании на коленях – на них Мелоди, похоже, надела еще и наколенники.

– Ну что? Пришел посмотреть, как меня будут унижать?

– Учитывая, как ты сражалась той ночью с меллингами, сомневаюсь, что ты дашь себя в обиду.

– Мы оба знаем, что мои линии запрета вряд ли задержали бы тварей надолго.

– Чем бы сегодняшнее состязание ни закончилось, ничто не отменит того факта, что ты помогла вызволить из плена без малого тридцать рифматистов! – сказал Джоэл. – И кто бы ни стал победителем турнира, ему придется мириться с мыслью, что, пока он дрых без задних ног в своей комнате, ты в коридоре за его дверью занималась тем, что избавляла все шестьдесят островов от смертоносной напасти.

– Резонно! – согласилась Мелоди, а затем вдруг поморщилась.

– Что не так? – спросил Джоэл.

Девочка кивнула на нескольких человек в рифматических сюртуках, направлявшихся к залу защитных искусств. Среди них он узнал ее брата, Уильяма.

– А рядом с ним кто? Твои родители?

Мелоди кивнула, а Джоэл задумался, почему же она так нелестно отзывалась о них. Они представлялись Джоэлу сущими изуверами,

однако с виду показались милейшими людьми. Мать Мелоди выглядела безупречно: искусный макияж и тщательно уложенные волосы притягивали взгляд. Отец же выделялся идеальной квадратной челюстью и благородной осанкой...

– Кажется, я понял, что ты имела в виду, – осенило Джоэла. – Не так-то просто жить с мыслью, что нужно соответствовать их стандартам?

– В точку, – отозвалась Мелоди. – Поверь мне, уж лучше быть сыном меловых дел мастера!

– Что ж, буду иметь в виду...

Когда семья Мелоди прошла на арену, та нарочито трагично вздохнула и произнесла:

– Полагаю, пробил мой час. Пойду и со смирением приму унижение, уготованное мне этим залом.

– Какой бы оборот ситуация ни приняла, твое выступление произведет на всех неизгладимое впечатление, – заверил ее Джоэл. – Я в этом уверен.

Мелоди двинулась к арене, а Джоэл, который хотел было проследовать за ней, вдруг решил помедлить. К залу защитных искусств приближались двенадцать рифматистов. Юноши вышагивали в белых слаксах, а девушки – в белых юбках. И те и другие по случаю турнира облачились в бордовые блузы. Это была команда Нализара, и возглавлял ее профессор собственной персоной.

«Как это возможно?.. – задался вопросом Джоэл. – Одним только своим присутствием Нализар обращает обыкновенных подростков в надменных гордецов, взирающих на всех свысока...»

Между тем профессор, скрестив руки на груди, стоял при входе в зал защитных искусств и строго по одному впускал своих подопечных внутрь.

Джоэл стиснул зубы и принудил себя войти в здание за Нализаром. Тот свернул в коридорчик по правую руку и устремился к лестнице в наблюдательную комнату. Джоэл поспешил следом. Вестибюль уже практически опустел. За дверьми, ведущими на арену, зал гудел, точно улей.

– Профессор! – окликнул Джоэл.

Оглянувшись, Нализар удостоил его лишь мимолетным взглядом и продолжил свой путь.

– Профессор, я бы хотел извиниться, – сказал Джоэл.

На этот раз Нализар повернулся и пристально посмотрел ему в лицо. Джоэл никак не мог отделаться от мысли, что профессор смотрит на него так, словно видит впервые в жизни.

– Извиниться за то, что распускал слухи, будто я похититель?

Джоэл побледнел.

– Думаешь, я слепой и глухой? Я прекрасно наслышан о твоей клевете!

– Что тут скажешь... Был не прав, – признал Джоэл. – Извините.

Профессор только повел бровью. Вероятно, это означало, что извинения приняты.

– Теперь до меня дошло, что вы появились в Армедиусе неспроста. Вы преследовали Хардинга? – спросил Джоэл.

– Да, – подтвердил Нализар. – Я знал: что-то вырвалось на свободу, однако на Небраске мне никто не поверил. Мои подозрения пали на Хардинга. Все указывало на него. Я подал прошение и получил от властей увольнение. Так я и оказался в Армедиусе. А затем начали пропадать люди, и мои опасения подтвердились. Забвенный может быть очень изворотливым, поэтому, прежде чем действовать, я намеревался собрать веские доказательства. Как ты уже понял, обвинять ни в чем не повинных людей – хуже не придумаешь!

Скрипнув зубами, Джоэл поинтересовался:

– Так что же это за тварь такая прицепилась к Хардингу?

– Я же сказал: забвенный, – ответил Нализар. – Остальное узнаешь из газет.

– Вряд ли журналистам сообщают такие подробности. Ни в одной газете я подобного не прочту. Я надеялся, что...

– Я не намерен обсуждать вопросы рифматики с обывателем! – рявкнул Нализар.

Джоэл сделал глубокий вдох и произнес:

– Ладно, как скажете...

Нализар в очередной раз вскинул бровь.

– Профессор, я не хочу ссориться. В конце концов, мы ведь оба работали во имя общего блага. Если бы мы действовали сообща, то наверняка покончили бы со всем этим раньше и добились бы больших успехов.

– Гораздо больших успехов я бы добился, если бы ты не путался у меня под ногами! – отрезал Нализар. – Твоя идиотская выходка спутала мне все карты! Не плесни ты в меня кислотой, у меня достало бы сил расправиться с этим глупцом Хардингом!.. А теперь прошу извинить – меня ждут!

С этими словами Нализар развернулся и продолжил свой путь.

«Достало бы сил?..» – нахмурился Джоэл.

– Профессор!

– Что еще? – Нализар остановился, но даже не подумал обернуться.

– Я просто хотел пожелать вам удачи. Чтобы на турнире вам повезло так же, как пару ночей назад в общежитии.

– В смысле «повезло»? Что ты имеешь в виду?

– Хардинг мог убить вас той ночью, – заметил Джоэл. – Он выстрелил в профессора Фитча, но в вас почему-то стрелять не стал, хотя никто не мешал ему этого сделать. И ничто не остановило бы пулю. Перед вами не было линии запрета...

Нализар, по-прежнему стоя к нему спиной, не проронил ни звука.

– Кроме того, – прибавил Джоэл, – пока вы были без сознания, Хардинг запросто мог натравить на вас всю свою ораву меллингов, но он и этого не сделал. Просто оставил вас в покое и направился к студентам. Будь я на его месте, в первую очередь обратил бы вас в своего дикого меллинга. Просто неслыханное везение, учитывая, что вы на тот момент были единственным опытным взрослым рифматистом в общежитии, способным дать ему отпор.

Джоэл невольно покачал головой, не в силах поверить, что он это сказал. Слова срывались с языка прежде, чем он успевал их осмыслить.

«Пыль меня побери! Не успел извиниться, как тут же снова обвиняю! Похоже, я и впрямь заикнулся на этом человеке!»

Он открыл было рот, чтобы взять свои слова обратно, однако они застряли в горле, когда Нализар вдруг резко обернулся.

– Интересные умозаключения, – тихо, без прежней усмешки проговорил профессор, лицо которого теперь скрывала тень.

Джоэл отшатнулся и оступился.

– Есть еще теории? – спросил Нализар.

– Мне... – Джоэл судорожно сглотнул. – Мне кажется, что та тварь, управлявшая Хардингом, была не слишком-то сообразительной. Во-первых, сражаясь с Фитчем, она умудрилась заблокировать саму себя в квадрате из линий запрета. Во-вторых, она так слабо координировала своих меллингов, что нам с Мелоди не составило труда сбежать от них. И в-третьих, кроме как закричать или зарычать, больше она сказать ничего не умела. Однако же дело с похищениями рифматистов выглядит весьма замысловатым. Стоит только вспомнить улики, подброшенные Экстону! А похищения лучших из лучших, чтобы загнать всех остальных рифматистов в кампус, а затем одним махом обратить их в диких меллингов? Похоже, забвенный, с которым мы боролись, овладевал сознанием Хардинга исключительно по ночам. А днем инспектор, ничего не подозревая, вел себя как обычно. Не он строил коварные планы. И отнюдь не забвенный, не отличавшийся сообразительностью. Все это навело меня на мысль... Быть может, он всего лишь марионетка? И за всем этим стоит кто-то поумнее?

Нализар повернулся к Джоэлу и теперь нависал над ним, точно башня. Выражение лица его изменилось. Джоэлу оно было знакомо. В ночь, когда он увидел профессора в окне кабинета, тот посмотрел на него сверху вниз точно таким же взглядом.

От высокомерия Нализара не осталось и следа. На смену ему пришла холодная расчетливость. Похоже, тот Нализар, которого все знали, был не более чем образом, искусно созданным для отвода глаз. За ненавистью к молодому профессору-выскочке люди не примечали исходящей от него угрозы.

Джоэла бросило в пот, он невольно попятился. Профессор неспешно двинулся на него.

– Джоэл, ты ведешь себя так, будто чего-то опасаясь... – произнес Нализар, и глаза его на миг подернулись мгlistой угольной чернотой.

– Кто вы такой? – прошептал Джоэл.

Остановившись в нескольких шагах, Нализар улыбнулся.

– Настоящий герой... Ты сам об этом публично заявил, – тихо произнес Нализар. – Профессор, которого все недолюбливают, но у которого оказалось благородное сердце. Профессор, который знал, что слишком слаб, чтобы одолеть врага. Профессор, который, несмотря на упадок сил, пришел студентам на выручку – пускай и слишком поздно.

– Ваша дуэль с Хардингом была спектаклем! – воскликнул Джоэл, припоминая, как Нализар изумился, когда столкнулся с ним в коридоре общежития.

Увидав же Хардинга, тот скорее встревожился, чем удивился. Нализар прекрасно сознавал: один неверный шаг, и правда тут же вскроется.

«Но мог ли Нализар так резко поменять свои планы? – спросил себя Джоэл. – Героически напасть на Хардинга, только чтобы меня одурачить?»

– Вы не позволили бы Хардингу убить меня. Так и лежали бы, якобы без сознания, пока ваша марионетка обращала бы студентов в меллингов. Очнувшись в последний момент, вы спасли бы нескольких студентов и прослыли бы героем. Однако Армедиус все равно был бы уничтожен! – звенел голос Джоэла в пустом коридоре.

– Джоэл, что решат люди, когда услышат твою новую, столь неутешительную правду? – спросил Нализар. – Ибо всего пару дней назад ты во всеуслышание признал меня настоящим героем. Боюсь, после этого заявления ты покажешься всем чертовски непоследовательным малым...

«А ведь он прав, – цепenea, подумал Джоэл. – Никто мне теперь ни в жизнь не поверит. Только не после того, как я сам поручился за Нализара! Да и Мелоди с Фитчем подтвердили мои слова... Доложили, что Нализар и вправду в самом конце схватки подоспел на подмогу».

Джоэл встретился взглядом с профессором и вновь увидел мглу в глубине его глаз. Все это оказалось отнюдь не игрой воображения, как ему сперва подумалось. Черными угольными росчерками тьма и в самом деле прихотливо клубилась в глазах профессора, то и дело заволакивая белки.

– Мне жаль... – вдруг сказал Нализар и кивнул ему в знак уважения (такого жеста от надменного профессора Джоэл никак не ожидал). – Я тебя недооценил... Но, видишь ли, я не вижу разницы между теми, кого не посвятили в рифматисты. Обыватели для меня все на одно лицо. Но ты... Признаю, ты особенный. Удивительно, почему они не захотели, чтобы ты вступил в ряды избранных?

– Я был прав... – прошептал Джоэл. – Все это время я был прав насчет вас! Я знал! Знал!..

– О, ты сильно заблуждаешься! Тебе только кажется, что ты знаешь. Ты же не ведаешь и малой толики того, что происходит на самом деле!

– Кто вы такой? – повторил свой вопрос Джоэл.

– Учитель, – отозвался Нализар. – И в то же время – ученик.

– Книги, которые вы брали в библиотеке, – догадался Джоэл. – Вы не пытались открыть ничего нового! Вы интересовались, как далеко мы продвинулись в исследовании рифматики, чтобы иметь представление о наших возможностях!

На это Нализар ничего не ответил.

Еще одна догадка мелькнула в голове Джоэла. Это существо пришло за юными рифматистами. В последние несколько столетий битва за Небраск разворачивалась явно не в пользу Башни и ее диких меллингов. Рифматисты были сильны и держали уверенную оборону. Однако если эта тварь в теле Нализара доберется до студентов, прежде чем те закончат обучение...

«Появление одного рифматиста возможно только после смерти другого, – размышлял Джоэл. – Нарушится ли заведенный порядок, если рифматист обратится в меловое чудище, а не умрет?»

А если исчезнут рифматисты, исчезнет и великий заградительный круг Небраска!

Осознание этого тяжким бременем легло на плечи Джоэла.

– Нализар... Тот, который был человеком... – произнес Джоэл. – Он погиб? Вы убили его на Небраске, когда он прошел в брешь заградительного круга и отправился на розыски брата Мелоди? И Хардинг был с ним? Мелоди рассказывала, что Нализар возглавил экспедицию, но какая же экспедиция обходится без солдат? Тогда-то вы и завладели их телами! А затем отправились в Армедиус!

– Вижу, тебе нужно время подумать, – сказал Нализар.

Джоэл сунул руку в карман, вытащил золотую монету и заслонился ею от Нализара, точно щитом.

Существо, глянув на монету, выхватило ее у Джоэла из пальцев, поднесло к свету и всмотрелось в часовой механизм.

– Знаешь ли ты, почему многих из нас так пугает время? – спросил Нализар.

Джоэл промолчал.

– Потому что время – выдумка человечества. Человек упорядочил его ход. Хотя, по сути, секунды и минуты, из которых складываются часы, не имеют совершенно никакого значения. Деление времени, введенное в обиход человеком, условно. Время – это фикция. – Профессор не спускал глаз с Джоэла. – И все же в руках человеческих подобные вещицы, а вместе с ними и время, как ни странно, оживают. Условность становится непреложной истиной, законом. И пришельцу эти законы, разумеется, чужды. Они тревожат, сбивают с толку и пугают.

С этими словами Нализар бросил монетку обратно Джоэлу.

– Однако некоторые из нас стремятся познать неведомое. Ибо, когда начинаешь понимать суть вещей, перестаешь бояться. А теперь прошу меня извинить. Турнир сам себя не выиграет!

Джоэл остался беспомощно наблюдать, как существо в шкуре Нализара поднимается вверх, чтобы присоединиться к профессорам академии в наблюдательной комнате. Оно проиграло сражение, но не войну. Чего от него ждать дальше?

«Какую судьбу уготовил Нализар своей команде студентов? Зачем вообще собирал вокруг себя группу преданных рифматистов? – спросил себя Джоэл, и тут его осенило. – Победители „Дуэлянта“ по традиции сразу получают продвижение по службе! Становятся капитанами... Пыль меня побери!»

Джоэл побежал к арене, лихорадочно соображая на ходу.

«Но что же делать? Ни одна душа мне не поверит – особенно теперь!»

Студенты уже заняли свои места на дуэльной арене. Кто-то собирался вступить в бой командой, а кто-то в одиночку. К последним относилась и Мелоди. По несчастливому жребию девочке досталось место в самом центре поля, где ей предстояло отбиваться от нескольких противников сразу.

Сгорбившись и понутив голову, Мелоди стояла на коленях. Унылый вид, от которого у Джоэла все внутри сжалось, говорил яснее всяких слов – подруга в отчаянии.

Теперь Джоэл отлично понимал замысел Нализара. Последний год обучения рифматисты проводили на Небраске. И те из них, кто ранее побеждал на турнирах, получали власть над всеми остальными выпускниками-рифматистами. Именно этого Нализар, желая выиграть

турнир, и добивался для своих подопечных. Ему нужны были верные и преданные капитаны.

«Нельзя допустить их победы!..» – воскликнул про себя Джоэл, озираясь по сторонам в поисках помощи.

Взгляд остановился на Экстоне, который наставлял ассистентов, приглашенных ему на подмогу из города. Помощники должны были отслеживать появление брешей в заградительных окружностях и вовремя удалять проигравших рифматистов с поля боя.

Джоэл перевел дыхание и подошел к Экстону.

– Существует ли правило, запрещающее обыкновенным студентам участвовать в «Дуэлянте»?

– Джоэл?.. – вздрогнул от неожиданности Экстон. – Ты к чему это?

– Так существует или нет? – спросил Джоэл.

– Нет... – ответил Экстон. – Однако в турнире могут участвовать только те студенты, кто приписан к одному из рифматистов профессорского состава. А поскольку обыкновенных студентов профессора под свое крыло не берут...

– А как же я? – перебил его Джоэл.

Экстон удивленно моргнул:

– Что ж, полагаю, раз ты приписан на время летнего факультатива научным ассистентом к Фитчу, чисто технически участвовать в турнире тебе не воспрещается... Но, Джоэл!.. Ты ведь понимаешь, как ты глупо будешь выглядеть среди рифматистов?

Юноша глянул на арену. В этом году за звание «Дуэлянт» собралось побороться сорок претендентов.

– Я буду выступать за команду профессора Фитча, – сказал Джоэл. – В одном заградительном круге с Мелоди.

– Джоэл, послушай...

– Экстон, просто внеси меня в список участников! – бросил тот через плечо, выбегая на арену.

Появление Джоэла вызвало всеобщий переполох. Зрительские трибуны загудели. Студенты бросали на него изумленные взгляды. Одна только Мелоди, ничего вокруг не замечая, сидела с понуренной головой. А между тем все вокруг Джоэла оживленно перешептывались, кое-где даже раздавались взрывы хохота.

Большие настенные часы принялись отбивать полдень. Как только стихнет двенадцатый удар, начнется состязание. Сорок мелков со стуком прижались к черному каменному полу. Нерешительно вытянула руку и Мелоди.

Рядом на колени бухнулся Джоэл и приставил свой мелок к мелку подруги.

– Джоэл?.. – уставилась на него потрясенная Мелоди. – Какого мела ты тут делаешь?

– Выражаю свое недовольство твоим поведением, – сказал Джоэл.

– В смысле?..

– Пошла позориться, а меня с собой не позвала!

Смутившись, Мелоди просветлела лицом и улыбнулась.

– Вот дуралей! Ну облажаешься ты быстрее меня, и что дальше? Что ты этим докажешь?

– Никто и не думает облажаться, Мелоди! – сказал Джоэл, вскидывая наизготовку голубой мелок своего отца (пробил шестой удар). – Повторяй за мной!

– Как это?

– Просто обводи мои линии! – воскликнул Джоэл. – Пыль меня побери, ты же все лето тренировалась! Уверен, в этом тебе здесь нет равных! Видишь голубую черту – рисуй поверх белую, ясно?

Мелоди нахмурилась, а затем ее губы растянулись в широкой озорной улыбке.

Часы пробили в двенадцатый раз, и Джоэл принялся очерчивать их большой окружностью. Мелоди, не отставая, точно следовала за голубой линией. Покончив с кругом, Джоэл вдруг замер.

– Ты чего?

– Какую защиту чертим? Простую и надежную?

– Кто не рискует, тот глотает пыль! – отозвалась Мелоди. – Давай что-нибудь драматическое! Десятиточечную!

Джоэл улыбнулся и, прежде чем чертить дальше, прислушался к стуку мелков о камень. Он почти зачислил себя в рифматисты.

Затем Джоэл прижал мелок к полу, мысленно поделил круг на секторы и принялся за работу.

Притихший Фитч стоял посреди стеклянной наблюдательной комнаты, держа в руках чашку, из которой не сделал еще ни глотка. Профессор слишком нервничал и боялся расплескать чай. Наверняка только поднесет кромку к губам, и рука предательски дрогнет!

Обзорная комната производила весьма приятное впечатление своим темно-бордовым интерьером и льющим сверху мягким светом, призванным не отвлекать зрителей от происходящего на арене. Под ногами был металлический каркас с квадратными ячейками стеклянных сот, дабы предупредить случайный приступ головокружения: ведь наблюдателям приходилось стоять над самой ареной. Одним словом, все здесь было продумано до мелочей.

Фитчу нравилось здесь бывать. Отсюда ему довелось наблюдать бесчисленное множество дуэлей. Он наслаждался видом на арену и профессорскими привилегиями, хоть и переживал каждый раз, будто впервые.

– Профессор, да на вас лица нет! – раздался голос за спиной.

Фитч оглянулся и увидел приближающегося ректора. Профессор попробовал в ответ усмехнуться, но тщетно – ему удалась лишь вымученная улыбка.

– Нервничаете? – спросил Йорк.

– Не без этого, Томас... Увы, не без этого! – отозвался профессор. – Отныне я предпочитаю наблюдать за зимними турнирами. А знаете, по какой причине? Зимой у меня не будет студентов!

– Фитч! Дорогой мой! – воскликнул Йорк, похлопывая профессора по плечу. – О чем вы говорите! Два дня назад вы наголову разбили забвенного! Еще пыль не улеглась! Уверен, небольшой стресс от подростковых дуэлей вы уж как-нибудь да переживете!

– Гм... Наверное, вы правы, – попробовал улыбнуться Фитч. – Просто... сами знаете, как я отношусь к подобного рода конфронтациям.

– Смею вас заверить, сегодня на арене никаких конфронтаций не предвидится! – раздался в обзорной комнате чей-то громкий, самоуверенный голос.

Фитч повернулся и увидел среди коллег и знати персону в его собственном бордовом сюртуке. Новехонький сюртук Нализара был безвозвратно утрачен – разъеден кислотой.

– Вы спросите почему? Да потому что мои студенты натасканы лучше всех! – хвалился Нализар. – Мы практиковались в дуэлях почти все лето! Вскоре вы воочию убедитесь, что решительное и жесткое нападение – это лучшая защита.

«Несомненно, решительное и жесткое нападение – лучшая стратегия для дуэли, – мысленно согласился Фитч. – Но на поле боя, когда со всех сторон наступает враг, помимо выпадов, необходимо уметь и обороняться».

Нализар, конечно же, рассуждал иначе. Его интересовала победа, и ничего кроме. Фитч его за это не винил: молодо-зелено! Какой же молодой рифматист не любит быстрых побед?

Ректор, услышав слова Нализара, нахмурился.

– Спесь вперед него родилась, так я думаю, – тихо произнес Йорк. – Фитч, вы меня извините... Надо было отказать ему в должности. Если б я только знал, какую свинью он вам подложит!

– Чепуха, Томас! – отмахнулся Фитч. – Вовсе это не ваша вина! Отнюдь!.. С возрастом Нализар станет мудрее. Однако, надо признать, здорово он тут все перетряхнул!

– Подобные встряски не всегда к лучшему, – сказал Йорк. – Особенно когда ты руководишь академией и тебя полностью устраивает, как идут дела.

Фитч наконец осмелился глотнуть чаю. Глянув под ноги, он заметил, что студенты уже вовсю работают мелками. За мыслями и разговорами с ректором он пропустил начало турнира. Фитч поморщился при мысли, что надо бы отыскать взглядом бедняжку Мелоди. Она многого еще не умела, однако он не хотел пугать девочку и вываливать на нее все знания по рифматике разом. Разумеется, Мелоди была не готова к подобного рода турнирам.

От этой мысли Фитч вновь занервничал.

«Да пропади оно все пропадом! – подумал профессор. – И почему я не могу быть таким же уверенным, как Нализар? Природа одарила этого человека просто исключительной самонадеянностью!»

– Эй, а это кто там?.. – воскликнул профессор Кэмпбелл. – Мне мерещится, или это сын меловых дел мастера?

Фитч, внимательно обзревавший круглую арену под собой, вздрогнул и едва не пролил чай. В самом центре он увидел двух студентов, очертивших себя одной заградительной окружностью. И

хотя правилами это не воспрещалось, ничего подобного Фитчу за годы профессорской деятельности наблюдать не доводилось. Оно и неспроста, ведь брешь в круге означала бы дисквалификацию сразу обоих участников турнира. Риск, одним словом, совершенно неоправданный.

До Фитча стало медленно доходить, кто эти двое. Один из них был одет не как рифматист – ни тебе серого джемпера, ни тебе белых брюк. Вместо этого на парне была грубая, неприглядная одежда, какую обычно носили рабочие академии и их дети.

– Вот те на! – воскликнул Йорк. – А это допустимо?

– Конечно же нет! – возопил профессор Хатч. – Глазам своим не верю!

– Придется поверить, – отозвался профессор Ким. – Иначе он бы сейчас не стоял на арене.

Фитч взгляделся вниз и стал подсчитывать длины дуг между точками привязки на заградительной окружности Джоэла и Мелоди.

– Ну, парень!.. – воскликнул Фитч, улыбаясь. – А ведь у тебя получилось! Отлично получилось! Красота, да и только!

Нализар поравнялся с Фитчем. Надменное выражение вмиг испарилось с его лица. Вместо этого на нем теперь читались испуг и даже невольное восхищение.

«Да!.. – подумал Фитч. – Если дать парню время дозреть, из него точно выйдет толк!»

* * *

Голубой мелок вибрировал в пальцах Джоэла – так яростно он работал по черной каменной поверхности. Он чертил, даже не поднимая взгляда. В том не было нужды. Джоэл и так знал, что его окружает множество соперников. Идею воспользоваться стратегией упреждения Фитча он отменил сразу. Прежде чем перейти в наступление, им с Мелоди понадобится надежная защита.

Джоэл нацарапал рептилоида и приковал его к точке привязки. Он хотел было перейти к следующему меллингу, когда Мелоди вдруг сказала:

– Погоди-ка... И ты называешь это меллингом?!

– Ну да...

– Это вообще что? Ходячая морковка?..

– Это рептилоид! – Джоэл бросился к противоположной стороне круга, чтобы залатать наметившуюся брешь.

– Ладно, не важно, – отозвалась Мелоди. – Слушай, давай меллингами займусь я. Просто помечай крестиком места, где ты хочешь их видеть, а уж за мной дело не станет. Постараюсь изобразить их именно так, как ты и задумал – в соответствии с ситуацией на поле боя.

– Надеюсь, ты не собираешься рисовать единорогов? – спросил Джоэл, отворачиваясь и принимаясь чертить.

– Чем тебе единороги-то не угодили? – возмутилась Мелоди, звучно шкрябая мелком по каменному полу у Джоэла за спиной. – Они благородные и...

– Благородные и девчачьи! Бр-р!.. Жуть! – отозвался Джоэл. – Я должен заботиться о своей репутации!

– Ой, да замолчи! Ты еще поладишь с ними, вот увидишь! Парочка пегасов тут, пара феечек там – уверяю, тебе понравится! А если нет, иди рисуй свой собственный круг и делай с ним все, что тебе вздумается. Буду только благодарна!

Джоэл улыбнулся, чувствуя себя все увереннее. Мелок стал продолжением его пальцев. Все-таки не зря он столько тренировался! Сначала с отцом... Затем самостоятельно у себя в комнате... И наконец с профессором Фитчем. Чертить получалось естественно и просто. Джоэл делал все интуитивно, и линии ложились как надо и приходились к месту.

Покатали первые волны меллингов. Бесчисленное их множество всерьез взволновало Джоэла. Осмотревшись, он обнаружил, что подопечные Нализара, прошедшие краткий курс продвинутой дуэльной подготовки, ухитрились разбить уже нескольких оппонентов. Столь агрессивная манера ведения боя на первых порах турнира дала рифматистам Нализара ощутимое преимущество, однако, если схватка затянется, им придется несладко!

Мелоди и еще четверым студентам не посчастливилось оказаться в самом центре арены – в кольце подопечных Нализара. Их план был прост: сначала изничтожить всех, кто волей жребия попал в

оцепление, а затем разобраться с теми, кто остался по периметру арены.

«Какую судьбу ты им готовишь? – мысленно вопрошал Джоэл. – Какой лжи ты их учишь?»

От досады он скрипнул зубами. Они с Мелоди оказались просто в ужасном положении: соперники обложили их со всех сторон.

На их защиту одна за другой стали накатывать широкие волны роящихся меллингов, однако у Мелоди к этому времени набралось уже с добрый десяток единорогов – и все благодаря замечательным особенностям защиты Истона. Огромный заградительный круг с девятью точками привязки давал возможность располагать по всей длине окружности до девяти малых кругов, которые, в свою очередь, теоретически были способны удерживать до пяти меллингов каждый.

С такой напарницей, как Мелоди, особенности защиты Истона давали им ощутимое преимущество. Правда, ее маленькие единороги постоянно резвились, и Джоэл находил их поведение весьма недостойным «Дуэлянта». Впрочем, эти беспокойные существа пританцовывали, даже когда разрывали на части вражеских троллей, драконов, рыцарей и слизней. У меллингов команды Нализара не было ни единого шанса. Гора их меловых останков с каждой минутой только росла.

– Эй, а это даже весело! – воскликнула Мелоди, пуская в бой еще пару меллингов.

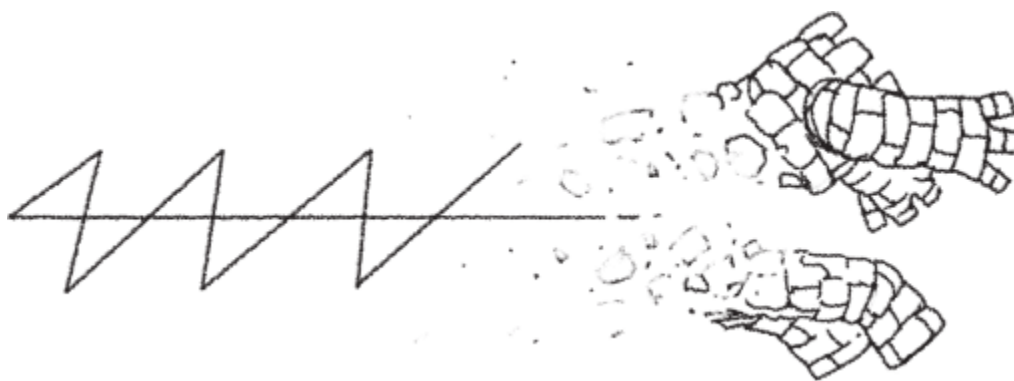
Джоэл заметил, что лоб подруги покрылся испариной. Он и сам уже немало притомился, и колени ныли, однако не согласиться с ней он не мог.

Студенты Нализара смекнули, что меллингами победы не добыть, и вскоре в Джоэла и Мелоди полетели линии силы, по пути отрывая куски от единорогов и пробивая бреши во внешних окружностях защиты Истона. Возмущению Мелоди не было предела. На свое счастье, Джоэл стабилизировал защиту Истона на совесть. И вероятно, даже перестарался, потому что Мелоди без конца натыкалась на линии запрета и чертыхалась. Однако, какой бы крепкой защита ни была, Джоэл понимал, что рано или поздно соперники своего добьются и оборону прорвут. Нужно было что-то срочно предпринять.

– Ну что? Готова устроить шоу?

– Спрашиваешь!

Джоэл начертил новую рифматическую линию – ту самую ломаную линию, что являла собой нечто среднее между линией силы и линией запрета. Рифматисты уже дали ей название – линия отмены, а Джоэл провел не один час, практикуясь в ее начертании. Линия отмены была мощней линии силы, но ненамного. Однако Джоэл уповал отнюдь не на ее мощь. Он скорее хотел сломить моральный дух противника, чем его защиту. Мелоди обвела линию отмены, и та, подняв облачко голубой пыли, стрелой полетела по полу в одного из студентов, чей круг, как подметил Джоэл, был недостаточно стабилизирован. Ожидания его оправдались сполна: линия отмены ударила по заградительной окружности и вытолкнула ее из-под ног незадачливого рифматиста.

По правилам, претендент, оказавшийся за пределами своего круга, выбывал из состязания. Судья себя долго ждать не заставил, и вскоре студента отправили на скамейку выбывших.

– Один готов! – воскликнул Джоэл, продолжая остервенело чертить.

* * *

Между тем профессора и первые люди острова следили за турниром, тихонько обсуждая происходящее. Фитч, стоя аккуратно над заградительной окружностью Джоэла и Мелоди, в беседе не участвовал. Он жадно наблюдал, как его подопечные отражают одну за одной волны десятков меллингов. Наблюдал, как защита Истона удар за ударом поглощает вражеские линии силы. Наблюдал, как Джоэл не частыми, но тщательно выверенными выстрелами проламывает бреши в обороне противника.

Фитч наблюдал, ощущая, как нервозность медленно сменяется гордостью. Там, внизу, его ученики сражались с многократно превосходящими силами противника и как будто бы даже побеждали! Выстрел за выстрелом Джоэл взламывал оборону подопечных Нализара, и те покидали арену.

Мелоди сосредоточенно рисовала, пополняя ряды гибнущих единорогов. Джоэл тем временем чертил очередную линию отмены, а затем терпеливо дожидался удобной возможности, чтобы выстрелить между накатывающими волнами меллингов. Когда такой момент наступал, он подзывал Мелоди, и та послушно обводила его линию,

даже не взглядывая на противника. Девочка целиком и полностью доверялась его тактическому чутью и рифматическому мастерству.

Как правило, идея обороняться вдвоем в одном круге – плохая. Работа с напарником гораздо продуктивнее, когда заградительных окружностей две и расположены они бок о бок. Однако, если один из напарников – нерифматист, привычные правила смысла не имеют.

– Невероятно... – прошептал Йорк.

– И все-таки это против правил! – не унимался профессор Хатч. – Где это видано, чтобы вдвоем да в одном круге?!

Однако большинство не смело и слова молвить. Сейчас правила заботили их мало. Как и Фитч, они наблюдали затаив дыхание: на их глазах разворачивалась не дуэль, а самая настоящая битва. Они прекрасно понимали, что эта парочка сегодня бросила вызов всем рифматистам.

– Это прекрасно, – прошептал Нализар, чем немало удивил Фитча, который ожидал от профессора приступа ярости. – К этим двоим следует присмотреться! Просто потрясающе!

Не в силах поверить свои ушам, Фитч опустил взгляд и сосредоточился на происходящем. Разорвав оцепление, Джоэл и Мелоди расстроили все стратегические планы команды Нализара. Теперь его подопечным приходилось сражаться сразу на два фронта. Пока студенты Нализара медленно, но верно расправлялись с соперниками по периметру, Джоэл и Мелоди вывели из строя почти половину команды и в итоге остались вдвоем против шестерых. И хотя даже при таком раскладе сил их победа казалась невозможной, каждой своей атакой они доказывали обратное.

* * *

Прозвенел колокол, однако Джоэл не придавал этому совершенно никакого значения. Ни на секунду не останавливаясь, он чертил между малыми внешними кругами второй бастион из линий запрета, дабы предупредить дальнейший износ окружностей Истона, и без того изрядно потрепанных вот уже в десятке мест.

– Эй, Джоэл, – окликнула Мелоди.

– А?..

– Посмотри вокруг!

Замерев, Джоэл вскинул голову. Черное поле арены пустовало, если не считать студентки в бордовой блузе, которая пробиралась между линиями запрета к выходу, шаркая по обрывкам черточек и разбитым заградительным окружностям.

– Что случилось? – похлопал глазами Джоэл.

– Мы победили, дурында! – воскликнула Мелоди. – Или ты... на это и рассчитывал?

Джоэл покачал головой.

– Хм... – протянула Мелоди. – А момент ведь самый что ни на есть драматический! И по этому случаю надо бы отколоть что-нибудь этакое!

С этими словами она вскочила на ноги и принялась прыгать, визжа от радости.

– Да, да, да!..

Джоэл улыбнулся и поднял глаза кверху. Стекольные соты потолка были затонированы, однако Джоэлу показалось, что он видит бордовый сюртук Нализара и даже ощущает на себе его пристальный взгляд.

«Я слежу за тобой...» – всем своим видом, казалось, говорил профессор.

В следующий миг зрительный зал загудел, взорвался овациями и пришел в движение. Кто-то улюлюкал, а кто-то уже мчался на арену чествовать победителей.

«И я за вами слежу, профессор Нализар, – не отводя взора, подумал Джоэл. – Вот уже во второй раз я вас остановил... Остановлю и в третий!»

Остановлю столько раз, сколько понадобится!

Продолжение следует...

Благодарности

Над этой книгой я работал долго.

Впервые я начал писать ее весной 2007 года, за полгода до того, как меня попросили завершить «Колесо времени». Мой тогдашний проект эпического фэнтези под названием «Лжец из Партинеля» мне не удавался. С ним было слишком много проблем, и вместо того, чтобы попытаться его вымучить, я нашел путь к веселому роману в стиле «гирпанк» об альтернативном мире, который назвал «Щелкопер». Это был один из тех проектов, на которые я обычно отвлекаюсь, когда должен заниматься чем-то другим, – неожиданная книга. Мой агент лишь покачал головой в недоумении.

Книга получилась очень хорошей, но, как и большинство моих историй, написанных на скорую руку, имела несколько серьезных недостатков, которые мне нужно было исправить в процессе пересмотра. К сожалению, одновременно работая над «Колесом времени», я не нашел возможности переписать этот роман. Кроме того, я не думал, что смогу его выпустить, поскольку в нем было смутное обещание этому миру чего-то нового, и я знал, что не смогу выполнять его многие годы подряд.

Что ж, «Колесо времени» наконец-то закончено, и я готов вернуться к «Щелкоперу», который мы переименовали в «Рифматиста». Я помню, какой забавной была эта книга. Я также помню очень многих людей, которые ее все эти годы читали. Прошло уже почти шесть лет с тех пор, как я написал первый черновик. (Куда уходит время?) Учитывая, что книга готовилась так долго, я боюсь пропустить кого-то. Если так случится, мне очень жаль! Обязательно дайте мне знать, чтобы я все исправил.

В мою изначальную группу помощников входили Айзек Стюарт, Ден Уэллс, Сандра Тейлер, Янси Паттерсон, Эрик Джеймс Стоун и Карла Беннион. Они прочитали книгу в ее очень ранней форме и оказали огромную помощь в подготовке. Я также хочу отметить старинную американскую книгу «Рассказ о похищении и освобождении госпожи Мэри Роулэндсон». Изложенная в ней история появляется в моем романе, правда в измененном виде.

Среди других альфа- и бета-ридеров – Крис «Мияби» Кинг, Джош и Мишель Уокер, Бен и Бен Олсен, Каляни Полури, Остин Хасси, Джиллена О’Брайен, Кристина Куглер, К. Ли Плейер, Брайан Хилл, Адам Хасси и Бен Максуйни, который был ценным первым читателем, а также художником. В процессе работы мы думали сделать графический роман; если вам удастся поймать Бена, попросите его показать несколько пробных страниц. Они потрясающие!

Стейси Уитман также очень помогла в подготовке этой книги. (В свое время, редактируя роман, она сразу захотела его купить. Спасибо, Стейси, за помощь!) Корректором была Динна Хоак, и она заслуживает вашей (и моей) благодарности за то, что помогла сократить количество опечаток в книге. Хотя я считаю, что полностью избавить мою прозу от опечаток не под силу никому из смертных.

Со Сьюзан Чанг, редактором книги, и Кэтлин Доэрти из «Tor» было очень приятно работать! Они обе верили в эту книгу на протяжении многих лет. Я рад, что мы наконец-то смогли ее выпустить. Как всегда, я хотел бы поблагодарить Моше Федера за поддержку, Джошуа Билмса – за агентское чутье, а Эдди Шнайдера – за субагентское чутье.

Особенно я благодарю Карен Альстром и периодически появляющегося Питера Альстрома: долгие годы они верили в эту книгу и убеждали меня уделить ей время и любовь, которых она заслуживает.

Наконец, как всегда, хочу поблагодарить мою любящую жену Эмили и остальных членов моей семьи. Они не просто терпят меня – они вдохновляют меня на успех. Спасибо!

Брендон Сандерсон